Малицкий Н.
История Владимирской духовной семинарии.
Вып. I-й
1900 г.

73.

ИСТОРІЯ

ВЛАДИМІРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Составилъ

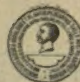
Н. Малицкій.

Выпускъ первый.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

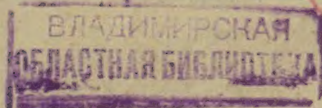

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1900

2454

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, Декабря 13 дня, 1899 года.

Цензоръ священникъ *Александръ Гиляревскій.*

1750—1814 г.

Отъ автора.

Первый выпускъ Исторіи Владимірской семинаріи составленъ мною главнымъ образомъ на основаніи документовъ, такъ называемаго, стараго консисторскаго архива. Архивъ этотъ пока только приводится въ упорядоченное состояніе, что въ значительной степени осложнило и затруднило мою работу, такъ какъ приходилось не только разсматривать и изучать документы, но и отыскивать ихъ наудачу среди груды неразобранныхъ еще бумагъ. Цѣльныхъ дѣлъ, относящихся къ исторіи Владимірской семинаріи прошлаго столѣтія, я нашелъ здѣсь, впрочемъ, немного—не болѣе 100 (хотя нѣкоторыя изъ нихъ и представляютъ увѣсистые томы по нѣскольку сотенъ листовъ). Дѣла эти относятся преимущественно къ первому десятилѣтію существованія Владимірской семинаріи. Начиная же съ 1760 г. по 1800 г., такихъ дѣлъ сохранилось очень мало. Для возстановленія исторіи этого періода пришлось обратиться къ журналамъ консисторіи и разнаго рода входящимъ и исходящимъ книгамъ. Консисторскіе журналы временъ преосв. Антонія и Виктора писались съ такими подробностями, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ съ удобствомъ замѣнить цѣльныя дѣла. Журналы временъ преосв. Павла и Іеронима, равно какъ входящія и исходящія книги менѣе цѣнны въ смыслѣ источниковъ; матеріалы, заключающіеся въ нихъ не такъ богаты въ бытовомъ отношеніи. Но и эти источники оказали мнѣ услугу, предоставивъ въ мое распоряженіе много данныхъ хронологическаго и статистическаго свойства. Такое же значеніе имѣли для меня старыя описи консисторскаго архива, въ которыя вошли заглавія многихъ дѣлъ, къ настоящему времени въ архивѣ не сохранившихся.

Слѣдующее мѣсто по количеству матеріала, доставляемаго для исторіи Владимірской семинаріи въ періодъ до 1814 г., занимаетъ архивъ семинарскій. Для прошлаго столѣтія онъ даетъ сравнительно мало. Но начиная съ 1800 г., въ семинарскомъ архивѣ хранятся десятки тысячъ семинарскихъ дѣлъ, распредѣленныхъ по годамъ. На основаніи этихъ дѣлъ представляется полная возможность прослѣдить послѣдовательно, шагъ за шагомъ, исторію Владимірской семинаріи какъ начала нынѣшняго столѣтія, такъ и всего послѣдующаго времени.

Въ архивѣ Св. Синода я воспользовался нѣкоторыми документами, относящимися главнымъ образомъ ко времени преосв. Антонія (1757—62). А Владимірскій губернскій архивъ оказалъ мнѣ содѣйствіе при установленіи нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ, касающихся исторіи Владимірской семинаріи.

Помимо всего указаннаго рукописнаго матеріала, при составленіи перваго выпуска у меня были подъ руками нѣкоторые рукописные литературные сборники произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера питомцевъ Владимірской семинаріи начала нынѣшняго столѣтія, любезно предоставленные въ мое распоряженіе извѣстнымъ Владимірскимъ біо-библіографомъ А. В. Смирновымъ. Лучшія и болѣе характерныя изъ этихъ произведеній помѣщены мною въ приложеніяхъ какъ перваго, такъ и второго выпусковъ.

Изъ источниковъ обработанныхъ печатныхъ главнѣйшее значеніе для меня при составленіи перваго выпуска имѣла „Исторія Владимірской Духовной Семинаріи. (Съ 1750 года по 1840 годъ)“. 1875 г. К. Ѳ. Надеждина. Въ собственномъ смыслѣ это не исторія, а скорѣе бытовые очерки изъ исторіи Владимірской семинаріи. Авторъ ея имѣлъ въ виду по преимуществу возсоздать предъ читателемъ въ яркихъ краскахъ духъ и характеръ дореформенной школьной эпохи и выполнилъ эту задачу довольно успѣшно. Исторія его представляетъ рядъ бытовыхъ картинокъ школьной жизни, написанныхъ мастерски, увлекательно и въ общемъ согласно съ исторіей. Но только

въ общемъ. При установленіи частныхъ фактовъ, въ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ и явленій К. Ѳ. Надеждинъ не всегда вѣренъ исторической правдѣ. Объясняется это какъ преобладаніемъ въ его исторіи художественно-бытовой стороны, имѣя въ виду которую, К. Ѳ. Надеждинъ позволялъ себѣ по временамъ уклоняться отъ точныхъ показаній памятниковъ, такъ и сравнительною неполнотою матеріала, который былъ въ его рукахъ. Соотвѣтственно главной своей задачѣ, К. Ѳ. Надеждинъ обстоятельно просмотрѣлъ цѣльные, богатые бытовыми подробностями матеріалы и оставилъ безъ вниманія тотъ сухой, раскиданный по разнымъ дѣламъ статистическій матеріалъ, безъ котораго точная исторія однако немыслима. По этой причинѣ мнѣ пришлось во многомъ разойтись съ его трудомъ. Обстоятельная цитація моей работы служитъ лучшимъ оправдательнымъ средствомъ моихъ положеній, такъ что я считалъ излишнимъ полемизировать съ К. Ѳ. Надеждинымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не согласовался съ нимъ въ воззрѣніяхъ. Все же К. Ѳ. Надеждину я обязанъ многимъ. Починъ во всякомъ дѣлѣ труденъ, а онъ былъ первымъ работникомъ въ этой области. Ему пришлось прокладывать дорогу, а я шелъ уже по тропинкѣ нѣсколько знакомой. По мѣстамъ книжка К. Ѳ. Надеждина являлась для меня не только руководствомъ, но и первоисточникомъ. Это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ приводитъ устныя преданія, сохранившіяся о давнопрошедшихъ событіяхъ, и когда онъ пользуется тѣми дѣлами консисторскаго архива, которыя утрачены къ настоящему моменту.

При составленіи предлагаемой суду читателей исторіи, я имѣлъ въ виду исключительно написать исторію семинаріи Владимірской, вслѣдствіе чего избѣгалъ по возможности всякихъ уклоненій по частнымъ вопросамъ, касающимся исторіи духовнаго просвѣщенія въ разные періоды существованія духовныхъ школъ, и останавливался на этихъ вопросахъ только въ тѣхъ случаяхъ и настолько, насколько находилъ это неизбѣжнымъ. Интересующимся болѣе подробно этимъ предметомъ могу указать на „Ду-

ховныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.“ проф. Знаменскаго и „Исторію СПБургской православной духовной семинаріи съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства“ А. Надеждина.

Планъ, избранный мною для перваго выпуска, находитъ для себя оправданіе въ томъ, что Владимірская семинарія до 1814 г. находилась въ безусловной зависимости отъ епархіальныхъ архіереевъ и такое или иное отношеніе послѣднихъ къ ней имѣло рѣшающее значеніе для ея благосостоянія. Съ реформой 1814 года произошла перемѣна въ отношеніяхъ Владимірскихъ архипастырей къ семинаріи, вслѣдствіе чего планъ перваго выпуска не могъ быть примѣненъ въ выпускѣ второмъ. Сообщенія архивныхъ документовъ я старался передавать по возможности ближе къ подлиннику, чѣмъ объясняются нѣкоторыя своеобразныя особенности моего слога и языка.

Я далекъ отъ мысли,чтобы написанная мною исторія была трудомъ вполнѣ безупречнымъ и совершеннымъ; но мнѣ кажется, что тотъ короткій срокъ, которымъ я располагалъ для ея составленія, въ достаточной степени извинитъ допущенныя мною погрѣшности и недочеты. Я сдѣлалъ все, что было съ моей стороны возможно.

Въ заключеніе не могу не выразить своей глубочайшей признательности и благодарности Высокопреосвященнѣйшему Сергію, Архіепископу Владимірскому и Суздальскому, благодаря просвѣщенному содѣйствію котораго, Владимірская семинарія ко времени своего 150-лѣтняго юбилея получила возможность не ограничиться одной только краткой исторической запиской, а издать подробную исторію въ такомъ объемѣ и видѣ, въ какомъ она предлагается вниманію читателей.

Корпусъ казеннаго общежитія Владимірской дух. семинаріи.

Владимірская семинарія при епископѣ Платонѣ (Петрункевичѣ).

(1750—57).

ГЛАВА I.

Исторія учрежденія Владимірской семинаріи.

По Высочайшему указу отъ 16 іюля 1744 года велѣно было „изъ бывшей синодальной области въ знатныхъ городахъ учредить четыре епархіи и въ нихъ епископовъ", въ томъ числѣ въ Володимірѣ [1]). 20 марта 1748 года епископомъ нововозстановленной, но древней Владимірской епархіи поставленъ былъ архимандритъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря, а вмѣстѣ и членъ Св. Синода Платонъ Петрункевичъ. Оставаясь по прежнему членомъ Синода, преосвященный Платонъ проживалъ во Владимірѣ мало, но каждое прибытіе его сюда сопровождалось для епархіи крупными послѣдствіями. Особенно памятнымъ въ этомъ отношеніи былъ 1749 годъ.

Уволенный въ епархію въ половинѣ марта этого года, преосвященный Платонъ тотчасъ по прибытіи произвелъ ревизію важнѣйшихъ монастырей, находившихся во Владимірѣ и окрестностяхъ его. Ревизія обнаружила многіе „непорядки". Опредѣленіемъ отъ 18 мая еп. Платонъ отрѣшилъ отъ должности шесть настоятелей и смѣнилъ членовъ консисторіи. На мѣсто отрѣшенныхъ назначены были новые, и въ числѣ ихъ настоятелемъ монастырей Козмина и Николаевскаго Волосова и присутствующимъ въ консисторіи сдѣланъ былъ „взятый нарочно изъ Москвы" архимандритъ Павелъ (Томиловскій), которому пришлось впослѣдствіи играть такую печальную роль въ исторіи Владимірской семинаріи [2]). Продолжая дальнѣйшій осмотръ святынь Владиміра и его окрестностей, преосв. Платонъ въ августѣ мѣсяцѣ усмотрѣлъ, что при Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ „безъ всякаго порядка живутъ четыре монахини, которыя не имѣютъ надъ собой никакой монастырской регулы, кромѣ пространнѣйшаго повсюду входа, и никакихъ доходовъ кромѣ доброхотподателей, и потому

---

[1]) Архивъ Св. Синода. 1753 г. № 76.

[2]) Архивъ Влад. консисторіи. 1749 г. № 208. „По копіи съ указа, по коей уволенъ преосв. Платонъ епископъ въ епархію на годичное время".

безправильно скитаются". По справкѣ оказалось, что при Богородицкой церкви не было священника въ теченіе 10 лѣтъ, а между тѣмъ „къ Богородицкому монастырю, въ противность монашеской жизни, страннымъ нѣкимъ образомъ числятся приходскіе дворы на едино токмо чудное разореніе". Внѣшній видъ монастыря представлялъ тоже картину разрушенія и убожества. Церковь Успенія и теплая во имя Богоявленія отъ времени обветшали и (какъ увидимъ впослѣдствіи) требовали серьезнаго ремонта. Кельи были ветхи, маловмѣстительны и не всѣ годны для жилья [1]). Видя „таковое крайнее нестроеніе", епископъ Платонъ велѣлъ четырехъ монахинь, проживавшихъ въ Богородицкомъ монастырѣ, перевести въ большой Успенскій дѣвичій монастырь, приходскіе дворы приписать къ Георгіевской церкви, какъ самой малоприходной, „а оный Богородицкій монастырь отнынѣ отстроить для бытія въ немъ съ елико возможнымъ надлежащаго къ тому порядка учрежденіемъ семинаріи".

Мысль объ учрежденіи семинаріи возникла у преосв. Платона не вдругъ и не внезапно. Самымъ фактомъ открытія Влади-

[1]) Въ описи Богородицкой церкви, составленной въ 1747 и 49 гг., вслѣдъ за описаніемъ Успенской и теплой Богоявленской церкви читаемъ слѣдующее. „При настоящей церкви въ близости отъ западной стороны полата каменная со сводомъ,—полу нѣтъ и кровля ветха. При той же настоящей церкви близъ сѣвернаго шатра—буточка каменная ветха. По правую сторону настоящей церкви четыре кельи каменныя объ одномъ аппартаментѣ,—въ длину 16 саженъ, поперегъ 3 сажени—ветхи. При тѣхъ же кельяхъ небольшая келья деревянная новая, крыта драньемъ; за нею небольшая келейка бревенчатая ветхая. Отъ святыхъ вратъ по правую страну древяныхъ келей: келья новая съ присѣньемъ, келья съ присѣньемъ такая же, келья съ сѣньми, въ нихъ клѣть бревенчатая, крыто все дранью. По лѣвую страну св. вратъ деревянныя кельи небольшія съ сѣнцами двѣ. За теплою церковью двѣ келейки съ присѣнцы, ветхія. Святыя ворота каменныя съ калиткою, на верхъ оныхъ два шатра каменныя жъ, на нихъ главы обиты черепицею муравленою зеленою, кресты—деревянные опаены бѣлымъ желѣзомъ. Оныя врата и калитка покрыты тесомъ... Надъ вратами образъ Успенія Пресв. Богородицы, по сторонамъ образы Изосима и Савватія да два херувима писаны краски; внутрь монастыря надъ оными же вратами образъ Страстотерпца Георгія.—Противъ настоящей церкви другія врата каменныя же съ калиткою ветхи; оныя врата не покрыты и въ нихъ затворовъ не имѣется. Посреди монастыря близъ теплой церкви кладезь, надъ нимъ колесо съ веревкою безъ ведра. При томъ же монастырѣ на церковной землѣ имѣется дворъ съ хороминымъ строеніемъ умершаго попа Іакова Петрова да при томъ же дворѣ хороминое строеніе умершаго дьячка Григорія Иванова. Подлѣ попова двора садъ небольшой да близъ того чрезъ монастырь идучи другой садъ же съ вишеннымъ и яблоннымъ деревьемъ, да противъ церкви близъ алтаря огородъ съ капустою" (Ежегодникъ Влад. Статистич. Комитета. 1864 г. Перепечатано въ „Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходовъ Владимірской епархіи" Добронравова и Березина. Т. I, стр. 98, пр. 1). Вотъ единственно сохранившіяся данныя касательно тѣхъ зданій и того мѣста, на которомъ суждено было основаться семинаріи!

мірской епархіи былъ уже предрѣшенъ вопросъ объ учрежденіи во Владимірѣ семинаріи. Этого требовалъ Духовный Регламентъ [1]), это вмѣнялось епархіальнымъ архіереямъ въ обязанность въ силу именныхъ Высочайшихъ указовъ [2]). Заслуга еп. Платона заключается въ томъ, что онъ, какъ человѣкъ просвѣщенный [3]) и энергичный [4]), рѣшилъ и сумѣлъ осуществить эту идею въ самое короткое время. Очень можетъ быть, что съ мыслью объ открытіи семинаріи преосв. Платонъ приступилъ къ ревизіи и осмотру Владимірскихъ монастырей, и дезорганизованное состояніе Богородицкаго монастыря дало ему лишь поводъ и возможность привести свою мысль въ исполненіе.

Какъ бы то ни было, задумавъ основать въ Богородицкомъ монастырѣ семинарію, еп. Платонъ немедленно приказалъ ремонтировать обветшавшія зданія, возобновить разрушенную ограду и построить „елико возможно древяныхъ покоевъ для жительства учителямъ и для ученія учениковъ“. „А чтобы остановки быть не могло, велѣлъ, покамѣстъ оную семинарію отстроить на счетъ домоваго своего приказа съ возвратомъ по расчету всего издержаннаго отъ казеннаго приказу“.—Но одниxъ покоевъ для семинаріи было, конечно, мало. Требовалось снабдить проектируемый питомникъ хотя небольшою полоскою земли. По писцовой книгѣ Богородицкаго монастыря, составленной неизвѣстно кѣмъ въ 1625 (7133) году, за Богородицкимъ монастыремъ значилось длиннику 77 саж. и поперечнику 80 саж. Но значительною частью этой земли уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ владѣли богатые посадскіе купцы Зюзинъ и Мартыновъ, огороды и сады которыхъ раскинулись по самой горѣ Богородицкаго монастыря. Купцы имѣли на владѣніе этою землею даже купчую крѣпость. Пришлось снестись по вопросу о возвращеніи монастырю церковной земли съ

---

[1]) Дух. Регламентъ. Дѣла епископовъ, пп 9. 10.

[2]) См. указы Анны Іоанновны 1737 и 1738 г. П. С. З. Т. VIII. № 7364. Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. 1881. стр. 150—52.

[3]) Епископъ Платонъ образованіе получилъ въ Кіевской дух. академіи. По окончаніи курса наукъ отправился въ Великороссію, гдѣ Веніаминъ, епископъ Коломенскій. постригъ его въ монашество, произвелъ въ іеродіакона и, какъ человѣку образованному, поручалъ разныя дѣла по духовному вѣдомству. Изъ Коломны Платонъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, посвященъ въ іеромонаха и опредѣленъ законоучителемъ Кадетскаго корпуса. Изъ Петербурга, съ дозволенія начальства, онъ уѣзжалъ съ свѣтлѣйшимъ княземъ Гессенъ-Гамбургскимъ заграницу и чрезъ это имѣлъ случай изучить нѣмецкій языкъ. Въ 1740 году Платонъ произведенъ былъ въ архимандрита Сѣвскаго Преображенскаго монастыря, а въ 1742 г. переведенъ во Владимірскій Рождественскій монастырь. (Іоасафъ. Церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопримѣчательностей. 1857. стр. 17—18).

[4]) О силѣ его характера и энергіи краснорѣчиво говорятъ сохранившіяся дѣла консисторскаго архива 1749—57 года.

Владимірскимъ провинціальнымъ магистратомъ. Началась обычная переписка между домовой консисторіей преосв. Платона и магистратомъ. Переписка эта представляетъ особенный интересъ для характеристики того времени, вслѣдствіе чего можетъ быть приведена подробнѣе, тѣмъ болѣе, что и результаты ея тѣсно связаны съ событіями, послѣдовавшими вскорѣ по открытіи семинаріи.

Въ промеморіи, посланной во Владимірскій провинціальный магистратъ, консисторія предлагала очистить землю Богородицкаго монастыря, „понеже на оной монастырской землѣ мужескій монастырь имѣетъ быть отстроенъ и въ немъ для народной душеспасительной пользы семинарія заведена быть имѣетъ". Магистратъ отклонилъ требованіе консисторіи, ссылаясь на то, что посадскіе люди Мартыновъ и Зюзинъ имѣютъ купчія крѣпости на владѣніе землею, составленныя совершенно законнымъ образомъ, а писцовая книга Богородицкой церкви неизвѣстно кѣмъ составлена и никѣмъ не скрѣплена, при чемъ въ ней даже не показано, сплошь или по разнымъ мѣстамъ за сей церковью имѣется означенное число саженъ, „безъ котораго подлиннаго о томъ извѣстія онъ, провинціальный магистратъ, требуемаго учинить никакъ не можетъ". Изъ этого отвѣта консисторія поняла, да вѣроятно и раньше знала, что юридическихъ основаній выиграть процессъ у нея нѣтъ никакихъ, вслѣдствіе чего въ послѣдующей промеморіи постаралась перевести дѣло на нравственную почву и стала трактовать о богоугодности дѣла, для котораго требуется неправильно занятая посадскими людьми церковная земля. „А понеже, писала консисторія, показанное отъ магистрата въ промеморіи объясненіе оказалось только къ единому напрасному продолженію времени, а потому вѣдаетъ магистратъ, что монастырская земля не партикулярная какая житейская, но церковная и не простой церкви, а монастырской, которая очищена быть имѣетъ для душеспасительной всѣхъ пользы—устроенія семинаріи; то провинціальному магистрату долженствовало бы къ прославленію имени Божія, къ благополучному заведенію семинаріи вспоможеніе учинить". Не довольствуясь этимъ, консисторія въ концѣ промеморіи присоединила угрозу, для магистрата, впрочемъ, не страшную. „А консисторіи было неизвѣстно, что монастырскою землею владѣли и нынѣ владѣютъ посадскіе люди, а посему ежели, паче чаянія, оный магистратъ учинитъ остановку къ очищенію земли, то по необходимости жительствующіе на той землѣ отъ духовной консисторіи сосланы будутъ безвременно, и въ томъ оная консисторія обязана не будетъ, а долженъ о томъ отвѣтъ дать магистратъ". На это магистратъ резонно отписалъ, что консисторія не имѣетъ

права самовольно сослать съ Богородицкой земли посадскихъ людей и что, если только она это сдѣлаетъ, то на нее будетъ подана жалоба въ высшую команду. Такой отвѣтъ магистрата показался консисторіи „весьма продерзостнымъ", и въ новой промеморіи она дала всему дѣлу такую подкладку и сообщила такое освѣщеніе, при которомъ магистратъ волей-неволей долженъ былъ уступить. На основаніи факта незаконнаго завладѣнія посадскими купцами Богородицкою землею консисторія выводитъ ихъ религіозную и политическую неблагонадежность: разъ они не по праву завладѣли церковною землею, то, слѣдовательно, придерживаются какого нибудь раскола и во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ числу людей опасныхъ какъ для государства, такъ и для св. Церкви. Обосновывая это положеніе, консисторія указывала, что въ приходѣ посадскихъ людей, не смотря на ихъ зажиточность и первостатейность, въ теченіе десяти лѣтъ не имѣлось священника и что эти первостатейные люди „не точію окрестъ монастыря, но и въ самомъ монастырѣ построили самовольно кельи и напустили жить въ оныя своихъ вдовъ и дѣвокъ, подъ образомъ якобы нищихъ, и населя тѣми бѣлицами оный монастырь, въ противность правиламъ св. Церкви, попустили въ томъ монастырѣ имѣть жительство и мужескаго полу: купецъ Зюзинъ съ отцомъ, сыновьями и братьями живутъ рядомъ съ кельями; но такого закона, чтобы мужескаго полу людямъ съ монастырками, яко лицами Богу посвящеными, общее жительство имѣть въ православной Церкви, кромѣ самыхъ отступниковъ и раскольниковъ, обыкновенія не было". Установивъ неблагонадежность посадскихъ людей, консисторія въ заключеніи промеморіи набрасываетъ нѣкоторую тѣнь и на провинціальный магистратъ, „защищающій таковыхъ позорныхъ и къ расколу склонныхъ людей". Послѣ такой промеморіи дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Провинціальный магистратъ отвѣтилъ консисторіи, что, уважая память Петра Великаго, купцы согласны уступить землю для построенія семинаріи и снести немедля дворовое и хоромное строеніе, „и сіе духовная домовая его преосвященства консисторія да благоволитъ вѣдать" [1]).

---

[1]) Арх. консисторіи 1749 г. № 258. „Дѣло объ учиненіи описи Влад. Богородицкаго дѣвичьяго монастыря". Къ сожалѣнію, этого любопытнаго документа въ дѣлахъ консисторскаго архива въ настоящее время не имѣется; но онъ несомнѣнно былъ въ рукахъ К. Ѳ. Надеждина, цитовавшаго изъ него буквальныя выдержки (Исторія Владимірской Дух. Семинаріи. 1875. стр. 13—16), которыми мы и воспользовались выше. Дѣлъ Владимірскаго провинціальнаго магистрата, среди которыхъ, вѣроятно, можно было бы найти и промеморіи консисторіи о Богородицкой землѣ, нѣтъ ни во Владимірскомъ губернскомъ архивѣ, ни въ Москвѣ въ архивѣ Министерства Юстиціи.

Пока тянулось дѣло объ очисткѣ мѣста къ устроенію семинаріи и готовились къ перестройкѣ зданій, предназначенныхъ для жительства будущихъ учителей и учениковъ, преосв. Платонъ 17 августа издалъ распоряженіе „всей епархіи во всѣ духовныя правленія послать указы, а именно въ Ярополчь, Вязники, Балахну и Арзамасъ, велѣть вѣдомствамъ тѣхъ правленій протопоповскихъ, священническихъ, діаконскихъ, причетниковскихъ и просвирническихъ дѣтей отъ 10 до 17 лѣтъ всѣхъ безъ изъятія выслать во Владиміръ въ будущемъ январѣ 1750 г.". Чтобы устранить безпорядки и опущенія въ церковнослуженіи, которыя могли возникнуть въ виду естественнаго желанія отцовъ доставить лично своихъ дѣтей въ новоустрояемую семинарію, Платонъ приказалъ: „Дабы при отвозѣ священно-церковнослужителями своихъ дѣтей церкви не были праздно оставлены, того ради, гдѣ находится по одному священнику, чтобы изъ нихъ каждый, кому откуда по близости свободнѣе, тѣхъ своихъ дѣтей ко обрѣтающимся при церквахъ двумъ, тремъ и болѣе священникамъ съ однимъ священникомъ или діакономъ къ той высылкѣ посылали; и сами, кто гдѣ при церкви находится священникъ одинъ, отнюдь отъ церквей были неотлучны и безъ священнослуженія церквей и приходовъ не оставляли подъ опасеніемъ за то неизбѣжнаго осужденія. И дабы въ томъ церковнослужители извиняться не могли, того ради оные присланные указы отъ всѣхъ духовныхъ правленій благопристойнымъ образомъ, чрезъ благочинныхъ и десятниковъ, всѣмъ священно-церковнослужителямъ объявить съ подписками". Въ виду того, что осенью владыка самъ намѣревался отправиться для обозрѣнія своей епархіи и быть въ городахъ: Лухѣ, Кинешмѣ, Юрьевцѣ-Поволжскомъ, Починкахъ и Красной Слободѣ [1]), то изъ этихъ городовъ повелѣвалось „собрать вышеозначенныхъ чиновъ дѣтей къ прибытію его преосвященства въ Лухѣ, Кинешмѣ и Юрьевцѣ-Поволжскомъ сего 1749 года ноября въ первыхъ числахъ, а въ Красной Слободѣ и Починкахъ того же ноября въ послѣднихъ числахъ неотмѣнно". Одновременно съ этимъ приказано было духовнымъ правленіямъ въ одну недѣлю составить и прислать въ консисторію списки дѣтей священно-церковнослужителей, безъ прибавленія, уменьшенія лѣтъ; за неисправную и нескорую доставку правителямъ и подьячимъ предстояло „неослабное на тѣлѣ истязаніе". Духовныя правленія подъ страхомъ угрозъ не замедлили выслать требуемыя вѣдомости подъ назва-

---

[1]) Владимірская епархія въ 1744 году возстановлена была не въ томъ видѣ, въ какомъ она является теперь. „Къ этой Владимірской епархіи, говорится въ указѣ объ открытіи ея, приписать городы: Ярополчь, Вязники, Гороховецъ, Лугъ, Кинешму, Арзамасъ, Юрьевецъ-Повольскій, Балахну". Арх. Спн. 1753. № 76.

Семинарская Богородицкая церковь.

ніемъ: „реестръ школьниковъ, сколько въ каждомъ уѣздѣ находится священно-церковнослужительскихъ дѣтей, которыхъ надлежитъ отправить въ семинарію". Кандидатовъ на поступленіе въ новоустрояемую щколу оказалось слишкомъ много. Именно, въ вѣдомости Ярополчьскаго правленія поименовано 112 учениковъ, Кинешемскаго 40, Юрьевца-Поволжскаго 113, Гороховскаго 36, Балахновскаго 41, Луховскаго 55, Арзамасскаго 204. Залѣсныхъ Становъ 184, Краснослободскаго 67; итого 852 человѣка, при чемъ сюда не включенъ нынѣшній Владимірскій уѣздъ. Духовныя правленія выполнили возложенную на нихъ задачу очевидно добросовѣстно, имѣя, вѣроятно, въ виду предстоящую ревизію епархіи. Отъ всѣхъ священно-церковнослужителей отобраны были росписки слѣдующаго содержанія. „Мы даемъ въ обрѣтающуюся при его преосвященствѣ контору подписку въ томъ, что выборные дѣти къ слѣдующему 1750 году января мѣсяца имѣютъ быть представлены во Владиміръ для обученія неотмѣнно. А ежели зачѣмъ явиться къ таковому числу не можемъ, то подвергаемъ себя тому истязанію, какое отъ его преосвященства назначено будетъ" [1]).

Въ ноябрѣ (къ концу) ревизія епархіи была закончена. Закончились, вѣроятно, и работы по перестройкѣ семинарскихъ зданій, на что истрачено было изъ казеннаго домоваго приказа его преосвященства 2507 руб. 39¼ коп. [2]). Мѣсто для помѣщенія будущихъ учителей и учениковъ было приготовлено. Это обстоятельство и дало, кажется, поводъ впослѣдствіи относить учрежденіе Владимірской семинаріи именно къ ноябрю мѣсяцу. Архіепископъ Антоній, преемникъ по каѳедрѣ Платона, въ донесеніи Св. Синоду отъ 14 апрѣля 1760 года писалъ: „прошлаго 1749 года ноября   дня по опредѣленію антецессора моего покойнаго преосвященнаго Платона епископа учреждена во Владимірѣ вновь семинарія" [3]). Въ доношеніи Антонія дѣло шло о суммѣ, издержанной на перестройку Богородицкихъ зданій, и вполнѣ возможно, что это единственное мѣсто изъ архивныхъ документовъ, стоящее, повидимому, въ противорѣчіи съ данными, сообщаемыми объ открытіи Владимірской семинаріи въ другихъ источ-

[1]) Приведенныя сообщенія о предварительныхъ распоряженіяхъ Платона по открытію Владимірской семинаріи, какъ и переписка объ отобраніи Богородицкой земли, въ подлинникѣ не сохранились. Приводимъ ихъ по исторіи Надеждина, впрочемъ, на этотъ разъ безъ ручательства за ихъ точность и полноту, такъ какъ Надеждинъ сообщаетъ эти свѣдѣнія безъ ссылки на дѣло, откуда заимствованы цитируемыя мѣста, и возможно, что беретъ ихъ со вторыхъ рукъ. (См. Ист. Надеждина стр. 16—19).

[2]) Арх. Св. Син. 1757 г. № 142, л. 413. „По доношенію Московской Синодальной конторы о смерти преосвященнаго Платона, епископа Владимірскаго, и о бытіи въ той епархіи выѣхавшему изъ Грузіи архіепископу Антонію".

[3]) Тамъ же.

никахъ, должно быть понимаемо въ смыслѣ только что указанномъ нами.

Наконецъ наступилъ и назначенный срокъ—январь мѣсяцъ 1750 г. Однако отцы зарегистрованныхъ дѣтей, не смотря на то, что дали подписки, не особенно спѣшили во Владимiръ. Обученiе дѣтей въ семинарiи „въ надежду священства" было дѣломъ новымъ и совершенно не мирилось съ вѣковыми традицiями, вошедшими въ плоть и кровь духовенства. Неудивительно поэтому, что далеко не всѣ 852 человѣка были доставлены къ испытанiю. Съ другой стороны, и явившiеся не могли быть приняты всѣ. Для поступленiя въ новозаводимую семинарiю все же требовался, хотя, конечно, первоначальный, образовательный цензъ. Этому цензу удовлетворила только извѣстная часть, остальнымъ было отказано вслѣдствiе дѣйствительной неграмотности или можетъ быть даже притворной. Точная цифра учениковъ, поступившихъ въ новооткрытую Владимiрскую семинарiю, неизвѣстна. Изъ одной резолюцiи преосв. Платона узнаемъ, что ихъ было „до ста человѣкъ" [1]). Въ сохранившемся до нашего времени спискѣ 1756 г., куда, впрочемъ, занесены были не всѣ, поименовано 80 учениковъ. Разборъ учениковъ и опредѣленiе годныхъ въ семинарiю поручены были еп. Платономъ учителю Гедеону и протопопу Дмитрiевскаго собора Петру [2]). Наборъ производился соотвѣтственно прибытiю дѣтей во Владимiръ и вслѣдствiе этого затянулся. Изъ ставленническихъ дѣлъ, хранящихся въ консисторскомъ архивѣ, видно, что нѣкоторые изъ учениковъ, обучавшихся 1756 года въ школахъ риторики, синтаксимы и грамматики, т.-е. старѣйшие по классамъ и, слѣдов., по времени поступленiя въ школу, опредѣлены были въ семинарiю въ февралѣ 1750 г. и даже въ мартѣ [3]). 27 января 1750 г. заручнымъ опредѣленiемъ преосв. Платона велѣно было при новозаводимой семинарiи учре-

---

[1]) „Какъ въ доношенiи консисторiи 31 Генваря сего года (1753) показано, что семинарiи нашей учитель iеромонахъ Палладiй во означенную комиссiю не всегда ѣздитъ, да не ровно по понужденiямъ ѣздя должность семинарскаго ученiя *до ста* набранныхъ учениковъ уроки въ крайнюю позодность тѣмъ привести воспослѣдуетъ, того семинарскаго учителя Палладiя отъ оной комиссiи отставить". Арх. консисторiи. Отдѣльный листъ изъ какого то дѣла.

[2]) Арх. консист. 1753 г. № 743. „По прошенiю студента Максима Данилова".

[3]) Иванъ Сергiевскiй, ученикъ школы риторики, поступилъ 4 февраля 1750 г. Ученикъ грамматики Александръ Мыльниковъ того же числа. Ученикъ синтаксимы Венедиктъ Бѣляевъ 9 февраля 1750. г. Ученикъ риторики Василiй Экземплярскiй 22 февраля 1750 г. Ученикъ риторики Ив. Щегольковъ въ мартѣ 1750 г. См. списки 1756 г. въ Вып. II.

дить контору [1]). 8 февраля того же года Платономъ дана была особая инструкція, опредѣляющая тѣ начала, на которыхъ имѣла существовать организуемая семинарія [2]). Отдѣльно пункты этой инструкціи часто встрѣчаются въ разныхъ дѣлахъ консисторскаго архива, но въ цѣломъ видѣ она до нашего времени не дошла. Приблизительно въ этихъ числахъ открыты были и занятія во Владимірской семинаріи. Точной даты, къ сожалѣнію, установить нельзя. Намъ извѣстно только, что въ половинѣ февраля, именно около 12 числа, преосв. Платонъ выбылъ изъ Владиміра въ Москву для слѣдованія оттуда въ Петербургъ [3]). Можно думать, что онъ довелъ начатое дѣло до конца и что ко времени его отбытія изъ Владиміра какъ учащіе, такъ и учащіеся вступили въ отправленіе своихъ обязанностей.

ГЛАВА II.

Матеріальное обезпеченіе новоучрежденной семинаріи.—Сборы съ епархіи.—Нерачительность консисторіи и упорство духовенства.—Злоупотребленія.—Второстепенные источники содержанія.—Семинарскіе сторожа.

Владимірская семинарія явилась въ ряду другихъ далеко не въ числѣ первыхъ, вслѣдствіе чего основатель ея какъ въ изысканіи матеріальныхъ средствъ къ обезпеченію своей школы, такъ и въ организаціи пользованія этими средствами обратился къ существовавшимъ на этотъ счетъ распоряженіямъ высшей власти и къ практикѣ уже основанныхъ семинарій. Духовный Регламентъ въ основу содержанія духовныхъ школъ положилъ хлѣбный сборъ съ церковныхъ и монастырскихъ земель въ размѣрѣ $^1/_{30}$ съ первыхъ и $^1/_{20}$ со вторыхъ со всего ужинаго и умолотнаго хлѣба, получаемаго съ нихъ ежегодно [4]). Этотъ источникъ содержанія къ 1750 г. былъ главнѣйшимъ и исключительнымъ для существовавшихъ тогда семинарій (такъ какъ штатные оклады получили только нѣкоторыя). Онъ легъ въ основу содержанія и новоустроенной Владимірской школы.

Для завѣдыванія хлѣбными сборами, поступавшими съ епархіи въ пользу новооткрытой семинаріи, преосв. Платонъ указомъ отъ 27 января 1750 года учредилъ, такъ называемую, семинарскую контору. Она должна была заботиться объ изысканіи „по-

[1]) Арх. консисторіи 1750 г. № 474, л. 54. „По опредѣленію семинарской конторы о опредѣленіи въ оную изъ церковниковъ двухъ копіистовъ“.

[2]) Арх. консист. Журналы консист. 1761 г., ноябрь 2, № 2.

[3]) Арх. консист. 1750 г. Книга для записи прихода и расхода суммъ казеннаго приказа въ бытность еп. Платона въ Москвѣ и Петербургѣ, л. 93.

[4]) Дѣла епископовъ, п. 11-й.

рядочныхъ пріемовъ" къ правильному поступленію епархіальныхъ сборовъ, такъ, чтобы ни въ чемъ не было „напрасныхъ излишествъ" [1]). Присутствующимъ этой конторы и „всего изображеннаго домостроителемъ" Платонъ назначилъ соборнаго священника Ивана Алексѣева. Къ нему „для содержанія записныхъ книгъ и для правильнаго и яснаго росписанія и распредѣленія по каковымъ либо тоя семинарской экономии нуждамъ" Платонъ повелѣлъ придать сына Гороховскаго священника Дмитрія Иванова Попова. Кромѣ этихъ двухъ лицъ при конторѣ велѣно было преосв. Платономъ имѣть надежнаго и правдиваго человѣка къ пріему и расходу хлѣба, собираемаго на содержаніе семинаріи съ церквей и монастырей Владимірской десятины. Такой человѣкъ долженъ былъ выбираться съ общаго согласія всѣхъ церковнослужителей города Владиміра и Владимірской десятины [2]).

Высшій надзоръ надъ семинарскою конторою порученъ былъ духовной консисторіи, которая являлась посредствующей инстанціей въ сношеніяхъ между архіереемъ и семинаріей. Въ консисторію семинарія подавала свои вѣдомости и отчеты; чрезъ консисторію шли всѣ распоряженія по семинарскимъ дѣламъ. Консисторія и семинарская контора являлись, такимъ образомъ, учрежденіями, на которыя Платонъ возложилъ заботу о правильномъ и неопустительномъ сборѣ съ церковныхъ земель слѣдуемаго на содержаніе семинаріи хлѣба „какъ къ первопотребнѣйшему построенію и содержанію всяческому учениковъ, такъ и ко взысканію откуда по благопристойности возможно къ таковому и толь немало нуждно полезному во святомъ христіанствѣ дѣлу учителей и къ благопристойному же въ трактаментѣ и жаловании содержании ихъ" [3]). Въ инструкціи, данной Платономъ 8 февраля 1750 г., въ 3-мъ пунктѣ былъ точно указанъ самый способъ и порядокъ взиманія епархіальныхъ сборовъ. Именно, отъ церквей и монастырей по Владимірской десятинѣ велѣно было собирать указную долю хлѣба натурою, а съ прочихъ—деньгами [4]).

Но задача, возложенная Платономъ на семинарскую контору и консисторію, благодаря своей новизнѣ и сложности, а главнымъ образомъ недобросовѣстности и нерачительности лицъ, входившихъ въ составъ названныхъ учрежденій, была выполнена на первыхъ порахъ въ высшей степени неудовлетворительно. Изъ

---

[1]) Кромѣ этого назначенія контора несомнѣнно пользовалась нѣкоторыми полномочіями и въ области учебно-воспитательной.

[2]) Арх. консист. 1750. Дѣло 474, л. 54.

[3]) Арх. консист. 1750 г. № 307, л. 74. „Объ учиненіи разсмотрѣнія о томъ, сколько вступило въ консисторію съ учрежденія оной пошлинъ и штрафныхъ денегъ и гдѣ тѣ деньги хранятся".

[4]) Арх. консист. Журналы консист. 1761 г., нояб. 2, № 2.

донесенія семинарской конторы о сборѣ денегъ и хлѣба на семинарію за 1749 годъ преосв. Платонъ узналъ о великихъ непорядкахъ. Духовныя правленія, согласно распоряженію, прислали въ семинарскую контору вѣдомости объ ужинѣ и умолотѣ хлѣба въ 1749 году и слѣдуемыхъ на семинарію съ этого хлѣба доляхъ; но (по донесенію семинарской конторы) въ этихъ вѣдомостяхъ показаны были невѣрно не только цифры ужина и умолота хлѣба, но даже количество имѣющейся при церквахъ и монастыряхъ земли. Сравнительно съ поданными по особому распоряженію въ 1748 году вѣдомостями въ количествѣ земли оказалась многая утайка и немалое уменьшеніе, а въ Арзамасскомъ, Краснослободскомъ и другихъ духовныхъ правленіяхъ указныя доли на семинарію собирались съ одного приплоднаго, а не со всего умолотнаго и ужиннаго хлѣба. Семинарская контора доноситъ преосв. Платону, что обо всемъ этомъ въ разное время дѣлались представленія въ консисторію; 30-го мая 1750 г. передана была даже соотвѣтствующая форма для составленія въ духовныхъ правленіяхъ генеральныхъ вѣдомостей о сборѣ хлѣба, и форма вмѣстѣ съ указомъ оттуда была разослана во всѣ духовныя правленія, но тѣмъ не менѣе отвѣта до сихъ поръ не получено [1]. Результаты всѣхъ этихъ опущеній были самые плачевные. „Довольно небезъизвѣстно учинилось, пишетъ еп. Платонъ, что многіе ученики, лишась должнаго имъ быть по той семинаріи довольствія, ходя по міру, просятъ сущимъ подобіемъ нищихъ прокормленія“ [2].

По поводу упомянутаго доношенія семинарской конторы послѣдовало въ консисторію два указа (первый указъ отъ 5 января 1751 г., второй отъ 14 февраля) полученные здѣсь въ началѣ 1751 г., въ которыхъ еп. Платонъ, напоминая консисторіи, „чтобы она, чувствительно памятуя страхъ Божій и должность присяги своей, имѣла во всемъ этомъ, какъ въ самомъ богоугодномъ и въ государственную и народную пользу устроенномъ дѣлѣ, наикрѣпчайшее и неусыпное раченіе и стараніе безъ всякаго наималѣйшаго въ чемъ нибудь опущенія“ [3], дѣлаетъ слѣдующія распоряженія. Консисторія должна вновь составить самовѣрнѣйшія вѣдомости о количествѣ пахатныхъ десятинъ при церквахъ и монастыряхъ съ обозначеніемъ, сколько даетъ эта земля въ годъ среднимъ числомъ ржаного и ярового хлѣба; сюда же должны быть присоединены тѣ оброчные хлѣба, которыя собираются нѣкоторыми изъ монастырей. Такъ какъ въ представленныхъ отъ духовныхъ правленій спискахъ оказалось, что „отъ нихъ земли съ немалымъ уменьшеніемъ показаны“, то при составленіи новыхъ вѣдомостей консисто-

---

[1]) Арх. консист. 1750 г. Дѣло № 307, л. 36.
[2]) Тамъ же, л. 74.
[3]) Тамъ же, л. 36.

рія должна принять во вниманіе сказки о монастырскихъ и церковнослужительскихъ земляхъ, поданныя въ 1748 г., и ставленническія показанія, собираемыя въ консисторіи отъ лицъ, поставляемыхъ во священники, дьячки и понамари. При опредѣленіи средняго урожая на десятину консисторія, кромѣ освидѣтельствованія, кому это надлежитъ, урожая на мѣстѣ, должна сноситься съ провинціальными и воеводскими магистратами и собирать справки отъ дворцовыхъ волостей, синодальныхъ селъ и знатныхъ помѣщичьихъ вотчинъ. Въ новосоставленныхъ вѣдомостяхъ долженъ быть опредѣленъ средній урожай со всей земли, принадлежащей извѣстному монастырю или церкви, и съ этого урожая отчислена $1/_{20}$ или $1/_{30}$ доля въ пользу семинаріи. „По учиненіи такого обстоятельнаго и ни въ чемъ же несумнительнаго росписанія, на которомъ можно безъ всякихъ вдаль сомнѣній крайне совершенно утвердиться“ должна быть произведена оцѣнка по мѣстной владимірской цѣнѣ разнаго званія и рода хлѣба и затѣмъ, соотвѣтственно оцѣнкѣ, исчислено общее количество денегъ, слѣдуемыхъ съ каждой отдѣльной церкви. Это „самоаккуратнѣйшее“ въ такомъ видѣ составленное росписаніе консисторія имѣетъ вслѣдъ за тѣмъ разослать въ духовныя правленія для соотвѣтствующихъ распоряженій. Одна изъ точныхъ копій этого росписанія должна храниться у интенданта семинарской конторы, а другая представлена ко владыкѣ. Духовныя правленія чрезъ поповскихъ старостъ или десятиначальниковъ, не трогая священно и церковнослужителей съ ихъ мѣстъ, обязываются оныя указанныя доли, собравъ, препроводить, чрезъ кого найдутъ возможнымъ, въ консисторію; „дабы чрезъ то священно и церковнослужители напраснаго и излишняго, быть не ровно могущаго при постановкѣ натурою труда, могли поизбыть“. Консисторія, получивъ деньги, представляетъ ихъ подъ роспискою въ семинарскую контору. Исключеніе допускается только въ отношеніи къ монастырямъ, находящимся внутри и въ недальности отъ Владиміра [1], которые слѣдуемую на семинарію долю должны были представлять натурою, т.-е. всякаго рода хлѣбомъ [2]).

Такъ какъ въ нерачительности виновата была не одна консисторія, но и семинарская контора, то владыка одновременно съ этимъ дѣлаетъ распоряженіе объ учрежденіи при семинаріи особой должности интенданта по примѣру семинаріи Тверской, Переяславской и Троицкой Лавры. Къ этой должности опредѣляется обрѣтавшійся при домѣ его преосвященства малороссій-

[1]) Сюда относятся монастыри: Спасо-Златоратскій, Цареконстантиновскій, Боголюбовъ, Сновицкій, Николаевскій Волосовъ, Козминъ и Успенскій дѣвичій (Тамъ же, л. 85).

[2]) Тамъ же, л. 74 и слѣд.

скій дворянинъ Василій Стефановъ Лазаревичъ, проходившій свое служеніе до того времени „безъ малѣйшаго порока и оказавшій въ поручаемыхъ ему дѣлахъ вѣрнотщательное раченіе“. Ему опредѣлено было „самоприлежнѣйше первоначально стараться имѣть о всѣхъ епархіи его преосвященства монастыряхъ и градскихъ церквахъ подробныя и именныя со яснымъ истиннымъ открытіемъ и показаніемъ вѣрныя и исправныя вѣдомости“ 1) и вообще „самопристойнѣйше и накрѣпко смотрѣть и наблюдать, дабы по оной семинаріи какъ въ произведеніи на учителей и учениковъ пристойнаго трактамента и положеннаго учителемъ жалованья, такъ и о береженіи семинарской суммы денегъ отъ лишняго расхода и въ вѣрномъ употребленіи на что либо по оказующимся во оной семинаріи самопотребнѣйшимъ нуждамъ съ оныя суммы во всемъ всегда было надлежащее учрежденіе“. Для сего интендантъ долженъ былъ вести приходорасходныя шнурозапечатанныя, выданныя изъ консисторіи и имъ скрѣпленныя книги. По справкѣ, забранной въ вышеназванныхъ семинаріяхъ, интендантъ получалъ обыкновенно 300 руб. въ годъ; но „по нуждныхъ нынѣ въ доходѣхъ домовыхъ его преосвященства казенныхъ и семинарскихъ обстоятельствахъ“ ему было назначено только 100 руб. [2]), и эти деньги вслѣдствіе затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась семинарія, еп. Платонъ приказалъ выдавать изъ домовыхъ своихъ суммъ, пока семинарія не придетъ въ надлежащее состояніе. Находившемуся раньше при семинарской конторѣ священнику Успенскаго собора Ивану Алексѣеву, „ради многихъ самовольно и довольно оказательно примѣченныхъ за бытностію его въ конторѣ послѣдовавшихъ безпорядковъ“, велѣно было отъ семинарской конторы отказать. Въ помощники Лазаревичу назначался уже раньше опредѣленный къ семинарской конторѣ Дмитрій Поповъ, сынъ соборнаго священника Гороховской церкви, „для всеобстоятельнаго и порядочнаго жъ во всемъ по той конторѣ производства и для содержанія записныхъ во всемъ книгъ и по каковымъ либо тоя семинарскія конторы экономичнымъ или же хозяйственнымъ нуждамъ для правильнаго всемѣрно росписанныхъ обстоятельствъ незабвенія и напамятованія и письменнаго и неупускнаго всего исполненія [3])“.

Указы еп. Платона были получены въ консисторіи, зарегистрованы, куда слѣдуетъ, но на томъ, къ сожалѣнію, дѣло и остановилось. Преосв. Платонъ, какъ членъ Св. Синода, жилъ въ Петербургѣ, и консисторія, мало заинтересованная нуждами

---

1) **Арх. консист. 1752 г. № 642, л. 60. „О взысканіи съ монастырей и церквей на 1749 годъ доимочнаго хлѣба“.**

2) **Дѣло № 307, л. 77.**

3) **Тамъ же, л. 75.**

и потребностями новоучрежденной семинаріи, нисколько не старалась загладить свое прежнее нерадѣніе. 12 апрѣля 1751 года интендантъ Василій Лазаревичъ донесъ владыкѣ, что въ бытность его во Владимірѣ по дѣламъ семинаріи онъ приложилъ все стараніе „о непродолжительномъ въ консисторіи сдѣланіи нужно требуемой вѣдомости“, но окончанія этой вѣдомости дождаться не могъ и по состоянію тогдашняго зимняго пути, небезопаснаго вслѣдствіе разлитія водъ, принужденъ былъ отбыть изъ Владиміра. На прощаніе его обнадежили, что вѣдомость будетъ представлена чрезъ недѣлю нарочнымъ въ Петербургъ. 27 числа марта явился дѣйствительно приставъ отъ секретаря консисторіи съ письмомъ, помѣченнымъ 22-мъ марта, въ которомъ заявлялось, что по расчисленію требуется еще одна недѣля для переписки вѣдомости набѣло, считая отъ числа помѣченнаго въ письмѣ. Но таковой вѣдомости, доносилъ Лазаревичъ, не представлено и до 12-го апрѣля. Преосвящ. Платонъ снова посылаетъ указъ, гдѣ велитъ означенныя вѣдомости отослать тотчасъ же по полученіи указа (если паче чаянія онѣ еще не посланы), въ противномъ случаѣ секретарь долженъ будетъ привезти вѣдомости на собственный коштъ. Изъ консисторіи отвѣтили, что копія съ росписанія, составленнаго консисторіей, отправлена въ Петербургъ еще 21 апрѣля сего года [1]). — Но изготовленіе росписанія составляло только половину работы. А между тѣмъ въ Петербургѣ прекрасно знали рачительность консисторіи; вслѣдствіе чего оттуда послали вскорѣ новый указъ, гдѣ консисторіи въ виду обычнаго ея промедленія и нерадѣнія въ столь важномъ дѣлѣ напоминали вслѣдъ за составленіемъ требуемой вѣдомости принять мѣры къ скорѣйшему собранію семинарскихъ денегъ [2]). Консисторія отвѣчаетъ справкою, что 30 апрѣля сего года разсыльщики и пристава съ необходимыми инструкціями и указами разосланы въ духовныя правленія; въ силу полученнаго же указа опредѣляетъ послать снова въ тѣ мѣста съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ указы [3]). Хотя указы съ инструкціями подписаны дѣйствительно 30 апрѣля, но только теперь послѣ полученія новаго наказа изъ Петербурга [4]) во всѣ духовныя правленія и къ поповскимъ старостамъ Владимірскаго уѣзда разосланы были нарочные съ копіями росписанія въ запечатанныхъ пакетахъ и соотвѣтствующими указами. Они обязывались по прибытіи на мѣсто и по врученіи указа, кому надлежитъ, неослабно понуждать управителей ко

---

[1]) Тамъ же, л. 102.

[2]) Тамъ же, л. 122.

[3]) Тамъ же, л. 123.

[4]) Въ Балахновскомъ духовномъ правленіи, напр., указъ былъ полученъ 16 іюня (тамъ же, л. 153).

взысканію слѣдуемыхъ на семинарію денегъ. Если вслѣдствіе ихъ слабаго понужденія къ назначенному сроку указанныя деньги собраны не будутъ, то имъ угрожаетъ, сказано было въ инструкціи, жесточайшее на тѣлѣ наказаніе. Сборщики росписались въ полученіи инструкціи и указовъ (въ іюнѣ мѣсяцѣ) [1]) и разъѣхались по Владимірской епархіи для понужденія, кого слѣдуетъ, къ сбору семинарскихъ денегъ.

Предполагалось на этотъ разъ собрать деньги, слѣдуемыя на семинарію за 1750 годъ. А между тѣмъ былъ мѣсяцъ іюнь 1751 г. Слѣдовательно, семинарія до сихъ поръ имѣла въ своемъ распоряженіи только сборъ за 1749 годъ, произведенный по неисправнымъ вѣдомостямъ и со всевозможными недоимками, и часть денегъ, присланныхъ за 1750 г., если только онѣ переданы были къ тому времени изъ консисторіи въ семинарскую контору. Можно представить, какъ сладко жилось забраннымъ насильно изъ родительскихъ домовъ питомцамъ въ новоучрежденномъ питомникѣ! Къ счастью, вопросъ о семинарскихъ сборахъ за 1750 г. съ выѣздомъ разсыльщиковъ изъ Владиміра прошелъ стадію канцелярскую и приближался къ своему разрѣшенію. Разсыльщики, хотя принадлежали къ разряду людей не высокихъ по рангу [2]), но снабжены были обширными полномочіями. Управителямъ духовныхъ правленій даны были строгія предостереженія съ угрозами, отвѣчающими духу того времени. Отъ нѣкоторыхъ духовныхъ правленій деньги дѣйствительно вскорѣ были присланы полностью. Такъ, отъ Гороховскаго правленія было получено сполна, что слѣдовало еще за 1750 годъ, 43 руб. 40½ коп. [3]); отъ Луховскаго правленія въ іюлѣ было прислано тоже сполна 64 руб. 81¼ коп. [4]); отъ Балахновскаго 145 руб. 77½ коп. [5]). Изъ другихъ мѣстъ причитающіеся на содержаніе семинаріи за 1750 г. взносы были присланы уже съ нѣкоторыми оговорками и недочетами по сравненію съ исчисленіемъ генеральныхъ консисторскихъ вѣдомостей. Недочеты получились прежде всего благодаря тому, что самыя вѣдомости далеко не были „несумнительнымъ и самоаккуратнѣйшимъ“ росписаніемъ. Изъ Арзамасскаго духовнаго правленія прислано 385 руб. 11½ коп., а съ двухъ селъ Савинскаго и Смагино денегъ не взыскано, такъ какъ въ росписаніе по ошибкѣ они попали два раза [6]). Поповскій староста села

[1]) Тамъ же, л. 113 сл.

[2]) Между ними были даже сторожа, см. тамъ же, л. 119.

[3]) Тамъ же, л. 138. Нѣкоторая часть денегъ за 1750 г., очевидно, поступила въ консисторію уже раньше.

[4]) Тамъ же, л. 146.

[5]) Тамъ же, л. 153.

[6]) Тамъ же, л. 174.

Ставрова, Владимірскаго уѣзда, доносилъ, что с. Короваево, находящееся въ его районѣ, помѣчено въ росписаніи дважды и что съ попа с. Бусина положенныхъ 8 руб. $50^1/_4$ коп. не взыскано, такъ какъ онъ заявилъ, якобы въ его распоряженіи находится лишь по 5 десятинъ, а не по 25, какъ стояло въ росписаніи [1]). Попъ с. Бродницъ сказалъ, что въ его распоряженіи имѣется всего по двѣ десятины, а не по $7^1/_2$, какъ записано, и денегъ тоже не заплатилъ [2]). Поповскій староста с. Лыкова донесъ, что въ с. Кутуковѣ имѣется не по 20 десятинъ земли, а только по шести и что въ реестръ не внесены церковныя земли, находящіяся при с. Олыковѣ [3]) и т. д. Пришлось забирать новыя справки, пошла новая переписка, новыя проволочки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и большинствѣ оговорки оказались на самомъ дѣлѣ вымышленными. Такъ, изъ Кинешемскаго духовнаго правленія было донесено, что при соборной Преображенской г. Кинешмы и Георгіевской церкви такого числа десятинъ, какое значится въ росписаніи, не имѣется. Послѣдовали справки, въ отвѣтъ на которыя присланы были въ консисторію три доношенія. Изъ нихъ уяснилось, что въ описи количество десятинъ земли обозначено правильно, но изъ нихъ нѣкоторыя лежатъ впустѣ, иныя поросли лѣсомъ, а другія отдаются въ наймы. Консисторія опредѣлила деньги взыскать, не смотря на суетныя и недѣльныя оговорки, „понеже, если эти земли и подлинно лежатъ впустѣ, нужно винить въ этомъ владѣвшихъ и нынѣ владѣющихъ ими священно-церковнослужителей, благодаря нерадѣнію и нераченію которыхъ эти земли запустѣли [4])“. Съ церкви Георгія деньги были взысканы, но съ церкви соборной взыскать было не съ кого, такъ какъ попъ и діаконъ, по донесенію, „имѣются въ С.-Петербургѣ, а изъ прочихъ церковнослужителей доходами никто не владѣетъ“. Консисторія распорядилась взыскать урочныя деньги съ домашнихъ упомянутыхъ священнослужителей безъ всякаго послабленія, взыскать, не взирая ни на какія ихъ суетныя оговорки; въ случаѣ же, если Кинешемское духовное правленіе означенныхъ денегъ въ скорости не представитъ въ консисторію, то онѣ будутъ взысканы съ него со взятіемъ за преслушаніе и послабленіе штрафа [5]).

Какъ бы то ни было, путемъ угрозъ, насилій семинарскія деньги, положенныя на 1750 г., были собраны со всѣхъ церквей и монастырей, кромѣ двухъ Владимірскихъ соборовъ-Успенскаго

[1]) Тамъ же, л. 180.
[2]) Тамъ же, л. 181.
[3]) Тамъ же, лл. 200, 202.
[4]) Тамъ же, л. 237.
[5]) Тамъ же, л. 242.

и Дмитріевскаго и церквей Ярапольской десятины, „которыхъ, какъ доносила консисторія владыкѣ, священно-церковнослужители крайнимъ своимъ преслушаніемъ таковыхъ на оный 1750 г. денегъ не платятъ“ [1]). Дѣла семинаріи, такимъ способомъ, поправились, но, къ несчастію, не надолго. Вскорѣ горизонтъ сталъ покрываться снова тучами. Покончивъ со сборами на 1750 г. и освободившись отъ наказовъ еп. Платона, консисторія на томъ и успокоилась. Прошелъ 1751 г., наступилъ 1752 г., а о сборахъ денегъ, слѣдуемыхъ на семинарію, не было и рѣчи. Того мало: и собранное подверглось расхищенію. Какъ было указано выше, въ семинарскую контору, кромѣ Василія Лазаревича, опредѣленъ былъ поповъ сынъ Дмитрій Ивановъ Поповъ. На первыхъ порахъ ему не назначили никакого жалованья: ни денежнаго, ни хлѣбнаго. Въ 1751 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ Поповъ подалъ въ консисторію слезное прошеніе, въ которомъ, указывая на то, что онъ съ женою, дѣтьми и домашними живетъ на своемъ коштѣ въ наемной квартирѣ и „живучи чрезъ таковое долгое время на своемъ коштѣ, все, что было имущества, иное продалъ, а другое заложилъ и пришелъ въ крайнее и совершенное разореніе и неоплатные долги“, просилъ опредѣлить ему жалованье хлѣбомъ и деньгами, сколько по благоусмотрѣнію консисторіи соизволено будетъ. Консисторія постановила: „дабы онъ могъ выполнять свою должность съ лучшимъ успѣхомъ, выдавать ему ежегодно ржи и овса 15 четвертей да на харчи, одежду и обувь 30 руб. въ годъ“ [2]). Но у Дм Попова считалось десять человѣкъ семейства, содержать которыхъ на такомъ жалованьи было, конечно, нелегко. И вотъ онъ избираетъ болѣе легкій, но недозволенный способъ обезпеченія своей семьи. Василій Лазаревичъ, котораго владыка аттестовалъ, какъ человѣка „безъ наималѣйшаго порока“, отлучился отъ дома его преосвященства (кажется, на родину). Съ отбытіемъ Лазаревича Поповъ сталъ завѣдующимъ экономической частью семинаріи и въ короткое время довелъ своею недобросовѣстною экономіею семинарію до того, что для учителей и учениковъ, кромѣ „самомалѣйшаго числа крупъ и гороху“, ничего не отпускалось.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1752 г. преосвящ. Платонъ, до котораго, вѣроятно, дошли извѣстія о новыхъ нестроеніяхъ во Владимірской семинаріи, сдѣлалъ распоряженіе произвести ревизію семинаріи, „каковы о благосостояніи ея произошли и происходятъ плоды“ [3]). Ревизорами назначены были Спасскаго Златовратскаго монастыря

[1]) Арх. консист. № 652, л. 63.

[2]) Арх. консист. 1751. Дѣло № 558. „Объ опредѣленіи жалованья семинарской конторы подьячему Иванову“.

[3]) Арх. консист. Опись указовъ за 1752 г.

игуменъ Іаковъ и ключарь каѳедральнаго собора Іоаннъ Іоанновъ. Изъ донесенія ревизоровъ отъ 2 марта владыка узналъ „не токмо его семинарской конторы подьячаго Дмитрія Иванова, но и домовой своей консисторіи согласное ему подьячему въ безпорядочномъ содержаніи заведеннаго училища безсовѣстное мытарство и крайнее тому училищу недоброжелательство“ [1]), вслѣдствіе чего велѣлъ ревизорамъ учинить разслѣдованіе по слѣдующимъ пунктамъ. Во 1), сколько было собрано съ церквей и монастырей натурою и деньгами, начиная съ 1749 г. по 1752 г., и всѣ ли эти деньги дѣйствительно поступили въ семинарію; во 2), сколько и съ какихъ церквей и монастырей остается въ недоимкѣ, начиная съ 1749 г., и въ 3), всѣ ли деньги, поступившія въ семинарію, дѣйствительно израсходованы семинаріею и на какія именно нужды? Слѣдователямъ для выясненія порученнаго дѣла пришлось по необходимости вступить съ представленіемъ въ консисторію, чтобы забрать отъ нея нужныя справки. Но консисторщики, будучи сами соучастниками Дмитрія Попова, отмалчивались и затягивали дѣло. Платонъ, видя, что „заведенной семинаріи происходятъ препятствія и противостоянія“ и что „наиболѣе всѣхъ причинъ причина тому и едва ли не цѣлымъ дѣломъ сами въ консисторіи присутствующіе, которые не токмо не отвращали и пресѣчь не хотѣли все, что ни происходило непорядочнаго къ благосостоянію семинаріи, но и сами весь надлежащій и порученный имъ о той семинаріи промыслъ и уставленный порядокъ оставили и вовсе презрительно бросили и спознавъ, что Дм. Поповъ настоящій есть конечному семинаріи разоренію инструментъ, всезлобнѣйшій и хищническій, все ему дѣйствовать поручили, какъ то за предлежащія на семинарію указныя доли денегъ и прочее самому ему принимать“,—новымъ указомъ велѣлъ отрѣшить отъ должности доселѣ присутствовавшихъ въ консисторіи іеромонаха Гурія, Дмитріевскаго протопопа Петра Иванова и секретаря Ивана Павлова, а на мѣсто ихъ опредѣлить семинарскихъ ревизоровъ. Имъ велѣно было окончить дѣло „о семинарскихъ вредахъ“ въ самоскорѣйшемъ времени, затѣмъ составить росписаніе сборовъ и учинить самые сборы на 1751 г. и, наконецъ, взыскать недоимки, слѣдуемыя за прошлые годы. Въ семинарскую контору опредѣленъ былъ снова малороссійскій дворянинъ Василій Лазаревичъ для приведенія конторы „паки въ порядочное состояніе“. Для удобства сношеній съ консисторіей положено было контору семинарскую устроить при консисторіи „въ верхнихъ, состоящихъ надъ консисторіею, каменныхъ кельяхъ“ [2]). Дмитрій Поповъ еще

---

[1]) Арх. консист. Дѣло № 652, л. 64.

[2]) См. Дѣло № 672, л. 63 сл.; дѣло безъ № и года „О назначеніи комис-

до начала слѣдствія былъ уволенъ отъ семинарской конторы; по окончаніи же велѣно было наказать его „непоблажно плетьми предъ духовной консисторіей; и по учиненіи сего наказанія содержать его въ консисторіи подъ карауломъ въ ножныхъ желѣзахъ, дабы впредь таковое чинить было неповадно“ [1]).

Первая ревизія семинаріи закончилась, такимъ образомъ, для лицъ, причастныхъ къ безпорядкамъ, суровыми послѣдствіями. Новые члены консисторіи подъ впечатлѣніемъ этого принялись съ особеннымъ усердіемъ за составленіе росписаній и за сборы всякаго рода недоимокъ. Особенно характеренъ сборъ недоимокъ съ священно-церковнослужителей Ярапольской десятины. Какъ извѣстно, они были въ числѣ тѣхъ немногочисленныхъ неплательщиковъ, которые „упорствомъ своимъ“ не заплатили семинарскихъ денегъ за 1750 г. Два раза изъ консисторіи въ Ярапольское духовное правленіе посылались разсыльщики, но они „ничтоже успѣли“. Послѣ этого „на конечное очувствованіе таковыхъ упрямцевъ“ посланъ былъ изъ консисторіи священникъ с. Краснаго благочинный староста Стефанъ Аѳанасьевъ. Нѣсколько разъ онъ доносилъ въ консисторію объ упорствѣ священнослужителей и причетниковъ Ярапольской десятины, наконецъ, явившись лично 7 октября, разсказалъ слѣдующее. „Священно-церковнослужители Ярапольской десятины, въ силу данныхъ ему полномочій, были сыскиваемы и въ томъ правленіи содержимы подъ карауломъ, точію де чинятъ все противность и таковыхъ взыскуемыхъ денегъ не платятъ и изъ подъ караула разбѣжались и, хотя паки сыскиваемы порознь и содержимы были, точію таковыхъ денегъ упрямствомъ своимъ и крайнимъ непослушаніемъ не заплатили, и сказали де, что и впредь платить не будемъ, и потому же самовольствомъ своимъ разошлись изъ духовнаго правленія въ домы свои“. Управитель Ярапольскаго духовнаго правленія попъ Петръ Васильевъ, не смотря на то, что былъ тоже въ числѣ ослушниковъ, „сковать и держать себя въ томъ правленіи не далъ и во взысканіи съ ослушниковъ показанныхъ семинарскихъ сборовъ вспомоществованія никакого не учинилъ“. „За таковыми онаго управителя и священно-церковнослужителей крайними преслушаніями, заявилъ въ заключеніе Стефанъ Аѳанасьевъ, онъ, попъ Стефанъ, не могучи уже ничего болѣе чинить, принужденъ былъ отъ того духовнаго правленія отлучиться“. Въ реестрѣ, который представилъ Стефанъ Аѳанасьевъ, въ числѣ ослушниковъ значилось поповъ 23, діаконовъ 10 и причетниковъ 18. Въ консисторіи опредѣлили. „Послать въ Ярапольскъ нарочнаго по инструкціи

сіи для слѣдствія о запущенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ“, л. 68 сл.; и № 667, 1752 г. „Объ окончаніи о семинарскихъ вредахъ слѣдствія въ скорости“.

[1]) См. Ист. Надеждина, стр. 42.

Баглачевскаго погоста попа Нестера Өедорова, придавъ ему въ помощь изъ церковниковъ и каөедральнаго Успенскаго собора сторожей до шести человѣкъ, которымъ ѣхать на коштѣ тамошняго управителя и, пріѣхавъ, явиться въ тамошнемъ духовномъ правленіи, и онаго управителя попа Петра Васильева за вышепоказанныя его прекрайнія преслушанія, взявъ въ то правленіе, не слушая его никакихъ оговорокъ, сковать въ ножныя желѣза, и на его коштѣ вести скованнаго въ тѣ села и погосты, отъ которыхъ священно-церковнослужители оныхъ денегъ не заплатили, и на оныхъ неплательщикахъ и ослушникахъ таковыя деньги при ономъ управителѣ, живучи въ тѣхъ селахъ и погостахъ на собственномъ ихъ неплательщиковъ и ослушниковъ коштѣ, доправлять съ нихъ, не пріемля никаковыхъ отъ нихъ оговорокъ, и не выѣзжая изъ тѣхъ селъ и погостовъ дотолѣ, пока оныя деньги взысканы будутъ безъ всякаго пощаденія. По исполненіи же всего тѣ взысканныя деньги, за надлежащимъ конвоемъ и присмотромъ, и помянутаго управителя, попа Петра, скованнаго къ отвѣту привести оному посланному и объявить въ духовной его преосвященства консисторіи при доношеніи въ самой скорости. Ежели же паче всякаго чаянія, упоминаемыя Ярапольскія десятины священно-церковнослужители и по сей посылкѣ въ платежѣ означенныхъ семинарскихъ за 1750 годъ зборовъ будутъ оказываться противными, то съ таковыми своевольно распутными и необузданными противниками, по забраніи оныхъ всѣхъ въ духовную его преосвященства консисторію, поступлено будетъ по силѣ святыхъ правилъ Духовнаго Регламента и Ея Императорскаго Величества высокомонаршихъ указовъ безъ всякаго пощаденія"[1].

Нельзя думать, чтобы все это были однѣ только угрозы. Выколачиваніе семинарскихъ денегъ на этотъ разъ сопровождалось, дѣйствительно, большими насиліями. Напр., Краснослободское духовное правленіе доносило въ консисторію, что попъ Покровскаго дѣвичьяго монастыря Максимъ Даниловъ и діаконъ съ причетниками села Новоспасскаго за неуплату семинарскихъ денегъ содержатся подъ карауломъ и не получая долгое время никакихъ доходовъ, нуждаются даже въ дневной пищѣ. Какъ поступить съ ними, спрашивало правленіе? Не благоволено ли будетъ консисторіи дозволить произвести оцѣнку домамъ ихъ и пожиткамъ и, продавъ все это, препроводить слѣдуемую съ нихъ сумму въ заплату семинарскаго долга? Въ другомъ случаѣ Краснослободское правленіе проектировало поступить еще болѣе жестоко. Избравъ трехъ разсыльщиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ дьячекъ, а два понамаря, оно отправило ихъ къ одному изъ

[1]) Арх. консист. № 652, лл. 72 сл.

упорныхъ неплательщиковъ съ инструкцией такого рода. „Пріѣхавъ въ то село, взять старосту или сотскаго и мірскихъ людей, сколько надлежитъ, и идти съ ними въ домъ ко объявленному попу, а, пришедъ, взять его попа для показаннаго платежа семинарскихъ денегъ, не взирая ни на какія оговорки. А ежели паче чаянія оный попъ укроется, взять жену или дѣтей его". Разсыльщики отправились, взяли выборныхъ и пришли ко двору упорнаго попа. „Но оный попъ ворота заперъ и на дворъ ихъ не впустилъ и притомъ чрезъ тынъ говорилъ, что де я въ Краснослободское духовное правленіе подчиняться ни по какимъ дѣламъ не буду, и вы де напрасно и ѣхали: хотя де цѣлая рота драгунъ прислана была сюда, и тѣхъ всѣхъ побилъ бы де до смерти; да напрасно изъ подьячихъ вашихъ никто не присланъ, а у меня имъ гостинецъ давно приготовленъ, той бы сейчасъ имъ подарилъ. А на караульныхъ закричалъ: вы что пришли? и оные обыватели тотчасъ же разошлися. А попъ чрезъ тынъ письмо прочиталъ невѣдомо какое, яко бы ему изъ домовой его преосвященства духовной консисторіи присутствующіе ни по какимъ дѣламъ въ ономъ правленіи быть не велѣли".—„За ослушаніемъ и противностью, доносило въ заключеніе Краснослободское духовное правленіе консисторіи, а обаче за дальностью отъ Краснослободска (ибо оное село отстоитъ въ 150 верстахъ) взять того попа никакъ не можно, а что съ нимъ чинить, неизвѣстно" [1]). Въ такомъ родѣ можно привести многое. Извѣстія объ упорствѣ такого свойства попадаются въ доношеніи почти каждаго правленія.

На основаніи приведеннаго [2]) можно видѣть, что преосв. Платонъ всею душою радѣлъ объ обезпеченіи своего родного дѣтища. Встрѣчая „противности и противостоянія" и зная, какъ отражались эти противности на благосостояніи его семинаріи, онъ вынужденъ былъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ строгости, стараясь дѣйствовать по возможности безъ послабленій. Но и такой способъ дѣйствій не всегда сопровождался успѣхомъ. О нерачительность консисторіи и упорство духовенства, какъ свидѣтельствуютъ тогдашніе акты, разбивались иногда всѣ его угрозы. Понятно, что видѣть здѣсь одну только эту нерачительность и упорство будетъ большою несправедливостью. Причины описанныхъ явленій—упорства и недоброжелательства новозаведенной

---

[1]) Тамъ же, лл. 224.

[2]) Для исторіи денежныхъ сборовъ на семинарію, начиная съ 1752 г. до смерти еп. Платона, имѣется въ архивѣ консисторскомъ мало матеріала. На основаніи нѣсколькихъ отрывочныхъ свѣдѣній можно установить, впрочемъ, что консисторія въ своихъ опредѣленіяхъ о сборахъ и росписаніяхъ нѣсколько опаздывала, такъ что, напр., опредѣленіе консисторіи о сборахъ, слѣдуемыхъ на семинарію за 1753 г., послѣдовало лишь 26 іюня 1755 г. (Арх. консист. Опись указовъ 1755 г. № 78).

семинаріи лежали глубже. Онѣ коренились въ неудовлетворительности самаго источника обезпеченія духовныхъ школъ. Не говоримъ уже о случайности урожаевъ, въ зависимость отъ которыхъ ставилась судьба духовныхъ семинарій. Обратимъ вниманіе прежде всего на тѣ непреоборимыя трудности, которыя представляло составленіе, такъ называемыхъ, генеральныхъ вѣдомостей [1]). Вѣдь онѣ должны были составляться наново въ началѣ каждаго года и требовали многочисленныхъ справокъ на сторонѣ, забрать которыя при тогдашнихъ путяхъ сообщенія было иногда прямо невозможно. Неудивительно поэтому, что эти вѣдомости никогда не могли быть „самоаккуратнѣйшимъ росписаніемъ, на которое безъ всякихъ сомнѣній положиться можно". Неудивительно также, что консисторщики чрезвычайно тяготились этою обязанностью и всячески оттягивали это дѣло, тѣмъ болѣе, что сами они были людьми сторонними семинаріи, мало заинтересованными ея судьбой, а иногда по малообразованности и враждебными къ ней.—Затѣмъ, вспомнимъ ту бѣдность и ту нищету, въ которой находилось и еще находится наше духовенство, чтобы понять, какого рода было то упорство и преслушаніе, съ которыми встрѣчалась постоянно консисторія. Для многихъ изъ духовенства и эти, повидимому, незначительные сборы были несомнѣнно „всеконечнымъ разореніемъ". Къ самой школѣ, на обезпеченіе которой вносились послѣдніе гроши, духовенство относилось недовѣрчиво и враждебно. Съ ея учрежденіемъ существенно измѣнялись вѣковые порядки въ замѣщеніи священно-церковнослужительскихъ мѣстъ, а между тѣмъ для него совершенно было непонятно, какая связь между латинскимъ діалектомъ и священствомъ, „въ надежду" котораго требовалось изученіе этого діалекта. Отсюда неплатежи, проволочки, упорство.—Преосв. Платонъ своею энергичною дѣятельностью могъ достигнуть только того, что эти неплатежи по мѣрѣ возможности погашались и что, при всѣхъ недоборахъ, случаи, когда учителямъ и ученикамъ ничего не оставалось „кромѣ самомалѣйшаго числа крупъ и гороху", не были явленіемъ хроническимъ.

Количество денежныхъ сборовъ, поступавшихъ ежегодно въ семинарію, было различно въ зависимости отъ урожая и величины недоимокъ. По генеральной вѣдомости, учиненной въ консисторіи на 1751 г., въ семинарію должно было поступить деньгами 1971 руб. 21 коп. [2]). Хотя деньги въ то время имѣли другую

---

[1]) Для составленія вѣдомости на 1751 г. и для разслѣдованія „запутанностей" о сборѣ на 1749 г. потребовалось 1½ мѣсяца крайне неусыпнаго труда, при чемъ работали всѣ консисторскіе приказные, оставя всѣ прочія консисторскія дѣла. (Дѣло № 652, л. 71).

[2]) Арх. консист. Дѣло № 652, л. 109. Кромѣ денежной суммы въ семи-

цѣнность, чѣмъ нынѣ [1]), все же эта сумма, особенно при недоимкахъ и запаздываніяхъ въ платежѣ, не могла быть вполнѣ достаточна для содержанія учителей, 100 учениковъ (изъ которыхъ нѣкоторые пользовались одеждою), для поддержанія семинарскихъ зданій, потребовавшихъ вскорѣ послѣ перестройки 1749 г. новыхъ передѣлокъ [2]), для ихъ отопленія и для найма сторожей. Тѣмъ не менѣе время Платона было лучшимъ періодомъ въ исторіи Владимірской семинаріи третьей четверти прошлаго столѣтія; и хотя скудость и нужда давали себя чувствовать иногда и при немъ, но это еще не былъ тотъ „невыностный голодъ“, съ которымъ пришлось познакомиться питомцамъ школы впослѣдствіи.

Денежный и хлѣбный сборъ съ церквей и монастырей былъ въ сущности единственнымъ источникомъ обезпеченія новоустроенной Владимірской семинаріи [3]). Временное вспомоществованіе семинарія получила изъ суммъ казеннаго его преосвященства приказа для перестройки зданій въ 1749 г. Пока живъ былъ Платонъ, эти суммы не были потребованы отъ семинаріи обратно; ихъ забрали, какъ увидимъ, лишь при преосв. Антоніи. Для послѣдующихъ перестроекъ семинарія тоже пользовалась матеріаломъ и рабочими монастырскихъ вотчинъ, но за все это деньги исправно вносились въ казенный приказъ его преосвященства.

Кромѣ этого временнаго вспомоществованія нѣкоторое содѣйствіе на первыхъ порахъ семинарія получила въ видѣ готовыхъ рабочихъ рукъ. Именно, при разборѣ священно-церковнослужительскихъ дѣтей въ 1749—50 г. нѣкоторые изъ великовозрастныхъ, которымъ угрожала опасность попасть въ новозаводимую семинарію, поспѣшили жениться. Преосв. Платонъ указомъ въ 1750 г. велѣлъ „женатыхъ церковниковъ, которые поженились, послыхавъ о наборѣ въ семинарію (къ избытію чрезъ то школьнаго ученія) умышленно для подлежащихъ при семинаріи послушаній

нарію или поступленія и натурою отъ монастырей внутри Владиміра и окрестностей его. О величинѣ этихъ поступленій можно судить потому, что въ 1752 г. отъ Сновицкаго монастыря принято: муки ржаной 10 четвертей, 4 четверика и 1/2 гарнца, крупъ овсяныхъ 5 четвертей, 3 четверика и 4 1/3 гарнца, муки пшеничной 3 четверика 4 3/4 гарнца, крупъ ячменныхъ 6 2/3 гарнца, гороху 3 четверика и 1 3/5 гарнца, сѣмени конопляннаго 6 2/3 гарнца. (Арх. консист. 1752 г. № 710, „О принятіи Сновицкаго монастыря монахомъ Игнатіемъ привознаго хлѣба“).

[1]) Четверть ржи стоила 95 коп., четверть пшеницы 1 р. 80 к., четверть гороху 1 р. 50 к. Дѣло № 307, л. 80.

[2]) Арх. консист. Опись указовъ 1752. № 116, сент. 15.

[3]) Штрафныя деньги, которыя по синодальному указу 1744 г. должны были взиматься съ священно-церковнослужителей за непредставленіе въ школу годныхъ къ обученію дѣтей, не составляли во Владимірской семинаріи видной статьи дохода; по крайней мѣрѣ въ архивныхъ документахъ о нихъ нѣтъ упоминанія.

и работъ опредѣлять потребное число съ перемѣною погодно, гдѣ и быть въ таковыхъ работахъ на собственномъ коштѣ" [1]). Какъ велико было число отбывавшихъ эту своеобразную повинность и какъ долго семинарія пользовалась такого рода рабочими руками, сказать трудно. Изъ архивныхъ документовъ только извѣстно, что съ 6 марта 1752 года по 6 марта 1753 г. при семинаріи въ услуженіи находилось 6 женатыхъ церковниковъ. 25 іюня 1753 г. семинарская контора представила на разсмотрѣніе преосвященнаго предложеніе о томъ, чтобы впредь женатыхъ не забирать, а для уравненія ихъ съ отбывшими семинарскую рабочую повинность, взять съ нихъ штрафу по 3 рубля. Но прежде чѣмъ еп. Платонъ утвердилъ это предложеніе, контора опять вступила съ прошеніемъ оставить прежній порядокъ безъ перемѣнъ, такъ какъ настоятель Богородицкаго монастыря Гервасій (Згурскій) нашелъ, что четырехъ человѣкъ вотчинныхъ крестьянъ, находившихся въ то время при семинаріи, недостаточно для выполненія всѣхъ семинарскихъ работъ. Консисторія опредѣлила взять снова въ семинарію четырехъ женатыхъ церковниковъ [2]).

ГЛАВА III.

Управленіе семинаріею.—Семинарская контора.—Первые начальники и наставники Владимірской семинаріи.—Ихъ содержаніе и внѣшній бытъ.

Особаго центральнаго органа для завѣдыванія духовными школами въ XVIII столѣтіи еще не существовало. Семинаріи находились въ непосредственномъ распоряженіи мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ, вслѣдствіе чего и назывались „домовыми епархіальными его преосвященства семинаріями". Такъ было и во Владимірѣ. Преосв. Платонъ былъ главнымъ распорядителемъ и устроителемъ новоучрежденной имъ семинаріи. Всѣ ея дѣла подлежали его вѣдѣнію наравнѣ съ остальными епархіальными дѣлами, вслѣдствіе чего разсматривались въ консисторіи, которая была посредствующею инстанціею въ сношеніяхъ между владыкою и семинаріею. Для внутренняго управленія семинарскими дѣлами

---

1) Арх. консист. 1753 г. № 820. „Объ опредѣленіи въ работу при семинаріи церковниковъ за самовольное вступленіе въ бракъ".

2) Тамъ же. На основаніи этого дѣла опредѣляется общее количество служителей, которыми пользовалась семинарія въ первое время для работъ и для караула: оно колебалось между 6—8. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1752 г. всѣхъ сторожей въ семинаріи числилось 5. (Арх. консист. 1752. № 650. „О бытіи въ Богородицкомъ монастырѣ настоятелемъ и учителемъ семинаріи іеромонаху Палладію").

была учреждена еп. Платономъ, какъ мы уже видѣли, семинарская контора, стоявшая въ зависимости отъ консисторіи. Она заботилась главнымъ образомъ объ изысканіи матеріальныхъ средствъ къ содержанію семинаріи. Но ей же принадлежали нѣкоторыя права въ области учебно-воспитательной. Членомъ конторы на первыхъ порахъ состоялъ каѳедральный священникъ Иванъ Алексѣевъ съ подьячимъ Поповымъ, а впослѣдствіи интендантъ Василій Лазаревичъ. Членомъ конторы, вѣроятно, былъ и архимандритъ Козмина монастыря Павелъ (Томиловскій). Ему, какъ присутствующему въ консисторіи, еп. Платонъ довѣрилъ высшій надзоръ надъ молодою семинаріею. Онъ былъ какъ бы главнымъ начальникомъ школы, первымъ ректоромъ [1]) Владимірской семинаріи.

Выборъ оказался безусловно неудачнымъ. Павелъ былъ прежде всего человѣкомъ недостаточнаго образованія. На основаніи подписей Павла въ оффиціальныхъ бумагахъ можно думать, что письмо ему давалось нелегко и что вообще къ нему онъ мало привыкъ. Далѣе это былъ человѣкъ въ высшей степени сомнительной нравственности. Въ консисторіи хранится нѣсколько дѣлъ, характеризующихъ его личность въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ [2]). Его жизнь до и послѣ ректорства вполнѣ согласуется съ такою характеристикою [3]). Предпочтеніе, отданное еп. Пла-

---

[1]) Впрочемъ, надобно сказать, что такого титула онъ къ себѣ никогда не прилагалъ. Кажется, его начальническія отношенія къ семинаріи основывались исключительно на особенномъ довѣріи къ нему Платона и правахъ, которыми онъ пользовался въ консисторіи, такъ что съ прекращеніемъ послѣднихъ само собою прекратились безъ особыхъ даже на это распоряженій.

[2]) Арх. консист. 1750 г. № 455. „Дѣло объ одномъ возмутительномъ преступленіи, совершенномъ присутствующимъ архимандритомъ Павломъ“; 1752 г. № 693. „О взятіи съ разныхъ лицъ архимандритомъ Павломъ денегъ“.

[3]) Павелъ былъ постриженъ, какъ онъ самъ показалъ, въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ. Въ 1735 г. мы видимъ его въ Казанской епархіи архимандритомъ Юнгинскаго Спасскаго монастыря. По дѣлу, начатому въ Казанской консисторіи, онъ, Павелъ, оказался въ житіи блудномъ, за что былъ лишенъ права священнослуженія Казанскимъ архіереемъ Гавріиломъ и посланъ „въ неисходное жительство“ въ Болгарскій Успенскій монастырь. По пріѣздѣ въ Казанскую епархію архіепископа Луки, Павелъ былъ взятъ въ архіерейскій домъ. Лука разрѣшилъ ему служеніе и опредѣлилъ архимандритомъ въ Кизическій монастырь. Въ Казанской епархіи Павелъ оставался до 1740 г. Въ этомъ году онъ былъ уволенъ по прошенію въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, а 1747 г. уже просилъ Амвросія Черниговскаго объ увольненіи его въ Москву „для взятія оставшагося въ ставропигіальномъ Донскомъ монастырѣ его экипажа“. Изъ Москвы Павелъ перешелъ къ Арсенію Ростовскому и жилъ безъ мѣста по 1749 годъ. Въ 1740 г. пріѣхалъ обратно въ Москву, откуда „по убѣжденію“ синодальнаго члена Платона поступилъ во Владимірскую епархію, опредѣленъ въ Козминъ и Волосовъ монастырь настоятелемъ и въ консисторіи судіею. (Арх. Св. Синода. 1751 г. № 100. „По доношенію Московской Св. Сп-

тономъ Павлу предъ другими, объясняется недостаткомъ образованныхъ людей въ новоучрежденной епархіи, которымъ бы можно было вручить столь важное и отвѣтственное мѣсто. Во время пребыванія еп. Платона въ Москвѣ Павлу удалось какъ то снискать довѣріе владыки. Преосв. Платону понравился этотъ бывалый и несомнѣнно практичный человѣкъ, и онъ рѣшилъ воспользоваться имъ для приведенія въ порядокъ епархіальныхъ дѣлъ и для первоначальнаго устройства и организаціи новоучрежденной Владимірской семинаріи Быть можетъ при этомъ имѣли значеніе и земляческія чувства, такъ какъ преосв. Платонъ и архимандритъ Павелъ по мѣсту происхожденія были оба Черниговцы. Съ какимъ успѣхомъ архим. Павелъ выполнилъ то и другое порученіе, увидимъ изъ послѣдующаго.

Вслѣдствіе неумѣлаго и рѣзкаго образа дѣйствій со стороны Павла начинаются прежде всего непріятности и столкновенія между семинаристами и Владимірскими купцами. Какъ извѣстно изъ прежняго, провинціальный магистратъ далъ согласіе на присоединеніе къ Богородицкому монастырю спорной земли, которою владѣли купцы Мартыновъ и Зюзинъ. Но согласіе дано было подъ вліяніемъ давленія совнѣ, и очень возможно, что о немъ даже не спрашивали лицъ заинтересованныхъ. Купцы свой протестъ заявили тѣмъ, что не спѣшили очищать спорной отнятой у нихъ земли, и на семинарскомъ дворѣ, благодаря этому, до марта мѣсяца 1750 г. лежали бревна, приготовленныя и сложенныя для постройки, купцовъ Өеодора да Ивана Никитиныхъ дѣтей Мартыновыхъ. Архимандритъ Павелъ, вѣроятно, не разъ требовалъ снести наложенный лѣсъ, но купцы все оттягивали, ссылаясь на то, что занятая лѣсомъ „огородная и усадебная земля“ по купчей крѣпости принадлежала ихъ отцу. Тогда Павелъ рѣшилъ прибѣгнуть къ силѣ. 25 марта 1750 г. въ день Благовѣщенія, собравъ находившихся въ Богородицкомъ монастырѣ работниковъ и крестьянъ, человѣкъ до 50, Павелъ велѣлъ имъ находившійся на семинарскомъ дворѣ лѣсъ перебросать въ огороды и сады купцовъ Мартыновыхъ и Боровенкихъ. Иванъ Мартыновъ просилъ архимандрита оставить хоромный лѣсъ на прежнемъ мѣстѣ до утра, но возможно, что просилъ въ выраженіяхъ запальчивыхъ и не совсѣмъ приличныхъ. Тогда „оный архимандритъ, злобствуя на то, билъ его Ивана на той ихъ землѣ изъ рукъ своихъ тростию безвинно, отъ которыхъ его побой онъ Иванъ съ

нода конторы объ имѣющемся въ оной конторѣ Владимірской епархіи Козминскаго Волосова монастыря архимандритѣ Павлѣ“ и 1764 г. № 112. „По прошенію бывшаго Владимірской епархіи Козминскаго Волосова монастыря архимандрита, нынѣ же простого монаха, объ опредѣленіи его на обѣщаніе Черниговской епархіи въ Новгородскій Спасскій Сѣверскій монастырь“).

той своей земли ушелъ". По уходѣ Ивана, по приказанію архим. Павла весь „хоромный лѣсъ" былъ раскиданъ по бревну и „ругательски" побросанъ на смежную огородную землю Мартыновыхъ и Боровецкаго. „И того лѣсу, жаловались Мартыновы, переломали немалое число и у хоромнаго строенія углы и окошки всѣ поломали по цѣнѣ рублей на десять". Покончивъ съ бревнами, Павелъ велѣлъ въ тотъ же день отгородить спорную землю къ Богородицкому монастырю. По словамъ купцовъ, „огородной земли и земли съ вишенымъ деревьемъ было отгорожено тогда мѣрою по большой сторонѣ длиннику 8 саж., а назадъ по валу $55^1/_2$ саж., по цѣнѣ на 120 р.". Купцы немедленно заявили жалобу въ Владимірскій магистратъ и просили разслѣдовать, въ силу какихъ указовъ архимандритъ Павелъ насиліемъ отгородилъ къ Богородицкому монастырю ихъ землю и чинилъ имъ прописанныя явныя преобиды и насилія? Провинціальный магистратъ снесся по этой жалобѣ съ консисторіей, какъ бы забывая свое прежнее опредѣленіе о Богородицкой землѣ. Но не успѣла консисторія дать отвѣтъ, какъ дѣло получило новыя осложненія.

3 апрѣля 1750 г. Владимірскіе купцы Иванъ Кривцовъ да Иванъ Щупловъ съ товарищами представили въ магистратъ доношеніе, въ которомъ передали слѣдующее. 31 марта послѣ вечерняго пѣнія они вышли на земляной валъ противъ саду Владимірскаго купца Василія Топоркова за Ивановскимъ мостомъ „для смотрѣнія разлитія воды по рѣкѣ Клязьмѣ". Вскорѣ пришелъ на тотъ же земляной валъ изъ Успенскаго Богородицкаго монастыря архим. Павелъ съ учителемъ, имѣющимся въ томъ же монастырѣ (Гедеономъ), школьниками и работными людьми, „а сколько всѣхъ, за множествомъ познать было невозможно". Не объявивъ купцамъ ничего, Павелъ приказалъ школьникамъ бить ихъ принесенными съ собою каменьями, и школьники „по тому его, архимандрита, приказанію тѣмъ каменьемъ по онымъ купцамъ и метали невѣдомо за что, безвинно". Когда же купцы стали Павлу выговаривать, что ихъ бьютъ напрасно, „то оный архимандритъ, не удовольствуясь тѣмъ, съ кучеромъ своимъ, взявъ колья, паки еще гнались бить, и притомъ имѣющимся при себѣ крестьяномъ, которые были въ томъ Богородицкомъ монастырѣ на работѣ, онъ же приказалъ ихъ купцовъ бить и рубить топорами своими смертно, отъ котораго смертнаго страха, дабы подлинно не быть имъ купцамъ убитыми до смерти, они всѣ разбѣжались". Архимандритъ Павелъ, разогнавши купцовъ, приказалъ школьникамъ и работникамъ какъ тѣхъ, такъ и всѣхъ другихъ купцовъ, гдѣ не завидятъ, бить смертно. 1 апрѣля, продолжаютъ жалобу купцы, школьники не допустили, по приказанію архимандрита Павла, купцовъ, пришедшихъ въ означенный Богородицкій монастырь для моленія къ

литургіи Божіей, и каменьемъ и кольемъ отъ церкви и изъ монастыря согнали невѣдомо за что. „И отъ того его, архимандрита Павла приказанія оные купцы имѣютъ себѣ не малое опасеніе, потому что какъ они, такъ и другіе купцы изъ домовъ своихъ, также и въ домы по настоящему мимо того монастыря тракту ходятъ рано и поздно".

По показаніямъ Павла и учителя Гедеона дѣло обстояло нѣсколько иначе. 31 марта въ послѣдній часъ дня по отпуску ученія ученики вышли за ограду для гулянія. Въ то время Владимірскіе посадскіе люди, человѣкъ 10 и больше, „собравшись знатно умышленно, тѣхъ учениковъ били безвинно". Послышавъ крикъ, ректоръ Павелъ и учитель Гедеонъ выбѣжали за ограду и стали спрашивать: „для чего они, купцы, такъ бьютъ безвинно означенныхъ учениковъ?" Въ отвѣтъ на это посадскіе люди „бранили" ректора и Гедеона, говоря: „мы де и архіерея. вытаща изъ кельи, умертвимъ", и потомъ били ихъ кольями, отъ чего у архимандрита остались на поясницѣ боевые знаки. Вечеромъ тѣ же посадскіе люди, присоединивъ къ себѣ человѣкъ до 40, съ дубьемъ скрылись близъ Сергіевской церкви, ожидая выѣзда архимандрита изъ семинарскаго двора, съ тѣмъ, чтобы убить его до смерти, но, не дождавшись, разошлись.—Багрово-красные синеподтеки на поясницѣ архимандрита Павла іеромонахъ Гурій дѣйствительно нашелъ при осмотрѣ, но тѣмъ не менѣе выяснить точно, кто былъ зачинщикомъ въ этомъ смертномъ боѣ, оказалось трудно, такъ какъ та и другая сторона, кромѣ собственныхъ увѣреній, не могла представить никакихъ постороннихъ свидѣтелей [1]). Очевидно, инцидентъ 31 марта и 1 апрѣля былъ продолженіемъ того, что случилось въ день Благовѣщенія. Раздраженные поступкомъ Павла, Мартыновы вооружили противъ него и семинаріи своихъ знакомыхъ купцовъ, и тѣ, встрѣтившись съ семинаристами на земляномъ валу, затѣяли драку. Подоспѣвшій Павелъ своею горячностью и рѣзкостью, а можетъ быть и однимъ своимъ появленіемъ только подлилъ масла въ огонь. Завязалась общая свалка, во время которой та и другая сторона обнаружила въ достаточной степени свои боевыя доблести.—Не имѣя возможности разобраться въ этой запутанной жалобѣ, консисторія передала дѣло на благоусмотрѣніе его преосвященства. Еп. Платонъ оставилъ процессъ безъ послѣдствій въ виду того, что къ тому времени всплыли наружу болѣе крупныя провинности Павла по званію присутствующаго въ консисторіи. Въ силу послѣднихъ архим. Павелъ уволенъ былъ изъ Владимірской епархіи. Дальнѣйшая исторія

[1]) Арх. консист. 1750 г. № 391. „По промеморіямъ изъ Володимірскаго провинціальнаго магистрата о чинимыхъ архимандритомъ Павломъ при строеніи семинаріи купцамъ обидахъ".

его представляетъ рядъ скитаній и ссылокъ, рисующихъ этого недостойнаго человѣка въ самомъ непривлекательномъ видѣ [1]).

Выборъ перваго начальника оказался, такимъ образомъ, неудачнымъ и ошибочнымъ. Не вполнѣ удачнымъ можно назвать и выборъ первыхъ сотрудниковъ его по дѣлу образованія набраннаго юношества.

Ко времени открытія въ семинаріи ученія опредѣлены были сюда два учителя—іеродіаконъ Гедеонъ и мірской Илья Васильевъ. Тому и другому назначено было Платономъ опредѣленное жало-

---

[1]) 10 апрѣля 1750 г., по силѣ полученнаго его преосвященствомъ доношенія отъ секретаря консисторіи Ивана Павлова о лихоимствѣ присутствующаго въ консисторіи Павла, велѣно было за столь „непоправимое зло отрѣшить Павла отъ консисторіи и учинить по таковымъ его взяткамъ разсмотрѣніе и взысканіе“. Съ того времени онъ пересталъ, вѣроятно, быть и начальникомъ семинаріи. Въ сентябрѣ 1751 г. приказано было консисторіи уволить Павла изъ епархіи и дать ему „пашепортъ“ для проѣзда въ Московскую синодальную контору. Въ Москву Павелъ прибылъ около 20 сентября, но безъ паспорта, такъ какъ консисторія задержала паспортъ „изъ за неявившихся по монастырю вещей“. Въ Москвѣ Павлу велѣли оставаться до резолюціи въ Высокопетровскомъ монастырѣ. Но 15 ноября того же года въ конторѣ Св. Синода опредѣлили: „въ виду причиненія этому монастырю Павломъ многихъ безпокойствъ перевести его въ ставропигіальный Симоновъ монастырь“. Однако „за упрямствомъ“ Павла не могли туда отправить, а содержали при конторѣ Св. Синода. Только 21 марта 1752 г., по приказанію Св. Синода, Павелъ посланъ былъ въ Симоновъ монастырь. 27 апрѣля того же года архимандритъ Симонова монастыря донесъ, что Павелъ 20 апрѣля бѣжалъ изъ монастыря. Чрезъ нѣкоторое время мы видимъ его въ С.-Петербургѣ въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ Синодѣ, по разсмотрѣніи всего дѣла, опредѣлили: „бывому архимандриту Павлу ѣхать въ Москву въ ставропигіальный Саввинъ монастырь, въ коемъ ему быть въ братствѣ въ приличномъ послушаніи по разсмотрѣнію настоятельскому, кромѣ священнослуженія, рукоблагословенія и въ знакъ архимандричьей чести крестоношенія“. Но и въ Саввиномъ монастырѣ Павелъ не ужился. По доношенію настоятеля монастыря, онъ предавался здѣсь всегдашнему пьянству и разврату. 29 октября 1753 г. Павелъ потребовалъ, чтобы его отпустили въ Св. Синодъ; буде же не отпустятъ, угрожалъ, что закричитъ „слово и дѣло“. По оному объявленію Павелъ и былъ представленъ въ Св. Синодъ. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 23 февр. 1754 г. велѣно было лишить Павла архимандритства и іеромонашества, приказано было ему писаться простымъ монахомъ вѣчно и жить въ Новгородскомъ Крестномъ монастырѣ, съ тѣмъ, чтобы настоятель Крестнаго монастыря приводилъ его къ исправному монастырскому житію. Наступила суровая пора въ жизни бывшаго архимандрита. Несчастія, кажется, смирили эту безпокойную натуру. Въ 1764 г. митрополитъ Новгородскій Димитрій словесно дозволилъ Павлу явиться въ Петербургъ и попросить въ Синодѣ о смягченіи своей участи. Св. Синодъ разрѣшилъ Павлу возвратиться, по его собственному желанію, въ Черниговскій Спасскій монастырь, но съ тѣмъ, что, если онъ впредь въ какомъ нибудь непорядкѣ усмотрѣнъ будетъ, въ такомъ случаѣ изъ Спасскаго монастыря будетъ переведенъ въ другой какой „пустынной“ по усмотрѣнію епархіальнаго начальства. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Павлѣ не имѣемъ. (См. Арх. Св. Синода 1751 г. № 100 и 1764 г. № 112; Арх. консист. 1752 г. № 693).

ванье [1]); Васильеву, какъ человѣку мірскому, назначено было меньше, чѣмъ Гедеону. Илья Васильевъ остался недоволенъ положеннымъ ему окладомъ и, по заявленію семинарской конторы, въ обученіе учениковъ не вступилъ и жилъ почти праздно, а пропитаніе повседневное имѣлъ изъ семинарской суммы. „16 марта сего года (1750), доносила семинарская контора консисторіи, означенный Илья Васильевъ поутру часу въ третьемъ дня, забравъ свой скарбъ въ мѣшокъ, а чуланъ, гдѣ онъ при семинаріи жилъ, оставя запертъ, не сказався, безъ всякаго вѣдома изъ семинаріи сошелъ и до нынѣ (20 марта) не возвратился и во Владимірѣ его не имѣется, а куда съѣхалъ и кѣмъ свезенъ, неизвѣстно". Контора просила разрѣшенія осмотрѣть запертый чуланъ, описать, что въ немъ есть, и обо всемъ этомъ представить преосвященному съ покорнѣйшимъ требованіемъ объ опредѣленіи въ семинарію еще учителя, „дабы, за недостаткомъ его, время напрасно не тратилось и ученики не могли туне безъ ученія быть и тѣмъ ожидаемой пользы лишиться". Разрѣшеніе было дано; замокъ сбитъ, и чуланъ отпертъ. Въ чуланѣ, т. е. квартирѣ учителя Ильи Васильева, нашли: на стѣнѣ образъ Пресв. Богородицы Владимірскія, писанный на доскѣ красками, безъ окладу, ветхій; на окнѣ два письма—одно вчернѣ къ іеродіакону Гедеону безъ имени, года, мѣсяца и числа, а другое къ Ильѣ Ольшанскому отъ Пиратинскаго протопопа Ильи Максимова 1748 г. 6 августа; на окнѣ же въ бумагѣ кошелекъ, шитый по алому градитуру серебромъ и въ немъ одинъ серебряный россійскій полуполтинникъ да четыре мѣдныхъ иностранныхъ медали; подъ лавкою—коробку простую съ пробоями безъ замка и туфли ветхія. Болѣе того ничего не явилось [2]). Кто былъ этотъ Илья Васильевъ и куда онъ скрылся, изъ архивныхъ документовъ неизвѣстно. Есть основаніе предполагать, что онъ, какъ и іеродіаконъ Гедеонъ, взятъ былъ еп. Платономъ изъ югозападныхъ школъ, которыя снабжали въ то время учеными людьми сѣверныя семинаріи [3]). Скудость матеріальнаго обезпеченія и суровыя условія жизни въ чужой сторонѣ побудили его тайно оставить Владиміръ и возвратиться обратно на родину.

На мѣсто Ильи Васильева еп. Платонъ вызвалъ въ семинарію Өедора Радикорскаго. Но исторія этого была еще плачевнѣе.

---

[1]) Іеродіакону Гедеону положено было 30 руб. въ годъ, а Ильѣ Васильеву 25 р. Арх. консист. Журналы консист. 1759 г., май 26, № 5.

[2]) Арх. консист. 1750 г. № 383. „По представленію семинарской конторы объ отлучкѣ неизвѣстно куда учителя Ильи Васильева".

[3]) Быть можетъ онъ и былъ тѣмъ Ильею Ольшанскимъ, къ которому адресовалось письмо, найденное на окнѣ чулана, такъ какъ названіе Васильевъ представляетъ несомнѣнно не фамилію, а отчество.

Илья Васильевъ бѣжалъ изъ семинаріи самъ, Өедора Радикорскаго выгнали насильно. Въ августѣ мѣсяцѣ 1750 г. ученики представили въ семинарскую контору жалобу на Өедора Радикорскаго, который будто бы впалъ во французскую болѣзнь, въ той болѣзни безобразно пьянствовалъ и отбиралъ у нихъ, учениковъ, съ мученіемъ и принужденіемъ деньги. Именно, у Михаила Павлова взялъ 80 коп., а шапку его заложилъ въ кабакѣ за 6 коп., у Семена Васильева 30 коп. и у Ивана Иванова 15 коп. Въ жалобѣ упоминалось и о другихъ непотребныхъ поступкахъ, чинимыхъ Радикорскимъ. Въ семинарію позванъ былъ городской лѣкарь Цедеркопфъ и по осмотрѣ констатировалъ названную учениками болѣзнь. Послѣ того Радикорскаго перевели на подворье Боголюбова монастыря, а обо всемъ случившемся донесли владыкѣ. Расправы нужно было ожидать самой суровой. Держать Радикорскаго въ семинаріи, по обнаруженіи столь зазорнаго его поведенія, не было никакой возможности. Его изгнаніе не подлежало сомнѣнію. Но при этомъ встрѣтились съ большимъ затрудненіемъ. Дѣло въ томъ, что еще раньше, при вступленіи Радикорскаго на службу, ему было выдано изъ домовой его преосвященства трактаментальной суммы въ зачетъ жалованья 15 руб. [1]), да кромѣ того впослѣдствіи дано было семинарской конторой якобы на необходимыя его нужды, по его же просьбѣ, 5 руб., „чтобы онъ, имѣя во всемъ свое довольство, ко обученію дѣтей болѣе охоты и прилежанія прилагалъ". 17 августа выдано снова семинарской конторой въ счетъ жалованья Радикорскаго лѣкарю Цедеркопфу за лѣченіе Радикорскаго отъ болѣзни 4 руб. На Радикорскомъ накопился такимъ способомъ значительный долгъ. Девять рублей изъ него (5 и 4), выданныхъ семинарской конторою самовольно и безъ всякихъ основаній, поскольку Радикорскій незадолго предъ тѣмъ забралъ жалованье впередъ и не обнаружилъ никакихъ особенныхъ успѣховъ въ обученіи, пожалуй, можно было взыскать съ членовъ семинарской конторы, что и сдѣлалъ еп. Платонъ. Но 15 руб., выданныхъ Радикорскому сначала, равнымъ образомъ и деньги, забранныя имъ насиліемъ отъ учениковъ, все же надобно было доправить съ него. Въ виду этого, преосв. Платонъ, получивъ донесеніе семинарской конторы о безчинствахъ Радикорскаго, велѣлъ: „доправя взятое напрасно жалованье 15 руб. и показанныя взятки безъ всякаго опущенія и

[1]) Деньги выданы были Радикорскому около 26 марта въ Москвѣ на пути Радикорскаго во Владимірскую семинарію, куда вызвалъ его еп. Платонъ, вѣроятно, съ юга. Впослѣдствіи семинарская контора внесла ихъ полностью въ казенный приказъ. См. Арх. консист. 1750. Книга для записи прихода и расхода суммъ казеннаго приказа въ бытность еп. Платона въ Москвѣ и Петербургѣ, лл. 131 и 161.

возвратя то все, куда надлежитъ по настоящему, выслать его, Радикорскаго, всеконечно изъ города вовсе; ежели же онъ таковыхъ денегъ въ скорости не заплатитъ, или будетъ какія въ томъ оговорки имѣть, то имѣющійся скарбъ его весь (оставя ему нужное, безъ котораго пробыть неможно, одѣяніе) тотчасъ отъ консисторіи обще съ семинарскою конторою описать и, оцѣня достовѣрно пристойнымъ образомъ на толикую сумму, что съ онаго Радикорскаго взыскать надлежитъ, безъ всякаго и наималѣйшаго излишества продать по настоящей цѣнѣ; оставшееся же за оцѣнкою отдать ему, Радикорскому, все неудержно съ роспискою и изъ тѣхъ взысканныхъ денегъ 15 рублей для возвращенія въ трактаментальную его преосвященства сумму отослать въ семинарскую контору при указѣ немедленно, а со учениковъ взятки возвратить имъ каждому особо съ росписками и закладную въ кабакѣ шапку, отыскавъ, отдать помянутому Михаилу Павлову съ роспискою".

Но на дѣлѣ вышло иначе. Случилось то, чего преосв. Платонъ и предвидѣть не могъ. Отъ уплаты долга наличными деньгами Радикорскій, конечно, отказался „за неимѣніемъ и крайнимъ своимъ убожествомъ". Пришлось описать его скарбъ. По описи у Радикорскаго оказалось: „Кафтанъ суконный нѣмецкій темнозеленый подбитъ стамедомъ: на немъ пуговицы подъ цвѣтъ гарусныя. Постеля односпальная перяная, при ней двѣ подушки небольшія. Одѣяло выбойчатое, стегано на хлопьяхъ. Да на немъ, Радикорскомъ, камзолъ зеленый безъ рукавовъ ветхій, кафтанъ нѣмецкій васильковый ветхой же. Сѣронѣмецкая епанча подбита по краямъ краснымъ стамедомъ - в се ветхое же. Ящикъ длинный окованъ по угламъ и по срединѣ жестью и при немъ нутреній замокъ съ ключемъ, а въ томъ ящикѣ ничего не явилось". Согласно распоряженію Платона, изъ продажи исключено было „одѣяніе", безъ котораго Радикорскій пробыть не могъ. Попросили Владимірскій магистратъ прислать для оцѣнки купецкихъ людей 9 ноября произошла оцѣнка всего подлежащаго продажѣ скарба. Кафтанъ темнозеленый былъ оцѣненъ въ 4 р., ящикъ въ 50 к., постель въ 50 коп., двѣ подушки въ 30 коп., одѣяло въ 10 коп. Всего получалось 5 р. 40 к. Излишка отъ продажи не только не предвидѣлось, какъ предполагалъ еп. Платонъ, а наоборотъ ожидался огромный недочетъ. Все же важно было спасти хоть часть. Консисторія велѣла учинить въ пристойныхъ мѣстахъ публикаціи о продажѣ охочимъ людямъ пожитковъ бывшаго учителя Өедора Радикорскаго. Реестръ пожитковъ прилагался при публикаціяхъ. Для распродажи было назначено 3 декабря. Неизвѣстно были ли пожитки слишкомъ ветхи и негодны, или купецкіе люди хорошо знали наглость Радикорскаго, только 3 декабря на торги никто

не явился. 22 января 1751 года приставъ Иванъ Васильевъ по письменному повелѣнію, данному изъ консисторіи, выслалъ учителя семинаріи Өедора Радикорскаго „изъ города Владиміра вовсе“, о чемъ и донесъ въ консисторію. Назначена была вторичная публикація о продажѣ скарба Радикорскаго. Явились ли охочіе люди на этотъ разъ, въ дѣлѣ не значится [1]).

Өедоръ Радикорскій, какъ видимъ, въ безчинствахъ превзошелъ главнаго начальника школы архимандрита Павла. Спрашивается, неужели въ новозаведенной семинаріи у епископа Платона не было ни одного человѣка, на котораго бы можно было положиться? Нѣтъ, такого человѣка Платонъ, кажется, имѣлъ въ лицѣ іеродіакона Гедеона. Послѣдній былъ, вѣроятно, изъ Кіевскихъ ученыхъ и поступилъ на службу въ семинарію вмѣстѣ съ Ильею Васильевымъ ко времени ея основанія. Въ печальныхъ столкновеніяхъ архимандрита Павла съ Владимірскими купцами принималъ участіе и Гедеонъ, но это участіе, кажется, не было активнымъ; по крайней мѣрѣ на боевые знаки жаловался одинъ Павелъ. Очевидно, Гедеонъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ Павла и можетъ быть увлеченный его примѣромъ. Когда Өедоръ Радикорскій въ силу указа отъ 1 сентября 1750 г. удаленъ былъ изъ семинаріи, іеродіаконъ Гедеонъ остался одинъ въ трудахъ обученія юношества. Въ томъ же указѣ еп. Платона велѣно было: „оставшемуся въ семинаріи учителю Гедеону объявить съ подпискою, дабы онъ въ силу Духовнаго Регламента и Ея Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ и по учиненной отъ его преосвященства заручной инструкціи имѣлъ крѣпкое и рачительное въ наставленіи и обученіи обрѣтающихся въ семинаріи учениковъ попеченіе и по долгу званія своего нелѣностный бы трудъ присугублялъ, за что отъ его преосвященства съ доброю надеждою учинить ему особенный респектъ обѣщано и въ прибавленіи сверхъ назначеннаго по инструкціи денежнаго жалованья несумнѣнное награжденіе“. Гедеонъ, какъ оказалось, „употреблялъ въ наставленіи и обученіи учениковъ дѣйствительное свое стараніе и попеченіе и требуемыхъ оныхъ трудовъ чрезъ представленную вѣдомость оказалъ плоды“, и такъ какъ „о добросостояніи его и честномъ жительствѣ не находилось никакого сомнѣнія“, то преосв. владыка въ концѣ декабря благословилъ его быть во Владимірской семинаріи іеромонахомъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1751 г. преосв. Порфирій Суздальскій и Юрьевскій, за отсутствіемъ во Владимірѣ Платона, рукоположилъ Гедеона въ іеромонаха [2]). Изъ послѣдующей жизни Гедеона извѣ-

---

[1]) Арх. консист. 1750 г. № 472. „О чиненіи пьянства учителемъ Өедоромъ Радикорскимъ съ прописанными въ ономъ учениками“.

[2]) Арх. консист., тамъ же.

стенъ только одинъ случай. Гедеонъ былъ слабаго здоровья и страдалъ припадками грудной болѣзни. 21 апрѣля 1751 года въ царскій день онъ служилъ только молебенъ, но не могъ служить по болѣзни литургіи, о чемъ свое ближайшее начальство не предупредилъ. Поповъ сынъ Петръ Яковлевъ, исправлявшій должность причетника при Богородицкой церкви, составилъ немедленно доносъ и подалъ въ консисторію. Въ эту эпоху такія преступленія считались тягчайшими и карались ссылкою и истязаніями. Состоялась обычная резолюція консисторіи: „сыскавъ, допросить учителя Гедеона". Гедеонъ, кажется, оправдался. Изъ дѣла не видно [1]). Когда выбылъ Гедеонъ изъ Владимірской семинаріи и куда, неизвѣстно. Въ 1752 г. въ семинаріи его уже не было.

Хотя Гедеонъ и прилагалъ „крѣпкое и рачительное попеченіе въ наставленіи обрѣтавшихся въ семинаріи учениковъ", все же ему одному со всѣми отправленіями школьнаго дѣла справиться было трудно. За отсутствіемъ ректора, онъ былъ и начальникомъ, и учителемъ. Въ виду этого указомъ отъ 20 января 1751 г. преосв. Платонъ „въ лучшій успѣхъ обученія дѣтей въ помощь учителю Гедеону" опредѣляетъ присланнаго митрополитомъ Кіевскимъ іеромонаха Палладія (Лакопѣнскаго), который до сего времени находился при дѣлахъ домовой конторы и которому велитъ „въ той семинаріи при рачительныхъ своихъ въ обученіи дѣтей трудѣхъ быть на толикомъ жалованьи, коликое и учитель Гедеонъ получаетъ, а именно 30 руб." [2]). Начало 1752 г. было временемъ большихъ непорядковъ въ семинарской конторѣ. Надзоръ ея надъ семинарской жизнью совершенно ослабъ. „При таковомъ неимѣніи никакого страха и порядочнаго управленія", монашествующіе, состоявшіе въ Богородицкомъ монастырѣ въ священнослуженіи, стали вести жизнь недостойную своего званія и того мѣста, при которомъ находились. Въ кельяхъ появилось вино. Въ семинарскую жизнь ворвалась струя впечатлѣній, безусловно вредныхъ для школьнаго дѣла. Распущенность и пьянство дошли до того, что однажды въ семинаріи по неосторожности произведенъ былъ пожаръ. Тогда учитель Палладій (Гедеона уже не было) донесъ обо всемъ происходившемъ особымъ письмомъ Платону. Владыка, „предразсуждая, дабы по всекрайнѣйшей вездѣ неосторожности каковаго еще горшаго (Боже сохрани) не послѣдовало случая", приказалъ „въ надежду елико мощнаго всего того отвращенія и лучшаго сохраннѣйшаго же и благообразнѣйшаго порядка и во всемъ предосторожности, въ ономъ Богоро-

---

[1]) Арх. консист. 1750 г. № 413. „По объявленію попова сына на семинарскаго учителя іеродіакона Гедеона въ неслуженіи 21 апрѣля литургіи". Дѣло не сохранилось; приводится по Надеждину (стр. 39).

[2]) Арх. консист. 1751 г. № 307, л. 75.

дицкомъ монастырѣ быть настоятелемъ въ томъ же семинарскомъ монастырѣ обрѣтающемуся учителю іеромонаху Палладію; которому монашествующихъ, сколько въ ономъ монастырѣ обрѣтается и впредь сколько молодшихъ монаховъ для обученія будетъ опредѣлено, имѣть въ своемъ вѣдомствѣ и управленіи... также и прочаго другого званія людей, т. е. сторожей и поваровъ, которые, хотя по данной семинарской конторѣ инструкціи въ вѣдомство той конторы поручены, но по состоянію нынѣшнихъ той конторы правителей, ни въ какомъ прилежномъ надсмотрѣніи и страхѣ, крайне, какъ видно, не состоятъ". Указъ Платона былъ объявленъ монашествующимъ и сторожамъ, и они дали подписку въ исполненіи объявленнаго [1]).

Итакъ, благодаря нерачительности и небрежности семинарской конторы, Палладію была усвоена владыкою нѣкоторая власть въ счетъ этой конторы. Можно думать, что онъ оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Жаль только, что семинарія вскорѣ лишилась этого труженика, подобно Гедеону несшему на себѣ все бремя школьнаго обученія. 22 мая 1753 г. интендантъ семинарской конторы Василий Лазаревичъ донесъ въ консисторію, что „епархіальной его преосвященства Владимірской семинаріи учитель іеромонахъ Палладій по бывшимъ у него многотруднымъ болѣзнемъ волею Божіею сего мая 16 числа настоящаго 1753 г. умре и погребенъ въ томъ же Богородицкомъ семинарскомъ монастырѣ" [2]).

Но и этотъ сравнительно лучшій человѣкъ въ ряду первыхъ учителей Владимірской семинаріи отдалъ дань своему вѣку. 18 апрѣля 1752 г. конюхъ дома его преосвященства Кондратій Митрофановъ объявилъ доношеніемъ въ казенный домовый приказъ слѣдующее. Въ ночь на 16 апрѣля по приказу намѣстника архіерейскаго дома игумена Іоанна, онъ отвезъ въ семинарію учителя и настоятеля Богородицкаго монастыря Палладія. У крыльца Палладій предложилъ ему, конюху, зайти въ келью и выпить чашку пива. Ничего не подозрѣвая, онъ вошелъ въ келью Палладія, выпилъ предложенное пиво и направился было къ выходу. Но лишь только вышелъ въ зало, какъ его схватили собравшіеся здѣсь ученики, раздѣли, по приказанію Палладія, до нага и, загнувъ рубашку на голову, стали бить розгами „яко злодѣя немилостивно". Палладій при этихъ побояхъ присутствовалъ и говорилъ ученикамъ: „что вы его бьете, а ничего не при-

---

[1]) Арх. консист. 1752 г. № 650. „О бытіи въ Богородицкомъ монастырѣ настоятелемъ и учителемъ въ семинаріи іеромонаху Палладію". Изъ монаховъ подписались въ исполненіи указа: іеромонахъ Діонисій и монахъ Патермуфій; кромѣ ихъ дали подписку 5 сторожей.

[2]) Арх. консист. Тамъ же, л. 59.

говариваете?" Тогда одинъ изъ учениковъ Андрей Владимировъ сталъ приговаривать: „для чего онъ студентовъ заставлялъ впрягать лошадей въ домовой конюшнѣ, когда потребно было готовить коляску для ѣзды учителя Палладія, и для чего не починилъ собственную коляску Палладія, которая имѣется ветха?" „Отъ тѣхъ побой, заявилъ Кондратій Митрофановъ, онъ едва ходитъ и порученную ему при домовой конюшнѣ должность править не можетъ". Впрягать лошадей никого изъ студентовъ онъ не заставливалъ и никакого приказанія насчетъ ветхой коляски Палладія не получалъ. Правда, сознался Кондратій Митрофановъ, 12 апрѣля сего года, по приказу Палладія или самъ собою, заходилъ въ конюшню одинъ изъ учениковъ Яковъ Соколовъ и требовалъ пару дрогъ подъ коляску Палладія; но безъ особаго распоряженія казеннаго приказа оныхъ дрогъ онъ Соколову не выдалъ. Въ заключеніе конюхъ просилъ осмотрѣть нанесенные ему побои и по осмотрѣ описать. При осмотрѣ оказалось: „поясница до брюха кругомъ вся обсѣчена и значатся пробитые крово-багровые знаки, а между тѣми знаками все посинѣло". Казенный приказъ отправилъ представленіе еп. Платону. Въ домовой конторѣ его преосвященства доношеніе было получено 19 іюня [1]), а 24 іюня послѣдовало распоряженіе владыки о бытіи Палладію настоятелемъ Богородицкаго монастыря и о подчиненіи ему всѣхъ сторожей и поваровъ семинаріи. Возможно, что распущенность и непослушаніе всего низшаго служебнаго персонала, состоящаго при семинаріи и имѣющаго отношеніе къ семинаріи, обусловленная отсутствіемъ еп. Платона и недостаткомъ надзора со стороны семинарской конторы, достигли крайнихъ предѣловъ, что и вызвало Палладія на эту суровую, но вполнѣ отвѣчающую духу того времени расправу. Оттого то доношеніе казеннаго приказа объ истязаніи конюха Кондратія Митрофанова оставлено Платономъ безъ вниманія и, можетъ быть наоборотъ, даже вызвало, въ связи съ письмомъ Палладія о пожарѣ въ семинаріи, совершенно неожиданное распоряженіе о подчиненіи всѣхъ семинарскихъ служителей Палладію. Если только такъ, то Палладій пользовался большимъ довѣріемъ преосв. Платона и, конечно, былъ достоенъ его.

Со смертію Палладія въ семинаріи не осталось ни одного учителя. Какимъ же образомъ, спрашивается, она могла теперь продолжать дальнѣйшее свое существованіе впредь до назначенія новаго учителя, которое, за недостаткомъ людей годныхъ къ этому званію во Владимірѣ, могло состояться не скоро? Семинарская контора, вполнѣ основательно опасаясь, дабы одни изъ учениковъ

---

[1]) Тамъ же, лл. 62—63.

съ неимѣнія охоты и желанія къ обученію, другіе по особливымъ каковымъ либо шалостямъ и лѣностямъ и того позабыть не могли, что изучили, или, впадши въ каковое безстрашіе иные и не разошлись бы, опредѣлила воспользоваться къ сохраненію порядка тѣмъ же средствомъ, къ какому прибѣгалъ во время своей болѣзни покойный Палладій. Именно, онъ выбралъ студентовъ, превосходившихъ другихъ „смысломъ" и „въ лѣтахъ повозрастнѣе", каковыми оказались Дмитріевскаго собора поповъ сынъ Иванъ Ѳедоровъ и села Боголюбова поповъ сынъ Матоей Максимовъ, и назначилъ ихъ „для присматриванія надъ другими, задачи уроковъ и назначенія переводовъ". Семинарская контора призвала названныхъ студентовъ и обязала ихъ подписками, „чтобы они надъ всѣми студентами прилежное имѣли надсматриваніе, дабы всякъ изученное въ твердое памятованіе просматривалъ и протверждалъ безлѣностно, и всякій бы день по поимяннымъ спискамъ всѣхъ учениковъ перекликали и въ семинарскую контору о полномъ всѣхъ числѣ и о порядочномъ пребываніи и житіи репортовали" [1]). Это первый извѣстный случай, когда Владимірская семинарія обратилась къ содѣйствію своихъ же собственныхъ питомцевъ. Несмотря на крайность и стѣснительность положенія, налаженный ходъ школьнаго обученія, благодаря этому, не былъ прерванъ, и Владимірская семинарія избѣжала участи своей старшей по возрасту сестры семинаріи Суздальской [2]).

Учительская практика Владимірскихъ семинаристовъ продолжалась недолго. Въ началѣ іюня прибылъ, вѣроятно по вызову еп. Платона, изъ Московской академіи ученикъ философіи Митрофанъ Яковлевъ и по резолюціи владыки принятъ былъ во Владимірскую семинарію „для смотрѣнія за учениками" [3]).

Но и этотъ учитель разсматривался Платономъ, какъ только временный, „по недостатку настоящихъ". Настоящаго учителя преосв. Платонъ рѣшилъ вызвать снова изъ Кіева, куда и обратился съ просьбою. Въ консисторскомъ архивѣ хранится письмо митрополита Кіевскаго Тимоѳея за собственноручною подписью отъ 16 августа 1753 г., представляющее отвѣтъ на просьбу еп. Платона. „По искреннему вашего святительства прошенію на мѣсто преставлшагося іеромонаха Палладія Лакоцѣнскаго къ званію префектовскому въ семинарію вашего святительства академіи моей Кіевской профессоръ Инфими и малую Інструкцію сей годъ преподававшій, честный Гервасій Згурскій, зде мною сего Авгу-

[1]) Тамъ же, л. 59.

[2]) См. Влад. епарх. Вѣд. 1899. № 15, стр. 526 слл.

[3]) Арх. консист. Опись архивныхъ дѣлъ, учиненная правящимъ префектскую должность Николаемъ Боевскимъ и Ильинской церкви священникомъ Ив. Доброхотовымъ. 1753 г., іюнь 9, № 61.

ста 6-го во іеромонаха рукоположенный, при семъ къ вашему святительству отправленъ. Котораго, какъ въ Академіи моей мнѣ рекомендованнаго и мною признаннаго честнаго, и въ должности своей исправнаго, и я святительству вашему рекомендуя, прошу его въ респектѣ милостивомъ содержать, чимъ и онъ во всемъ томъ, что до должности его касатися будетъ, ко услуги святительству вашему, въ пользу же церковную рачительнѣе и охотнѣе труждатися особливо поощренъ будетъ. Чего я по немъ надѣясь, купно же и желая, Богоугоднымъ вашего святительства молитвамъ и благодѣтельной любви и милости препоручивъ себе съ почтеніемъ моимъ есмь Преосвященства вашего о Христѣ братъ, Богомолецъ, сослужитель и всепокорный слуга: Митрополитъ Кіевскій смиренный Тімоѳей" [1]).

На этотъ разъ Владимірская семинарія получила лицо, особенно рекомендованное, не безъизвѣстное по своимъ дарованіямъ и въ Кіевской академіи, гдѣ Гервасій былъ учителемъ [2]). Новоприбывшій былъ принятъ во Владимірѣ по достоинству и сразу опредѣленъ префектомъ семинаріи „для настоящаго обученія и во всемъ христіанскомъ благонравіи наставленія и упражненія семинаристовъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ ему велѣно было, подобно Палладію, быть настоятелемъ Богородицкаго семинарскаго монастыря съ приведеніемъ его къ присягѣ по надлежащему [3]). Указомъ отъ 30 сентября того же года Гервасія опредѣлили присутствующимъ духовной консисторіи, гдѣ, по словамъ Платона, со времени учрежденія Владимірской епархіи, не видно было еще „ни единаго дѣла праведнымъ и исправнымъ слѣдствіемъ и рѣшеніемъ оконченнаго" [4]) Въ началѣ 1754 г. въ его вѣдѣніе и распоряженіе отдана была и семинарская контора. Именно, резолюціею преосв. Платона отъ 10 марта, наложенною на прошеніи интенданта Василія Лазаревича объ отпускѣ его отъ дому его преосвященства въ отечество для свиданія съ родителемъ, повелѣвалось Лазаревичу „дать изъ консисторіи по настоящему абшитъ, а семинарскую контору поручить въ вѣдомство префекта.

---

[1]) Арх. консист. 1753 г. № 818, л. 5. „Объ опредѣленіи въ консисторію присутствующимъ семинаріи префекта и Богородицкаго семинарскаго монастыря настоятеля іеромонаха Гервасія Згурскаго".

[2]) См. Труды Кіевской дух. академіи. 1896. т. 2, стр. 380.

[3]) Ученикъ Московской академіи Митрофанъ Яковлевъ отправленъ былъ обратно въ Москву; за труды по обученію выдано было ему изъ семинарской суммы 10 руб. съ пристойнымъ изъ харчей напутствованіемъ, а для проѣзда въ Москву истребована изъ вотчинъ его преосвященства пара крестьянскихъ лошадей съ кибиткою и возникомъ (Арх. конс. 1753. № 818, л. 15).

[4]) Арх. конс. 1753 г. № 818, л. 3.

семинаріи Гервасія и самой конторѣ быть внутри того семинарскаго Богородицкаго монастыря" [1]).

Гервасій Згурскій является первымъ префектомъ Владимірской семинаріи. Правда, и Гедеонъ, и Палладій на практикѣ исправляли функціи этого званія, но тѣмъ не менѣе именовались просто учителями. Соотвѣтственно новому званію и той рекомендаціи, какую дали Гервасію изъ Кіева, потребовалось обставить нѣсколько иначе и матеріальное его положеніе; вслѣдствіе этого вмѣстѣ съ назначеніемъ Гервасія возникаетъ въ консисторіи вопросъ о жалованьи и трактаментѣ семинарскихъ учителей, весьма интересный для насъ въ томъ смыслѣ, что даетъ возможность заглянуть въ будничную, обыденную жизнь первыхъ наставниковъ Владимірской семинаріи. О жалованьи и трактаментѣ учителей, дѣйствовавшихъ до Гервасія, изъ документовъ, цитованныхъ доселѣ, мы знаемъ немного. Васильеву назначено было жалованье, кромѣ содержанія пищею, 25 руб. въ годъ. Гедеонъ и Палладій получали ежегодно по 30 руб., при готовой квартирѣ, отопленіи и столѣ. Квартиры представляли деревянные покои, которыхъ еп. Платонъ велѣлъ построить „елико возможно" въ женскомъ Богородицкомъ монастырѣ для жительства учителей и ученія учениковъ. Какъ люди не семейные, учителя могли довольствоваться и такого рода кельями. О трактаментѣ учительскомъ извѣстно, что въ 1750 г. семинарская контора, съ разрѣшенія владыки, выдавала учителямъ на столовое кушанье ежедневно въ простые дни по 3 коп., а въ праздники по 10 коп. каждому, при чемъ нѣкоторые изъ съѣстныхъ продуктовъ выдавались не въ зачетъ этихъ денегъ прямо изъ запасовъ семинарскихъ [2]). Гервасію Згурскому было положено жалованья, вмѣсто 30 руб., 50 руб., съ обѣщаніемъ повышенія, смотря по заслугамъ. Коштъ велѣно было производить такой же, какой опредѣлено было выдавать на прежде бываго въ той семинаріи покойнаго іеромонаха Палладія, не выключая ничего. Консисторія въ силу указа забрала справки о трактаментѣ Палладія, и изъ этихъ справокъ, приведенныхъ въ дѣлѣ подъ № 818, можно видѣть, что уже ко времени Палладія въ содержаніи учителей произошла нѣкоторая перемѣна въ сравненіи съ 1750 годомъ. По росписанію, учиненному на 1753 г., Палладію, кромѣ жалованья, полагалось: пива въ треть одна варя, меду 1½ пуда, яицъ 333, на сметану и молоко 40 коп., на лукъ и чеснокъ 50 коп., масла коровьяго въ мѣсяцъ 8⅓ ф., постнаго 3½ восьмухи ведра, на рыбу въ будние дни 6 коп. и въ праздники по 10 коп. на день (въ мѣсяцъ ок. 2 р. 20 коп.); хлѣба

---

[1]) Арх. консист. 1754 г. № 846, л. 14. „По указу изъ Московской его преосвященства конторы о оштрафованіи іеромонаха Гурія".

[2]) Арх. консист. 1750 г. № 307, л. 37.

и квасу положено производить безъ окладу, сколько понадобится [1]). Коштомъ въ такомъ количествѣ имѣлъ право пользоваться и Гервасій. Но преосв. Платонъ даровалъ ему еще особое житейское преимущество, котораго не имѣлъ Палладій. Владыка приказалъ опредѣлить Гервасію „изъ собственнаго своего дома особо для всякихъ поѣздокъ пару лошадей съ коляскою и надежнымъ конюхомъ, коихъ лошадей ни въ какое другое употребленіе не занимать" [2]). Легко догадаться, что ближайшимъ побужденіемъ къ этой новой милости владыки послужилъ печальный инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ апрѣлѣ 1752 г.

О дѣятельности Гервасія Згурскаго во Владимірской семинаріи извѣстно сравнительно мало и больше нехорошаго. Не смотря на свою образованность, онъ отличался крутымъ и вспыльчивымъ характеромъ. При немъ въ воспитаніи юношества царила система „невыностныхъ побой". Сѣченіе розгами, батогами, сажаніе на цѣпь были обыкновенными мѣрами дисциплинарныхъ взысканій. „Жить въ семинаріи при немъ всячески невозможно", заявляли ученики [3]). Въ 1767 г. ученикъ Прокопій Петровъ подалъ прошеніе въ консисторію и просилъ опредѣлить его на какое нибудь мѣсто. „Взятъ я въ семинарію, писалъ онъ въ прошеніи, въ 1750 г.; въ 1754 г. (по справкѣ 5 дек. 1753 г.) отлучился отсюда въ Москву, а изъ Москвы въ Малороссію и скитался у разнаго званія людей; отлучился вслѣдствіе непонятности и тягчайшихъ за то наказаній отъ бывшаго префекта Гервасія Згурскаго" [4]).

Вспыльчивый, жестокій и несимпатичный характеръ Гервасія создалъ ему много непріятностей, именно вовлекъ его въ столкновеніе съ казеннымъ его преосвященства приказомъ, окончившееся для Гервасія очень неблагопріятно. Дѣло разыгралось на почвѣ того же вопроса о лошадяхъ. 4 апрѣля 1754 г. преосв. Платонъ прислалъ въ казенный приказъ распоряженіе о приготовленіи двухъ крестьянскихъ лошадей съ подводчикомъ для поѣздки въ Москву Гервасія, которому, „въ виду того, что съ наступленіемъ праздника Пасхи текущія дѣла по консисторіи, такъ и по семинаріи, пріостанавливаются и что онъ будетъ находиться праздно", еп. Платонъ приказывалъ къ наступающему празднику прибыть въ Москву и явиться къ нему „всенепремѣнно". Семинарская контора на то время поручалась консисторіи, а „над-

---

[1]) Л. 14.

[2]) Тамъ же, л. 15.

[3]) Арх. консист. 1755 г. № 981. „По словесному объявленію Владимірской семинаріи студента Михаила Павлова сына Гусева слова и дѣла Государева". (Дѣло утрачено).

[4]) Арх. консист. 1767 г. № 4229. „Объ опредѣленіи ученика Прокопія Петрова куда либо къ церкви".

смотрѣніе" надъ семинаріей—эконому іеромонаху Антонію. Лошади были изготовлены, и 7 числа Гервасій выѣхалъ изъ Владиміра, но безъ успѣха: испугавшись „видимой смерти", онъ возвратился обратно. 9 апрѣля въ консисторіи получили объявленіе, въ которомъ Гервасій писалъ: „Настоящаго 1754 г. апрѣля 7 числа по волѣ и благоусмотрѣнію его преосвященства приказано мнѣ было ѣхать въ Москву и явиться его преосвященству, почему я Апрѣля 7 съ великою охотою и поѣхалъ было, точію за великими по пути наводненіями и водороинами проѣхать было всячески невозможно: какъ то многажды случалося чрезъ проѣздъ 15 только верстъ премного случаевъ, показующихъ въ томъ неспособномъ пути имѣющейся приключиться гдѣ ни есть видимой смерти. А понеже видимая смерть паче всего есть страшна, того ради принужденъ былъ не безъ малыя печали я паки возвратиться во Владимірскую семинарію. А впредь свободнымъ путемъ ѣхать въ Москву и явиться его преосвященству съ великою моею охотою обовязываюся. О чемъ духовной консисторіи при семъ объявленіи даннаго мнѣ пашепорта благопочтенно объявляю". 23 апрѣля Гервасій входитъ съ новымъ доношеніемъ въ консисторію, въ которомъ заявляетъ о своемъ намѣреніи 26 апрѣля ѣхать въ Москву въ виду того, что „по слитіи водъ наступилъ къ поѣздкѣ путь безпрепятственный", и проситъ дать ему вторичный „пашепортъ" и надежныхъ лошадей съ подводчикомъ изъ дома его преосвященства. Паспортъ выдали, но казенный приказъ отказался дать лошадей. Мотивируя свой отказъ, казенный приказъ писалъ, что о прежнемъ путешествіи Гервасія донесено въ домовую контору владыки 11 апрѣля, но на то резолюціи не послѣдовало и по нынѣ, вслѣдствіе чего вторично безъ приказанія „оныхъ подводъ дать стало быть опасно". Происшествіе 7 апрѣля казенный приказъ освѣщалъ тоже иначе и совсѣмъ не въ пользу Гервасія: онъ видѣлъ во всемъ этомъ „презрѣніе приказанія повелѣнной силы" и „всякое отбывательство отъ той поѣздки". Тогда Гервасій задумалъ расправиться съ членами казеннаго приказа, какъ раньше Палладій расправился съ конюхомъ дома его преосвященства. Расправа вышла грубая, и Гервасій, стараясь поправить ошибку, обжаловалъ въ консисторію казенный приказъ первымъ. Въ протестѣ, поданномъ 27 апрѣля, онъ писалъ. „Настоящаго 1754 г. марта наипаче съ 7 числа колики ожесточенія, поношенія же и ругательства даже до сего апрѣля 27 числа дому его преосвященства отъ различныхъ въ различномъ званіи находящихся людей претерпѣвалъ, о томъ въ духовной его преосвященства консисторіи (понеже терпѣнію уже нѣтъ мѣста) благопочтеннѣйшее протестую. А впредь кто я таковъ и кто различныи въ различномъ званіи находящіися люди и о протчемъ гдѣ надлежитъ доно-

сить никогда не промину. О чемъ духовной консисторіи за извѣстіе сей протестъ и посылаю". Консисторія затребовала справокъ отъ казеннаго приказа. Возникло цѣлое дѣло, по окончаніи котораго выяснилось слѣдующее. 25 апрѣля въ день коронованія Ея Императорскаго Величества Елизаветы Петровны Гервасій вмѣстѣ съ другими былъ для священнослуженія и молебнаго пѣнія въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ. По окончаніи „всея тоя церковной церемоніи", Гервасій съ прочими духовными и свѣтскими лицами былъ приглашенъ на обѣдъ въ домъ воеводы Владимірской провинціи Ивана Шишкова. Сюда прибылъ изъ дому его преосвященства экономъ іеромонахъ Антоній съ казначеемъ подкеларщикомъ іеродіакономъ Мартиріемъ. „По отправѣ трапезы", Мартирій попросилъ Гервасія „для посѣщенія" къ себѣ въ келью. Гервасій согласился и поѣхалъ изъ дому воеводы въ одной коляскѣ съ іеромонахомъ Варлаамомъ. У конюшни его преосвященства Гервасій велѣлъ остановить коляску и спросилъ стоявшихъ здѣсь студентовъ, идетъ ли за ними Мартирій? Мартирій, который слѣдовалъ за коляской отъ дома воеводы, подошелъ къ Гервасію и сталъ вторично его упрашивать войти въ келью для угощенія. „Пойдемъ прежде на конюшню, обратился къ Мартирію Гервасій, и посмотримъ назначенныхъ мнѣ къ выѣзду лошадей". Но Мартирій всячески отговаривался и настойчиво упрашивалъ Гервасія зайти въ келью. Тогда Гервасій обратился къ стоявшимъ здѣсь студентамъ Матѳею Пылаевскому, Ивану Краеву, Ивану Глебовскому съ приказаніемъ взять Мартирія и отвести насильно въ келью. (Приказаніе сопровождалось нецензурными ругательствами). Поименованные студенты взяли Мартирія подъ руки и вмѣстѣ съ префектомъ и другими собравшимися учениками ввели Мартирія въ его келью. Здѣсь Гервасій, обращаясь къ Мартирію, сталъ громко кричать, называя его „пьянымъ" и другими позорными именами. Мартирій имѣлъ на это учтивый отзывъ, что „онъ того пьянства на себѣ не признаетъ". Въ отвѣтъ на это Гервасій велѣлъ студенту Алексѣю Орлову принести плети и, когда плети были принесены, сталъ грозить Мартирію и кричать: „не токмо васъ плетьми сѣчь буду, но и намѣстника вашего высѣкъ бы, но токмо де поспѣшило его счастье, что уѣхалъ въ Москву". На крикъ и шумъ, произведенный префектомъ, собралась огромная толпа мимошедшихъ градскихъ и уѣздныхъ людей, и „немалое дому его преосвященства воспослѣдовало нареканіе и постыдъ". Неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась эта шумная исторія. На счастье въ келью вошелъ экономъ дома его преосвященства іеромонахъ Антоній и заявилъ, что всякія справки по конюшнѣ и конюшеннымъ приборамъ должно требовать отъ него, эконома. Гервасій и на Антонія прикрикнулъ: „тебѣ что поганый сынъ за

дѣло"? и велѣлъ даже студентамъ и его, эконома, отвести, впрочемъ, не сказалъ куда. Тогда „за опасность, чтобы не учинилось какой тревоги", студенты Орловъ и Крыловъ были арестованы, и шумъ затихъ. Обо всемъ подробно извѣстили владыку. Тяжесть проступка Гервасія усугублялась тѣмъ, что все это дебоширство произошло въ табельный день. Какъ отнесся преосв. Платонъ къ этому доношенію, остается неизвѣстнымъ [1]. Но, очевидно, онъ остался недоволенъ Гервасіемъ, такъ какъ 2 мѣсяца послѣ описаннаго инцидента послѣдовало назначеніе ректора во Владимірскую семинарію. Именно, заручнымъ опредѣленіемъ Платона отъ 27 іюня 1754 г. во Владимірскую семинарію назначенъ былъ ректоромъ архимандритъ Товія [2].

Архимандритъ Товія (Кремповскій) былъ во Владимірской семинаріи первымъ ректоромъ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ Павелъ этого званія не носилъ. Во Владимірѣ Товія прибылъ въ началѣ 1753 г. и назначенъ былъ преосв. Платономъ на первыхъ порахъ экзаменаторомъ и присутствующимъ въ домовой его преосвященства конторѣ. О прежней службѣ Кремповскаго Іоасафъ, епископъ Бѣлградскій, отъ котораго Товія былъ посланъ во Владимірскую епархію, писалъ слѣдующее. „Къ требуемому послушанію въ домъ вашего преосвященства іеромонахъ Товія Кремповскій нынѣ посылается, который давно бъ былъ отправленъ, но за порученіемъ ему отъ Харьковскаго коллегіума послушанія и отдачею того по описи немного умедлилъ. Въ чемъ вашего преосвященства покорно прошу того умедленія ему не поставить въ погрѣшность и въ своей пастырской милости содержать, яко трудившагося въ преподаяніи Славенолатинскихъ школахъ учителемъ и въ другихъ послушаніяхъ. Коей милости и себе съ почтеніемъ рекомендуя, со врученіемъ святительскимъ молитвамъ есмь и пребуду"... [3]. О дѣятельности Товіи, какъ ректора семинаріи, въ консисторскомъ архивѣ имѣется мало свѣдѣній [4]. Но, кажется, что и вообще его дѣятельность по семинаріи была не велика. Мягкій, уступчивый, представляющій полную противоположность Гервасію, онъ держался въ сторонѣ отъ всякихъ хлопотливыхъ заботъ и непріятныхъ столкновеній, такъ что въ его управленіе семинаріею слышимъ больше о дѣятельности префектовъ и учителей, чѣмъ ректора.

Префектомъ при Товіи былъ іеромонахъ Лаврентій. Онъ

---

[1]) Арх. консист. 1754 г. № 846, лл. 13 сл.

[2]) Опись Боевскаго № 37.

[3]) Арх. консист. 1753. Дѣло безъ № и заглавія.

[4]) Изъ цѣльныхъ дѣлъ сюда можно отнести развѣ „Дѣло по доношенію Цареконстантинова монастыря архимандрита Товіи, при которомъ представлены ученики для посвященія въ стихарь". 1756 г. № 1281.

смѣнилъ жестокаго и крутого Гервасія въ 1754 г. или въ началѣ 1755 г. [1]). Первое и единственное дѣло въ консисторскомъ архивѣ, въ которомъ встрѣчаемъ упоминаніе о Лаврентіи, есть жалоба на него, поданная въ консисторію іеромонахомъ Богородицкаго монастыря Климентомъ. Климентъ донесъ, что іеромонахъ Лаврентій „противъ 25 числа апрѣля не былъ у всенощнаго бдѣнія, а 25 литургіи и священнослуженія, кромѣ одного молебна, не отправлялъ". Въ 25 день праздновалось торжество коронованія Ея Императорскаго Величества, и консисторія велѣла Лаврентія „сыскавъ противъ сего доношенія, допросить". Позванный въ консисторію 29 числа, Лаврентій показалъ, что онъ не отправлялъ священнослуженія для того, „понеже на 24 число сего апрѣля весьма заболѣлъ, и была у него великая горячка и подъ грудь колотье... которая болѣзнь въ немъ тяжестно продолжалась сего апрѣля по 29 число, а въ точное здравіе онъ не пришелъ и по нынѣ". Въ истинности своего показанія Лаврентій ссылался на монашествующихъ Богородицкаго монастыря іеродіакона Исаію, монаха Серапіона и нѣкоторыхъ студентовъ. Въ консисторіи опредѣлили: „допросить порознь монашествующихъ и студентовъ, а пока они допрашиваемы будутъ, удержать Лаврентія подъ карауломъ". Показанія свидѣтелей были благопріятны для обвиняемаго. Всѣ они показали, что 24 и 25 чиселъ мѣсяца апрѣля іеромонахъ Лаврентій подлинно былъ боленъ. Одинъ изъ учениковъ Василій Экземплярскій могъ кромѣ того засвидѣтельствовать, что „отъ оной болѣзни грудь у него немного вспухла и во время сей болѣзни онъ, Экземплярскій, по призыву его учителя у него въ кельи какъ въ день былъ, такъ и ночевалъ и объ оной болѣзни хорошо извѣстенъ". По давши благопріятныя показанія въ пользу отвѣтчика, ученики допустили нѣкоторую нескромность, выдавшую одну изъ слабостей ихъ учителя. Объясняется это, кажется, самою формою запросныхъ пунктовъ, предложенныхъ свидѣтелямъ. Высочайшимъ указомъ, даннымъ отъ 15 апрѣля 1736 г., велѣно было штрафовать, не присылая въ тайную канцелярію, тѣхъ изъ неисправившихъ въ высокоторжественные и викторіальные дни всенощныхъ бдѣній, литургій и молебствій, кои не исполнили этого или оттого, что отъ домовъ своихъ, не имѣя правильной нужды, отлучились, или отъ забвенія и пьянства. Такъ какъ Лаврентій не отлучался отъ семинаріи, то въ консисторіи свидѣтелямъ и дали запросъ, не опустилъ ли Лаврентій богослуже-

[1]) Время выхода Гервасія изъ семинаріи такъ же, какъ и Гедеона, неизвѣстно. К. Ѳ. Надеждинъ ставитъ выходъ Гервасія изъ семинаріи въ связи съ его жестокостями, но безъ ссылки на документальныя данныя (стр. 44). Можно только положительно сказать, что Гервасій оставилъ семинарію не позже 1755 г., когда во Владимірѣ былъ новый префектъ Лаврентій.

нія вслѣдствіе забвенія или пьянства? Желая оправдать своего учителя отъ обвиненія въ пьянствѣ 24 и 25 апрѣля, ученики показывали: „помяненной семинаріи учитель іеромонахъ Лаврентій минувшаго апрѣля 23 числа немного пьянъ былъ, а 24 числа ни мало пьянъ не былъ“. Какъ бы то ни было, Лаврентія оправдали, но вмѣсто штрафа за сдѣланное имъ опущеніе положили „за Ея Императорскаго Величества и Высочайшей фамиліи здравіе и многолѣтнее пребываніе, при достодолжномъ къ Всевышнему Богу молитвословіи, имѣть ему учителю и іеромонаху Лаврентію въ той же семинарской церкви ежедневное чрезъ цѣлую седмицу священнослуженіе и въ томъ его учителя и іеромонаха Лаврентія въ оной консисторіи обязать подпискою“ [1]).

6 сентября того же года Лаврентія уже не было въ семинаріи; его мѣсто занялъ присланный изъ Кіева іеромонахъ Моисей [2]). При общемъ только надзорѣ со стороны архимандрита Цареконстантинова монастыря Товіи, вся тяжесть школьнаго обученія по прежнему легла на плечахъ одного Моисея. При объясненіи того, какъ одинъ учитель могъ заниматься съ 80 учениками [3]), подраздѣленными по знаніямъ на нѣсколько классовъ, приходится признать, что практика Палладія, допускавшаго въ занятіяхъ сотрудничество болѣе подготовленныхъ и болѣе возрастныхъ студентовъ, которою, несомнѣнно, пользовались Гервасій и Лаврентій, продолжалась и во времена Моисея. Но такой порядокъ могъ съ нѣкоторымъ удобствомъ дѣйствовать лишь до тѣхъ поръ, пока во Владимірской семинаріи не былъ открытъ философскій классъ. А это и случилось въ началѣ 1757 г. Въ январѣ мѣсяцѣ (21 дня) 1757 поступило въ консисторію отъ префекта Моисея доношеніе слѣдующаго рода. „Съ прошлыхъ 1755 и 1756 годѣхъ обучалъ я въ реченной его преосвященства семинаріи учениковъ школѣ риторикѣ, которые за помощцью Божіею оное риторическое ученіе и совершили, а нынѣ по приказанію его преосвященства обучаю оныхъ учениковъ философіи, протчіи же

---

[1]) Арх. консист. 1755 г. № 950. „По доношенію семинарскаго Богородицкаго монастыря іеромонаха Климента о небытіи той семинаріи учителемъ іеромонахомъ Лаврентіемъ 25 числа у всенощнаго бдѣнія и литургіи“. Въ своемъ доношеніи въ консисторію іеромонахъ Климентъ писалъ: „а для чего онъ не отправлялъ богослуженія, о томъ я нижайший неизвѣстенъ, а за необъявленіе онаго опасаюся извиненія“. Въ дѣйствительности дѣло едва ли такъ обстояло. Возможно, что доношеніе въ консисторію вызвано было личными счетами между Климентомъ и Лаврентіемъ. По крайней мѣрѣ единовременно подано было и Лаврентіемъ въ консисторію доношеніе на Климента „въ повержении имъ въ св. Великій Четвергъ во время священнослуженія св. Агнца (Опись Боевскаго. 1755 г. № 49).

[2]) Опись Боевскаго 1755. № 108.

[3]) См. списки 1756 г. Вып. II.

ученики, достигшіи риторическаго ученія, остались нынѣ безъ учителя, и потому во ученіи ихъ весьма мало оказуется успѣяніе: мнѣ же именованному не точію сугубо философіи и риторикѣ обучать трудно, но и единую философію за природною моею (о чемъ и его преосвященству извѣстно) мелинхолическою болѣзнью (которая еще съ прошлаго 1756 года силу взявъ, болѣе и болѣе мене одолѣвая, толикое замѣшательство мыслей затменіе уму моему наводитъ, что я часто и о себѣ самомъ чувства памяти лишаюсь) преподавать тяжкую имѣю неспособность. А понеже епархіи его преосвященства Владимірскаго уѣзда въ селѣ Крутцѣ при церкви Богоявленія Господня имѣется діаконъ Андрей Стефановъ, который риторическому ученію съ пріобщеніемъ протчихъ вящщихъ наукъ обученъ довольно и въ вышепоказанной семинаріи его преосвященства учениковъ риторики обученію можетъ быть способнымъ, того ради духовной его преосвященства консисторіи доношеніемъ почтенно представляю, дабы благоволено было о присылкѣ въ семинарію его преосвященства показаннаго діакона для обученія риторикѣ по представленію куда надлежитъ возымѣть неукоснительное рачение". Спустя пять дней такого же рода „предложеніе" внесено было въ консисторію со стороны Товіи. И Товія писалъ, что „кромѣ имѣющагося нынѣ учителя іеромонаха Моисея, кой и префектовскую должность правитъ, для совершеннаго грамматическихъ правилъ затвержденія и риторическихъ началъ обученія, надобенъ особый учитель, какъ „по числу умножившихся нынѣ учениковъ [1]), такъ и по распредѣленію въ ученіяхъ классовъ". Указывая на того же діакона Андрея Стефанова, Товія заявлялъ, что Стефановъ „по данному ему отъ Троицкой лавры засвидѣтельствованію латинскаго діалекта изученъ оказывается". (Стефановъ былъ ученикомъ Троицко-лаврской семинаріи).

По полученіи приведенныхъ доношеній, изъ консисторіи послали въ село Крутецъ разсыльщика Ивана Дмитріева съ порученіемъ „взять онаго Стефанова и приведъ во Владиміръ объявить въ духовной консисторіи". О желаніи самого Стефанова не спрашивали. 8 февраля Стефановъ вступилъ въ должность учителя школы синтаксимы Кромѣ того ему предоставлено было діаконское мѣсто съ церковнымъ доходомъ при Владимірской церкви Николая, зовомаго Стараго. Жалованья за учительскую службу не было назначено никакого. Это былъ, кажется, первый учитель изъ своихъ епархіальныхъ (хотя и не изъ питомцевъ), и съ нимъ можно было обходиться болѣе домашнимъ способомъ.

---

[1]) Въ 1755 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ произошелъ новый наборъ священно-церковнослужительскихъ дѣтей къ укомплектованію семинаріи (См. Опись Боевскаго 1755 г., дек. 4, № 198).

Три мѣсяца спустя Стефановъ подалъ однако въ консисторію прошеніе, въ которомъ говорилъ. „Нахожусь я въ той семинаріи въ отправленіи своея должности со всеохотнымъ раченіемъ четвертый мѣсяцъ, но не точію денежнаго за труды воздаянія, но ниже дневныя пищи отъ семинаріи не получалъ ни малой части. Съ чего, а болѣе перебираючись изъ давняго бываго жилища моего во Владимірѣ съ нужными домашними скарбами моими наемнымъ перевезеніемъ, также и нынѣ (яко человѣкъ свѣцкой и необходимо долженъ съ домашними моими имѣть особенный внѣ семинаріи къ прожитію домъ) пристраиваючи себѣ домашнюю хижину, предъ многими немалымъ числомъ во всякихъ нуждахъ обязаннымъ должникомъ сдѣлался. Того ради Владимірскую духовную консисторію всепокорно прошу, дабы соблаговолено было милостиво опредѣлить мнѣ, сколько заблагоразсудится, что надлежитъ на пропитаніе и на каковомъ благоволено будетъ и впредь быть мнѣ содержаніи учинить милостивое благоразсмотрѣніе и опредѣленіе“. Въ консисторіи велѣли забрать справки и послать вѣдѣніе отцу префекту о степени прилагаемаго Стефановымъ въ семинаріи труда и происходящей отъ того пользѣ. Префектъ Моисей засвидѣтельствовалъ, что діаконъ Стефановъ „по силѣ искусства своего отправлять должность учительскую можетъ и по способности прилежанія прилежаетъ, отчего и равно могущая происходить во ученіи польза въ теченіи своемъ до сего числа беззапинательна была“. Послѣ такой рекомендаціи въ консисторіи приказали сверхъ должнаго Стефанову отъ Николаевской церкви дохода выдать отъ дому архіерейскаго ржи три да овса двѣ четверти, а на прочія его нужды изъ семинарской конторы денегъ 4 руб., объ опредѣленіи же ему обыкновеннаго годового жалованья имѣть разсмотрѣніе по прибытіи его преосвященства (разумѣется, преемника умершаго еп. Платона) [1]). Это опредѣленіе консисторіи состоялось въ маѣ, а еще 16 апрѣля въ половинѣ 11-го утра скончался въ Москвѣ преосв. Платонъ [2]).

Какъ видимъ, Владимірская семинарія въ періодъ управленія епархіею Платона была не богата наставниками. При постоянной смѣнѣ учителей, семинарія только въ первые два года своего существованія и въ послѣдній жизни Платона видѣла въ своихъ стѣнахъ одновременно двухъ учителей; въ остальное же время всѣ тяготы учительской жизни обыкновенно несло одно лицо.

---

[1]) Арх. консист. 1757 г. № 1384. „По предложенію Владимірской семинаріи ректора Царевоконстантиновскаго архимандрита Товіи о переведеніи Владимірскаго уѣзда села Крутца церкви Богоявленія Господня діакона Андрея Стефанова града Владиміра къ церкви Николая Чудотворца, зовомаго Стараго, и о бытіи въ реченной семинаріи ему діакону въ школѣ синтаксимы учителемъ“.

[2]) Арх. Св. Синода 1757 г. № 142.

Но уже одно то обстоятельство, что школьное обученіе во Владимірской семинаріи продолжалось все время непрерывно, должно признать великою заслугою Платона. Достигнуть этого было нелегко. Чтобы достать учителей, еп. Платону приходилось обращаться или къ своей alma mater—Кіевской академіи, или въ Харьковскій коллегіумъ; а тамъ для поѣздки во Владиміръ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, можно было найти охотниковъ, конечно, не всегда, а главное—такихъ охотниковъ, которые бы дѣйствительно могли быть полезными для дѣла. Семинарія въ лицѣ своихъ представителей понимала, кто поддерживалъ ея жизнь и бытіе. Вскорѣ по кончинѣ еп. Платона надгробный памятникъ его украсился акростихомъ, составленнымъ префектомъ Моисеемъ [1]), который въ стихахъ, нѣсколько тяжеловатыхъ и нечуждыхъ южно-русскихъ полонизмовъ, изобразилъ жизнь и дѣятельность основателя Владимірской семинаріи такъ:

П—ечальный камень! многихъ рака слезъ достойна!
  Е—сть сей одръ, одръ покойный пастыря Платона,
Р—азумомъ знаменита, Синода святѣйша
  П—рисутственника бывша и члена славнѣйша,
Е—гоже въ Малой Руси родъ отъ благородныхъ
  И—зрядствомъ большъ просіялъ ученій свободныхъ.
Е—днакъ къ лутшимъ паче сихъ имѣя охоту,
  С—лавѣ міра предпочтилъ духовну доброту.
С—лова проповѣдь его суща въ углѣ скрытомъ
  К—ъ ползѣ церкви вывела въ Сѣвскъ архимандритомъ,
В—озведенъ потомъ въ лавру Владиміра Града.
  О—бновляя паству словеснаго стада
Я—вно всѣхъ тѣмъ удивилъ, что пустъ и оставленъ
  П—рестолъ издавна лежащь скоро имъ исправленъ.
Щ—астіе общей ползы тщась распространити
  П—ервый потщался наукъ сѣмя насадити.
Е—пископскихъ правилъ былъ твердѣйшій хранитель,
  Л—ихоимства не любящь, правды же любитель.
Н—о ахъ, семьсотъ пятьдесятъ и седмаго лѣта
  А—приля число дважди осьмое, навѣта
Н—аполненное пріиде, и сіе свѣтило
  Т—рудомъ водянымъ во градѣ Москвѣ погасило.

[1]) Арх. консист. Журн. консист: 1760, апр. 30, № 7. Иконописцу за надписаніе на доскѣ стиховъ Моисея выдано было изъ консисторіи 3 р. Тамъ же. Дек. 21. № 1.

I—змоскви впаству принятъ печальными встрѣчи
О—тъ пастви въ рай проведенъ надгробными рѣчи,
П—детъ пастырю зсуетствъ къ жизни вѣчной
П—аслѣдствуй безсмертные плоды мзды сторично [1]).

ГЛАВА IV.

Учебно-воспитательная часть.—Наборъ учениковъ.—Молодшіе монахи.—Классы.—Литературные памятники.—Командирство.—Истязанія.—Каникулы.—Бѣгуны.

Владимірская семинарія, какъ и другія семинаріи того времени, была заведена для обученія священно-церковнослужительскихъ дѣтей латинскому діалекту „въ надежду священства". Такъ какъ такое обученіе было дѣломъ для епархіи новымъ, необходимость котораго не всѣми ясно сознавалась, то о добровольной отдачѣ священнослужителями своихъ дѣтей въ школу на первыхъ порахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Мы видѣли что первое укомплектованіе семинаріи учениками представляло въ своемъ родѣ „наборъ", при которомъ пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ духовнымъ правленіямъ съ ихъ разсыльными и сторожами. Принимались въ семинарію однако только умѣющіе читать и писать Хотя для явки къ испытаніямъ назначенъ былъ опредѣленный срокъ—январь мѣсяцъ 1750 г., но къ этому сроку явились далеко не всѣ. Зачисленіе дѣтей въ семинарію, удовлетворявшихъ принятому цензу, пришлось поэтому производить постепенно, по мѣрѣ прибытія ихъ во Владиміръ, вслѣдствіе чего первый курсъ новоучрежденной семинаріи составился изъ питомцевъ, вступившихъ на порогъ школы не въ одинъ день и не въ одинъ мѣсяцъ. Эта разносоставность перваго курса еще болѣе усилилась бы въ случаѣ осуществленія одного изъ плановъ еп. Платона. Впрочемъ, его не удалось привести въ исполненіе.

Именно, преосв. Платонъ, ревниво заботясь о просвѣщеніи новоучрежденной епархіи, желалъ, чтобы заведенная имъ семинарія была питомникомъ не только для священно-церковнослужительскихъ дѣтей, но и для тѣхъ изъ взрослыхъ людей, которые болѣе другихъ нуждались въ просвѣщеніи. Въ указѣ отъ 24 іюня 1752 г., назначая Палладія настоятелемъ Богородицкаго монастыря, Платонъ повелѣлъ ему „имѣть въ своемъ вѣдомствѣ и управленіи монашествующихъ, сколько ихъ въ ономъ монастырѣ

[1]) Текстъ акростиха приведенъ по сочиненію прот. А. Виноградова „Исторія каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. г. Владимірѣ". 1891. стр. 72, прим. 1.

обрѣтается и впредь сколько, особливо въ силу святыхъ правилъ Духовнаго Регламента и Ея Императорскаго Величества указовъ молодшихъ монаховъ же для обученія будетъ опредѣлено". Для сего еп. Платонъ повелѣваетъ консисторіи учинить поимянный списокъ молодшихъ монашествующихъ, обрѣтающихся въ дому его и въ другихъ монастыряхъ, и передать этотъ списокъ Палладію для отсылки въ домовую его преосвященства контору. [1]). Немедленно посланы были указы во всѣ духовныя правленія съ прописаніемъ распоряженія владыки. Забраны были справки въ монастыряхъ о томъ, сколько гдѣ имѣется молодшихъ монашествующихъ, обученныхъ грамотѣ, и отвѣты получены больше отрицательнаго свойства. Отъ всѣхъ почти монастырей присланы были донесенія такого рода: „По справкамъ въ ономъ монастырѣ молодшихъ монашествующихъ, обученныхъ грамотѣ, никого не имѣется, а которые монашествующіе въ томъ монастырѣ имѣются, точію уже престарѣлые, и оныхъ имяны и въ каковыхъ лѣтахъ имѣются, о томъ при семъ сообщенъ реестръ" [2]). Приложенные реестры вполнѣ подтверждали донесеніе, такъ какъ въ нихъ всѣ почти монахи показаны достигшими глубокой старости [3]). Одинъ только строитель Городецкаго Богородицкаго монастыря показалъ, „что въ томъ Богородицкомъ Θеодоровскомъ монастырѣ имѣется изъ таковыхъ молодшихъ монаховъ одинъ монахъ Филаретъ", но при этомъ добавилъ: „но онъ мало что и грамотѣ обученъ, точію едва можетъ псалмы съ трудомъ прочесть, и тотъ только одинъ въ томъ монастырѣ въ чтеніи псалмовъ и протчаго церковнаго исполненія" [4]). Строитель Флорищевой пустыни іеромонахъ Филагрій въ числѣ молодшихъ монашествующихъ, обученныхъ грамотѣ, поименовалъ троихъ, но въ графѣ о лѣтахъ каждый изъ нихъ отмѣченъ былъ немногимъ меньше сорока лѣтъ [5]). Попытка еп. Платона просвѣтить молодшихъ монаховъ Владимірской епархіи окончилась, такимъ образомъ, неудачей. Изъ вѣдомости о монашествующихъ за 1754 г. видно, что въ январѣ мѣсяцѣ этого года при семинаріи числилось пять монаховъ: іеромонахъ Гервасій, префектъ и настоятель Богородицкаго монастыря, іеромонахъ Климентъ—при священнослуженіи, іеромонахъ Варлаамъ—въ клиросномъ послушаніи, іеродіаконъ Исаія—при священнослуженіи и монахъ Серапіонъ—у содержанія ризницы и въ клиросномъ по-

---

[1]) Арх. консист. 1752 г. № 650.
[2]) Тамъ же, Ср. л. 51.
[3]) См., напр., л.л. 49. 51. 58.
[4]) Тамъ же, л. 47.
[5]) Тамъ же, л. 40.

слушаніи 1). О молодшихъ монахахъ, находящихся въ обученіи, совершенно не упоминается.

Разновременность поступленія дѣтей во Владимірскую семинарію въ связи съ разнообразіемъ въ ихъ познаніяхъ и способностяхъ вызвала вскорѣ же по основаніи семинаріи подраздѣленіе учениковъ на классы. Въ спискѣ 1756 г. мы встрѣчаемъ уже упоминаніе о слѣдующихъ школахъ: риторикѣ, синтаксимѣ, грамматикѣ и инфимѣ. Такъ какъ учителями нашей семинаріи были на первыхъ порахъ питомцы южно-русскихъ школъ, то, очевидно, съ этими названіями классовъ соединялись такія же понятія, какъ и въ Кіевской академіи. Въ инфимѣ учились читать и писать полатыни и знакомились съ первоначальными этимологическими правилами латинскаго языка, считавшагося основою всѣхъ знаній. Въ грамматикѣ проходились всѣ грамматическія правила съ показаніемъ ихъ на практикѣ въ экзерциціяхъ и оккупаціяхъ. Въ синтаксимѣ шло дальнѣйшее усовершенствованіе въ знаніи формъ латинскаго языка. и, наконецъ, въ риторикѣ предлагался рядъ регулъ, имѣющихъ практическое значеніе научить ученика писать и выработать изъ него оратора [2]). Нельзя думать, чтобы перечисленные классы помѣщались въ отдѣльныхъ комнатахъ и имѣли подобіе нашихъ нынѣшнихъ семинарскихъ классовъ. Это было скорѣе то, что называется группами въ низшихъ училищахъ. Съ такимъ пониманіемъ классовъ согласуется все то, что намъ извѣстно о количествѣ учителей Владимірской семинаріи въ первое время ея существованія. — Класса философіи въ августѣ 1756 г. еще не было. Когда въ 1756 г. семинарская контора получила указъ о выборѣ трехъ студентовъ. которые. „во священствѣ и въ протчемъ церковномъ причтѣ быть не похотятъ", для обученія хирургическимъ и аптекарскимъ наукамъ въ Москвѣ, то дала такой отвѣтъ: „по объявленіи онаго указа въ реченной семинаріи къ показанной наукѣ охотниковъ никого не отыскалось, паче же что въ оной семинаріи ученики за неначатіемъ еще философіи (какъ въ ономъ указѣ изображено) философическихъ частей еще необучены. почему за силу онаго указа къ означенной наукѣ въ оной семинаріи достойныхъ не имѣется" [3]). Въ началѣ 1757 г., какъ можно видѣть изъ донесенія префекта Моисея (см. стр. 45). философскій классъ во Владимірской семинаріи уже

---

[1]) Арх. консист. 1753—54 гг. „Дѣло о присылкѣ въ св. Синодъ вѣдомостей, сколько состоитъ на лицѣ по монастырямъ и пустынямъ монашествующихъ".

[2]) См. Знаменскій. „Духовныя школы"..., стр. 438 сл.

[3]) Арх. консист. 1756 г. № 3250. „Объ отсылкѣ учениковъ въ академію".

существовалъ. Иванъ Стихаловскій, оставившій семинарію въ 1758 г., считается окончившимъ курсъ философіи [1]).

Какихъ нибудь литературныхъ памятниковъ этого періода въ формѣ лекцій, записокъ до нашего времени не дошло. Въ литературномъ сборникѣ священника Николая Спасокукоцкаго, писанномъ имъ въ 1812—14 году и бывшемъ въ распоряженіи К. Ѳ. Надеждина, сохранилось только нѣсколько стихотвореній, сочиненныхъ семинаристами въ 1754 г. на день имянинъ Платона [2]). Стихотворенія эти приведены нами въ приложеніяхъ. По формѣ они тяжеловѣсны, какъ и эпитафія, сочиненная Моисеемъ. Но вѣдь это первый лепетъ семинарской музы!

Воспитательная практика Владимірской семинаріи половины XVIII столѣтія стояла на томъ же уровнѣ, до котораго возвысилась практика всѣхъ нашихъ тогдашнихъ школъ. Главнѣйшимъ недостаткомъ ихъ въ то время было преобладаніе въ воспитаніи началъ юридическихъ, служебныхъ, благодаря которымъ на нравственное развитіе воспитанника обращалось меньше вниманія, чѣмъ слѣдовало. Ученикъ трактовался не какъ воспитанникъ, а какъ гражданинъ, служащій человѣкъ, обязанный выполнять всѣ оффиціи своего званія и за нарушеніе ихъ подвергающійся, какъ преступникъ, принятымъ въ то время взысканіямъ. Съ этой точки зрѣнія становятся понятными и объяснимыми многія изъ явленій тогдашней школьной жизни, представляющіяся странными и неудобомыслимыми теперь. Служебно юридическія начала тогдашней системы воспитанія сказывались больше всего во взаимныхъ отношеніяхъ между учащими и учениками. Это были не отношенія воспитывающихъ къ воспитываемымъ, а скорѣе отношенія начальниковъ или какъ тогда характерно называли „командировъ“ къ подчиненнымъ, при чемъ командиръ облеченъ былъ всѣми правами власти и могъ безнаказанно злоупотреблять ею. Командирство, субординація изъ сферы отношеній учителей къ ученикамъ перенесены были во всѣ отправленія семинарской жизни и дали цѣлый рядъ любопытныхъ, но печальныхъ явленій.

1752 г. 24 ноября поваръ Алексѣевъ готовилъ обѣдъ для учителя семинаріи іеромонаха Палладія. Случилось ему на бѣду отлучиться въ чуланъ за припасами. Въ его отсутствіе вбѣжала въ кухню собака и, схвативъ одну изъ рыбъ, лежавшихъ на столѣ, убѣжала. Чрезъ нѣсколько времени является въ кухню ученикъ Гусевъ и требуетъ рыбы къ столу Палладія. Гусевъ былъ келейникомъ Палладія. Будучи отъ природы нрава гордаго и своенрав-

---

[1]) Арх. консист. 1759. № 1931. „О произведеніи Владимірской семинаріи учителя Ивана Иванова къ градской Николаевской церкви во діакона“.

[2]) См. Влад. Епарх. Вѣд. 1882 г. № 5, стр. 115.

наго, онъ, по положенію келейника учителя, любилъ „командирски“ расправляться съ учениками и служителями. Особенно доставалось отъ него бѣднымъ служителямъ: при всякомъ удобномъ случаѣ онъ сѣкъ ихъ безпощадно. Офиціальной команды надъ ними ему, конечно, не принадлежало, но служителя семинарскіе, имѣя такого строгаго, и „невыностнаго“ командира, не осмѣливались забрать свѣдѣній касательно его правъ у кого слѣдуетъ. Для того, согласно обычной формѣ тогдашняго дѣлопроизводства, нужно было подавать формальное доношеніе съ рискомъ подвергнуться тѣлесному внушенію въ случаѣ, еслибы командирство Гусева оказалось юридически законнымъ. Выслушавъ донесеніе повара о случившемся несчастьи, Гусевъ, не слушая оправданій, началъ „по командирски расправляться съ Алексѣевымъ“. „И билъ, говоритъ Алексѣевъ, онъ, Гусевъ, меня нещадно по щекамъ и потомъ, не довольствуясь этимъ, велѣлъ сторожу Григорьеву принести розги, который и принесъ; и оными розгами меня именованнаго онъ, Гусевъ, велѣлъ бить немилосердно и ругался всячески и похвалялся еще больше бить?“ Вся эта безпощадная экзекуція сошла бы, конечно, съ рукъ Гусеву, какъ сходила она неоднократно и раньше, такъ какъ оба служителя—и рабски выполнившій приказаніе, и подвергшійся внушенію, были того убѣжденія, что Гусеву принадлежитъ командирство надъ ними. Къ несчастію только для Гусева, исторія эта случилась 24 ноября, въ день тезоименитства супруги наслѣдника Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. Кто то надоумилъ повара, что на Гусева можно подать прошеніе даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно командиръ, такъ какъ наказаніе совершено было въ недозволенное время, именно въ день тезоименитства Великой Княгини, въ который, какъ и во всякій царскій день, безчинства и побои строго воспрещались. И вотъ на имя преосв. Платона подана была жалоба, въ которой Алексѣевъ, изложивъ обстоятельства дѣла, главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Гусева выставилъ то, что онъ высѣкъ его, Алексѣева, въ день тезоименитства Екатерины Алексѣевны; „чего ради прошу, пишетъ онъ въ заключеніе своей просьбы, его, Гусева, допросить и учинить съ нимъ, какъ по ея Императорскому Величеству законамъ надлежитъ“. Начался разборъ дѣла. Позванный къ допросу, Гусевъ сказалъ: „Отъ несмотрѣнія его, Алексѣева, собака изъ кухни стащила рыбу, за что и былъ онъ мною наказанъ. Похвальныхъ словъ я ему, Алексѣеву, не говаривалъ, и что былъ высокоторжественный день, который должно свято и почтительно торжествовать и отъ всякихъ дракъ, ссоръ и наказаніевъ храниться, запамятовалъ“. Семинарская контора, разбиравшая жалобу Алексѣева, удовлетворилась показаніемъ Гусева; его ссылка на

„запамятованіе“, повидимому, найдена была достаточнымъ оправданіемъ безчинствъ и побоевъ, учиненныхъ имъ въ высокоторжественный день. И несомнѣнно онъ былъ бы оправданъ. Вся эта нравственно безобразная расправа зазнавшагося командира не только сошла бы ему съ рукъ, но наоборотъ получила бы санкцію со стороны высшей команды. Не кстати только для Гусева семинарская контора, разсматривавшая все дѣло съ юридической точки зрѣнія, выдвинула вопросъ о правахъ его на командирство. Гусеву, конечно, этихъ правъ не принадлежало; онъ оказался командиромъ самозваннымъ, фальшивымъ. Въ виду этого семинарская контора, „разсудивъ, что оный студентъ Гусевъ, надъ онымъ поваромъ Алексѣевымъ никакой команды неимѣющій, такъ дерзостно бить отважился, ибо, еслибы поименованнаго повара Алексѣева въ чемъ была погрѣшность, то ему Гусеву, не имѣя команды, ни по чему бить не слѣдовало, а должно о томъ, кому слѣдуетъ представить, а не собою, сверху всякаго права, дерзостно такъ устремляти, что не точію по щекамъ, но и розгою, положа наказывать, какъ командующій, постановила наказать его, Гусева, при собраніи всѣхъ студентовъ, учинивъ нещадное розгами наказаніе, дабы и другимъ на сіе смотря, такъ безстрашно дѣлать было неповадно“.—Заключеніе изъ всего этого процесса напрашивается само собою. Еслибы истецъ былъ дѣйствительно подъ командой отвѣтчика, нещаднаго наказанія отвѣтчика розгами не послѣдовало бы. Гусевъ жестоко поплатился не за то, что совершилъ нравственно-безобразный и постыдный поступокъ, а за то, что совершилъ его, не имѣя на то командирскихъ правъ. Спрашивается, какого рода нравственные принципы имѣло въ виду семинарское начальство укрѣпить въ ученикахъ нещаднымъ истязаніемъ въ ихъ глазахъ товарища? [1]).

Исторія Гусева переноситъ насъ въ область тѣхъ жестокихъ экзекуцій, которыми славилась педагогія половины XVIII столѣтія. Если такъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ самозванный командиръ, не имѣвшій подъ собою законной почвы, то что, спрашивается, говорить о дѣйствительныхъ командирахъ: начальникахъ, наставникахъ и тѣхъ изъ старшихъ учениковъ, которымъ ввѣрены были командирскія права? Побои, нещадное наказаніе розгами, публичное истязаніе были обычными мѣрами педагогическихъ вразумленій. Этими терминами пестрятъ архивныя семинарскія дѣла третьей четверти XVIII столѣтія. Мы уже говорили о томъ, какую дурную славу въ

[1]) Арх. консист. 1752 г. № 702. „Прошеніе сторожа Петра Алексѣева о причиненіи ему студентомъ Михаиломъ Гусевымъ въ высокоторжественный день 24 Ноября тяжкихъ побой“. Дѣло не отыскано; воспроизведено по Надеждину (стр. 58 сл.).

этомъ смыслѣ оставилъ по себѣ префектъ Гервасій. Но онъ не былъ исключительною личностью. Времена Моисея едва ли были лучше. При немъ истязаніе семинаристовъ носило публичный характеръ, совершалось открыто на монастырскомъ дворѣ. Вопли истязуемыхъ привлекали массы любопытныхъ, стекавшихся къ Богородицкому монастырю смотрѣть, какъ учатъ уму-разуму бурсаковъ. Дѣло дошло до того, что консисторія вынуждена была 2 іюля 1757 г. дать въ семинарскую контору указъ „о не наказываніи префекту семинаристовъ посредѣ монастыря, а о наказываніи ихъ за вину внутри семинаріи по силѣ Духовнаго Регламента“ [1]).

Суровый дореформенный режимъ, основанный на тѣлесныхъ наказаніяхъ, мало, конечно, содѣйствовалъ укрѣпленію связи между питомцами и школой. Ученики и безъ того вступали на порогъ школы съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ нея, поскольку она насильно отрывала ихъ отъ родной семьи. Встрѣчая въ школѣ непривѣтливый пріемъ и познакомившись на опытѣ съ горечью корня ученія, они ожесточались еще больше. Неудивительно поэтому, что большинство изъ учениковъ глядѣло изъ семинаріи вонъ и, если оставалось въ стѣнахъ ненавистнаго имъ зданія, то только потому, что выходъ изъ него былъ загражденъ для нихъ страхомъ ожидающихъ наказаній и бдительностью надзора со стороны начальства. Семинарское начальство видѣло это и старалось отнять у семинаристовъ всѣ средства и всякую возможность вырваться изъ стѣнъ заведенія. Особенно опаснымъ съ этой точки зрѣнія представлялся отпускъ на каникулы. Еще въ Духовномъ Регламентѣ рекомендовалось ученика, принятаго въ духовную школу, не отпускать изъ нея куда бы то ни было, даже къ роднымъ, „пока не обыкнетъ пребывая въ семинаріумъ и не ощутитъ знатной пользы таковаго воспитанія“ [2]). Владимірская семинарія, вполнѣ основательно опасаясь, чтобы ея питомцы, извѣдавъ снова сладость свободы, не пожелали навсегда освободиться отъ тягостнаго заключенія, первыя каникулы оттянула на особенно большой промежутокъ времени. Первый разъ учениковъ отпустили домой только въ 1756 г., т. е. шесть лѣтъ спустя послѣ основанія семинаріи, но и то по особымъ причинамъ, вынудившимъ семинарское начальство прекратить на время занятія и разослать учениковъ по домамъ.

Перваго августа 1756 г. было подано семинарской конторой въ епархіальную консисторію доношеніе, гдѣ сообщалось слѣдующее. Сего перваго августа въ семинарскую контору поступило

---

[1]) Арх. консист. Книга исходящихъ дѣлъ за 1757 годъ, іюль 2, № 2212.
[2]) Домы училищ., п. 10.

отъ учениковъ всѣхъ классовъ прошеніе[1]), въ которомъ ученики объявляли, что „взятые по самоперсональному его преосвященства разбору въ новоустроенную семинарію въ 1750 году, они обучались въ ней доселѣ неотлучно; нынѣ же за приключившеюся въ оной семинаріи заразной болѣзнью наука весьма останавливается“. Эта заразительная болѣзнь, по ихъ словамъ, началась еще зимою и укладывала въ постели по 30 и 40 человѣкъ за разъ. Мѣстный лѣкарь не отказывалъ заболѣвшимъ въ медицинской помощи, но въ виду большого количества таковыхъ не могъ дѣлать этого съ достаточнымъ вниманіемъ, вслѣдствіе чего многіе померли. Въ послѣднее время заболѣлъ самъ лѣкарь, и пользовать больныхъ стало совсѣмъ некому; а между тѣмъ болѣзнь все увеличивается и увеличивается. „Хотя нѣкоторые изъ насъ, писали ученики, считаясь между здоровыми, и ходятъ, но не надолго, ибо, мало походя, болѣе лежатъ въ постели, такъ что теперь не только одной наукѣ учинилась остановка, но паче явилась опасность, дабы намъ всѣмъ не довелось помереть, какъ уже умерли нѣкоторые“. Въ виду всего этого ученики просили отпустить ихъ въ домы родителей, хотя на одинъ слѣдующій мѣсяцъ августъ. По полученіи такого прошенія, доноситъ далѣе семинарская контора консисторіи, въ конторѣ, съ благословенія преосв. владыки, было опредѣлено „для елико возможнаго чрезъ отбытіе учениковъ въ разные воздухи отъ таковыхъ болѣзней освобожденія“ отпустить ихъ въ домы до перваго сентября сего 1756 года. На основаніи сего семинарская контора благопочтительно представляетъ консисторіи, дабы родственники и родные учениковъ были извѣщены ею о томъ, явились немедленно во Владиміръ и забрали семинаристовъ, оставивъ подписку въ пріемѣ и доставкѣ ихъ къ вышеозначенному сроку.—При доношеніи семинарская контора приложила и реестръ своихъ питомцевъ съ указаніемъ мѣстожительства ихъ родителей для того, чтобы облегчить возлагаемую на консисторію задачу. Всѣхъ учениковъ предназначалось къ отпуску 80 человѣкъ[2]).

Консисторія заслушала донесеніе семинарской конторы, но не одобрила тотъ способъ водворенія учениковъ въ домахъ ро-

---

[1]) На подачу такого коллективнаго прошенія дано было, вѣроятно, особое разрѣшеніе семинарскаго начальства. Конечно, нѣсколько страннымъ представляется тотъ фактъ, что ученики обращаются къ семинарскому начальству на бумагѣ и оффиціально извѣщаютъ его о томъ, что оно и безъ нихъ знало. Но это обстоятельство объясняется изъ того, что раньше говорилось о характерѣ тогдашней семинарской педагогіи. Всѣ ученики разсматривались, какъ служебная корпорація, обязанная выполнять оффиціально дисциплинарный порядокъ и подчиняться обычнымъ формамъ тогдашняго приказнаго дѣлопроизводства.

[2]) См. списки учениковъ 1756 г. Вып. II.

дителей, который проектировала послѣдняя. „Оныхъ семинаристовъ, разсуждали въ консисторіи, отцы и родственники нынѣ имѣются вдальности, и ежели ихъ для принятія дѣтей своихъ созывать во Владиміръ, то между тѣмъ время продолжится немало и оныхъ семинаристовъ поставить къ означенному сроку они не успѣютъ“. Взамѣнъ этого консисторія опредѣлила разослать семинаристовъ съ общимъ имъ паспортомъ при указахъ въ тѣ духовныя правленія, вѣдѣнію которыхъ подлежатъ ихъ отцы или тѣ лица, у которыхъ они доселѣ жительство имѣли. Въ свою очередь духовныя правленія должны были присланныхъ семинаристовъ отдать ихъ родителямъ и роднымъ съ подписками, что послѣдніе дѣтей своихъ и родственниковъ представятъ къ 1 числу будущаго сентября неотмѣнно [1]).

Наконецъ, переписка по вопросу объ отпускѣ окончилась. Семинаристы получили паспорты и въ духовныхъ правленіяхъ, соотвѣтственно мѣсту ихъ жительства, сданы были на руки родителямъ съ обязательствомъ, что, если паче чаянія не явятся къ назначенному сроку, то будутъ подвергнуты жестокому наказанію и штрафу. Приняты были, такимъ образомъ, достаточныя мѣры къ тому, чтобы вырвавшіеся на волю питомцы не разбѣжались и не замедлили явкою въ семинарію. Но высшее начальство, кажется, мало вѣрило этимъ подпискамъ и этимъ обязательствамъ. Отъ 25 августа имѣется указъ изъ конторы преосв. Платона, гдѣ прямо заявляется, „чтобы оные ученики на положенный имъ срокъ, гдѣ надлежитъ, изъ домовъ явились—весьма сумнительно“. „А поелику семинарскому ученію наближается время и за долговременнымъ оныхъ учениковъ прожитіемъ въ домахъ можетъ послѣдовать въ ученіи немалая остановка и опущеніе, того ради,— дѣлаетъ распоряженіе преосв. Платонъ,—учениковъ, во всѣхъ уѣздахъ находящихся, обязательно тотчасъ же въ духовныя правленія собрать и отъ оныхъ правленій въ духовную его преосвященства консисторію къ первому числу будущаго сентября прислать при рапортѣ подъ опасеніемъ управителямъ духовныхъ правленій указнаго штрафованія“ [2]). Указъ былъ полученъ въ консисторіи только 3 сентября [3]) и тотчасъ же заслушанъ. Консисторія опредѣлила сдѣлать распоряженіе благочиннымъ и поповскимъ старостамъ Владимірскаго уѣзда, чтобы тѣ, собравъ находящихся въ ихъ вѣдомствѣ учениковъ, представили таковыхъ въ

---

[1]) Арх. консист. 1756 г. № 1321. „По доношенію семинарской конторы объ отпускѣ семинаристовъ въ домы за умножившеюся повальною болѣзнью“.

[2]) Тамъ же, л. 19.

[3]) Въ духовныя правленія указы были посланы непосредственно изъ конторы преосв. Платона.

семинарію къ 6-му числу сего сентября [1]). Выходитъ, значитъ, что, несмотря на всѣ проектированныя мѣры строгости, къ первому сентября ученики не явились, и срокъ, по крайней мѣрѣ для Владимірскаго уѣзда, пришлось продолжить. Изъ другого указа отъ 5 сентября дѣлается извѣстнымъ, что къ этому дню не были присланы въ консисторію равнымъ образомъ семинаристы изъ Арзамасскаго, Починковскаго, Луховскаго, Кинешемскаго и Балахновскаго дух. правленій [2]). Слѣдуютъ новые грозные указы. Духовныя правленія шлютъ разсыльщиковъ, берутъ силою непокорныхъ и препровождаютъ при рапортѣ въ консисторію. Отъ родителей заболѣвшихъ учениковъ берутся подписки, что по выздоровленіи они представятъ своихъ дѣтей немедленно въ семинарію. Заболѣвшихъ оказалось очень много [3]). Переписка изъ за неявившихся учениковъ между консисторіей и духовными правленіями шла до конца октября 1756 года. Такъ трудно было собрать семинаріи своихъ питомцевъ! Опасенія семинарской конторы и преосв. владыки оказались вполнѣ основательными!—Тѣмъ не менѣе починъ былъ сдѣланъ, и съ 1756 года каждогодно стали отпускать семинаристовъ на лѣтній вакатъ [4]).

Несмотря на всю строгость заключенія, на всю бдительность начальства, на всѣ страхи и угрозы, случаи самовольнаго выхода учениковъ изъ семинаріи въ XVIII столѣтіи были такъ многочисленны и часты, что дѣла о бѣгунахъ составляютъ значительную часть всѣхъ вообще семинарскихъ дѣлъ прошлаго столѣтія, которыя вѣдались въ консисторіи. Бѣгали въ одиночку, бѣгали и цѣлыми толпами; бѣгали всякій разъ лишь представлялась къ этому хотя малѣйшая возможность. Въ началѣ мая 1753 г. во время болѣзни Палладія, когда за семинаристами присматривали студенты Иванъ Ѳедоровъ и Матоей Максимовъ, бѣжали изъ семинаріи въ одинъ разъ 20 учениковъ [5]). Изъ временъ еп. Платона имѣется два подробныхъ дѣла о бѣгунахъ, чрезвычайно характерныхъ въ бытовомъ отношеніи, которыя поэтому мы постараемся изложить подробнѣе.

При наборѣ учениковъ въ 1750 г. былъ принятъ въ семинарію сынъ священника Арзамасскаго уѣзда села Горей Михаилъ Гусевъ [6]). При поступленіи въ семинарію, ему было 20 лѣтъ,

---

[1]) Тамъ же, л. 20.

[2]) Тамъ же, л. 39. 40.

[3]) Тамъ же, лл. 28 сл. 32. 33. 49 сл. 53. 54.

[4]) Опись Боевскаго. 1757 г., іюнь 25, № 53.

[5]) Тамъ же, 1753 г., май 3, № 48.

[6]) Михаилъ Гусевъ, о которомъ будетъ рѣчь, представляетъ несомнѣнно то же самое лицо, изъ за котораго возникло дѣло въ 1752 по жалобѣ повара Алексѣева.

т. е. Гусевъ достигъ такого возраста, когда наука дается трудно. Неудивительно, что ему показались тяжелыми семинарскіе порядки съ частыми побоями, „а еще невыностнѣе была для него наука латинскаго діалекта“. Чрезъ два года такого ученія Гусевъ бѣжалъ; но былъ пойманъ, строго наказанъ и водворенъ на прежнемъ мѣстѣ. Вторичный побѣгъ сопровождался такою же неудачей. Мѣры строгости въ отношеніи къ нему послѣ этого были усилены. Гусевъ достигъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Понимая, что путемъ побѣга ему не освободиться отъ ненавистнаго латинскаго діалекта, онъ въ 1755 г. обратился къ ректору семинаріи архимандриту Товіи съ просьбою исключить его изъ семинаріи, при чемъ ссылался на указъ Св. Синода 1721 г., въ которомъ сказано было: „а ежели кто изъ церковническихъ дѣтей явятся нерадивы и лѣностны, тѣхъ, яко о себѣ нерадящихъ, лишивъ всего священнаго чина и церковнаго причта надежду, включить въ подушный окладъ“. Просьба была основательная, и указъ, процитованный Гусевымъ, вполнѣ подходилъ къ нему. Но семинарское начальство въ эту эпоху увольняло чрезвычайно рѣдко и неохотно, опасаясь остаться совсѣмъ безъ учениковъ. Гусевъ снова потерпѣлъ неудачу. Ему было отказано на основаніи 17 пункта Духовнаго Регламента, въ которомъ сказано: „А чтобы который не притворялъ тупости, желая отпуску въ домъ, какъ то другіе притворяютъ себѣ тѣлесную немощь отъ солдатства, искушенію ума его цѣлый годъ положить. И можетъ умный учитель примыслить способы искушенія таковыя, яковыхъ онъ познать и ухитрить не дознается. „Хотя срокъ для искушенія тупости Гусева былъ и до того времени достаточенъ, но она все же оставлена подъ сомнѣніемъ, и предполагалось измыслить особый способъ къ ея искушенію. Тогда Гусевъ прибѣгнулъ къ озорству: то напивался пьянымъ и расхаживалъ съ дубиной по Ивановскому мосту, то билъ товарищей и воровалъ у нихъ вещи, стараясь во что бы то ни стало быть исключеннымъ изъ семинаріи и попасть въ солдаты. Но и это не помогало. Въ апрѣлѣ 1755 г. онъ опять обращается съ просьбой объ исключеніи, приводя на этотъ разъ 18 пунктъ Дух. Регламента, гдѣ сказано: „Буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ, непокоривъ, и буде чрезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жестокими наказаніи одолѣть его невозможно, хотя бъ и остроуменъ былъ, выслать изъ Академіи, чтобы бѣшеному меча не дать“. „Жить мнѣ въ семинаріи всячески невозможно“, писалъ Гусевъ и умолялъ отдать его въ солдаты. Но семинарское начальство стояло твердо на своемъ прежнемъ опредѣленіи. Гусеву и на этотъ разъ отказали. А между тѣмъ ему шелъ 25 годъ, и конца его мученію не видѣлось. На него напала невыносимая грусть, и онъ задумалъ прибѣгнуть „ради отбытія

изъ семинаріи къ страшному средству. Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года, въ небытность присутствующихъ въ консисторіи, взошелъ онъ въ присутственную комнату при правящемъ секретарскую должность канцеляристѣ Дмитріи Сергіевскомъ и при дневальномъ капралѣ Kpiулкинѣ и сказалъ: „имѣю я за собою слово и дѣло Государево" [1]). Тотчасъ составлено было заявленіе, которое Гусевъ подтвердилъ своимъ подписомъ. Гусева сковали и отдали подъ крѣпкій караулъ, а на другой день состоялось опредѣленіе: „онаго колодника Гусева отослать во Владимірскую провинціальную канцелярію". Изъ провинціальной канцеляріи Гусева отослали въ Московскую тайную, выдавъ ему и караульному прогоновъ 1 р. 98½ коп. Въ тайной канцеляріи на допросѣ Гусевъ показалъ. „Отъ роду мнѣ, Михаилу Гусеву, 25 лѣтъ. Въ 1750 г. отданъ я Михаилъ въ семинарію для обученія латинскаго діалекта, въ коей семинаріи я находился до бытности въ оной префекта іеромонаха Гервасія. Въ бытность же его, по несноснымъ отъ него нападкамъ, жить мнѣ всячески стало невозможно. Въ 1754 году по непонятливости той латинской науки и отъ нестерпимыхъ побой я нижайшій бѣжалъ. А сего 1755 г., явясь къ семинаріи ректору Товіи, просилъ его, чтобы за непонятливостью и за проступки отослали бы меня въ военную службу, вѣдая, что таковымъ непонятнымъ ученикамъ произвожденіе во священные чины не бываетъ. И по нынѣ я, Михайло, въ военной службѣ неотъемлемое желаніе быть имѣю. А того слова и дѣла Государева за мной Михайломъ и за другими ни за кѣмъ не имѣю, а объявилъ я то слово и дѣло, не хотя быть при Владимірской семинаріи въ студентахъ". За ложное объявленіе слова и дѣла Государева въ тайной канцеляріи Гусева били жестоко плетьми („точию плетьми", какъ послѣ самъ говорилъ Гусевъ), а затѣмъ отослали обратно подъ карауломъ во Владимірскую консисторію. Въ консисторіи Гусевъ просидѣлъ подъ карауломъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ, добившись такимъ образомъ, вмѣсто желанной свободы, колодническаго заключенія. Прогонныя деньги, выданныя ему и караульному на проѣздъ въ Москву, были взысканы съ отца его. Несчастный отецъ кромѣ того вынужденъ былъ на содержаніе своего сына въ консисторіи отдавать свои послѣднія крохи. Но вскорѣ съ горя и кручины умеръ и отецъ. Гусевъ остался одинъ, и неизвѣстно, что съ нимъ сталось бы, еслибы его не взялъ на поруки братъ его по-

[1]) Въ разсматриваемую эпоху это были страшныя слова. Человѣка, на котораго показывали слово и дѣло Государево, т. е. которого обвиняли въ какой нибудь измѣнѣ Государю, скованнаго отправляли въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и здѣсь подъ пыткою допрашивали. Въ случаѣ, если страшныя слова произнесены были ложно, клеветникъ подвергался сильнѣйшимъ истязаніямъ.

повъ сынъ Иванъ Павловъ. Такое неопредѣленное положеніе Гусева продолжалось до 13 февраля 1758 г., когда состоялось опредѣленіе консисторіи такого рода: „онаго Михаила Павлова, сына Гусева, хотя бы въ военную службу его самовольнаго не было желанія, однакожъ за вышеписанныя его изъ семинаріи отлученія, отбывательства и ложное за собою слово и дѣло сказываніе онъ, Гусевъ, по силѣ Духовнаго Регламента и состоящихся въ 1722 и 1742 годы указовъ, къ отсылкѣ въ военную службу подлежателенъ“ [1]). Наконецъ то Гусевъ добился того, къ чему такъ долго и такъ страстно стремился! Должно быть побои были дѣйствительно „невыностны“ и выходъ изъ семинаріи до крайности труденъ, если онъ рѣшился на такое страшное средство, какъ ложное произнесеніе слова и дѣла Государева!

Разсказанный случай не единичный. Не смотря на то, что попытка Гусева окончилась для него въ высшей степени печально, его примѣръ нашелъ впослѣдствіи подражателей. Съ ними мы встрѣтимся дальше. Теперь же остановимъ вниманіе на исторіи другого бѣгуна, которая не такъ богата приключеніями, но тоже въ высшей степени характерна.

21 мая 1752 г. изъ семинаріи бѣжалъ студентъ Балахновскаго уѣзда с. Митрофанова Ѳедоръ Тимоѳеевъ. Консисторія, которой донесли о побѣгѣ Тимоѳеева, дала указъ въ Балахновское духовное правленіе сыскать бѣглеца и представить „скована“ подъ карауломъ на囗囗囗 кoштѣ того, у кого онъ сыщется. Балахновское духовное правленіе разыскало Тимоѳеева и препроводило въ консисторію при доношеніи, что онъ найденъ въ домѣ отца своего попа Тимоѳея Васильева. На допросѣ ученикъ показалъ: „Опредѣленъ я въ школу въ 1750 г. За обношеніемъ на себя верхняго и нижняго одѣянія бѣжалъ изъ семинаріи въ денное время. Дорогою питался подаяніемъ. Придя домой, объявилъ отцу, что отпущенъ учителемъ Палладіемъ за немощію и за обношеніемъ обувью и платьемъ“. Выслушавъ допросъ, консисторія постановила учинить Тимоѳееву при собраніи всѣхъ обучающихся нещадное розгами наказаніе и отослать къ Палладію при указѣ. 26 сентября Тимоѳеевъ былъ сданъ въ семинарскую контору, а 29 сентября сторожъ семинарской конторы Михаилъ Алексѣевъ и Семенъ Даниловъ доношеніемъ въ контору объявили, что „въ отдачу нощныхъ часовъ“ Тимоѳеевъ изъ подъ караула бѣжалъ. Велѣно было допросить обстоятельно сторожей и кописта семинарской конторы какъ о побѣгѣ, такъ и томъ, по-

---

[1]) Арх. консист. 1755 г. № 981. „По словесному объявленію Владимірской семинаріи студента Михаила Павлова сына Гусева слова и дѣла Государева.“ Дѣло не найдено. Приводимъ въ извлеченіяхъ Надеждина (стр. 76 сл.).

чему Тимоѳеевъ и указъ консисторіи о его присылкѣ не были сданы въ семинарское присутствіе. Копіистъ показалъ, что Тимоѳеевъ представленъ былъ изъ консисторіи 26 сентября, т. е. въ субботу, по выходѣ уже изъ присутствія Василія Лазаревича. Въ виду этого онъ, копіистъ, отдалъ Тимоѳеева сторожамъ и велѣлъ содержать до присутствія въ той конторѣ „просто", такъ какъ въ семинарской конторѣ желѣзъ нѣтъ. Указъ консисторскій о Тимоѳеевѣ не былъ представленъ имъ, копіистомъ, до 29-го сентября включительно, такъ какъ 27-го числа былъ день воскресный, 28-го викторіальный, а 29-го уже было подано помянутое доношеніе. Допрошенные сторожа въ свое оправданіе ссылались на то, что Тимоѳеевъ былъ переданъ имъ отъ копіиста нескованнымъ и не въ колодкѣ. Въ семинарской конторѣ рѣшили сторожей наказать плетьми, а копіиста содержать въ конторѣ безъ выпуску въ ножныхъ желѣзахъ трое сутокъ. — 21 декабря 1752 г. консисторія увѣдомила семинарскую контору, что бѣглецъ опять сысканъ. Послѣдовалъ новый допросъ, на которомъ Тимоѳеевъ передалъ исторію своего побѣга такъ. 28 сентября, не спрашиваясь сторожа, онъ вышелъ на улицу и вздумалъ въ виду ожидающаго наказанія бѣжать. Изъ Владиміра онъ пришелъ въ Городецкую слободу Балахновскаго уѣзда. Въ субботу здѣсь былъ торгъ, на который пріѣхалъ и его отецъ. Отецъ изловилъ его и держалъ у себя недѣли 2—3, пока не пришелъ нарочный изъ Балахновскаго правленія и не забралъ его, равно какъ и отца, для отсылки въ консисторію. По снятіи допроса, въ консисторіи состоялось опредѣленіе: „въ присутствіи всѣхъ учениковъ подвергнуть Тимоѳеева какъ за первый побѣгъ, такъ и за второй сугубѣйшему наказанію и взять подписку, что впредь не будетъ дѣлать таковыхъ побѣговъ [1])". Изъ показаній Тимоѳеева видно, что не одни побои были причиною бѣгства изъ семинаріи; гналъ изъ семинаріи и гнетъ матеріальный, нужда, выражавшаяся въ голоданіи и „обношеніи" на себя верхняго и нижняго одѣянія.

Вотъ въ общемъ все, что намъ извѣстно по архивнымъ дѣламъ о состояніи Владимірской семинаріи во времена Платона. Хорошаго пришлось сказать мало. Все больше злоупотребленія, недостатки, мрачныя картины грубости и жестокихъ тѣлесныхъ расправъ. При оцѣнкѣ всѣхъ этихъ явленій должно принять во вниманіе общій духъ и особенности времени, а равнымъ образомъ и новизну дѣла. Приснопамятною заслугою преосв. Платона остается то, что онъ, учредивъ Владимірскую семинарію, по

[1]) Арх. консист. 1752 г. № 679. „О бѣжавшемъ студентѣ села Митрофанова Ѳедорѣ Тимоѳеевѣ".

мѣрѣ силъ и возможности (иначе бы, конечно, дѣло обстояло, если бы Платонъ жилъ во Владимірѣ!) зорко слѣдилъ за теченіемъ семинарской жизни и исправлялъ ея аномаліи и уклоненія даже въ томъ случаѣ, если для этого требовалось такое средство, какъ смѣна всѣхъ членовъ консисторіи. Своему преемнику еп. Платонъ передалъ семинарію, если не вполнѣ благоустроенную, то во всякомъ случаѣ съ извѣстною организацiею, съ извѣстнымъ порядкомъ, который ввести и установить прочно, какъ мы видѣли, было дѣло не легкое.—

Владимірская семинарія при архіеп. Антоніи (царевичѣ Карталинскомъ)

(1757—62).

ГЛАВА I.

Архіеп. Антоній.—Администраторы.—Общія взглядъ на состояніе семинаріи.

Правленіе архіеп. Антонія представляетъ любопытную, къ сожалѣнію только, неразработанную еще страницу въ исторіи Владимірской епархіи. Преосв. Антоній, Грузинъ по происхожденію, былъ сынъ царя Іессея Карталинскаго и царицы Елены, рожд. царевны Кахетинской. 11 марта 1757 года Антоній объявилъ предъ собраніемъ Св. Синода въ С.-Петербургѣ, что онъ выѣхалъ изъ Грузіи въ Россію „отъ причиняемаго тамъ отъ Лезгинцевъ и Римлянъ за вѣру притѣсненія и для другихъ виноcловій" и просилъ дать ему епархію въ Россіи. Св. Синодъ тогда отказалъ Антонію, ссылаясь на незнаніе имъ „ни нравовъ, ни употребляемыхъ и отъ древнихъ лѣтъ содержимыхъ обычаевъ". Но 8 августа 1757 г. одинъ изъ членовъ Синода въ собраніи объявилъ, что 1-го числа сего мѣсяца Ея Императорское Величество указала словесно дать Антонію епархію въ недальности отъ Москвы и для лучшаго и удобнѣйшаго ея управленія опредѣлить человѣка достойнаго къ исправленію епаршихъ дѣлъ. 23 ноября 1757 г. Антоній назначенъ былъ на вакантную Владимірскую каѳедру, а администраторомъ къ нему опредѣленъ намѣстникъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря Никонъ Красовскій, котораго произвели въ архимандриты Цареконстантинова монастыря. Никону Красовскому повелѣно было: „пока Антоній къ русскому языку, обычаямъ и нравамъ пріобучится и присмотрится, быть, яко администратору прилежить, при отправленіи у его преосвященства домовыхъ, вотчинныхъ и всея Владимірскія епархіи дѣлъ... во всѣхъ случаяхъ его преосвященство, яко своего пастыря и иностранную и здѣшнихъ обычаевъ и поведеній неизвѣстную персону съ должною учтивостью всегда остерегать, дабы не нанеслось каковаго въ невѣдѣніи его нареканія, которое, ежели по какой причинѣ нанесется, причтено будетъ не такъ къ его архіерейской персонѣ, какъ къ админи-

стратору“. Назначеніе на Владимірскую каѳедру человѣка не русской націи и при немъ администратора съ такими полномочіями обѣщало въ будущемъ много неустройствъ и непріятностей. Дѣйствительно, 26 января 1759 года Никонъ Красовскій подалъ пространную жалобу въ Св. Синодъ, сущность которой сводилась къ тому, что „его преосвященство, будучи иностранною и необыкшею быть подъ указными регулами персоною о случающихся дѣлахъ приказываетъ безъ справокъ, безъ изслѣдованія, отъ однихъ слуховъ и, употребивъ въ совѣтъ стороннихъ и подозрительныхъ людей, по наущенію ихъ налагаетъ несходственныя съ указами резолюціи“. Такими сторонними и подозрительными людьми были главнымъ образомъ „Грузинцы“, прибывшіе съ Антоніемъ въ Россію, которые, прикрываясь именемъ преосв. Антонія, по словамъ Никона Красовскаго, вмѣшивались въ неподлежащія имъ дѣла, расходовали безъ счету архіерейскую казну и вводили казенный приказъ въ неоплатные долги. Начались допросы, и въ результатѣ послѣдовало распоряженіе: „преосв. Антонію подтвердить, дабы онъ впредь излишнихъ расходовъ не чинилъ, а архимандрита Никона уволить отъ администраторства“ [1]). Править епархіальными дѣлами поручено было присутствующему въ консисторіи архимандриту Товіи съ прочими присутствующими Но слабохарактерный и болѣзненный Товія былъ человѣкомъ совершенно неподходящимъ для такой роли. 4 сентября 1759 онъ подалъ въ Св. Синодъ прошеніе уволить его отъ консисторіи и оставить для пользованія въ Москвѣ въ комиссіи о новоспасскихъ слугахъ и крестьянахъ. 22 сентября 1759 въ Св. Синодѣ предписали быть администраторомъ архимандриту Арзамасскаго Спасскаго монастыря Амвросію. Въ лицѣ Амвросія администраторскій постъ занялъ дѣятель энергичный и образованный. Однако 23 апрѣля 1760 г. подано было и отъ него доношеніе въ Св. Синодъ, гдѣ пересчитывая разныя злоупотребленія епархіальной жизни, проистекавшія отъ того, что для него администратора входъ къ архіерею труденъ, Амвросій проситъ „въ случаѣ, если что послѣдуетъ, чтобы съ него администратора взыску не было“. Синодальнымъ указомъ отъ 23 мая 1761 г. Амвросій отъ администраторства былъ уволенъ. Новаго администратора на его мѣсто не назначили. Но вскорѣ и архіеп. Антоній оставилъ Владиміръ. Челобитьемъ, подданнымъ отъ 2 октября 1762 г., преосв. объявилъ, что „по неспособному къ

---

[1]) Въ сентябрѣ 1759 г. Никонъ опредѣленъ архимандритомъ Архангельскаго Устюжскаго монастыря, но вскорѣ уволенъ на покой въ Симоновъ монастырь. 5 дек. 1760 опредѣленъ въ синодальную канцелярію. Въ 1763—66 былъ архимандритомъ Пафнутіева Боровскаго монастыря. (См. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви. П. Строевъ. 1877.)

здоровью его воздуху" пришелъ онъ въ крайнюю слабость, и просилъ отпустить его въ Грузiю. Въ Св. Синодѣ постановили: „ко удержанiю его въ Россiи нужды не обстоитъ и къ выпуску его изъ Россiи въ отечество его Грузiю со обрѣтающимися при немъ и выѣхавшими съ нимъ духовными и свѣтскими (коихъ по опредѣленному реестру значится всего 20 человѣкъ) препятствiя не предвидится" 1).

Кратковременный перiодъ правленiя Антонiя былъ тяжелымъ временемъ для Владимiрской семинарiи. Самъ преосв. Антонiй мало заботился о семинарiи. Какъ человѣкъ, которому прежде фактическаго вступленiя въ управленiе епархiей, надлежало изучить русскiй языкъ, русскiе нравы и обычаи, онъ собственно и не имѣлъ возможности заниматься семинарскими дѣлами, а притомъ, какъ кажется, вообще мало сочувствовалъ семинарiи, мало входилъ въ ея интересы, особенно матерiальнаго свойства. Администраторы, вѣдѣнiю которыхъ вмѣстѣ съ епархiальными дѣлами поручены были и семинарскiя, въ свою очередь увлечены были борьбой и распутыванiемъ всякаго рода интригъ. Нѣкоторое исключенiе представляетъ, впрочемъ, Амвросiй, близко принимавшiй къ сердцу явленiя семинарской жизни и ратовавшiй за ея благосостоянiе. Неудивительно поэтому, что при такомъ надзорѣ семинарiя пришла въ крайнее запущенiе и что въ 1760 г. Амвросiй въ своемъ донесенiи въ Св. Синодъ высказалъ опасенiе, какъ бы „дольшее ея происхожденiе запято не было".

ГЛАВА II.

Средства содержанiя.—Сборы.—Покражи и растраты. — Семинарскiй долгъ.— Дѣятельность архимандрита Амвросiя.—Расходованiе семинарской суммы.

Лишь только за болѣзнiю еп. Платона ослабѣлъ его попечительный надзоръ за семинарiей, сразу же обнаружилась та „нерачительность консисторiи", къ исправленiю которой было принято со стороны Платона (и не безуспѣшно) столько суровыхъ мѣръ. Генеральныя семинарскiя вѣдомости о сборѣ хлѣба за 1756 г. къ началу 1757 г. не были готовы. Умеръ еп. Платонъ, о нихъ и совсѣмъ забыли. 18 марта 1758 г. семинарская контора, не дождавшись вѣдомостей, наконецъ вошла съ доношенiемъ объ этомъ въ консисторiю. Въ консисторiи приказали: „требуемыя вѣдомости

1) См. Арх. Синода 1757 г. № 142 и 1762 № 123. „По прошенiю преосв. Антонiя, архiепископа Владимiрскаго, объ увольненiи его преосвященства отъ оной епархiи во отечество его въ Грузiю по прежнему".

сочинить въ немедленномъ времени... а дондеже оныя вѣдомости сочинены не будутъ, того, до кого прилежало тѣхъ вѣдомостей сочиненіе, держать въ консисторіи безъ выпуску" [1]). Копіистъ Спиридонъ Волковъ, на долю котораго выпала расплата за такую медлительность, оправдывался исправленіемъ имѣющихся у него въ повытьѣ дѣлъ и составленіемъ генеральной всѣхъ дѣлъ описи; но въ консисторіи резонно замѣтили, что „въ теченіе цѣлаго года, какъ бы ни было ему недосуга, но сочинить вѣдомость давно уже прилежало и возможно" [2]).—Вѣдомость сочинили, копіи разослали, но на томъ и покончили свои заботы. „Нерачительность консисторіи" смѣнилась уже знакомымъ намъ „упорствомъ духовенства". Поступленія въ семинарскую контору шли медленно; недоимки возрастали. Священно-церковнослужители Ярапольской десятины, которые всегда такъ упорно отбивались отъ сборщиковъ семинарскихъ денегъ, на этотъ разъ, кажется, совершенно прекратили всякіе платежи. Изъ вѣдомости, сочиненной въ 1763 г., можно видѣть, что возрастаніе недоимокъ по Ярапольской десятинѣ шло прогрессивно по мѣрѣ приближенія къ шестидесятымъ годамъ. Именно, за 1755 г. съ Ярапольской десятины не собрано было, соотвѣтственно учиненному росписанію, 184 р. 38 коп.; за 1756 г. въ недоимкѣ числилось 256 р. 5¼ коп. (за одинъ только этотъ годъ, не включая старыхъ недоимокъ); за 1754 г. — 324 р. 61¼ коп.; за 1758 г.—458 р. 13¼ коп. (sic!) [3]).

Однимъ словомъ, съ каждымъ годомъ число священно-церковнослужителей, отказывавшихся платить семинарскія деньги, все увеличивалось и увеличивалось. Въ консисторію, конечно, объ этомъ подавались доношенія. Но консисторія отдѣлывалась бумажнымъ, формальнымъ способомъ. Именно, давались распоряженія въ родѣ слѣдующихъ: „о вышеписанной же недоимкѣ—не имѣются ли и на прошлые годы и ежели имѣются, то на которые и по скольку именно и были ли каковы о взысканіи ихъ понужденія и на оныя представленія—учиня обстоятельную справку, подать къ разсмотрѣнію въ самой скорости" [4]), или „сыскать такого то благочиннаго и допросить обстоятельно" [5]), или, наконецъ, „послать указъ въ такое то правленіе". Консисторскіе чиновники прекрасно понимали, насколько ихъ начальники принимаютъ близко къ сердцу и заинтересованы подобнаго рода дѣ-

[1]) Арх. консист. Журналы консист. 1758 г., март. 18, № 3.

[2]) Тамъ же, март. 23, № 2.

[3]) Арх. консист. 1763 г. № 2898. „По доношенію семинарской конторы о неплатежѣ съ Гороховской и Ярапольской десятины семинарскихъ денегъ на прописанные въ томъ доношеніи годы".

[4]) Арх. консист. Журн. консист. 1759 г., дек. 20, № 5.

[5]) Тамъ же, № 6.

лами. И вотъ справка забиралась въ теченіе цѣлаго года, благочиннаго никто не отыскивалъ; цѣну же указовъ, написанныхъ при такихъ условіяхъ, хорошо знали духовныя правленія, въ которыя эти указы адресовались. Такъ продолжалось дѣло до 1760 г.

Одновременно съ такими порядками, тяжело отражавшимися на экономическомъ благосостояніи семинаріи, шли хищенія и растраты, лишавшія семинарію возможности воспользоваться уже добытыми съ такимъ трудомъ средствами. Семинарское добро растаскивалось, если можно такъ выразиться, по всему фронту.

Обнаружилась прежде всего (13 дек. 1758 г.) пропажа семинарскихъ денегъ изъ числа суммъ, хранившихся въ консисторіи. Семинарскія деньги, поступавшія съ епархіи, принималъ въ консисторіи копіистъ Спиридонъ Волковъ и хранилъ въ консисторскомъ архивѣ въ ларчикѣ безъ замка, но за шнуромъ и за своею печатью. 13 декабря нашли печать подрѣзанною, и изъ семинарской казны по счету не оказалось 308 руб. 85¾ коп. Заключили подъ стражу двухъ караульныхъ сторожей, одного пристава и двухъ копіистовъ—Льва Пандовскаго и Спиридона Волкова, и начали розыскъ. Но всѣ попытки открыть виновныхъ оставались безуспѣшными. Подозрѣніе послѣ копіиста Льва Пандовскаго, котораго вскорѣ освободили изъ заключенія, пало на консисторкаго пристава Семена Петропавловскаго, хотя по уликамъ сомнительнаго свойства. Владимірскій ямщикъ Иванъ Мытинъ видѣлъ, какъ этотъ приставъ при покупкѣ соли разсыпалъ денегъ монетою рублей на 20. Позванный въ собраніе консисторіи, приставъ заявилъ, что случай этотъ былъ еще до Николина дня прошлаго (1758) года и что разсыпалъ онъ штрафныя деньги, собранныя въ Юрьевцѣ-Повольскомъ для отдачи въ консисторію, каковыя деньги и отданы были имъ потомъ. Не довѣряя словамъ Петропавловскаго, послали въ его домъ канцеляриста Сергіевскаго для осмотра его денежнаго имущества. Но Сергіевскій нашелъ въ домѣ пристава только около 30 алтынъ мѣдныхъ денегъ, и пристава освободили [1]). Чрезъ нѣсколько дней послѣ допроса пристава копіистъ Волковъ указалъ на другое лицо, — именно просилъ „учинить розыскъ въ домѣ имѣющагося въ консисторіи для письма изъ церковниковъ Михайла Сочинялова, по той причинѣ, что Сочиняловъ уже близъ мѣсяца упражняется въ пьянствѣ“. Въ силу этого заявленія посланъ былъ въ домъ Сочинялова поповскій староста священникъ с. Ставрова Семенъ и канцеляристъ консисторіи Петръ Красносельскій, кои, возвратившись, объявили предъ собраніемъ словесно, что они въ домѣ вездѣ обыскали, но ни мѣшковъ, ни денегъ нигдѣ не нашли, кромѣ одного

---

1) Тамъ же, 1759, янв. 8, № 4.

гривенника, о которомъ Сочиняловъ заявилъ, что и тотъ чужой [1]). Опредѣленіемъ консисторскимъ отъ 19 мая 1760 г. положено было пропавшія деньги взыскать съ содержавшихся подъ карауломъ сторожей и Волкова. Съ Волкова за неприложеніе къ коробу, гдѣ хранились деньги, замка и за непредставленіе оныхъ, куда надлежитъ, рѣшено было взыскать 200 руб., а со сторожей и пристава 108 р. 85¾ коп., съ каждаго по равной части. Сторожамъ дана была разсрочка на четыре года [2]), а для взысканія 200 руб. съ Волкова положено весь скарбъ, находящійся въ домѣ его тестя, описать и продать [3]). Скарбъ Волкова описали, но нашли, что онъ не былъ достаточенъ для покрытія всего долга, въ виду чего и Волкову дали разсрочку, а для пропитанія приняли его снова на службу въ консисторію. Какъ обычно обстояло дѣло съ уплатою семинарскихъ денегъ по разсрочкамъ, мы увидимъ нѣсколько ниже изъ исторіи растраты семинарской суммы расходчикомъ. По всей вѣроятности, и въ данномъ случаѣ было бы тоже, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Волкову. Но тутъ неожиданно открылся дѣйствительный виновникъ покражи денегъ. 2 августа 1762 г. консисторскій канцеляристъ Андрей Цвѣтаевъ принесъ повинную въ покражѣ семинарской суммы. На допросѣ Цвѣтаевъ показалъ: „взошедъ къ вечеру въ консисторію пьяной и взявши свѣчу съ огнемъ пошелъ въ консисторскую архиву и въ той архивѣ усмотрѣлъ коробку, въ коей собранная на семинарію казна безъ замка имѣлась за единою печатью, кою де сорвавъ и открывъ коробку, усмотрѣлъ въ ней мѣшковъ болѣе десяти съ деньгами и, разжегшись на оныя, взялъ мѣшки, а коробку закрывъ, вышелъ вонъ“. Вотъ какъ бережно хранилась семинарская казна! Цвѣтаевъ, какъ добровольно сознавшійся, по лишеніи чина былъ сосланъ въ военную службу, а Волковъ и сторожа за слабое храненіе семинарской казны прощены въ силу Высочайшаго манифеста отъ 22 сентября 1762 [4]).

Почти одновременно съ покражей семинарской суммы изъ консисторіи обнаружилась растрата семинарскихъ денегъ, находившихся на рукахъ семинарскаго расходчика. Растрата открылась слѣдующимъ образомъ. По случаю перехода изъ Владимірской семинаріи префекта Моисея, слѣдовало выдать ему заслуженнаго имъ жалованья 50 р. 38 к. Обратились къ семинарскому расходчику Вознесенскому священнику Петру Михайлову. Но

---

[1]) Тамъ же, 1759, янв. 22, № 15.

[2]) Тамъ же, 1761, май 14, № 2.

[3]) Тамъ же, 1760, іюнь 9, № 11.

[4]) Арх. консист. 1762. № 2821. „По сообщенію домовой конторы, при которомъ приложена копія съ указа къ рѣшенію содержащагося по извѣстному дѣлу канцеляриста Андрея Цвѣтаева“.

у того такого количества денегъ не оказалось въ наличіи. Это подало мысль произвесть подсчетъ суммъ, ввѣренныхъ ему для расхода. Суммы были провѣрены, и оказалось, что у расходчика за текущими расходами должно было остаться 79 р. 47½ к., а на самомъ дѣлѣ найдено 9 р. 90¾ коп., остальныя же 69 руб. 56¾ коп. „знатно утрачены, какъ онъ заявилъ, при разныхъ расходахъ прочетомъ". Получивъ докладъ о результатахъ ревизіи, въ консисторіи распорядились: „если попъ Петръ Михайловъ представитъ вѣроятныя поруки въ томъ, что утраченныя деньги будутъ возвращены къ послѣднимъ числамъ марта 1759 г., то взысканіемъ денегъ до означеннаго срока обождать, въ противномъ случаѣ описать консисторскому приказному домъ того попа съ пожитками и со всѣмъ имѣніемъ и по той описи все того попа хоромное строеніе и пожитки по выставкѣ надлежащихъ публикацій продать и, ежели за этою продажею въ показанныя начетныя деньги чего либо не достанетъ, взыскать съ градскихъ священнослужителей" [1]). Расходчика выбрали другого, которому приказано было семинарскую сумму содержать въ консисторіи за консисторскою и его печатью и изъ этой суммы деньги употреблять по письменнымъ резолюціямъ семинарской конторы [2]). — Окончился мартъ, прошелъ апрѣль, май и іюнь. Наступилъ іюль, а Вознесенскому попу объ уплатѣ денегъ никто ничего не говорилъ. Наконецъ, 7 іюля онъ самъ представилъ въ уплату начетныхъ на немъ денегъ 10 руб. и представилъ совершенно для себя не кстати. Пошли справки; забытое уже въ консисторіи дѣло всплыло наружу. Деньги постановили записать въ приходъ, а съ попомъ поступить по прежнему опредѣленію неотложно; канцеляриста же Михаила Суздальцева допросить, почему онъ не выполнилъ того, что ему было предписано [3]). Пока тянулось дѣло о допросѣ Суздальцева, Вознесенскій попъ предусмотрительно внесъ снова 10 руб. въ уплату долга. Это было въ началѣ сентября. Въ консисторіи послѣ этого состоялось болѣе милостивое распоряженіе: „если Вознесенскій попъ не представитъ поручителей въ томъ, что начетныя на немъ деньги будутъ возвращены въ первыхъ числахъ октября, то поступить съ нимъ по прежнему" [4]). Въ концѣ сентября допросили и Суздальцева, почему онъ не выполнилъ порученія о взысканіи съ Петра Михайлова начетнаго на немъ долга. Суздальцевъ отвѣтилъ, что исполненія не было учинено, понеже оный попъ находился въ болѣзни. „Въ пресѣченіе впредь

---

[1]) Расходчикъ избирался по заручному выбору градскихъ и уѣздныхъ (Владимірской десятины) священно-церковнослужителей.

[2]) Арх. консист. Журн. консист. 1758, нояб. 28, № 1. и 1759, ян. 11, № 6.

[3]) Тамъ же, 1759, іюль 7, № 4.

[4]) Тамъ же, сент. 3, № 10.

такихъ вымышленныхъ выправокъ, ему и всѣмъ приказнымъ консисторіи объявлено было съ подписками, что, если впредь по какому нибудь дѣлу исполненія невозможно учинить, доносили-бы объ этомъ письменно" [1]). Въ первыхъ числахъ октября, Вознесенскій попъ Петръ Михайловъ, дѣйствительно, сдѣлалъ взносъ въ уплату долга, но только въ количествѣ 5 руб., уплату же остальныхъ просилъ отсрочить до 1760 г. Консисторія, понятно, отсрочила, повторивъ прежнюю угрозу [2]). Но послѣ всего того, что случилось, эта угроза была не страшна для Петра Михайлова. Онъ даже измыслилъ особый способъ оттянуть дѣло, насколько можно дальше, воспользовавшись для того недостатками тогдашняго дѣлопроизводства, носившаго чисто формальный, бумажный характеръ. Именно, 24-го января 1760 г. онъ вступилъ въ консисторію съ доношеніемъ, въ которомъ заявилъ, что при семъ доношеніи прилагаетъ 15 руб. въ уплату долга. Приказали, конечно, деньги принять подканцеляристу Андрею Трусову, а съ священникомъ поступить въ силу опредѣленія консисторіи отъ 11 янв. 1759 г. [3]). На самомъ дѣлѣ Петръ Михайловъ никакихъ денегъ не вносилъ, а доношеніе представилъ для успокоенія лишь членовъ консисторіи. Средство достигло своей цѣли. Обманъ открылся лишь въ половинѣ марта [4]), а 15 руб. внесены 17-го мая [5]). Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала обычная просьба о разсрочкѣ платежа и новые взносы по 5 руб. Изъ журналовъ консисторіи не видно, чтобы всѣ деньги были выплачены. Извѣстно только, что еще въ мартѣ 1761 г. долгъ не былъ выплаченъ сполна [6]).—Мы остановились на дѣлѣ Петра Михайлова можетъ быть нѣсколько болѣе подробно, чѣмъ оно заслуживало. Но намъ представляется этотъ эпизодъ чрезвычайно характернымъ не только, какъ фактическое подтвержденіе безцеремоннаго хозяйничанья семинарскими средствами, но и какъ лучшая иллюстрація того канцелярскаго бюрократизма, тѣхъ проволочекъ и волокитъ, за которыя не разъ приходилось дорого платиться семинарской экономіи.

Если возможны были такого рода растраты денежныхъ суммъ, счетъ которыхъ велся по приходо-расходнымъ книгамъ, то о хищеніяхъ съѣстныхъ припасовъ и разнаго рода принадлежащихъ семинаріи казенныхъ вещей нечего уже и говорить. 7 сентября 1760 г. семинарская контора просила консисторію прислать для занятій новаго расходчика, такъ какъ прежній пойманъ сторожемъ

---

1) Тамъ же, сент. 30, № 2.
2) Тамъ же, окт. 6, № 6.
3) Тамъ же, 1760, янв. 24, № 6.
4) Тамъ же, март. 10, № 8.
5) Тамъ же, май 17, № 6.
6) Тамъ же, 1761, март. 16, № 1.

въ ночное время „воровски въ магазенну“, гдѣ хранятся казенныя вещи, и откуда онъ успѣлъ уже вынести ящикъ [1]).

Но во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ семинарія платилась только сотнями. Какъ ни тяжело было это для семинарскаго бюджета, но всеже балансъ при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ можно было въ концѣ концовъ установить. Къ сожалѣнію, этимъ дѣло не ограничилось. При преосв. Антоніи семинарская экономія испытала и болѣе существенныя потрясенія. Еще раньше было замѣчено, что вмѣстѣ съ Антоніемъ прибыло во Владиміръ нѣсколько Грузинъ, которые, пользуясь близостью къ владыкѣ, тратили безъ счету деньги казеннаго приказа [2]). Когда домовая архіерейская казна опустѣла, обратились къ другимъ источникамъ. По приказанію преосв. Антонія, казенный приказъ сталъ брать деньги изъ семинарскихъ суммъ—взаимообразно, но безъ возврата. Консисторія протестовала въ деликатной формѣ, но принуждена была уступить [3]). Администраторъ Никонъ Красовскій донесъ о такомъ займѣ въ Св. Синодъ. Въ объясненіи, поданномъ по поводу этого доношенія, преосв. Антоній 14 апрѣля 1760 г. писалъ. „Прошлаго 1749 года ноября дня по опредѣленію антецессора моего покойнаго преосвященнаго Платона епископа учреждена во Владимірѣ вновь семинарія, которая по новости епархіи, за несобраніемъ тогда еще на оную семинарію никакихъ съ епархіи доходовъ, строена и всякіе принадлежащіе къ тому строенію деревянные, желѣзные, кирпичные, стекольные и прочіе матеріалы ставлены отъ дому архіерейскаго на счетъ консисторіи съ возвратомъ по расчету всего сдѣланнаго отъ онаго казеннаго приказа. А сколько всего всякаго строенія издержено будетъ о томъ отъ онаго казеннаго приказу велѣно имѣть записку съ подлежащею смѣтою. А по представленной отъ онаго приказа при означенномъ доношеніи смѣтной выпискѣ слѣдуетъ за означенные къ строенію той семинаріи отъ онаго дому матеріалы и за строеніе оной мастеровыми и другими людьми 2507 руб. $39^{1}/_{4}$ коп. Итакъ, на домѣ моемъ не только показаннаго долга быть не можетъ, но еще изъ той консисторіи и за вычетомъ изъ оной суммы показанныхъ забранныхъ изъ семинарскаго сбору денегъ 2426 руб. $45^{3}/_{4}$ коп. въ оный приказъ возвратить доводится 80 руб. $93^{1}/_{2}$ к.“ Въ заключеніе архіеп. Антоній просилъ: „впредь оную семинарію, принадлежащую до епархіи, строеніемъ, починками, сторожами и прочими рабочими людьми во всѣмъ содержать изъ семинар-

---

1) Тамъ же, 1760 г., сент. 7, № 1.

2) Въ годъ собиралось архіерейскихъ денегъ около 2500 р., а въ расходѣ съ 23 ноября 1751 г. по октябрь 1756 г. числилось 5857 р. 12 к. (Изъ доношенія въ св. Синодъ администратора Никона).

3) Арх. консист. Журн. консист. 1758 г., 16 дек., № 2.

скихъ доходовъ, дабы домъ его отъ таковыхъ излишнихъ тягостей не пришелъ въ найвящее несостоянiе и въ произвожденiи монашеству и прочимъ жалованья не послѣдовало всекрайняго оскудѣнiя [1])". Однимъ словомъ, преосв. Антонiй ставитъ въ счетъ семинарiи тѣ деньги, которыя употреблены [2]) были изъ домоваго приказа при перестройкѣ Богородицкихъ зданiй, произведенной по распоряженiю еп. Платона въ 1749 г., и для покрытiя этого стараго семинарскаго долга требуетъ, кромѣ суммы, взятой уже взаимообразно изъ семинарской кассы, еще доплаты въ размѣрѣ ок. 80 руб. Формально преосв. Антонiй былъ, конечно, правъ, но только въ такомъ отношенiи къ семинарскимъ средствамъ мы уже не видимъ той отеческой заботливости о семинарiи, какою увѣковѣчилъ свое имя еп. Платонъ. Видно сразу, что семинарiя была учрежденiемъ чужимъ для владыки чужестранца.

Что касается до цифры 2426 руб. 45¾ коп., которою Никонъ Красовскiй въ доношенiи Синоду (отъ 29 янв. 1759 г.) опредѣлилъ сумму долга, лежавшаго на казенномъ приказѣ, то для 1760 г., когда писалъ объясненiе архiеп. Антонiй, она является нѣсколько высокою, такъ какъ въ февралѣ 1759 г. 100 руб. были возвращены [3]). Оставалось, такимъ образомъ, 2326 руб. 45¾ к., изъ которыхъ опять другихъ 100 руб. взяты были изъ семинарскихъ средствъ матерiалами. Но даже въ такомъ уменьшенномъ видѣ цифра займа представляла солидную для того времени величину и отразилась гибельнымъ образомъ на семинарскомъ бюджетѣ. Ректоръ семинарiи и администраторъ Амвросiй, вступившiй послѣ Товiи и занявшiйся внимательно семинарскими дѣлами, по поводу всего этого писалъ 23 апрѣля 1760 г. въ Св. Синодъ. „Что касается до семинарiи, то хотя она отъ крайняго послѣдовавшаго запущенiя съ Божiею помощью возстанавливается, но однако не безопасно, дабы дольшее ея происхожденiе запято не было. Ибо къ высшему ея поступленiю для нуждныхъ ея же потребностей потребно есть не малое число денегъ, которыхъ, хотя довольное число покойнымъ епископомъ Платономъ собрано было, такъ что кромѣ содержанiя семинарiи и библiотеку довольную можно было купить, однако теперь въ наличности весьма скудно, такъ что и на пищу ученикамъ и на прочiя семинарскiя нужды весьма мало достаетъ. Оскудѣнiе это семинарской суммы не столь отъ семинарiи послѣдовало, ибо за преосвященнаго покойнаго при помянутомъ довольномъ денежномъ сборѣ больше школъ, якожь и философiю имѣла въ себѣ семи-

[1]) Арх. св. Синода. 1757 г. № 142, лл. 413—414.

[2]) Лучше сказать могли быть употреблены, такъ какъ работы производились мастеровыми и работными людьми изъ вотчинъ же архiерейскаго дома.

[3]) Арх. консист. Журн. консис. 1759, февр. 1, № 2.

нарія, что и нынѣшний его преосвященство засталъ, а нынѣ по грамматику токмо имѣется учениковъ. Но послѣдовало то по великой части съ того, что по вступлении въ епархію нынѣшняго его преосвященства взято изъ семинарской суммы взаимообразно 2226 руб.; кромѣ того, что за 100 руб. зъ сущей семинарской суммы куплено было бревенъ для починки семинарской, которыя бревна едва не всѣ въ домъ его преосвященства взяты и изъ нѣкоторыхъ баня сдѣлана по приказу его преосвященства, а другія употреблены на другія весьма ненужныя строенія. Правда же, помянутыя бревна взяты взаимно, понеже инако и взять ихъ было нельзя, яко очень нужныя для починки семинарской, однако-же возвращенія ихъ такъ почитай ожидать можно, какъ помянутыхъ взаймы же взятыхъ денегъ. Отчего опасно, дабы не пришла семинарія въ такое бѣдное состояніе, что пособить ей нельзя будетъ, хотя бы суммою семинарскою. Ибо теперь, чтобы она была починками изъ домовой архіерейской суммы, какъ то прежде при строеніи вновь многихъ архіерейскихъ домовъ и она вся построена была изъ архіерейской домовой суммы, того и думать нельзя" [1]). —Хотя въ объясненіи отъ 28 іюля того-же года преосв. Антоній писалъ, что „семинарія въ потребномъ денежномъ и хлѣбномъ иждивеніи нималѣйшаго недостаточества не имѣетъ, и потому не токмо никакого запущенія въ семинаріи не бывало, но еще впредь къ слѣдующимъ школамъ употреблено было отъ меня надлежащее стараніе" [2]), но безпристрастный обзоръ архивныхъ памятниковъ того времени говоритъ, что правда была на сторонѣ Амвросія.

Надобно замѣтить, что архимандриту Амвросію семинарія вообще обязана многимъ по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи. Онъ ратовалъ въ интересахъ ея не только по одному дѣлу о займѣ. Благодаря ему, консисторія дѣлается болѣе отзывчивою на доношенія семинарской конторы о недоимкахъ и неплатежахъ; консисторскія резолюціи по семинарскимъ дѣламъ приводятся въ исполненіе съ большею точностью и скоростью; недоимки уменьшаются, и поступленія принимаютъ сравнительно правильное теченіе. Но, чтобы достигнуть всего этого, Амвросію пришлось неоднократно прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, напоминающимъ распоряженія покойнаго Платона. Перемѣну настроенія, господствовавшаго доселѣ въ стѣнахъ консисторіи, почувствовали прежде всего консисторскіе приказные.

12 апрѣля 1760 г. заслушано было въ консисторіи доношеніе благочиннаго по Косуновской посылкѣ Александровскаго священника Василія Иванова, при коемъ онъ представилъ въ платежъ

[1]) Арх. Спн. 1757 г. № 142, лл. 418—419.

[2]) Тамъ же.

за 1755 и 1756 г. семинарскихъ денегъ 74 руб. $78^3/_4$ коп. и въ которомъ объявлялъ о недоимкѣ съ погоста Купалищъ и с. Арбузова. Деньги велѣно было передать подканцеляристу Анониму Трусову, относительно недоимокъ забрать справки, не числится ли какихъ-нибудь недочетовъ на означенныхъ селахъ еще за какіе-нибудь годы, а въ заключеніе прибавлено: „понеже неоднократно и разновременно о семинарской недоимкѣ по разсужденіи консисторскомъ заключено учинить въ повелѣнныхъ обстоятельствахъ выправки и представить къ разсмотрѣнію, но даже по нынѣ ничего о томъ къ разсмотрѣнію не было представлено, того ради въ прекращеніе таковаго крайняго въ неисполненіи медленія, кто состоитъ виною тому и кому оныя выправки сочинить надлежитъ, донелѣже всѣхъ не сочинитъ и къ разсмотрѣнію не отдастъ, содержать въ консисторіи скована подъ карауломъ и о томъ консисторскимъ караульнымъ изъ протокола сего объявить“ [1]). Такъ какъ такая угроза примѣнена была въ дѣйствительности, то дѣло получило совершенно другой оборотъ, и желаемая справка вскорѣ была доставлена [2]).

Немного спустя и вся епархія почувствовала надобность считаться съ новыми вѣяніями. Когда по справкѣ оказалось, что на священно-церковнослужителяхъ с. Арбузова числится за все время недоимки 14 руб. $74^3/_4$ коп., которыхъ послѣдніе не платятъ, оправдываясь тѣмъ, что они противъ писцовыхъ книгъ не имѣютъ въ своемъ владѣніи по 10 четвертей, то въ консисторіи постановили: „изъ оныхъ священно-церковнослужителей половинное число сыскать въ консисторію и донелѣже они своихъ семинарскихъ недоимокъ не заплатятъ, держать ихъ подъ карауломъ безвыпускно, а когда они заплатятъ, то по освобожденіи оныхъ съ другими поступить таковымъ же образомъ неупускно, понеже, когда оная земля по писцовымъ книгамъ у нихъ при церкви написана, то они ее отыскивать и владѣть ею должны“ [3]).

Такой же способъ взиманія семинарскихъ сборовъ примѣненъ былъ и въ отношеніи къ другимъ недоимочнымъ. Такъ, когда по доношенію бывшаго благочиннаго по Богословской посылкѣ священника с. Лыкова Ивана Васильева оказалась на священно-церковнослужителяхъ той посылки недоимка, при чемъ часть ея насчитывалась на самихъ священно-церковнослужителяхъ с. Лыкова, то въ консисторіи состоялось слѣдующее распоряженіе: „во первыхъ онаго села Лыкова означеннаго священника Ивана да того села Лыкова благочиннаго съ діакономъ да дьячка съ понамаремъ, забравъ чрезъ нарочныхъ въ консисторію, держать

[1]) Арх. консист. Жур. консист. 1760, апр. 12, № 5.
[2]) Тамъ же, апр. 28, № 5.
[3]) Тамъ же, апр. 28, № 6.

подъ карауломъ донелѣже они имѣющейся на томъ селѣ недоимки всей сполна не заплатятъ; когда же они тую недоимку заплатятъ, то по освобожденіи ихъ и прочихъ селъ священно-церковнослужителями поступить таковымъ же образомъ неотложно, съ тѣмъ токмо, что ежели изъ котораго села взятъ будетъ священникъ, а другого въ немъ не имѣется, то предъ взятіемъ таковаго, чтобы для исправленія въ томъ приходѣ мірскихъ требъ изъ близшаго къ оному приходу села священникъ опредѣленъ былъ къ благочинному по той посылкѣ посылать указы" [1]).

При такихъ мѣрахъ семинарская экономія почувствовала нѣкоторое, хотя временное, облегченіе. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1760 г. въ силу синодальнаго указа семинарія была передана въ полное вѣдомство Амвросію, чѣмъ уничтожилась ея зависимость отъ консисторіи и преосв. Антонія [2]). Въ консисторіи, по полученіи извѣстія объ этомъ, была сочинена опись семинарскихъ дѣлъ и вѣдомостей о деньгахъ и недоимкахъ и отослана 30 октября въ семинарскую контору къ содержанію и управленію. Когда чрезъ мѣсяцъ этотъ же самый листъ о недоимкахъ семинарская контора препроводила въ консисторію для взысканія съ священно-церковнослужителей недобранныхъ на семинарію денегъ, то консисторія возвратила его обратно, ссылаясь на указъ отъ 12 іюля, предоставляющій семинарской конторѣ во главѣ съ ректоромъ вѣдать всѣ денежные и хлѣбные сборы, и обѣщая съ своей стороны чинить надлежащее разсмотрѣніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по понужденіямъ семинарской конторы недоимочныя суммы за ослушаніемъ или же за чѣмъ-либо другимъ платимы не будутъ, о чемъ семинарская контора съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ каждый разъ имѣетъ доносить консисторіи [3]).

Консисторія освободила себя, такимъ образомъ, отъ хлопотливыхъ обязанностей по сбору семинарскихъ денегъ и недоимокъ. Пока ректоромъ семинаріи оставался Амвросій, отъ этого ущерба для семинаріи не могло послѣдовать никакого, такъ какъ Амвросій занималъ мѣсто администратора епархіи, первоприсутствующаго консисторіи, и его распоряженія были равносильны указамъ консисторіи. Но когда Амвросій былъ уволенъ отъ администраторства и ректуры, семинарія, предоставленная собственнымъ силамъ въ сборѣ семинарскихъ денегъ, оказалась въ сильнѣйшемъ затрудненіи. Въ ноябрѣ 1761 г. семинарская контора вынуждена была снова войти съ доношеніемъ въ консисторію о неплатежѣ по разосланнымъ отъ нея указамъ положенныхъ по росписанію за 1758—59 г. сборовъ и за прошлые годы недоимочныхъ денегъ

---

1) Тамъ же, май № 3.

2) Тамъ же, іюль 12, № 3.

3) Тамъ же, дек. 15, № 7.

Консисторія велѣла забрать справки о предшествовавшихъ распоряженіяхъ по этому дѣлу и, выслушавъ ихъ, стала ходатайствовать предъ владыкою о томъ, чтобы эти сборы и наряды чинить прямо отъ семинарской конторы, въ противномъ случаѣ въ отправленіи прочихъ, происходящихъ по консисторіи дѣлъ, чиниться будутъ медленія и остановки [1]). Преосв. Антоній утвердилъ это ходатайство [2]). Какіе порядки водворились послѣ этого, легко понять. Изъ донесенія семинарской конторы отъ 1763 г. видно, что за 1761 г. собрано на семинарію денегъ всего 872 р. 86¼ коп. [3]). Съ Яропольскаго духовнаго правленія взыскано за 1760 г., вмѣсто слѣдуемыхъ 352 руб. 49½ коп., только 54 руб. 33½ коп. На Юрьевецкомъ духовномъ правленіи начислена въ томъ же году недоимка въ 435 руб. [4]).

Содержаніе учениковъ пищею въ правленіе Антонія шло на прежнихъ основаніяхъ, т. е. въ счетъ денегъ, собираемыхъ на семинарію, заготовляли припасы, которыми и содержали какъ учителей, такъ учениковъ. Осенью 1758 г., напр., куплено было на зимнее время про учителей и учениковъ 5 четвертей огурцовъ цѣною по 10 коп. четверть и 50 бороздъ капусты по 6 коп. борозда да для соленія всѣхъ припасовъ соли 12 пудовъ по 50 коп. за пудъ [5]). Количество и качество выдаваемой пищи стояло въ зависимости отъ состоянія семинарскихъ суммъ. Ко времени назначенія ректоромъ семинаріи Амвросія, когда семинарская казна подверглась особенно ощутительнымъ опустошеніямъ, ученикамъ выдавалось хлѣба всего по ⅔ ф. въ день на человѣка [6]). Ученики, не имѣвшіе отца и матери, получали готовую одежду и обувь. По смѣтѣ, представленной семинаріей въ октябрѣ 1759 г., на этотъ предметъ предполагалось издержать 78 руб. 4 коп. [7]). Для пошитья кафтановъ и шубъ изъ овчинъ консисторія велѣла собрать изъ монастырей града Владиміра и Владимірскаго уѣзда портныхъ, отвести имъ въ семинаріи келью и пока они то платье

---

[1]) Тамъ же, 1761 г., нояб. 2, № 2.

[2]) Тамъ же, нояб. 12., № 4.

[3]) Кромѣ того въ томъ же году поступило натурою муки ржаной 197 чт. 3 чк. 4 гар., пшеничной 7 чт. 2¾ гар., овсяныхъ крупъ и ячныхъ 23 чт. 6 чк. 1¼ гар., крупъ гречневыхъ 2 чт. 5 чк. 3⅖ гар., гороху 2 чт. 5 гар., сѣмени конопляного 3 чк. 1⅓ гар. Арх. консист. 1763. Дѣло № 2835.

[4]) Тамъ же. Дѣло № 2464. „По доношенію разсыльщика Ивана Григорьева“.

[5]) Тамъ же. Жур. консист. 1758, окт. 7, № 2 и № 12, № 1.

[6]) Арх. консист. 1762. № 2770. „По доношенію семинарскаго учителя Николая Суббогинскаго о расхищеніи семинарскихъ суммъ и о прочихъ принудительствахъ Дмитріевскимъ протопопомъ Андреемъ Стефановымъ, канцеляристомъ Василіемъ Дмитріевскимъ и копіистомъ Груздевскимъ“.

[7]) Тамъ же. Жур. консист. 1759, окт. 20, № 2. Издержано было на 7 р. 62½ к. больше. Тамъ же, 1760, фев. 16. № 12.

шить будутъ имѣть надъ ними крайнее смотрѣніе, дабы чего изъ покупнаго въ утратѣ не было" [1]). Для завѣдыванія заготовкой одежды и обуви, кромѣ семинарскаго расходчика, былъ избранъ Сергіевскій священникъ Иванъ Ѳеодоровъ [2]).—Число сторожей при семинаріи уменьшилось до трехъ человѣкъ. Въ 1758 г. каждый изъ нихъ получилъ по 3 р. 60 к. въ годъ [3]).

Кромѣ расходовъ по содержанію учителей, учениковъ, отопленію, освѣщенію семинарскихъ зданій, найму сторожей, семинарская экономія въ правленіе архіеп. Антонія понесла крупные расходы по починкѣ Богородицкой церкви. Деревянная кровля на Богородицкой Успенской церкви по осмотрѣ оказалась вся худа, и внутри церкви найдено много ветхостей [4]). Въ росписаніи, представленномъ въ консисторію, всѣ расходы по покупкѣ матеріаловъ, нужныхъ для починки, исчислены въ 557 р. Въ консисторіи рѣшили нужные матеріалы для починки Богородицкой церкви купить изъ семинарской суммы, а работныхъ людей, плотниковъ и каменщиковъ взять изъ вотчинъ его преосвященства [5]). Казенный приказъ вначалѣ категорически отказался дать такое вспомоществованіе, а затѣмъ прислалъ очень небольшое число мастеровыхъ людей [6]), вслѣдствіе чего перестройка затянулась надолго и была окончена лишь въ ноябрѣ 1760 г [7]). Главы на церкви и колокольнѣ были обиты жестью [8]).—Изъ другихъ случайныхъ расходовъ можно указать на постройку новой бани, такъ какъ прежняя, построенная на скорую руку въ 1750 г. пришла отъ времени въ крайнюю ветхость [9]).

---

[1]) Тамъ же. 1759, нояб. 26, № 2. Объ одеждѣ учениковъ въ первое время существованія семинаріи мы имѣемъ вообще мало свѣдѣній. Несомнѣнно, что опредѣленной, форменной одежды не было, а что въ этой области царило разнообразіе и пестрота. Вотъ, напр., предъ нами ученикъ синтаксимы Стефанъ Вишневскій. На немъ рубаха пологняная новая, опояска красная стамедная, кафтанъ синій суконный. Въ праздники онъ надѣваетъ синія перчатки. Кромѣ того у него—двѣ пряжки переметныя, а на рукѣ блеститъ перстень серебряный. Перстень серебряный—украшеніе какъ будто не подходящее для ученика синтаксимы. Но дѣло въ томъ, что въ ларцѣ у Вишневскаго имѣется и „бритва новая". А при бритвѣ новой перстень серебряный на рукѣ ученика синтаксимы не представляетъ уже явленія страннаго. (Арх. консист. 1756 г. № 131. „По доношенію Владимірской семинаріи ученика Стефана Вишневскаго о покражѣ денегъ и скарба". Надеждинъ, стр. 34).

[2]) Тамъ же, 17 дек., № 16.

[3]) Тамъ же, 1758, окт. 7, № 2.

[4]) Тамъ же, 1759, 9 марта, № 2.

[5]) Тамъ же, іюнь 16, № 8

[6]) Тамъ же, авг. 4, № 5 и авг. 27, № 1.

[7]) Тамъ же, 1760, нояб. 9, № 1.

[8]) Тамъ же, сент. 27, № 8.

[9]) Тамъ же, 1759, апр. 28, № 2.

ГЛАВА III.

Начальники и наставники семинаріи. — Ректоръ Товія, Амвросій и Аврамій. — Протопопъ Андрей Стефановъ и учитель Николай Субботинскій.

Ко времени смерти еп. Платона, какъ мы видѣли, во главѣ семинаріи стоялъ архимандритъ Товія, учителемъ старшихъ классовъ и префектомъ былъ іеромонахъ Моисей, а въ младшіе опредѣленъ діаконъ Андрей Стефановъ. И въ правленіе архіеп. Антонія Товія оставался ректоромъ мало замѣтнымъ въ семинаріи. Болѣзнь его все усиливалась и усиливалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и интересъ къ семинарскимъ дѣламъ. Въ связи съ общимъ ослабленіемъ вниманія къ семинаріи, которое характеризуетъ первые годы правленія Антонія, этотъ недостатокъ надзора со стороны ректора сказался въ концѣ концовъ полнѣйшею распущенностью учениковъ.

19 іюня 1758 г. Товія вынужденъ былъ вступить съ особымъ доношеніемъ въ консисторію, въ которомъ нарисовалъ мрачную картину семинарской жизни. „Имѣющіеся въ оной семинаріи ученики философіи,—донесъ Товія,—въ школу не ходятъ, и нынѣ той семинаріи префектъ школу преподаетъ точію двоимъ ученикамъ, а прочіе находятся праздно, на коихъ смотря и другихъ школъ ученики въ тѣ школы опредѣленнымъ учителямъ противятся и въ школу не ходятъ, а иные, хотя и ходятъ, точію учиться не хотятъ и учителямъ противятся, и хотя за то приличными выговоры многіе и штрафованы и наказываны, точію упрямства своего не оставляютъ и какъ мнѣ, ректору, такъ и префекту и учителямъ противятся: а риторики учитель діаконъ Андрей сего іюня съ 15 числа въ школу не ходитъ" „Понеже, приказали въ консисторіи, выслушавъ докладъ, тоя семинаріи нѣкоторымъ ученикамъ многократно уже о томъ Владимірской епархіи отъ администратора Цареконстантинова монастыря архимандрита Никона Красовскаго, какъ о томъ отъ него собранію словесно предложено, приказывано было, чтобы они, донелѣже объ оной семинаріи и объ ученикахъ подлежащее воспослѣдуетъ опредѣленіе, всякъ при своей должности неотмѣнно и безотрицательно находились, что, какъ изъ прописаннаго донесенія явствуетъ, не исполняется, того ради послать указъ въ семинарскую контору и велѣть какъ учителямъ, такъ и ученикамъ каждому исправлять опредѣленную ему должность до будущаго разсмотрѣнія и опредѣленія" [1]). Доношеніе Товіи въ извлеченіяхъ консисторіи представляетъ много темнаго и непонятнаго. Видно только, что въ семинарскихъ безпорядкахъ замѣшаны были и учи-

---

[1]) Тамъ же, 1758 г., іюнь 19. № 1.

теля и что самые безпорядки представляли нѣчто въ родѣ протеста по вопросу извѣстному и администратору, и консисторіи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года семинарская контора представила архіеп. Антонію реестръ учениковъ. „кои по ихъ къ наукамъ неспособностямъ предназначаются къ исключенію вовсе изъ семинаріи". Всѣхъ поименованныхъ въ реестрѣ владыка велѣлъ изъ семинаріи уволить и опредѣлить къ мѣстамъ [1]). Судя по нѣкоторымъ даннымъ, исключены были не только неспособные къ наукамъ, но и тѣ, коимъ, по отсутствію въ семинаріи школы высшей философіи, оставаться здѣсь было нечего [2]). Это былъ, такимъ образомъ, первый извѣстный намъ по документамъ выпускъ учениковъ Владимірской семинаріи. Быть можетъ, въ тѣсной связи съ нимъ стояли и іюньскія безпорядки, вызванные нѣкоторою нерѣшительностью семинарскаго начальства выпустить изъ своихъ стѣнъ тѣхъ питомцевъ, пребываніе которыхъ здѣсь становилось излишнимъ. На мѣсто уволенныхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ набраны были новые [3]). Въ сентябрѣ же послѣдовалъ указъ Св. Синода объ отправѣ находящагося въ семинаріи учителемъ іеромонаха Моисея въ Московскую греко-латинскую академію и о бытіи ему въ оной греческаго и еврейскаго діалекта учителемъ [4]).

Моисей выѣхалъ изъ Владиміра не сразу по полученіи указа. Ему оставалось дополучить невыданное жалованіе за цѣлый годъ, а переписка объ этомъ продолжалась почти до конца 1758 г. [5]). Однако съ полученіемъ указа его дѣятельность по семинаріи ослабѣла. Фактическимъ начальникомъ заведенія дѣлается діаконъ Андрей Стефановъ, такъ какъ ректоръ Товія еще въ августѣ мѣсяцѣ отбылъ въ Москву, а по возвращеніи изъ Москвы жилъ въ своемъ Козминѣ монастырѣ и въ отправленіе ректорской должно-

---

[1]) Тамъ же, іюль 29, № 2.

[2]) Слушатель философіи Иванъ Дмитріевъ Сергіевскій въ своемъ прошеніи въ консисторію пишетъ, между прочимъ, слѣдующее. „Прошлаго 1750 г. по самоперсональному преосвящ. Платона, епископа Владимірскаго, бывшему здѣсь во Владимірѣ разбору взятъ я въ реченную семинарію для обученія латинскаго діалекта, въ которой съ самаго того опредѣленія времени сего 1758 г. іюля по 15 число находился безпорочно и счастіе чрезъ руководство Божіе имѣлъ выслушать философіи три части, то-есть: логику, этику и метафизику, а того іюля 15 дня благоволеніемъ его преосвященства повелѣно меня изъ семинаріи выключить..." Тамъ же, № 5.

[3]) Тамъ же, авг. 12, № 2.

[4]) Тамъ же, сент. 30, № 1. Въ 1761 г. Моисей по прошенію уволенъ изъ академіи въ Кіево-Софійскій монастырь (Смирновъ. Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи. 1855 г., стр. 223).

[5]) Характерно то, что Моисею не выдавалось за цѣлый годъ не только жалованье, но не выдавались съ ноября 1757 г. и трактаментальныя деньги. Журн. консист., 1758 г., нояб. 1, № 8.

сти совершенно не вступалъ [1]). Указомъ консисторіи отъ 18 ноября 1758 г. вся семинарія поручена была вѣдѣнію Стефанова [2]). Параллельно тому шло и его іерархическое возвышеніе. Сперва Андрей Стефановъ опредѣленъ былъ іереемъ во Владимірскій Успенскій соборъ, а 1 мая 1759 г. по заручному опредѣленію его преосвященства назначенъ протопопомъ Владимірскаго Дмитріевскаго собора [3]) Съ выѣздомъ Моисея въ Москву одному Стефанову было трудно управиться со всею семинаріею, а выписать новаго учителя было некому. Пришлось обратиться къ содѣйствію своихъ же питомцевъ. 10 декабря утвержденъ былъ учителемъ надъ вновь набираемыми учениками Иванъ Ив. Стихаловскій, выслушавшій три части философіи [4]). Ему и Стефанову опредѣлили въ годъ жалованья по 25 руб.; да кромѣ того Стихаловскому натурою изъ выдаваемой ученикамъ пищи противъ учениковъ вдвое [5]).

Но какъ быстро послѣдовало возвышеніе Андрея Стефанова, ставшаго во главѣ семинаріи, такъ же и быстро онъ палъ. Власть головокружительно подѣйствовала на этого недостойнаго во всѣхъ отношеніяхъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, человѣка, и въ семинаріи воскресли забытыя нѣсколько времена Радикорскаго.

21 августа 1759 г. секретарь консисторіи Василій Лазаревичъ словесно передалъ консисторіи отъ имени его преосвященства, чтобы „Владимірскаго Дмитріевскаго собора протопопа Андрея Стефанова, находящагося въ епархіальной его преосвященства семинаріи учителемъ и въ семинарской конторѣ присутствующимъ, за нерачѣніемъ его въ семинаріи въ обученіи и за извѣстными его, его преосвященству, пьянственными поступками, отъ чего худое и непостоянное его съ учениками происходитъ

---

1) Съ удаленіемъ Никона Красовскаго отъ администраторской должности велѣно было отправлять эту должность присутствующему консисторіи Товіи съ прочими консисторіи присутствующими. Указъ былъ присланъ во Владиміръ 15 августа 1759 г. По справкѣ оказалось, что со дня отбытія Товіи въ Москву (въ августѣ 1758) до времени полученія указа онъ не присутствовалъ въ консисторіи ни разу. Не вступалъ Товія и въ отправленіе администраторской должности послѣ синодальнаго указа. 11 октября заслушанъ былъ въ консисторіи новый указъ о бытіи администраторомъ Амвросія. Въ январѣ 1760 г. преосв. Антоній по прошенію Товія велѣлъ выдать ему въ вознагражденіе за ректорскую службу 100 руб., изъ чего видно, что жалованья за ректуру Товія не получалъ (Журн. консист., 1760 г., 21 янв., № 2); а въ апрѣлѣ 1760 г. Товія оставилъ Владимірскую епархію и переведенъ въ Коломенскую (тамъ же, 1760, апр. 3, № 2).

2) Тамъ же, 1758, нояб. 18, № 7.

3) Тамъ же, 1759, май 4, № 1.

4) Арх. консист. 1759 г. № 1931. „О произведеніи учителя Ивана Иванова къ градской Николаевской церкви во діакона“.

5) Журн. консист., май 26, № 2.

обхожденіе, отъ обученія въ семинаріи и отъ присутствованія въ семинарской конторѣ отрѣшить немедленно, и быть ему при единомъ точію соборѣ; въ семинарію, донелѣже каковое на представленное отъ его преосвященства въ Св. Синодъ доношеніе разсмотрѣніе воспослѣдуетъ, поручить находящемуся въ семинаріи же изъ учениковъ учителю Ивану Стихаловскому". Въ семинаріи оставался такимъ способомъ опять одинъ учитель, притомъ изъ Владимірскихъ же учениковъ. Контора семинарская поручена была интенданту коллежскому регистратору Ареѳѣ Головашкину [1]).

Къ счастью для Владимірской семинаріи, такой порядокъ продолжался недолго. Вскорѣ послѣдовалъ отвѣтъ на доношеніе преосв. Антонія. 6 сентября 1759 г. въ консисторіи заслушали указъ Св. Синода объ опредѣленіи ректоромъ Владимірской семинаріи Спасскаго Арзамасскаго монастыря архимандрита Амвросія [2]). Амвросій (Андреевскій) былъ префектомъ Троицкой лаврской семинаріи съ 1758 г. [3]). Въ началѣ 1759 г. произведенъ въ архимандрита Спасскаго Арзамасскаго монастыря [4]), а въ ноябрѣ въ силу синодальнаго указа явился во Владиміръ для вступленія въ должность администратора и ректора семинаріи. Съ именемъ Амвросія связываются воспоминанія о лучшихъ дѣятеляхъ на поприщѣ нашего мѣстнаго Владимірскаго духовнаго просвѣщенія. Ему принадлежитъ честь реорганизаціи всѣхъ отправленій семинарской жизни. Онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ спасъ семинарію отъ того окончательнаго разстройства, къ которому привело ее какъ стѣснительное экономическое положеніе, о чемъ говорилось выше, такъ и подборъ наставниковъ и начальниковъ. Не успѣло пройти три дня послѣ того, какъ въ семинарію посланъ былъ указъ, извѣщавшій семинаристовъ и учителей о прибытіи новаго ректора [5]), какъ на основаніи представленія Амвросія рѣшено было обратиться въ Лаврскую семинарію съ требованіемъ прислать обратно безъ умедленія двухъ посланныхъ раньше изъ Владимірской семинаріи учениковъ Алексѣя Лебергецкаго и Николая Субботинскаго для занятія свободныхъ учительскихъ мѣстъ. Алексѣй Лебергецкій и Николай Суб-

---

[1]) Тамъ же, 1759, авг. 21, № 1. Когда оставилъ интендантскую должность Василій Лазаревичъ, точно опредѣлить трудно. Секретаремъ консисторіи Лазаревичъ оставался по 1767 г., когда былъ переведенъ въ Сенатъ „для опредѣленія къ другимъ дѣламъ". Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ. 1767 г., май 8, № 601.

[2]) Журн. консист 1759, сент. 6, № 1.

[3]) Смирновъ. Исторія Троицкой лаврской семинаріи. 1867, стр. 97

[4]) Журн. консист. 1759, авг. 12, № 1.

[5]) Тамъ же, нояб. 12, № 4.

ботинскій въ мартѣ мѣсяцѣ того же года отправлены были въ Троицкую семинарію для слушанія физики и богословіи и содержались тамъ въ счетъ семинарскихъ суммъ [1]). Такъ какъ отъ начала обученія Владимірскихъ пансіонеровъ прошелъ слишкомъ незначительный срокъ, то Лаврская семинарія послала вмѣсто ихъ во Владиміръ своего питомца Сергѣя Воронова для преподаванія піитики и риторики, съ тѣмъ, чтобы жалованье ему производить „противъ учителя піитики и риторики по 100 руб. въ годъ съ приличнымъ содержаніемъ“ [2]). Во Владимірѣ остались недовольны присланнымъ учителемъ. Во первыхъ, во Владимірской семинаріи школъ піитики и риторики къ тому времени совершенно не существовало и учениковъ, къ обученію въ этихъ школахъ приспѣвающихъ, „совсѣмъ не явилось“; а во вторыхъ, Вороновъ былъ для нея слишкомъ дорогъ. Ему предложили остаться учителемъ грамматики и синтаксимы и согласились выдавать назначенное имъ самимъ жалованье 70 руб въ годъ, съ тѣмъ, чтобы половина этой суммы выдавалась изъ архіерейской казны, а другая половина изъ семинарской [3]). Хлѣба, квасу, капусты, огурцовъ, потребное число безъ излишества, а муки пшеничной, крупы и гороху постольку, поскольку бывому префекту выдавалось, велѣли выдавать изъ семинарскаго кошта натурою; а на мясо, рыбу, масло, пиво, медъ и пр. положили выдавать изъ семинарской суммы каждый годъ 25 руб. [4]). Если припомнимъ, что Сергѣй Вороновъ, кромѣ всего этого, пользовался

---

[1]) Тамъ же, февр. 8, № 10.

[2]) Тамъ же, нояб. 26, № 4.

[3]) Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемся съ такого рода распредѣленіемъ источниковъ учительскаго содержанія. Консисторія въ оправданіе сослалась на практику: существовавшую при Моисеѣ, конфирмованную еп. Платономъ 6 сент. 1755 г. Когда впослѣдствіи возникъ вопросъ о выдачѣ заслуженнаго жалованья учителю Ив. Стихаловскому, консисторія составила такое же опредѣленіе съ приложеніемъ справки, данной семинарской конторой, по коей всѣ учителя іеромонахи половинное число жалованья получили изъ архіерейской казны. (См. Журн. консист., 1760, апр. 14, № 4). Но преосв. не утвердилъ этого опредѣленія и наложилъ слѣдующую резолюцію. „Бывымъ учителямъ іеромонаху Гедеону и Палладію изъ домовой архіерейской казны никаковой жалованья части не приходило, кромѣ бывшаго префекта іеромонаха Моисея, коему яко не учительское, но префектовское жалованье положено было, то и справки объ ономъ не требовано и въ примѣръ тому представлять неподлежательно. А консисторія, показуя, что тѣ бывые учители іеромонахи половинную часть изъ архіерейской казны получали, подъ какимъ то видомъ чинитъ и на какой конецъ дерзновенно тѣмъ его преосвященство обличаетъ, неизвѣстно“. (Тамъ же, май 31, № 5). Забрали новыя справки и велѣли канцеляристу Цвѣтаеву, давшему прежнюю справку, учинить плетьми наказаніе, чтобы онъ впредь велъ дѣло съ осторожностью и осмотрительностью. (Тамъ же, сент. 1, № 2).

[4]) Тамъ же, февр. 25, № 1.

безплатною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ и если примемъ въ разсчетъ денежную стоимость жизненныхъ потребностей въ то время и самый характеръ этихъ потребностей, то можно безъ преувеличенія сказать, что матеріальная обезпеченность Сергѣя Воронова стояла далеко выше. чѣмъ обезпеченность большинства преподавателей семинаріи нашего времени. Но для семинаріи временъ Амвросія такой учитель былъ не по средствамъ, и на него смотрѣли, какъ на временнаго. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1760 г. послали вторично промеморію въ Сергіевскую лавру объ отпускѣ Владимірскихъ питомцевъ [1]). Отвѣта не послѣдовало. А между тѣмъ Стихаловскій въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1759 г. былъ произведенъ во діакона къ Николаевской градской церкви и вышелъ изъ семинаріи [2]). Чтобы не оказаться совершенно безъ учителя, пришлось оставить на время и дорогого для семинарской экономіи Воронова. Въ помощники къ нему опредѣлили дьячка града Арзамаса, Ильинской церкви, бывшаго ученика школы философіи Ивана Щеголькова [3]).

Къ сожалѣнію, архимандритъ Амвросій не долго стоялъ во главѣ семинаріи. Званіе и обязанности администратора дѣлали его положеніе чрезвычайно труднымъ. Началась та же исторія, изъ-за которой уволили отъ администраторства Никона Красовскаго. Между владыкою и администраторомъ, подавшимъ жалобу въ Синодъ, стали происходить открытыя столкновенія [4]). Дальнѣйшее пребываніе Амвросія въ епархіи дѣлалось невозможнымъ. Синодальнымъ указомъ отъ 23 мая 1761 г. велѣно было Амвросія отъ администраторства уволить и опредѣлить настоятелемъ въ Тверской Отрочь монастырь, съ тѣмъ, чтобы въ Тверской семинаріи онъ и должность ректора правилъ. Но преосв. Аѳанасій Тверской извѣстилъ, что въ Тверскомъ монастырѣ уже имѣется настоятель, который занимаетъ одновременно и должность ректора [5]).

Неизвѣстно какимъ образомъ, но только съ выходомъ Амвросія изъ семинаріи протопопъ Дмитріевскаго собора Андрей Стефановъ, постыдно изгнанный за безчинные поступки изъ семинаріи, снова вошелъ въ довѣріе Антонія. Въ августѣ 1761 г.

---

[1]) Тамъ же, дек. 13, № 4.

[2]) Арх. консист., 1759, № 1931.

[3]) Журн. консист., 1760, февр. 28, № 21. Въ 1761 г. Щегольковъ уволенъ изъ семинаріи за болѣзнью. Въ награду за обученіе положено было назначить его въ с. Выѣздную Слободу, Арзамасскаго уѣзда, діакономъ. (Тамъ же, 1761, апр. 26, № 1.

[4]) См., напр., Журн. консист., 1761, февр. 16, № 11.

[5]) Арх. Синода. 1757, № 142. Впослѣдствіи мы видимъ Амвросія архимандритомъ Пѣскорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря (1766—72), Симонова (1772—83) и Иверскаго. 1791 г. Амвросій уволенъ на покой.

послѣдовало назначеніе его присутствующимъ въ семинарской конторѣ [1], т. е. распорядителемъ семинарской казны и провизіи. Не успѣлъ Стефановъ пристроиться къ семинарской конторѣ, какъ пошли снова плутни и злоупотребленія. Впрочемъ, не надолго. Безобразія и хищничество Стефанова встрѣтило скоро протестъ со стороны одного изъ его сослуживцевъ. Протестъ поддержанъ былъ новымъ ректоромъ, и Стефанову въ концѣ концовъ пришлось опять оставить семинарію. Дѣло обстояло такимъ образомъ.

Въ сентябрѣ 1761 г. прибылъ во Владиміръ изъ Троицкой лавры давно ожидаемый Николай Субботинскій. Сергѣя Воронова, безъ котораго, какъ замѣтили въ консисторіи, съ прибытіемъ Субботинскаго обойтись можно, отправили тотчасъ же обратно въ Троицкую лавру [2]), а Субботинскаго опредѣлили главнымъ учителемъ семинаріи (въ то время онъ былъ и единственнымъ) съ назначеніемъ ему оклада по 50 руб. и по 25 руб. ежегодно „на съѣстной и питейный трактаментъ“ [3]). 26 января 1762 г. семинарская контора получила увѣдомленіе о прибытіи во Владиміръ новаго ректора. Назначенъ былъ нѣкто Аврамій Флоринскій. По окончаніи академическаго курса въ Кіевѣ, Флоринскій въ 1752 г. занялъ мѣсто учителя при академіи и, переходя изъ школы въ школу, чрезъ три года назначенъ былъ исправляющимъ должность префекта и преподавателемъ философіи. Въ 1758 г. Флоринскаго перевели настоятелемъ въ Виленскій Святодуховъ монастырь съ титломъ пріора или старшаго [4]), а отсюда во Владиміръ. По указу Синода велѣно было Аврамія Флоринскаго произвести въ архимандрита Цареконстантинова монастыря и производить ему ежегодно по 200 руб. изъ семинарской суммы [5]).

Еще до назначенія новаго ректора учителемъ Субботинскимъ подано было владыкѣ заявленіе о выдачѣ ученикамъ школы риторики верхней и исподней одежды. Преосв. Антоній утвердилъ докладъ, но Стефановъ, въ рукахъ котораго находилось распоряженіе семинарской суммой, медлилъ исполненіемъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1762 г. уже самъ ректоръ вторично вступаетъ съ доношеніемъ, въ которомъ жалуется на неисполненіе резолюціи

---

[1]) Арх. консист., Журн. консист. 1761, авг. 17, № 4.

[2]) Тамъ же, 1761, сент. 17, № 4.

[3]) Тамъ же, окт. 8, № 6.

[4]) См. Аскоченскій. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. Ч. II, стр. 209.

[5]) Журн. консист., 1762, янв. 23, № 11 и 28, № 4. Амвросій по резолюціи преосв. Антонія получалъ въ годъ за исправленіе должности ректора и администратора 150 руб. по равной части изъ семинарской и консисторской суммы. Тамъ же, 1760, янв. 14, № 3.

преосвященнаго на счетъ одежды и при этомъ добавляетъ что „противъ прежняго огурцовъ, капусты бѣлой и гречневой крупы нынѣ де не выдается“ [1]). Хотя медлительность въ исполненіи резолюціи преосвященнаго и всѣ эти нововведенія семинарской экономіи были дѣломъ рукъ присутствующаго въ семинарской конторѣ Андрея Стефанова, но онъ со свойственною ему хитростію и умѣніемъ вкрасться въ довѣріе, избѣжалъ угрожающей ему кары. Мало того. Онъ успѣлъ оговорить предъ владыкой главнаго виновника поднятаго противъ него протеста Николая Субботинскаго. Какъ происходило въ подробностяхъ дѣло, изъ документовъ не видно. Извѣстенъ только результатъ. Въ апрѣлѣ архіеп. Антоній повелѣлъ тѣ школы, которыя до сихъ поръ обучалъ Субботинскій, передать въ вѣдѣніе протопопа Андрея Стефанова, „а ему Субботинскому за приписанную его къ его преосвященству противность производить низшую школу и грамматику“ [2]). Субботинскій послѣ такого оборота дѣла съ удвоенною энергіею принялся за разоблаченіе погрѣшностей Дмитріевскаго протопопа. Спустя нѣкоторое время отъ имени Субботинскаго поступила жалоба архіеп. Антонію съ подписомъ 58 учениковъ на протопопа Андрея Стефанова, канцеляриста Василія Дмитревскаго и кописта Иродіона Груздинскаго. Въ жалобѣ заявлялось, что еще раньше вашимъ преосвященствомъ протопопъ Андрей Стефановъ отрѣшенъ отъ семинарской конторы за безпорядки по семинаріи, а въ семъ 1762 г., будучи семинарскимъ судіею, онъ снова производитъ въ безобразномъ пьянствѣ многіе непорядки и семинарскую казну вдосталь тратитъ. Дальше шло подробное перечисленіе всѣхъ его провинностей: 1) Капусту, когда она была еще на грядахъ, онъ приказалъ перевезти хорошую къ себѣ, а худую и негодную для ради обиходу семинарскаго. 2) Хлѣба ежедневно беретъ себѣ по короваю, а по часту и того больше, а ученикамъ семинаріи выдаетъ по 1/3 фунта на день. 3) Сторожей отъ семинаріи всѣхъ почти распустилъ и происходитъ отсюда остановка въ работахъ, присмотрѣ, чистотѣ и топленіи. 4) Расходчикъ, по потворству сего судіи семинарской конторы, уворовалъ изъ семинаріи мѣшки пшеничной муки, и чужестранные люди, поймавъ его, привели къ нимъ въ семинарію, и они съ воровствомъ представили его къ судіи, но онъ его прикрылъ. 5) У хорошихъ купцовъ рыбы и мяса не бралъ, но у худыхъ ему было прибыльно. Канцеляристъ Василій Дмитріевскій и копистъ Иродіонъ Груздинскій являлись соучастниками Стефанова въ расхищеніи семинарскаго добра. „Воровство ихъ, доно-

---

1) Тамъ же, 1762, мартъ 19, № 2.
2) Тамъ же, апрѣль 29, № 1.

сятъ ученики арх. Антонію, такъ увеличилось, что они воруютъ по 100 свѣчъ и для ученія уроковъ ученики вынуждены просить свѣчъ гдѣ либо на сторонѣ, а соль, муку и крупу воруютъ пудами".

Въ консисторіи, куда сдалъ архіеп. Антоній доношеніе, приказали помянутыхъ протопопа Стефанова, Дмитріевскаго и Груздинскаго допросить и на тѣ ихъ допросы. если они на чемъ учинятъ отрекательство, отъ учителя Субботинскаго, а будь онъ откажется, отъ учениковъ, кои ему о вышеписанномъ объявили, взять доказательства, отъ протопопа съ приказными на тѣ доказательства оправданіе и представить къ разсмотрѣнію немедленно. Началось слѣдствіе. Оно касалось всѣхъ вообще безпорядковъ семинарскихъ, связанныхъ съ именемъ Стефанова, чинимыхъ имъ какъ теперь, такъ и содѣянныхъ раньше до изгнанія изъ семинаріи. На допросѣ протопопъ совершенно отъ всего отпирался и оправдывалъ свои дѣйствія ссылкою на ректора Товію. „Бралъ я, говорилъ Стефановъ, продовольствія по немногу и притомъ по приказанію бывшаго ректора архимандрита Товіи". Ученики, допрошенные устно о томъ, на что раньше жаловались вмѣстѣ съ Субботинскимъ письменно, стали еще смѣлѣе и подробнѣе разоблачать недобросовѣстныя дѣянія протопопа Стефанова. „Скудость у насъ въ семинаріи при судіи семинарской конторы протопопѣ Стефановѣ, говорили они, невыностная во всемъ, только и было поддержки во время крайней нашей скудости, что мы на учительскомъ коштѣ пребывали". Упоминаніе объ учительскомъ коштѣ невольно перенесло учениковъ мыслью къ попечительному отношенію къ нимъ ректора Амвросія. „Хотя, говорили они, и по $^1/_3$ фунта имѣли мы при немъ, но и тѣмъ были довольны, потому что онъ почасту и своими пирогами насъ довольствовалъ. А сей протопопъ ради своей корысти распустилъ даже прислугу и наипаче поваровъ и доводилъ насъ до великаго голода; почасту и штей сварить некому". Но и того протопопу было мало. Расхищая общую семинарскую сумму, онъ грабилъ и каждаго ученика въ отдѣльности. „Почасту, заявили ученики, приходилъ онъ въ семинарскія кельи или классы и просилъ себѣ на вино". Просьба пьянаго протопопа была равносильна приказанію, такъ какъ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ, обладающимъ неограниченнымъ полномочіемъ во всякое время высѣчь ученика. И вотъ послѣднія крохи учениковъ шли на вино педагогу пьяницѣ! Но часто случалось такъ, что отъ учениковъ, при всѣхъ угрозахъ и вымогательствахъ, и взять было нечего. Тогда Стефановъ бралъ натурою изъ тѣхъ же недоброкачественныхъ продуктовъ, которые онъ притомъ и выдавалъ въ высшей степени недобросовѣстно. „Будете сыты и безъ завтрака", говорилъ онъ въ пьяномъ видѣ

семинаристамъ. „говорите, что завтракаете, а то увидите"! И семинаристы оставались безъ завтрака, голодали, вспоминая о былыхъ лучшихъ временахъ. За обѣдомъ ихъ ожидали новыя испытанія. По инструкціи еп. Платона положено было по постнымъ днямъ довольствовать учениковъ рыбою, а въ скоромные готовить щти изъ говядины. Но при Стефановѣ, если и давали иногда мясо и рыбу, говорили ученики, то мясо и рыбу откупали на выборъ „такое негожее, что и ѣсть было невозможно". Положимъ, мясо и рыба за семинарскимъ столомъ въ это время представляются нѣкоторою роскошью. Этотъ пунктъ инструкціи Платона на практикѣ едва ли выполнялся строго и въ другія времена. Но дѣло въ томъ, что „всѣ крупы, собранныя сначала учрежденія семинаріи, протопопъ Стефановъ, чтобы покупать новыя и болѣе прибыточествовать, такъ испортилъ, что отъ затхлости не только человѣку, но ниже и скоту ѣсть невозможно" [1]).

Не смотря на всѣ провинности протопопа Андрея Стефанова, онъ оставался при семинарской конторѣ до выѣзда Антонія въ Грузію. Только въ концѣ февраля 1763 г. ректоръ Аврамій сдѣлалъ докладъ въ консисторію „объ отмѣнении Дмитріевскаго протопопа Андрея Стефанова за непорядочные поступки въ семинарской конторѣ отъ присутствія" [2]). Кажется, этимъ только дѣло и ограничилось. Изъ документовъ не видно, чтобы Стефановъ понесъ другое какое наказаніе. Извѣстно только, что послѣ доклада Аврамія о протопопѣ Стефановѣ донесено было въ Св. Синодъ [3]), а Св. Синодъ поручилъ пересмотрѣть дѣло новому владыкѣ Павлу [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ теряются всякіе слѣды этого интереснаго, но печальнаго въ исторіи Владимірской семинаріи дѣла.

ГЛАВА IV.

Учебно воспитательная часть.—Классы.—Наборы.—Библіотека.—Дисциплинарные проступки и взысканія.—Бѣгуны.—Слово и дѣло Государево.—Воровство.

Ко времени смерти еп. Платона старѣйшие ученики Владимірской семинаріи достигли философіи; но оскудѣніе семинарской казны при преосв. Антоніи сопровождалось и уменьшеніемъ числа классовъ. Къ началу 1700 г. философскаго и риторическаго класса

[1]) Журн. консист., 1762, 28 іюня, № 3. Дѣло 1762 г. № 2770. „По доношенію семинарскаго учителя Николая Субботинскаго"... Дѣло № 2770 въ архивѣ не найдено; приводится по исторіи Надеждина (стр. 50 53).

[2]) Журн. консист., 1763, февр. 28, № 11.

[3]) Журн. консист., 1763, апр. 28, № 5.

[4]) Тамъ же, сент. 10, № 4.

не существовало. Учениковъ, по словамъ ректора Амвросія, имѣлось только по грамматику [1]). Философскій классъ при Антоніи, кажется, такъ и не открывался.

Наборъ дѣтей для поступленія въ школу производился почти ежегодно. Въ 1759 г. во время посѣщенія архіеп. Антоніемъ епархіи приказано было управителямъ духовныхъ правленій представить ко времени пріѣзда владыки малолѣтнихъ дѣтей своей десятины для набора годныхъ изъ нихъ въ семинарію. Управители духовныхъ правленій Гороховецкаго, Балахновскаго, Ярошольскаго и Юрьевецкаго приказанія не выполнили. При выѣздѣ изъ этихъ городовъ Антоній приказалъ управителямъ ослушникамъ представить дѣтей во Владиміръ на собственномъ коштѣ. Но и это приказаніе не было исполнено. Тогда консисторія опредѣлила оштрафовать управителей Балахновскаго, Ярошольскаго и Юрьевецкаго духовнаго правленія по 5 руб., а Гороховецкаго (по уваженію къ величинѣ его десятины) 3 рублями [2]). Денежное взысканіе подѣйствовало. Вскорѣ послѣ него Юрьевецкое духовное правленіе представило во Владиміръ дѣтей для набора въ семинарію съ приложеніемъ реестра всѣхъ вообще малолѣтнихъ своей десятины, назначенныхъ къ поступленію въ школу. Въ реестрѣ значилось 93 человѣка. Но изъ нихъ 35 совершенно не явились въ духовное правленіе; родители этихъ дѣтей показали, что они не привезены за болѣзнями или стужею [3]). 9 человѣкъ не выбыло за болѣзнью изъ духовнаго правленія. Представлено было во Владиміръ только 49, изъ которыхъ 7 россійской грамотѣ обучались, но писать не умѣли, прочіе же и грамотѣ не были обучены. Въ консисторіи приказали отослать всѣхъ обратно, а съ отцевъ и родственниковъ взять обязательство выучить своихъ дѣтей письму въ полгода, а неумѣющихъ ни читать, ни писать грамотѣ и письму въ годъ, съ тѣмъ, что если этого не сдѣлаютъ, то дѣти ихъ будутъ забраны въ семинарію необученными, а сами они будутъ штрафованы. Одновременно съ этимъ послѣдовало распоряженіе, чтобы духовныя правленія присылали во Владиміръ только дѣтей, грамотѣ и письму уже обученныхъ, въ возрастѣ отъ 10—15 лѣтъ [4]).

[1]) Арх. Синода, 1757 г., № 142.

[2]) Журн. консист., 1759, сент. 13, № 5.

[3]) На поляхъ реестра противъ именъ оставшихся дѣтей правленіе отмѣчаетъ: „скорбенъ главою“, „скорбенъ: моча не держится“, „за немощью“, „за болѣзнью животною“ и др.

[4]) Арх. консист., 1759 г., № 1854. „По рапорту Юрьевскаго духовнаго правленія о полученіи указа объ обязаніи священнослужителей подпискою, дабы они въ годичное время своихъ дѣтей изучили какъ читать, такъ и писать“. Журн. консист., 1756 г., дек. 20, № 12.

Не смотря на неблагопріятныя матеріальныя условія, Владимірская семинарія въ правленіе архіеп. Антонія обогатилась цѣнными книжными пріобрѣтеніями. Фактомъ первостепенной важности въ этомъ отношеніи былъ переходъ въ семинарское вѣдѣніе латинской библіотеки, оставшейся послѣ смерти еп. Платона. Семинарія и въ этомъ случаѣ обязана дѣятельности попечительнаго Амвросія. 29 января 1761 г. имъ подано прошеніе въ Св. Синодъ объ отпускѣ его въ Москву на десять дней для покупки, принадлежащихъ къ риторикѣ книгъ, коихъ во Владимірской семинаріи не имѣется. При этомъ по необходимости Амвросій коснулся вопроса о состояніи семинарской библіотеки. Отзывъ данъ имъ на этотъ счетъ самаго неутѣшительнаго содержанія. „Въ реченной семинаріи, писалъ онъ, за скудостью библіотеки въ преподаваніи ученія состоитъ таковая нужда, что въ произвожденіи риторики принуждено изъ нѣкоторыхъ авкторскихъ книгъ ораціи переписывать изъ суждальской семинаріи". Средство къ нѣкоторому восполненію семинарской библіотеки Амвросій видѣлъ въ передачѣ семинаріи оставшихся послѣ покойнаго Платона латинскихъ книгъ. „Хотя послѣ покойнаго Платона, епископа Владимірскаго, писалъ онъ, до нѣсколька книгъ и осталось, но онѣ хранятся при кельяхъ его преосвященства уповательно, яко латинскія, безъ всякаго употребленія. Того ради Вашему Святѣйшеству симъ благопочтеннѣйше представляю, не благоволено ли будетъ вышепомяненныя оставшіяся послѣ покойнаго преосвященнаго книги для употребленія опредѣлить въ семинарію, чтобы какая ни есть при семинаріи была библіотека". Указомъ Синода отъ 19 февраля 1761 г. велѣно было отдать оставшіяся послѣ Платона книги немедленно въ семанарію [1]) Амвросій въ силу этого указа составилъ реестръ оставшихся послѣ Платона нужно-потребныхъ для семинаріи книгъ. Но преосв. Антоній, разсмотрѣвъ этотъ реестръ, отказался выдать по нему книги, ссылаясь на то, что въ синодальномъ указѣ говорится только о латинскихъ книгахъ, въ реестрѣ же указаны и русскія, которыя и ему „не ненадобны" [2]). Семинарія получила однѣ латинскія книги. Реестръ ихъ приводится въ дѣлѣ синодальнаго архива за 1754 г. № 142; но латинскія названія переданы здѣсь русскими буквами, при чемъ латинскія слова писцомъ прочитаны невѣрно, такъ что возстановить весь списокъ въ правильномъ видѣ трудно. Между другими книгами въ семинарскую библіотеку на этотъ разъ, между прочимъ, поступили: Synopsis criticorum aliorumque S.

---

[1]) Арх. Синода, 1761 г., № 260. „По доношенію Владимірской епархіи администратора архимандрита Амвросія объ отдачѣ оставшихся послѣ покойнаго Платона, епископа Владимірскаго, книгъ въ семинарію".

[2]) Журн. консист., 1761 г., мар. 16, № 3.

Scripturae interpretum. 5 vol. $16^{69}/_{76}$, Opp. S. Augustini 2 vol., S. Athanasii 2 vol., S. Basilii Magni, S. Cypriani, Epitomes Patrum Sanctorum Ioannis Lopez. 1622, S. Cyrilli Archiepiscopi Hierosolymitani op., Theophilacti Archiepiscopi in Pauli epistolas commentarius, Coteleri Patres apostolici. 1724. V. 1—2, Cellarii Lexicon Latino-Rossico-Germanicum и др. [1]). Всѣхъ названій было 46.

Эти то латинскія книги и легли въ основу семинарской библіотеки, которая до того времени, по словамъ Амвросія, была скудна самыми необходимыми учебными книгами. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1759 г. семинарская контора доносила въ консисторію о необходимости купить для семинаріи элементарей до 50 и грамматикъ до 45, такъ какъ элементарей имѣлось всего только 3, а грамматикъ съ ветхими 55 [2]). Представленіе это найдено было въ консисторіи написаннымъ безъ соблюденія должнаго почтенія, и семинарская контора получила выговоръ и наказъ „въ представленіяхъ своихъ, какъ въ команду слѣдуетъ по приличеству, писать не повелительно"; но тѣмъ не менѣе самое заявленіе было принято во вниманіе. Въ концѣ 1759 г. въ семинарію пріобрѣли: 3 Альвара по $72^1/_2$ коп., 14 элементарей по 10 коп., 2 лексикона по 1 р. 40 к. и 12 грамматикъ по $72^1/_2$ коп. [3]). Вотъ и весь книжный запасъ, который имѣла юная семинарія въ своемъ распоряженіи до передачи въ ея вѣдѣніе латинскихъ книгъ еп. Платона!

Въ дисциплинарной области въ періодъ правленія Антонія измѣненій не успѣло произойти никакихъ. То же господство суровыхъ наказаній, тѣ же формальныя юридическія воззрѣнія на питомца, а отсюда та же слабая связь между школой и учениками и стремленіе освободиться отъ стѣснительныхъ ея оковъ на свободу. Дѣла о бѣгунахъ по прежнему представляютъ много бытового и жизненнаго матеріала, освѣщающаго эту сторону дѣла.

Особенно много трагическаго и тяжелаго въ дѣлѣ о побѣгѣ ученика Ивана Тимоѳеева. Это былъ тихій и скромный мальчикъ, съ успѣхомъ обучавшійся въ школѣ грамматики. Къ 1761 г. ему исполнилось 13 лѣтъ. Ни въ какихъ дурныхъ и подозрительныхъ проступкахъ начальство его не замѣчало. Наступила Пасха 1761 г. Начиная съ 1756 г., семинарское начальство отпускало на лѣтнія каникулы своихъ питомцевъ ежегодно, но на Пасху и Рождество, занятія хотя и пріостанавливались, однако изъ семинаріи никого не выпускали. Сборъ воспитанниковъ послѣ лѣтнихъ каникулъ причинялъ всѣмъ столько хлопотъ и безпокойствъ, что семинар-

[1]) Лл. 36—38.
[2]) Журн. консист., сент. 23, № 3.
[3]) Журн. консист., 13 дек., № 4.

ское начальство не безъ основанія предпочитало имъ подвергаться только однажды въ годъ. А между тѣмъ Тимоѳеевъ былъ единственнымъ и любимымъ сыномъ вдовы діаконицы Владимірскаго Успенскаго собора. Желаніе увидѣться съ нѣжно любимою матерью всецѣло овладѣло ребенкомъ. Грусть разлуки одолѣвала его все болѣе и болѣе. Проплакавъ первый и второй день праздниковъ, Тимоѳеевъ рѣшился на третій день уйти безъ спроса. Радость свиданія была полная. Но къ вечеру мать замѣтила на лицѣ сына необычную задумчивость и изъ разспросовъ скоро узнала, что онъ ушелъ „тихонько". Испуганная діаконица сейчасъ же отвела сына къ учителю Сергѣю Воронову и слезно умоляла его простить и пощадить мальчика. Съ точки зрѣнія тогдашней дисциплины совершено было величайшее преступленіе, и Сергѣй Вороновъ, отличавшійся вообще жестокимъ нравомъ, пришелъ въ неописуемый ужасъ. Вдова была прогнана съ ругательствами, а Иванъ Тимоѳеевъ послѣ сильныхъ истязаній посаженъ въ желѣза, при чемъ ему сказано было, что въ такомъ положеніи онъ просидитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Надсмотрщикомъ и командиромъ къ нему приставленъ былъ студентъ Василій Силецкій. Случился этотъ прискорбный инцидентъ 17 апрѣля. 10 мая Силецкій объявилъ своимъ товарищамъ, что Тимоѳееву сдѣлали малое облегченіе—замокъ съ цѣпи сняли и велѣли перевязать ее веревками. „Знать скоро и совсѣмъ освободятъ", говорилъ онъ, но при этомъ передалъ товарищамъ сдѣланное имъ надъ узникомъ наблюденіе: „неладное что-то творится съ Тимоѳеевымъ". А съ Тимоѳеевымъ творилось дѣйствительно „неладное". Горечь заключенія переполнила чашу терпѣнія. Весенняя природа манила цѣпняка на свободу и побуждала махнуть рукой на всѣ предосторожности и страхи. Вопросы о прокормленіи, опасности скитанія отошли на задній планъ. Въ голову засѣла одна неотвязчивая мысль: сѣсть бы на лошадь и скакать туда за Клязьму, въ дремучіе лѣса, на край свѣта, подальше бы только отъ учителей и командировъ .. На разсвѣтѣ 12 мая бѣжалъ по двору семинарскому растерявшійся студентъ Силецкій и кричалъ: „убѣжалъ Тимоѳеевъ"! Побѣгъ приведенъ былъ въ исполненіе чрезвычайно ловко. Никакихъ слѣдовъ бѣглеца нельзя было открыть. Мать діаконица не знала ничего о мѣстѣ пребыванія своего сына. Оставалось одно—высѣчь Силецкаго за то, что плохо стерегъ, что и было исполнено.

Но вотъ чрезъ нѣсколько времени на разсмотрѣніе консисторіи поступило дѣло, касавшееся пропавшаго Тимоѳеева, и дѣло очень печальнаго свойства. Священникъ Яковъ Ѳеодоровъ, города Владиміра церкви Рождества Христова, подалъ въ консисторію доношеніе слѣдующаго содержанія. „Сего мая противъ

12-го числа въ нощи невѣдомыми воровскими людьми сведена у меня именованнаго со двора лошадь, рыжій меринъ, о чемъ отъ меня и Владимірской провинціальной канцеляріи объявлено было. А нынѣ же съ оною лошадью пойманъ Владимірскаго уѣзда, приходу села Ерлекса, въ деревнѣ Гришиной, бѣжавшій семинаристъ дьяконовъ сынъ Иванъ Тимоѳеевъ, котораго съ объявленною лошадью на разсмотрѣніе консисторіи и объявляю. При томъ же оный дьяконовъ сынъ съ малолѣтства своего, до взятія его въ семинарію, временемъ жительство имѣлъ въ дому у меня именованнаго. И во время жительства его, у подклѣтной двери, на дворѣ моемъ, попорченъ замокъ. И оный Тимоѳеевъ отломанную у того замка отъ ключа бородку отъ того замка съ гвоздями выняль и оный замокъ безъ ключа гвоздемъ же отперъ. Того ради всепокорнѣйше прошу оное мое прошеніе принять и объявленную мою лошадь отдать мнѣ обратно". Вслѣдствіе приведеннаго доношенія священника Іакова Ѳеодорова консисторія постановила: „онаго семинариста съ описаніемъ роста и примѣтъ, заковавъ въ желѣзо, отдать подъ караулъ находящимся въ оной консисторіи на караулѣ подпрапорщику Степану Лаптину и сторожу Димитріеву да разсыльщикамъ Власову и Быстрицкому подъ роспискою". Тимоѳеевъ вторично попался въ кандалы; но теперь онъ былъ не только бѣглецъ, но и воръ... Заключеніе подъ караулъ являлось только началомъ ожидающихъ его наказаній. Немедленно сняли съ него допросъ. На допросѣ Тимоѳеевъ подробно разсказалъ о своемъ свиданіи съ матерью въ праздникъ Пасхи, о послѣдовавшемъ затѣмъ заключеніи въ желѣза и о всѣхъ злоключеніяхъ своего вторичнаго неудавшагося бѣгства. Картина получилась потрясающая.

„А потомъ, передаетъ Тимоѳеевъ на допросѣ, по приказу онаго учителя, отъ тѣхъ желѣзъ замокъ сняли, а тѣ желѣза, завязавъ веревкою на ногахъ моихъ, оставили, и я, утаясь отъ караульнаго семинариста, изъ семинаріи бѣжалъ. И пришедъ на дворъ священника Якова, тайнымъ образомъ скрылся въ свинцу и лежалъ весь день. А съ ночи я усмотрѣлъ у реченнаго попа на дворѣ лошадь, и тую лошадь обратавъ, взялъ и, тайнымъ образомъ отперши у воротъ калитку, оную лошадь со двора свелъ и одинъ на ней поѣхалъ изъ города чрезъ рѣку Клязьму. А намѣренъ былъ я на той лошади ѣхать къ дядѣ своему родному Владимірскаго уѣзда, села Половъ священнику Степану Кононову и, побывъ у него, оную лошадь къ попу Якову пустить обратно". Какъ видимъ, Тимоѳеевъ и не желалъ украсть лошади, а только хотѣлъ подальше убраться отъ семинаріи, а потомъ и отпустить ее на свободу, въ полной увѣренности, что она побѣжитъ домой. Перебравшись чрезъ Клязьму, Тимоѳеевъ, не оста-

навливаясь, проскакалъ 15 верстъ до деревни Новой. Утомленный и голодный, онъ отпустилъ лошадь на траву близъ лѣсу, а самъ пошелъ въ деревню „для прошенія къ пропитанію себя милостыни". Съ набранными кусками хлѣба онъ возвратился къ своей лошади лишь къ вечеру и, опасаясь волковъ, не ложился на траву, а уснулъ на лошади. Съ разсвѣтомъ бѣглецъ поѣхалъ дальше и доѣхалъ до деревни Моругиной, гдѣ тоже ночевалъ на спинѣ лошади. Въ деревню показаться онъ боялся, а между тѣмъ запасъ провизіи сталъ истощаться; у него остался только одинъ кусокъ чернаго хлѣба; жажда его томила страшная. Теперь Тимоѳеевъ имѣлъ въ виду только одно—поскорѣе доѣхать до села Полищъ и здѣсь остановиться у своего дяди священника. Вотъ онъ уже почти достигъ намѣченной цѣли! Оставалась одна деревня Гришинская. Отуманенный близкою радостью скораго свиданія, Тимоѳеевъ, не рисковавшій раньше казаться на лошади въ деревняхъ, теперь рѣшилъ открыто проѣхать деревней и за эту опрометчивость дорого поплатился. Крестьяне, завидѣвъ на лошади оборваннаго мальчика, захотѣли остановить и допросить его. Тимоѳеевъ, чувствуя опасность, поскакалъ отъ нихъ прочь, но былъ настигнутъ вскорѣ и принятъ за конокрада. Никакія оправданія, никакія просьбы не помогли. Связавъ накрѣпко руки веревками, Тимоѳеева представили во Владиміръ къ священнику Якову Ѳеодорову, а тотъ передалъ его въ консисторію для формальнаго слѣдствія. „Другихъ кражъ и татей, говорилъ въ заключеніе допроса Тимоѳеевъ, я не чинивалъ и ни за кѣмъ не знаю и въ штрафахъ и публичныхъ наказаніяхъ нигдѣ не бывалъ, а въ семъ допросѣ показалъ сущую правду". Семинарское начальство подтвердило тоже, заявивъ: „кромѣ побѣга за Тимоѳеевымъ никакихъ дѣлъ и подозрительствъ не имѣется".

По снятіи допроса, консисторія приступила къ обсужденію дѣяній малолѣтняго преступника. Забрали справки, по которымъ оказалось. Въ Духовномъ Регламентѣ напечатано: „Буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы..." (см. раньше стр. 59). Въ указахъ 1708, 1710 годовъ написано: „которые въ школахъ учиться не хотятъ, тѣхъ ни въ какіе чины, опричь солдатскаго чина, не принимать". Да въ указѣ 1755 г., присланномъ изъ Св. Синода о разборѣ священно-церковнослужительскихъ дѣтей, повелѣвалось: „а лишнихъ по желанію ихъ писать въ службу въ посады, въ цѣхи, на фабрики и къ помѣщикамъ, кто ихъ изъ подушнаго оклада взять пожелаетъ". Въ силу приведенныхъ выписокъ Тимоѳеевъ долженъ былъ попасть или въ солдаты, или въ крѣпостные... Но на немъ, кромѣ побѣга, лежало другое преступленіе: онъ былъ и тать. А въ 25 главѣ 9 пунктѣ „Сборнаго Уложенія" было сказано: „А приведутъ татя, и наведутъ на него татьбу и того

татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и убивствѣ; да буде съ пытки въ иныхъ татьбахъ и убивствѣ не повинится, а скажетъ, что онъ кралъ впервые, а убивства не учинилъ и того татя за первую татьбу бить кнутомъ и отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить его въ тюрьму на два года, и изъ тюрьмы вымая его посылать въ кандалахъ работать на всякія издѣлія, гдѣ Государь укажетъ. А какъ онъ два года въ тюрьмѣ отсидитъ и его посылать въ украйные города, гдѣ Государь укажетъ и велѣть ему въ украйныхъ городѣхъ быть въ какой чинъ онъ пригодится". Всѣ эти выписки въ консисторіи выслушали и приказали Тимоѳеева исключить изъ причта церковнаго вовсе и отослать въ провинціальную канцелярію. Въ канцеляріи съ Тимоѳеевымъ поступили, конечно, по законамъ. Сперва пытали, потомъ высѣкли кнутомъ, отрѣзали лѣвое ухо и посадили въ тюрьму. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, спасавшійся отъ тягостей семинарской жизни, былъ судимъ по обычаю того времени, какъ взрослый и сознательный конокрадъ, и понесъ соотвѣтствующее тому наказаніе! [1]).

А вотъ исторія еще одного неудавшагося бѣгства, которое однако не сопровождалось для бѣглеца такими серьезными послѣдствіями. 31 января 1760 г. семинарская контора представила въ консисторію доношеніе о сыску и присылкѣ отлучившагося изъ семинаріи неизвѣстно куда Николая Дубровскаго, ученика школы инфимы, града Арзамаса Крестовоздвиженской церкви священника Ивана Петрова сына. Въ концѣ февраля въ Арзамасъ послали пристава Ивана Богородицкаго, но онъ по возвращеніи увѣдомилъ консисторію, что Дубровскаго въ Арзамасѣ нѣтъ. На томъ дѣло и остановилось. Прошло болѣе полугода. Въ августѣ мѣсяцѣ діаконъ и дьячекъ Крестовоздвиженской церкви показали неожиданно въ консисторіи, что въ послѣднихъ числахъ января предъ сырною недѣлею видѣли Дубровскаго въ домѣ отца его Ивана Петрова и что въ то время Иванъ Петровъ являлся во Владиміръ для взятія ставленной грамоты. По поводу этого донесенія припомнилось кое-что изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ побѣгу Дубровскаго, и администратору Амвросію. Онъ заявилъ, что въ бытность свою во Владимірѣ для полученія ставленной грамоты отецъ Дубровскаго просилъ его отпустить сына на сырную недѣлю и, когда ему было отказано въ этой просьбѣ, то на другой день его сына въ семинаріи не стало. „Уповательно, добавилъ Амвросій, что Дубровскій бѣжалъ по наученію отца

[1]) Арх. консист., 1762 г., № 2737. „По доношенію города Владиміра Рождественской церкви священника Якова Ѳеодорова, при коемъ представленъ бѣжавшій изъ семинаріи ученикъ Иванъ Тимоѳеевъ съ украденною у него лошадью". Дѣло не отыскано: приводится по Надеждину (стр. 56—57, 64—71). Журн. консист., 1762, іюль 29, № 8.

своего и живетъ или въ домѣ потаено, или же завезенъ куда въ дальнѣйшія мѣста". Послѣдовалъ новый приказъ, чтобы священникъ Иванъ Петровъ чрезъ недѣлю представилъ своего сына въ семинарію, а если не представитъ чрезъ это время, то его самого подъ карауломъ представить въ консисторію къ допросу. Но Дубровскаго опять не нашли. Отецъ его въ началѣ ноября былъ привезенъ и задержанъ въ консисторіи подъ карауломъ, а родственникамъ и домашнимъ объявлено, что, если они не представятъ чрезъ мѣсяцъ ученика Дубровскаго, то „онъ съ отнятіемъ надежды священническаго чина изъ церковнаго причта исключенъ будетъ вовсе, дабы какъ ему, такъ и прочимъ смотря на него, чинить такъ продерзостно повадно не было". Тяжело было отцу Ивану, какъ впослѣдствіи оказалось „ни тѣломъ, ни душею неповинному" сидѣть безвыходно, какъ арестанту, въ консисторіи, тѣмъ болѣе, что консисторія не разубѣдилась въ своемъ подозрѣніи и грозила „за утайку сына" лишить его мѣста. Средства его все болѣе и болѣе истощались; наконецъ къ Рождеству Христову онъ осмѣлился подать въ консисторію слезное прошеніе. „Содержуся я именованный при духовной консисторіи съ ноября мѣсяца и какъ въ пропитаніи, такъ и въ одеждѣ претерпѣваю великую нужду. А понеже нынѣ наступаютъ праздники Рождества Христова и Богоявленія и надлежитъ мнѣ для исправленія божественнаго богослуженія быть при своей церкви, того ради слезно прошу меня именованнаго отпустить, хотя съ порукою, въ домъ свой". Въ консисторіи уважили просьбу и приказали онаго священника за наступающими праздниками, а наче, не можетъ ли онъ сына своего, сыскавъ, представить въ духовную консисторію, отпустить домой впредь до востребованія". 15 января 1761 г. вслѣдствіе новаго доношенія Арзамасскаго духовнаго правленія о неотысканіи Николая Дубровскаго въ консисторіи рѣшили: „Дубровскаго за таковое его не только самовольное отъ ученія отбытіе, но отъ того всячески чинимое укрывательство изъ церковнаго причта исключить вовсе, что и представить на разсмотрѣніе его преосвященству".

Прошелъ еще годъ. 11 февраля 1762 г. въ консисторіи заслушано было доношеніе Арзамасскаго духовнаго правленія при которомъ присланъ былъ бѣжавшій семинаристъ Николай Дубровскій. Тотчасъ же распорядились отдать бѣглеца подъ караулъ и обстоятельно допросить, „какимъ случаемъ онъ бѣжалъ, гдѣ именно по побѣгѣ жилъ, ночевалъ и пропитаніе, одежду, обувь получалъ, а наче не былъ ли онъ на воровскихъ и разбойническихъ дѣлахъ?" Ночью 26 января 1760 г., показалъ Дубровскій, бѣжалъ онъ изъ семинаріи и пришелъ въ с. Сновицы, отстоящее въ трехъ верстахъ отъ Владиміра. Путь былъ выбранъ

имъ наудачу, такъ какъ дорога по Владимірскому уѣзду ему, уроженцу Арзамасскаго уѣзда, была совершенно неизвѣстна. „А въ томъ селѣ (Сновицахъ), говорилъ Дубровскій, былъ я съ недѣлю, а пропитаніе собиралъ я себѣ у крестьянъ милостынею и ночевать выпрашивался въ разные крестьянскіе домы, называя себя сиротою". Когда вѣсть о побѣгѣ Дубровскаго дошла изъ Владиміра до Сновицъ и въ „сиротѣ" заподозрили бѣгуна, Дубровскій бѣжалъ дальше. „А въ коихъ селахъ и деревняхъ я перебывалъ, показалъ Дубровскій, не упомню". Пропитаніе по прежнему снискивалось милостынею. „А инде и ночевать не пускали, и я уходилъ, разсказывалъ бѣглецъ, тайнымъ образомъ въ гумно и переночевывалъ въ соломѣ. Одежда была на мнѣ шуба и кафтанъ, также и рубашка домашняя. А обувь—лапти и онучу—выпрашивалъ я за имя Христово". Чрезъ 8 мѣсяцевъ такого странствованія Христа ради Дубровскій оказался въ Тамбовской губ., въ Шацкомъ уѣздѣ. Предполагая, что вѣсти о его побѣгѣ не дойдутъ такъ далеко, онъ вскорѣ отыскалъ здѣсь своего дѣда посадскаго человѣка Ѳедора Яковлева Сорокина и у него, Сорокина, въ домѣ жилъ недѣль съ десять, не сказывая, что бѣжалъ изъ семинаріи. Но дѣдъ чрезъ кого-то изъ родственниковъ провѣдалъ тайну внука, взялъ Дубровскаго, отвезъ въ Арзамасъ, передалъ отцу его, а тотъ, „ни мало не держа", отвезъ въ духовное правленіе. „А будучи я Дубровскій въ показанной отлучкѣ, заключилъ свое показаніе бѣглецъ, никаковыхъ непотребствъ и шалостей не чинивалъ и ни въ какихъ разбойническихъ станахъ и на разбояхъ и татьбахъ нигдѣ не бывалъ, и съ воровскими людьми кампаній не имѣлъ, и нигдѣ въ судебныхъ мѣстахъ и въ тюрьмахъ и въ канцеляріяхъ подъ карауломъ не сиживалъ, и въ страхахъ и наказаніяхъ нигдѣ не бывалъ; и въ семъ допросѣ я, Дубровскій, сказалъ сущую правду, а ежели что ложно, и отъ того буду изобличенъ и за то подвергаю себя таковому штрафу и истязанію, что отъ его преосвященства будетъ опредѣлено". Подали все дѣло на разсмотрѣніе преосв. Антонія, и владыка опредѣлилъ: „отослать въ семинарію по прежнему для обученія и употребленія надъ нимъ изображеннаго въ Духовномъ Регламентѣ искушенія" [1].

[1] Арх. консист., 1760 г., № 2185. „Дѣло о сыску бѣжавшаго изъ семинаріи ученика Николая Дубровскаго, сына градской Арзамасской церкви священника Ивана Петрова". Дѣло не найдено. Подробности его возстановлены на основаніи Журн. консист., 1760 г., янв. 31, № 4; мартъ 8, № 15; май 16, № 6; авг. 21, № 11; нояб. 6, № 4; дек. 20, № 5. 1761 г., янв. 15, № 5. 1762 г., февр. 11, № 1; мартъ 4, № 2; май 3, № 3; а также Надеждина стр. 71—76. Николай Дубровскій, отосланный въ семинарію для новаго искушенія, такъ и не

Итакъ, человѣкъ проблуждалъ около 2 лѣтъ, претерпѣвая всѣ невзгоды странствованія именемъ Христовымъ, лишь бы только избыть семинарскаго ученія. Но были примѣры еще болѣе разительнаго самопожертвованія. Процессъ Гусева, поплатившагося такъ жестоко за ложное слова и дѣла Государева сказываніе, не послужилъ достаточнымъ предостереженіемъ для тѣхъ, кои ради „избытія латинской мудрости и невыностныхъ побой" готовы были на все. Не успѣли Гусева отдать въ солдаты, какъ въ семинаріи зародилось снова дѣло политическаго свойства. 1759 г. 28 декабря пришелъ изъ города въ семинарскій монастырь ученикъ Гурій Снѣгиревъ. Былъ онъ „нѣсколько выпивши и, поспоривши съ товарищемъ Николаемъ Дубровскимъ, не будучи его командиромъ, далъ таску". Дубровскій пожаловался недавно опредѣленному во Владимірскую семинарію учителю Сергѣю Воронову. Не смотря на то, что Вороновъ незадолго предъ тѣмъ жестоко наказывалъ Снѣгирева, онъ рѣшилъ еще проучить его и, не взирая на великіе праздники и на нетрезвое состояніе Снѣгирева, хотѣлъ высѣчь и посадить его на цѣпь. Но лишь только Вороновъ намѣревался приступить къ наказанію, какъ Снѣгиревъ грубо оттолкнулъ его и закричалъ: „я имѣю слово и дѣло Государево". „За кѣмъ ты имѣешь слово и дѣло Государево", спросилъ поблѣднѣвшій отъ злости и досады учитель. „Это моя тайна", отвѣтилъ Снѣгиревъ. Дѣло приняло совершенно иной ходъ. О наказаніи нельзя было и думать. Воронову оставалось составить доношеніе о случившемся и представить въ консисторію. Вопросъ, подлежащій обсужденію былъ серьезный, и немедленно собралось экстренное засѣданіе членовъ консисторіи. На допросѣ Снѣгиревъ объявилъ. „Семинаріи учитель Вороновъ не за пьянство и прочія погрѣшности, какъ объявляетъ оный учитель въ доношеніи, а токмо, что я именованный подралъ за волосы ученика Николая Дубровскаго, хотѣлъ меня наказывать, и тогда я ни за собою, ни за другимъ слова и дѣла Государева не имѣлъ, а только, оттолкнувъ его, учителя, объявилъ ему я, что наказывать себя не дамъ и съ тѣми словами изъ кельи отъ онаго учителя ушелъ, а болѣе не только слова и дѣла, но и никакихъ словъ не говаривалъ". Потребовали на очную ставку Воронова. Снѣгиревъ по прежнему запирался. Члены консисторіи видѣли, что ученикъ лжетъ, но формально юридическихъ данныхъ для завиненія его не было, вслѣдствіе этого оставили подъ подозрѣніемъ какъ Воронова, такъ и Снѣгирева и постановили: „колодника отослать за крѣпкимъ карауломъ въ

окончитъ курса. Въ 1765 г, его уволили за непонятностью изъ семинаріи и опредѣлили дьячкомъ въ с. Марсево, Арзамасскаго уѣзда. 1765 г. № 3532. „Объ опредѣленіи ученика аналогіи Николая Дубровскаго въ село Марсево въ дьячка".

провинціальную канцелярію съ промеморіей, а учителя до совершеннаго окончанія дѣла держать подъ карауломъ безъ выпуску въ консисторіи на его же иждивеніи". Въ провинціальной канцеляріи подъ пыткою Снѣгиревъ однако же сознался: „сказалъ я слово и дѣло Государево совершенно отъ пьянства, хотя отъ наказанія избыть, а подлинно я ни за учителемъ Вороновымъ, ни за кѣмъ другимъ не имѣю". Послѣ того Снѣгиреву, за ложное названіе за собою слова и дѣла Государева, учинено было, вмѣсто кнута, плетьми наказаніе, и съ извѣщеніемъ объ этомъ его отослали обратно въ консисторію. Воронова выпустили на свободу. „Понеже я, писалъ чрезъ нѣкоторое время Снѣгиревъ владыкѣ, публично былъ наказанъ точію плетьми и къ духовному чину не могу быть причисленъ, то слезно прошу уволить меня для приписки въ крестьянство". Просьба была удовлетворена. Снѣгиреву велѣли сыскать себѣ какое-нибудь мѣсто къ опредѣленію, кромѣ церковничества [1]).

Самовольныя отлучки изъ школы были самыми частыми и самыми обычными нарушеніями семинарской дисциплины того времени. Объ ученическихъ проступкахъ другого рода сохранилось мало извѣстій, но и между этими извѣстіями встрѣчаются характерныя и цѣнныя въ бытовомъ отношеніи.

8 мая 1760 г. ученикъ школы грамматики Борисъ Спекторскій подалъ въ консисторію прошеніе объ опредѣленіи его въ с. Черкутино дьячкомъ. Присутствовавшій въ консисторіи ректоръ семинаріи Амвросій заявилъ, что просьба Спекторскаго не можетъ быть удовлетворена, такъ какъ „до Спекторскаго имѣется по семинаріи подозрѣніе". Пошли, понятно, справки. По справкамъ оказалось, что Спекторскій далъ старостѣ с. Кудьянова, Суздальскаго уѣзда, вотчины преосв. Иларіона, еп. Крутицкаго, Аѳанасію Аѳанасьеву письмо идти за вотчину ихъ въ рекруты. На допросѣ Спекторскій показалъ, что дѣйствительно далъ означенному старостѣ 21 ноября 1759 г. собственноручное письмо, „по той причинѣ, что будучи въ ученіи наказываемъ за непонятностью многократно и избывая тѣхъ побой, желалъ тогда за означенную вотчину идти въ рекруты, а нынѣ же по свободѣ изъ оной семинаріи идти въ рекруты не желаетъ". За такую вину Бориса Спекторскаго рѣшили исключить изъ церковнаго причта вовсе, что и было сдѣлано [2]). Спекторскаго наказали сурово, но еще болѣе суровы, вѣроятно, были тѣ наказанія, къ избытію которыхъ Спекторскій рѣшился на такой важный съ точки зрѣнія того времени проступокъ.

---

[1]) Журн. консист., 1760 г., янв. 12, № 3; 19, № 6. Исторія Надеждина, стр. 81—83. Дѣло не сохранилось.

[2]) Журн. консист., 1760 г., май 8, № 8; іюнь 14, № 3; нояб. 10, № 6.

12 октября 1758 г. семинарскій расходчикъ представилъ въ консисторію разломанный замокъ при доношеніи такого содержанія. „Оной семинаріи студентъ Степанъ Вишневскій въ имѣющийся въ оной семинаріи погребъ, пришедъ озорнически въ небытность его расходчика, замокъ висящій, которымъ погребная дверь была заперта, сбилъ и тотъ замокъ изломалъ и взошедъ въ ледникъ имѣющіеся соленые огурцы бралъ; при чемъ тоя семинаріи сторожъ Семенъ Уршевскій съ товарищы ему Вишневскому запрещали, чтобы того не чинилъ, но онъ не послушалъ". Вишневскій въ консисторіи на это обвиненіе словесно показалъ, что онъ замка не сбивалъ и не разламывалъ, а снялъ просто, понеже онъ и прежде еще срывался, и по снятіи онаго замка взошедъ взялъ точно три огурцы про больного оной же семинаріи студента, а ходилъ де онъ самъ въ погребъ потому, что въ семинаріи тогда какъ помяненнаго расходчика, такъ и сторожей никого не было, да и завсегда же они на погребъ ходятъ сами". Вызвали къ допросу свидѣтеля крестьянина, который во время взлома замка околачивалъ и кропилъ на семинарскомъ дворѣ капусту, и онъ подтвердилъ донесеніе расходчика. Послѣ того въ консисторіи распорядились: „оному семинаристу Вишневскому за вышеписанное его дерзновенное замка разбитіе, въ чемъ хотя онъ и запирался, но его въ томъ вышеписанный крестьянскій сынъ Василій точно изобличилъ, такъ и за самовольное имъ самимъ огурцовъ браніе... учинить плетьми наказаніе, а изломанный замокъ велѣть починить ему изъ собственнаго кошта и отдать расходчику" [1]).

Въ томъ же октябрѣ 1758 г. разсматривалось дѣло о другой покражѣ, совершенной тоже въ стѣнахъ семинаріи, но носившей уже болѣе исключительный характеръ. Въ семинаріи противъ префектовскихъ келій висѣли казенные часы. Однажды утромъ часовъ не нашли на положенномъ мѣстѣ. Начался усиленный розыскъ, такъ какъ съ пропажей единственныхъ часовъ семинарія лишилась возможности вести правильный счетъ классного времени. Вскорѣ замѣтили, какъ ученики Венедиктъ Бѣляевскій и Иванъ Козловскій вышли изъ келій, обошли ихъ съ задней стороны и садомъ направились къ погребу. По ихъ слѣдамъ и начались поиски. Дѣйствительно, за погребомъ въ ямѣ, прикрытой бревномъ, нашли пропавшіе часы, спрятанные въ мѣшокъ. Гирь при часахъ уже не было. Ночью Бѣляевскій принесъ гири и отдавалъ семинарскому сторожу Ивану Данилову, но тотъ не взялъ. Утромъ тотъ же сторожъ съ ученикомъ Василіемъ Мухинымъ нашелъ гири въ префектовскомъ мѣстѣ, вынулъ ихъ оттуда

[1]) Журн. консист., 1758 г., окт. 14, № 3.

и представилъ префекту. Привели и Бѣляевскаго. Бѣляевскій во всемъ учинилъ запирательство. Передали дѣло на разсмотрѣніе консисторіи. Бѣляевскій и здѣсь настаивалъ на безусловной своей неприкосновенности къ случившейся покражѣ. Въ консисторіи порѣшили для отысканія во всемъ истины допросить Бѣляевскаго подъ плетьми съ пристрастіемъ и что покажетъ, представить на разсмотрѣніе. Допрошенный съ пристрастіемъ, Бѣляевскій все-таки не повинился, вслѣдствіе чего велѣно было освободить его изъ подъ караула [1]. Публичнаго наказанія Бѣляевскій, такимъ образомъ, избѣжалъ, впрочемъ не надолго. Вскорѣ его привлекли въ консисторію къ допросу по другому обвиненію. 23 декабря того же года представленъ былъ предъ собраніе консисторіи для показаній обвинявшійся въ растратѣ семинарской суммы Левъ Пандовскій, находившійся предъ тѣмъ подъ карауломъ. Къ изумленію присутствующихъ консисторіи, Пандовскій оказался пьянъ и на разспросы объявилъ, что вино принесъ ему семинаристъ Венедиктъ Бѣляевскій. Привели Бѣляевскаго. Тотъ сначала, какъ и по дѣлу о часахъ, запирался, но потомъ повинился и сказалъ, что подлинно купилъ и принесъ Пандовскому вина, но на имъ же данный алтынъ. Допросъ Пандовскаго велѣно было отложить, а Бѣляевскаго наказать плетьми [2].

---

[1]) Журн. консист., 1751 г., окт. 14, № 6; дек. 7, № 8.

[2]) Журн. консист., 1758 г., дек. 23, № 9. Впослѣдствіи все это, впрочемъ, было забыто, и при опредѣленіи Бѣляевскаго на мѣсто въ с. Митрофаново, Балахновскаго уѣзда, въ справкѣ, данной подканцеляристомъ консисторіи, значилось: „дѣлъ и подозрѣнія за нимъ не оказалось". Тамъ же, 1758 г., мартъ.

Владимірская семинарія при епископѣ Павлѣ.

(1763—69)

Ректоръ Аврамій.—Прекращеніе денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ на семинарію.—Штатный окладъ.—Упадокъ семинаріи.

Еп. Павелъ изъ архимандритовъ Тихвинскаго монастыря опредѣленъ былъ на Владимірскую каѳедру 6 іюля 1762 г. и во Владимірѣ же скончался 9 августа 1769 г. Изъ документовъ не видно, чтобы новый епископъ стоялъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ семинаріи, но онъ и не былъ такъ чуждъ и безучастенъ къ ней, какъ его предшественникъ Антоній. Фактическимъ правителемъ и распорядителемъ всѣхъ семинарскихъ дѣлъ при немъ былъ назначенный еще въ правленіе архіеп. Антонія ректоръ архимандритъ Аврамій Флоринскій. Аврамій вмѣстѣ съ Амвросіемъ должны быть отнесены къ числу лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ ректоровъ Владимірской семинаріи XVIII столѣтія. На первыхъ же порахъ своей службы онъ постарался посвятить ей все свободное свое время и всѣ свои силы. Находя, что его занятія по консисторіи, гдѣ онъ состоялъ присутствующимъ въ силу указа Св. Синода [1]), вредно отзываются на ходѣ дѣлъ семинарскихъ, онъ вступилъ къ владыкѣ съ прошеніемъ объ увольненіи его отъ должности присутствующаго, указывая на то, что благодаря ей, „онъ въ школьныхъ обращеніяхъ имѣетъ помѣшательство". Просьба была уважена [2]), и Аврамій освободился отъ обременительныхъ и стороннихъ для него занятій (хотя не надолго). Но и усилія этого лучшаго изъ ректоровъ, довольно долго правившаго Владимірской семинаріей (до 1773 г.), не могли спасти ее отъ того упадка, которому она подверглась въ періодъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію. Главная причина такого упадка лежала въ измѣнившихся условіяхъ экономическаго быта, въ которыя поставлена была Владимірская семинарія со времени уничтоженія хлѣбнаго и денежнаго сборовъ и введенія штатныхъ окладовъ.

Недостатки существовавшаго до сихъ поръ способа обезпеченія духовныхъ школъ указывались уже раньше. Способъ

---

[1]) Журн. консист., 1763 г., мартъ 1, № 4.

[2] Тамъ же, окт. 31, № 1.

этотъ былъ случайный, измѣнчивый и обременительный, а главное широко открывалъ дверь всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Почти наканунѣ его уничтоженія открылся инцидентъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ прежнія плутни представляются невинными. Дѣло было такого рода. Въ началѣ апрѣля 1763 г. семинарская контора снеслась съ нѣкоторыми изъ священнослужителей Владимірскаго уѣзда и потребовала отъ нихъ уплаты денегъ, не внесенныхъ еще до того времени за 1762 г. 22 апрѣля въ семинарскую контору вошелъ священникъ с. Никольскаго Алексѣй Артемьевъ, одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ отправленъ былъ незадолго предъ тѣмъ указъ объ уплатѣ недоимки, и заявилъ, что деньги, слѣдуемыя за 1762 г., онъ уплатилъ посланному изъ семинаріи понамарю градской Мироносицкой церкви Ѳеодору Никитину, въ чемъ имѣетъ и росписку. Въ конторѣ были изумлены такимъ заявленіемъ, такъ какъ Мироносицкаго понамаря съ такими цѣлями по Владимірскому уѣзду никто и никогда не посылалъ. Немедленно донесли въ консисторію, добавивъ, что, какъ видно, Мироносицкій понамарь сборъ производилъ не съ одного только этого священника, но по всей Осовецкой посылкѣ, у священнослужителей которой имѣются и росписки означеннаго понамаря. 5 мая Ѳеодора Никитина вызвали въ консисторію и потребовали оправданій. Понамарь разсказалъ слѣдующее. Въ первыхъ числахъ марта вознамѣрился онъ идти въ Переславскій уѣздъ въ Радонежскій монастырь, на что и испросилъ дозволеніе у священника, но не взялъ паспорта изъ консисторіи. По дорогѣ туда и обратно, проходя Владимірскій уѣздъ, онъ заходилъ въ нѣкоторые дома для отдохновенія, именно туда—въ село Радушкино и въ с. Никольское Колычевыхъ, а назадъ въ с. Осовецъ и въ погостъ Пустое Поле. Осовецкій и Польскій священники сказали ему, что имъ была бумага отъ семинарской конторы о платежѣ денегъ за 1762 г. и просили его эти деньги взять и представить въ семинарію. Такъ какъ это были его родственники, то онъ по свойству согласился услужить и взялъ отъ Осовецкаго священника „за этотъ платежъ со всею отправою и ему за работу всего 1 руб. 50 коп.", а съ Польскаго 4 руб. 50 коп., въ полученіи которыхъ денегъ онъ выдалъ имъ росписки. Когда онъ прошелъ Колокшу и дошелъ до Ямского лѣсу, то въ томъ лѣсѣ напали на него воровскіе люди, три человѣка, „и оные деньги у него отняли, чего де ради онъ Ѳеодоръ за скудостью своею таковыхъ денегъ и до нынѣ заплатить не можетъ". Обо всемъ этомъ онъ ни письменно, ни словесно не объявилъ нигдѣ „простотою своею". Больше никуда онъ не заходилъ и денегъ нигдѣ не бралъ, а взятыя одолжается заплатить вмѣсто священниковъ. Хитро придуманному показанію Мироно-

сицкаго понамаря, понятно, не повѣрили, а запросили свѣдѣній у священниковъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ, и прежде всего у тѣхъ, на коихъ онъ ссылался въ своемъ показаніи. Священники с. Осовца и Пустого Поля донесли вскорѣ, что Мироносицкій понамарь прибылъ къ нимъ по наказу (за чьею скрѣпою и справою наказъ не упомнятъ) на шестой недѣлѣ поста и что они ему дали столько денегъ, сколько показали раньше, въ чемъ имѣются и росписки его. Понамарь, который все это время содержался въ консисторіи подъ карауломъ, былъ допрошенъ вторично и на этотъ разъ построже. Вынужденный открыть истину, онъ сообщилъ о такого рода своей продѣлкѣ. Въ прошломъ мартѣ семинарская контора отправила его въ Косуновскую посылку для высылки во Владимиръ нѣкоторыхъ священно-церковнослужителей съ платежемъ семинарскихъ денегъ. Для поживки себѣ онъ вознамѣрился ѣхать для такой же высылки и въ посылку Осовецкую, взялъ листъ бумаги, самъ написалъ наказъ, подписалъ его за скрѣпой ректора Авраамія и справой Дмитрія Ширяева и съ тѣмъ наказомъ объѣхалъ всѣ почти погосты и села, собирая на семинарію деньги. Собранныхъ денегъ по назначенію онъ, конечно, не отдалъ, а употребилъ на свои потребности. Взять съ Мироносицкаго понамаря было нечего, и консисторія ограничилась тѣмъ, что отослала его въ провинціальную канцелярію для соотвѣтствующаго наказанія [1]).

А вотъ и другой примѣръ изъ того же періода пользованія семинарскими деньгами для своихъ потребностей! Въ Арзамасское духовное правленіе изъ консисторіи послали запросъ о причинѣ неплатежа положенныхъ на 1761 г. денегъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1763 г. Арзамасское духовное правленіе въ своемъ доношеніи увѣдомляло консисторію, что въ семинарскую контору отправлено за 1761 г. 244 р. $10^1/_4$ к. и за 1757 г. 95 р. 12 к.; „прочія же собранныя семинарскія деньги рублей сотъ до трехъ въ бытность преосв. Антонія, еп. Владимірскаго, по приговору всѣхъ священнослужителей удержаны на всякія потребности“. Послѣдовалъ новый запросъ о томъ, почему деньги по собраніи были не отосланы и на партикулярные расходы удержаны [2]). Но тѣмъ не менѣе о возвращеніи истраченныхъ денегъ по принадлежности въ архивѣ нѣтъ извѣстій.

Канцелярскій формализмъ, господствовавшій въ консисторіи и семинарской конторѣ, создавалъ съ своей стороны много препятствій и осложненій и безъ того трудному дѣлу семинарскихъ сбо-

---

[1]) Арх. консист., 1763 г., № 2916. „По доношенію семинарской конторы на Мироносицкаго понамаря Θеодора Никитина о самовольномъ сборѣ семинарскихъ денегъ“.

[2]) Журн. консист., 1763 г., февр. 11, № 4.

ровъ. Такъ. 24 февраля 1763 г. семинарская контора донесла консисторіи, что „Спасскаго Арзамасскаго монастыря архимандритъ Каллистратъ безъ указа главной команды семинарскихъ денегъ не платитъ да Воскресенскій протопопъ съ братіею отъ того же платежа отрекся". Каллистрату велѣли послать указъ, а относительно неплатежа семинарскихъ денегъ протопопомъ было замѣчено: „въ доношеніи семинарской конторы не упомянуто, почему Воскресенскій протопопъ денегъ не платитъ, а консисторія, не имѣвъ извѣстія, къ платежу тѣми соборянами семинарскихъ денегъ принужденія чинить не можетъ". Послѣдовало распоряженіе о наведеніи справокъ по этому пункту въ семинарской конторѣ. Справка изъ семинарской конторы была прислана лишь чрезъ два мѣсяца. Протопопъ отказался отъ платежа по обычнымъ резонамъ: „земля песчана, нехлѣбородна и въ Духовномъ Регламентѣ сборы чинить отъ соборовъ не значится". Только послѣ наведенія такихъ справокъ опредѣлено было „взыскать безъ оговорокъ" [1]).

Такъ что, снова повторяемъ, существовавшій до 1763 г. источникъ обезпеченія духовныхъ школъ былъ и обременителенъ для духовенства и сопряженъ съ большими хлопотами и неудобствами для самыхъ школъ. Но при всѣхъ своихъ неудобствахъ, онъ все же доставлялъ Владимірской семинаріи около тысячи рублей въ годъ, сумму не столь значительную даже въ то время, но въ общемъ сравнительно достаточную для обезпеченія семинаріи, при предположеніи нѣкоторой добросовѣстности въ пользованіи ею. Въ 1764 г. Владимірская семинарія лишилась и того. 27 марта 1764 г. преосв. Павломъ полученъ былъ Высочайшій указъ, въ которомъ говорилось: „Бѣлое священство во всемъ нашемъ государствѣ, каждому извѣстно, въ какомъ до сего времени находится неустройствѣ... Но понеже еще сей части учрежденія мы не совершили, а уповаемъ съ Божіею помощью и то къ желаемому концу привесть, то предварительно избавили мы только все помянутое бѣлое священство отъ сбору имъ разорительнаго данныхъ денегъ съ церквей, который прежними патріархами былъ уставленъ и по сіе время въ отягощеніе священству продолжался, и оный вовсе сложили, такъ какъ и собираемую часть хлѣба съ монастырей и церквей на семинаріи, къ немалому оскудѣнію того же священства до сего бывшія, отставили, а опредѣлили вмѣсто оной на училища отъ той же коллегіи экономіи знатную повсягодно отпускать сумму, которая тогда будетъ извѣстна, когда наше учрежденіе о семинаріи въ

[1]) Журн. консист., 1763 г., февр. 24, № 8; апр. 9, № 5.

народѣ объявится“ [1]). Прежній источникъ содержанія духовныхъ школъ, такимъ образомъ, закрывался; правительство проектировало содержать ихъ на штатныхъ окладахъ. Такой перемѣнѣ можно было, конечно, только радоваться. Къ сожалѣнію, оклады пока существовали лишь въ обѣщаніяхъ. Въ указѣ на этотъ счетъ говорилось: „Нынѣ состоящія въ епархіяхъ семинаріи содержатся на собираемаго съ монастырей двадцатой, а съ церквей тридцатой хлѣба частяхъ, которой хлѣбу сборъ, или за оной деньгами, уповательно во всѣхъ епархіяхъ на прошедшій 1763 годъ или уже собранъ или же вскорѣ собранъ быть имѣетъ; слѣдственно потому въ нынѣшнемъ 1764 г. оныя семинаріи, доколѣ о нихъ учрежденіи и штаты совершенно сдѣланы будутъ, и въ нихъ семинаристы на прежнемъ основаніи содержимы быть могутъ; а впредь таковаго на семинаріи съ монастырей и церквей хлѣбнаго сбора не чинить, понеже семинаріи содержаны будутъ на особливыхъ штатахъ“ [2]).

Указомъ, слѣдовательно, предполагалось, что слѣдуемыя на содержаніе семинарій деньги за 1763 г. къ началу 1764 г. были собраны и что ихъ должно вполнѣ хватить на содержаніе семинарій въ 1764 г., пока не воспослѣдуетъ учрежденіе о штатныхъ окладахъ. Но это было только „уповательно“, а не на самомъ дѣлѣ. Во Владимірѣ сборы эти лишь начались (да и то далеко не вездѣ), и указъ объ уничтоженіи ихъ былъ полученъ въ высшей степени несвоевременно.

Отставной подпрапорщикъ Леонтій Головановъ, посланный въ Ярополькую десятину для сбора семинарскихъ денегъ, слѣдовавшихъ за 1762 г., которыхъ до того времени получено отсюда „весьма малое число“, въ мартѣ мѣсяцѣ 1764 г. заявилъ въ семинарскую контору, что священно-церковнослужители той десятины семинарскихъ денегъ „ослушаніемъ и упрямствомъ своимъ“ не платятъ. Семинарская контора увѣдомила консисторію, а консисторія распорядилась послать „послушные“ указы. Головановъ же между тѣмъ, не получивъ денегъ отъ священно-церковнослужителей Ярополькой десятины, отправился въ самый городъ Ярополькъ, подалъ посланный съ нимъ указъ въ Ярополькое духовное правленіе и попросилъ присутствующаго этого правленія священника Михаила Григорьева принять мѣры ко взысканію съ духовенства своей десятины семинарскихъ денегъ. Михаилъ Григорьевъ указъ прочелъ. „Много я такихъ ука-

---

[1]) П. С. З. № 12060. См. Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. стр. 481—82.

[2]) Арх. консист., 1763 г., № 2898. „Дѣло по доношенію семинарской конторы о неплатежѣ съ Гороховской и Ярополькой десятины семинарскихъ денегъ на прописанные въ томъ доношеніи годы“. Лл. 19—20.

зовъ видывалъ", насмѣшливо замѣтилъ онъ семинарскому нарочному, и всѣхъ священно-церковнослужителей, собранныхъ сюда по настоянію Голованова, распустилъ. Сборы само собою пріостановились; а 6 апрѣля была потеряна и послѣдняя надежда что-нибудь получить съ Ярополъцевъ. Въ этотъ день канцеляристъ Ярополъскаго духовнаго правленія Иванъ Головинскій предъ присутствіемъ объявилъ, что въ силу состоявшагося февраля 26 дня 1764 г. Высочайшаго указа тѣ деньги взыскивать не велѣно и которыя деньги и собраны 81 р. 88¼ к. и имѣются въ правленіи тѣхъ денегъ не отсылать. Озадаченный всѣмъ этимъ Головановъ послалъ запросъ въ семинарскую контору, что ему дальше дѣлать? Консисторія разсудила „собранныя деньги представить въ семинарію, а впредь таковыхъ сборовъ не чинить" [1]). Семинарія послѣ этого распоряженія консисторіи, имѣвшаго силу не только для Ярополъской десятины, но и для всей Владимірской епархіи, оказалась въ критическомъ положеніи. Денегъ за 1763 г. собрали мало, а о штатныхъ окладахъ еще не было рѣшительно никакихъ извѣстій. 19 мая 1764 г. въ консисторію поступилъ докладъ семинарской конторы, въ которомъ прямо заявлялось, что за несобраніемъ сполна за 1763 г. семинарскихъ денегъ, семинаріи содержать нечѣмъ [2]). Консисторія взяла назадъ свое прежнее опредѣленіе и разослала указы о платежѣ слѣдуемыхъ по росписанію за 1763 г. семинарскихъ сборовъ. Но поправить допущенную ошибку уже было трудно. Слѣдуемыя недоимки были внесены только нѣкоторыми; большая же часть отказалась, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибѣгли даже къ грубой расправѣ съ семинарскими уполномоченными. Ярополъская десятина въ этомъ отношеніи осталась послѣдовательною себѣ до самаго конца. Священникъ с. Городищь Стефанъ Григорьевъ выгналъ семинарскаго посыльнаго Головина дубиною, а священникъ Иванъ Ивановъ съ сыномъ Өеодоромъ „заругали его и замахивались къ битью палками" [3]). Наконецъ, консисторія рѣшила послать въ Ярополъское духовное правленіе и Гороховецкое нарочными двухъ діаконовъ Пятницкой и Троицкой церквей съ тѣмъ, чтобы они по пріѣздѣ принуждали правителей къ сбору семинарскихъ денегъ неослабно, а приказныхъ держали въ правленіи безвыпускно [4]). Но и это, кажется, результатовъ не достигло, такъ что 1764 г. былъ для семинаріи однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Владимірское духовенство, руководствуясь Высочайшимъ указомъ, не вносило какъ положенныхъ по росписанію на 1763 г. денегъ,

[1]) Тамъ же.
[2]) Журн. консист., 1764 г., май 19, № 5.
[3]) Тамъ же, іюнь 11, № 1.
[4]) Журн. консист., 1764 г., сент. 23, № 3.

[illegible] днемъ, положительно не зная, чѣмъ содержать учителей и уче- [illegible] полученія обѣщаннаго штатнаго оклада.

Наконецъ, дождались...но не на радость. Въ февралѣ мѣсяцѣ [illegible] окладѣ, и сразу же рухнули всѣ мечты и всѣ надежды. Оказа- [illegible] 653 руб. 55 коп. въ годъ, т. е. несравненно меньше, чѣмъ при [illegible] чала съ епархіи. Правда, много значило для духовныхъ школъ [illegible]

Владимірская консисторія, заслушавъ указъ Св. Синода объ [illegible] учениковъ и работныхъ людей и по скольку изъ нихъ каждому [illegible] дется допустить большія измѣненія какъ въ количествѣ, отпу- [illegible] предоставленія ученикамъ этихъ средствъ. До сихъ поръ при семинаріи было нѣчто въ родѣ казеннокоштнаго общежитія, [illegible] лованье въ разсматриваемый періодъ, неизвѣстно. Мы знаемъ [illegible] даже допустить, что всѣ штатныя деньги отдавались на содержаніе ученикамъ (чего, понятно, никакимъ образомъ быть не могло), то и въ такомъ бы случаѣ каждый изъ нихъ получилъ бы

---

[1]) Журн. консист., 1765, февр. 4, № 1.

[2]) Ректоръ Аврамій къ тому времени, по распоряженію преосвященнаго, [illegible]

[3]) Тамъ же, 1767 г., авг. 21, № 1.

въ мѣсяцъ на содержаніе семинариста болѣе рубля (въ годъ ок. 13 р. 61 к.). А вѣдь изъ тѣхъ же 653 р. 55 к., кромѣ жалованья ученикамъ, надобно было выдавать жалованье начальникамъ и учителямъ, покупать книги для библіотеки, снабжать одеждою сиротъ [1]), отапливать и освѣщать семинарскія зданія, а главное поддерживать ихъ ремонтомъ. Ремонтъ на бѣду для семинаріи дѣйствительно и потребовался въ этотъ тяжелый въ экономическомъ смыслѣ моментъ. Еще въ 1764 г. семинарская контора просила у консисторіи позволенія „вмѣсто имѣющихся въ семинаріи ветхихъ деревянныхъ покоевъ построить новые, а каменные въ длину распространить, покрыть; вмѣсто двухъ погребовъ сдѣлать одинъ каменный съ напогребицею, на коемъ каменную палатку устроить“ [2]). Перестройка на незначительныя средства продолжалась до 1767 г. [3]) и производилась, такимъ образомъ, не за счетъ какихъ-нибудь остаточныхъ суммъ отъ прежнихъ сборовъ по епархіи, а за счетъ тѣхъ же штатныхъ окладовъ.

Въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ пришлось подумать о сокращеніи какъ начальствующаго и учащаго персонала, такъ и учащихся. Въ маѣ мѣсяцѣ 1765 г. консисторія представила въ [illegible] доношеніе объ управленіи семинарской конторы [4]). Семинарская контора вѣдала главнымъ образомъ де-

[1]) Журн. консист., 1764 г., янв. 18, № 1.

[2]) Тамъ же, 1764, сент. 6, № 6. О состояніи и расположеніи семинарскихъ зданій до 1764 г. можно составить представленіе на основаніи описи, сохранившейся въ дѣлѣ подъ № 2835. Въ ней читаемъ. „Въ оной семинаріи [illegible] другая во имя Богоявленія, въ ней престолъ одинъ. Въ той же семинаріи святыя [illegible] поперегъ 1 саж. 2³/₄ арш. Ледникъ да погребъ деревянные, въ длину 11 саж. [illegible] ная въ длину четыре саж. 1¹/₄ арш., поперегъ 3 саж. 1¹/₄ арш., другая деревянная длиною 2 саж. 1¹/₄ арш., поперегъ тоже число. Позади каменныхъ [illegible] съ вишневымъ деревьемъ: первый длиною 21 саж., поперегъ 51¹/₂ саж., второй длиною 26 саж., поперегъ 16 саж. (Лл. 123—24).

[3]) Журн. консист., 1767 г., іюнь 22, № 4.

[4]) Журн. консист., май 2, № 3.

нежные сборы и съ прекращенiемъ ихъ становилась только бременемъ для семинарской экономiи. Съ упраздненiемъ семинарской конторы всѣ дѣла, находившiяся въ ней, переданы были въ консисторiю [1]). Съ того времени консисторiя сдѣлалась ближайшимъ и единственнымъ учрежденiемъ, вѣдавшимъ семинарiю. Внутреннее управленiе семинарiи, начала котораго отчасти развивала и представляла семинарская контора, съ ея упраздненiемъ было уничтожено. Сокращенъ былъ далѣе и штатъ учениковъ. 3 марта 1768 г. преосв. Павелъ утвердилъ докладъ, „учиненный въ консисторiи обще съ ректоромъ", по которому въ семинарiи положено было обучаться не болѣе, какъ 50 ученикамъ [2]). Кажется, что всѣ эти положенные по штату 50 человѣкъ [3]) и получали жалованье, при чемъ оно, не смотря на всю скудость, выдавалось имъ далеко не всегда исправно. 20 декабря 1767 г. Аврамiй донесъ еп. Павлу объ отлучкѣ изъ семинарiи неизвѣстно куда ученика Михаила Славинскаго. Въ ученiи Аврамiй аттестовалъ его непонятнымъ и писалъ, что быть ему въ семинарiи не для чего. Чрезъ нѣсколько дней послѣ доклада Славинскiй пришелъ во Владимiръ и на допросѣ въ консисторiи показалъ. „Въ минувшемъ ноябрѣ 1767 г. трактаментальныхъ денегъ всѣмъ семинаристамъ выдано не было, а потому я, почувствовавъ нужду въ одеждѣ и пищѣ, пришелъ 16 число въ село Сеславское къ матери, отошелъ отсюда къ брату дiакону с. Давыдова, а отсюда къ понамарю свойственнику въ с. Ликино, 1 января возвратился въ семинарiю". Въ прежнее время за такой проступокъ ученикъ отдѣлался бы однимъ наказанiемъ; теперь же, когда семинарiя наоборотъ стремилась ограничить число питомцевъ, послѣдовало болѣе суровое опредѣленiе: „учинить ученику предъ консисторiей плетьми наказанiе и уволить изъ семинарiи съ повелѣнiемъ прiискать праздное церковническое мѣсто" [4]).

При такихъ условiяхъ объ открытiи высшихъ школъ нельзя было и думать. Классъ философiи, повидимому, не открывался до конца этого перiода. Да и классъ риторики, кажется, не всегда существовалъ. Вслѣдствiе ограниченности матерiальныхъ средствъ, вмѣсто настоящихъ учителей, пришлось довольствоваться инфор-

[1]) Тамъ же.

[2]) Арх. консист., 1767, № 4433. „Объ отлучкѣ ученика Михаила Славинскаго изъ семинарiи", л. 3.

[3]) Цифра 50 представляетъ максимальную норму числа учениковъ; въ дѣйствительности ихъ могло быть меньше. Въ iюлѣ мѣсяцѣ 1767 г. всѣхъ учениковъ въ семинарiи считалось только 44. См. Книга исходящихъ дѣлъ, iюль 9, № 809.

[4]) Арх. консист., 1767 г., № 4433.

маторами изъ студентовъ своей же семинаріи [1]). Именно въ 1765 г определено было во Владиміръ три такихъ информатора: Андрей Иговскій, Гавріилъ Морзалевскій и Григорій Синжанскій [2]). Всѣ они называются студентами философіи. Это, впрочемъ, нисколько не противорѣчитъ сказанному нами раньше относительно класса философіи. Андрей Иговскій и Григорій Синжанскій, насколько можно судить по фамиліямъ, были уроженцы той части Меленковскаго уѣзда, которая до 1764 г. числилась въ Рязанской епархіи и которая только въ этомъ году по указу о сравненіи епархій присоединена была къ Владимірской. Если такъ, то и филсофское образованіе получено было ими не во Владимірской семинаріи, гдѣ классъ философіи по уходѣ префекта Моисея, какъ мы сказали, долго не открывался, а въ Рязанской, откуда они вмѣстѣ съ другими послѣ упомянутаго указа препровождены были во Владиміръ [3]). Тоже, вѣроятно, нужно думать и о Гавріилѣ Морзалевскомъ. Но, при недостаточности средствъ [4]), трудно было удержать въ семинаріи и такихъ учителей. Въ описи консисторскаго архива указывается нѣсколько дѣлъ по прошеніямъ этихъ информаторовъ объ опредѣленіи ихъ на священнослужительскія мѣста [5]). Въ мартѣ мѣсяцѣ 1768 г. Иговскій, наконецъ, вышелъ на приходъ. Но количество учительскаго персонала отъ этого не измѣнилось, такъ какъ еще въ февралѣ того года поступилъ во Владимірскую семинарію учитель Петръ Тененевъ [6]). Это былъ наставникъ съ болѣе серьезною подготовкою. По окончаніи курса въ Троицкой семинаріи, Тененева въ 1763 г. опредѣлили въ ней учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Въ 1766 г. онъ подавалъ

---

[1]) Информаторами во Владимірской семинаріи XVIII столѣтія назывались учителя низшихъ школъ. Они выбирались большею частью изъ учениковъ старшихъ классовъ: обучая младшихъ, информаторы въ то же время часто сами слушали уроки своего класса. Особенность разсматриваемаго времени заключалась въ томъ, что, кромѣ информаторовъ, въ семинаріи не было ни одного выписаннаго со стороны учителя.

[2]) Опись Боевскаго, 1766 г., апр. 10, № 129.

[3]) См. Арх. консист.. 1764 г. № 4171. „О произведеніи ученика философіи Якова Слободскаго въ Село Добрынское во діакона“. См. Книга входящихъ дѣлъ за 1764 г., дек. 10. № 2638 и арх. Муромскаго дух. правленія 1764 г. № 254. Что въ 1764—65 г. класса философіи дѣйствительно не было, видно изъ прошенія, поданнаго 24 сентября 1764 г. студентомъ Андреемъ Ларіоновымъ „о произведеніи его въ с. Меленки во діакона, или объ увольненіи, снабдя коштомъ, въ Рязанскую семинарію для дослушанія философіи“. Журн. консист., 1764 г. № 2.

[4]) Учителя семинаріи получали по 3 руб. въ мѣсяцъ, но и то не всегда исправно. Арх. консист.. 1765 г., № 3569. „О выдачѣ ректору семинаріи архимандриту Аврамію и учителямъ за треть денегъ“. (Надеждинъ, стр. 87).

[5]) Опись Боевскаго, 1767 г., янв. 30, № 22; іюнь 22, № 163; 1768 г. янв. 15, № 7.

[6]) Опись Боевскаго, 1768 г., февр. 22. № 37.

прошеніе Платону (тогда архимандриту Троицкой лавры) съ изъявленіемъ желанія принять монашество, но прошеніе его не было принято, такъ какъ Теневевъ замѣченъ былъ въ невоздержаніи. Въ 1767 г. онъ уволенъ былъ отъ службы при Троицкой семинаріи [1]) и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его учителемъ въ семинарію Владимірскую. Во Владимірѣ нуждались въ учителяхъ, и Тененева приняли безпрекословно. Но и здѣсь онъ не долго оставался. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1769 г. Тененевъ вышелъ изъ Владимірской семинаріи по собственному желанію [2]). Въ томъ же 1768 г., когда прибылъ во Владиміръ Тененевъ, въ августѣ мѣсяцѣ принятъ былъ въ семинарію четвертый учитель священникъ Василій Антоновъ [3]). Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года онъ подалъ прошеніе о постриженіи его въ монашество [4]) и, кажется, вскорѣ же ушелъ изъ семинаріи. По крайней мѣрѣ въ іюлѣ 1769 г. строителю Саровской пустыни Ефрему съ братіею былъ посланъ указъ о присылкѣ іеромонаха Варлаама, „который имѣется въ семинаріи учителемъ, ежели онъ отъ болѣзни освободился“ [5]). Можно думать, что этотъ Варлаамъ и есть священникъ Василій Антоновъ, просившій въ 1768 г. о постриженіи его въ монашество. Изъ архивныхъ документовъ не видно, чтобы Варлаамъ былъ присланъ обратно въ семинарію. Семинарія осталась такимъ образомъ, кажется, только при двухъ учителяхъ-информаторахъ.

Семинарская библіотека при такомъ общемъ упадкѣ всѣхъ отправленій семинарской жизни не могла тоже совершенствоваться. Правда, еп. Павелъ сдѣлалъ распоряженіе о выпискѣ изъ Москвы въ семинарію „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, но это было еще до введенія штатныхъ окладовъ [6]), и, вѣроятно, выписка этихъ журналовъ однимъ годомъ и ограничилась.

Итакъ, насколько можно видѣть изъ сказаннаго, періодъ пребыванія на Владимірской каѳедрѣ Павла, по вліянію сторон-

[1]) См. Смирновъ. Исторія Троицкой Лаврской семинаріи. 1867, стр. 503.

[2]) Арх. консист., Книга исходящихъ дѣлъ, 1769 г., апр. 6, № 406. Въ 1772 г. мы видимъ его въ Саровской пустыни, строителю которой іеромонаху Ефрему апрѣля 4 данъ былъ указъ о постриженіи въ монашество находящагося въ той пустыни трудника Петра Тененева (Книга исходящихъ дѣлъ, апр. 4, № 520). Отсюда Петръ Тененевъ, въ монашествѣ Поликарпъ, переведенъ въ Цареконстантиновъ монастырь, гдѣ возведенъ въ санъ іеромонаха (тамъ же, авг. 7, № 050). Въ 1776 г. онъ значится уже іеромонахомъ при Троицкой лаврѣ (Смирновъ. Исторія Троицкой семинаріи, стр. 503).

[3]) Арх. консист., Книга входящихъ дѣлъ, 1768 г., авг. 18. № 1571.

[4]) Опись Боевскаго, 1768 г., окт. 15, № 215.

[5]) Книга исходящихъ дѣлъ, 1769, іюль 23, № 877.

[6]) Журн. консист., 1763 г., нояб. 14, № 3.

нихъ обстоятельствъ, былъ самымъ тяжелымъ временемъ для Владимірской семинаріи. Стѣсненная въ средствахъ содержанія, она съ трудомъ влачила свое существованіе, а преосв. Павелъ даже при желаніи облегчить ея положенія не могъ этого сдѣлать, такъ какъ богатыя вотчины архіерейскаго дома были секуляризованы и отобраны въ вѣдомство коллегіи экономіи. Приходилось смотрѣть только на все это убожество и мириться. 9 Августа 1769 года Павелъ скончался, а 16 сентября погребенъ въ Успенскомъ соборѣ преосв. Геннадіемъ, еп. Суздальскимъ [1]).

---

[1]) Книга исходящихъ дѣлъ, 1769, сент. № 1143.

Владимірская семинарія при еп. Іеронимѣ (Фармаковскомъ).

(1771—83).

Утвержденіе за учениками священно-церковнослужительскихъ мѣстъ.—Епархіальные сборы на покупку семинарскихъ книгъ.—Повышеніе штатнаго оклада.—Приходо-расходная книга 1780 и 1782 гг.—Учителя и ученики.—Штрафы за несвоевременную явку съ каникулъ.

Преосв. Іеронимъ принадлежалъ къ числу питомцевъ Кіевской академіи. Въ 1765 г. онъ опредѣленъ былъ префектомъ Казанской академіи, въ слѣдующемъ году ректоромъ ея. Въ 1767 г. въ санѣ архимандрита Іеронима перевели въ Свіяжскій Богородицкій монастырь, а 25 декабря 1770 г. назначили епископомъ Владимірскимъ [1]). Это былъ, слѣдовательно, образованный архипастырь, на практикѣ знакомый съ школьнымъ дѣломъ. Интересы духовнаго разсадника не могли быть ему чужды.

Главнѣйшимъ зломъ, разъѣдавшимъ семинарскую жизнь и парализовавшимъ всѣ благія начинанія, ко времени вступленія еп. Іеронима на Владимірскую каѳедру былъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Бѣдствовали ученики, бѣдствовали и учителя. Первые старались вырваться изъ семинаріи самовольно посредствомъ бѣгства, вторые стремились къ переходу на другія лучшія мѣста и при первой возможности уходили. Для улучшенія матеріальнаго быта семинаріи преосв. Іеронимъ на первыхъ же порахъ своего управленія епархіею обратился къ средству, которое прочно привилось во Владимірѣ и продолжало еще долго существовать и послѣ Іеронима, въ качествѣ подспорья къ небогатымъ денежнымъ окладамъ, отпускавшимся на семинарію казною. Средство это, принятое и въ другихъ епархіяхъ, заключалось въ слѣдующемъ. Коль скоро открывалось какое-нибудь священно-церковнослужительское мѣсто, преосв. Іеронимъ закрѣплялъ его за бѣднымъ, нуждающимся ученикомъ семинаріи. Пока ученикъ обучался въ школѣ, его должность исправляло лицо, съ которымъ входили по этому предмету въ согласіе и которое получало за это извѣстную часть доходовъ, доставляемыхъ мѣстомъ. Другая

---

[1]) См. Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія Св. Правительствующаго Синода. 1896 г. № 129.

часть шла на содержаніе обучавшагося въ семинаріи опредѣленнаго на мѣсто кандидата. Въ описи консисторскаго архива, начиная съ 1771 г., появляется особый классъ дѣлъ о предоставленіи ученикамъ отъ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ дохода. По своему составу это одинъ изъ классовъ самыхъ многочисленныхъ, такъ какъ параллельно дѣламъ о предоставленіи священно-церковнослужительскихъ мѣстъ идутъ жалобы о неплатежѣ доходовъ съ этихъ мѣстъ. Количество дохода, предназначеннаго для взноса на содержаніе ученика, за которымъ утверждалось извѣстное мѣсто, опредѣлялось каждый разъ по обоюдному условію, при чемъ лицо, замѣщающее ученика, естественно стремилась уменьшить это количество, а впослѣдствіи по возможности и совершенно избѣжать отъ платежа. Условія нарушались, взносы затягивались, и ученикъ, за которымъ утверждено было мѣсто, не думавшій раньше о такомъ поворотѣ своего продовольственнаго вопроса, часто оставался безъ куска хлѣба. Слѣдовали, понятно, жалобы, разборъ которыхъ тяжелымъ бременемъ ложился на консисторію. Къ устраненію всѣхъ такихъ случайностей и безпорядковъ учителя семинаріи въ 1780 г. вступили съ докладомъ къ преосв. Іерониму, въ которомъ, между прочимъ, писали: „Находящіися въ семинаріи разныхъ школъ ученики по прошеніямъ ихъ, а по резолюціямъ вашего преосвященства отъ духовной консисторіи для полученія отъ праздныхъ діаконскихъ и причетниковскихъ мѣстъ доходовъ указами назначены. Но какъ отъ тѣхъ мѣстъ священно-церковнослужители надлежащаго имъ, а инымъ и ничего доходной суммы не присылаютъ, въ чемъ и происходятъ къ вашему преосвященству словесныя и письменныя отъ нихъ въ неполученіи частыя жалобы, то не благоволено-ли будетъ отъ вашего преосвященства въ прекращеніе оныхъ повелѣть духовной консисторіи взыскивать по полугоду съ каждаго мѣста и присылать въ семинарію, поскольку наложить изволите". При докладѣ приложенъ былъ реестръ, изъ котораго видно, что доходами съ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ пользовалось 38 человѣкъ, въ томъ числѣ 23—понамарскими, 14—дьяческими и 1—діаконскими. Дѣло передано было въ консисторію, и въ консисторіи распорядились: „Во отвращеніе происходящихъ отъ учениковъ въ недоставленіи имъ слѣдующаго дохода просьбъ и по онымъ въ посылкѣ указовъ бываемыхъ затрудненій, консисторія разсуждаетъ о полученіи тѣмъ ученикамъ доходовъ сдѣлать одинаковое положеніе, а именно: съ діаконскихъ мѣстъ за землю съ покосы и за доходъ получать въ годъ по девяти рублевъ, а съ дьячковскихъ и понамарскихъ мѣстъ по шести рублевъ. Должности же вмѣсто тѣхъ учениковъ церковническіе отправлять, также слѣдующею на ихъ часть землею и сѣнными

покосы владѣть и доходъ получать тѣхъ селъ дьячкамъ и понамарямъ, раздѣляя между собою по равнымъ частямъ; а потому и слѣдующія съ тѣхъ мѣстъ по предписанному положенію деньги для доставленія ученикамъ платить должны оные дьячки и понамари, отдавая тѣ деньги по половинѣ года здѣшние въ консисторіи, а прочихъ епархіи его преосвященства городовъ и уѣздовъ въ тамошнихъ духовныхъ правленіяхъ съ росписками". Предложеніе консисторіи было утверждено владыкою [1]. Впрочемъ, неизвѣстно, какъ долго послѣ смерти еп. Іеронима оно сохраняло свою силу.

Прилагая заботу о матеріальномъ обезпеченіи учениковъ, преосв. Іеронимъ не оставилъ безъ вниманія и семинарской библіотеки, попавшей со времени назначенія штатныхъ окладовъ въ самыя невыгодныя условія. Удѣлять на ея пополненіе что нибудь изъ штатныхъ денегъ было трудно, а существовать семинаріи безъ книгъ еще труднѣе. Преосв. Іеронимъ и здѣсь обратился за содѣйствіемъ къ источникамъ епархіальнымъ, именно къ сбору денегъ съ священно-церковнослужителей Владимірской епархіи. Первый извѣстный изъ документовъ сборъ по епархіи на покупку книгъ въ семинарію произошелъ въ 1772 г. О количествѣ собраннаго можно составить представленіе на основаніи того, что съ Арзамасской десятины прислали 72 р. 7½ к. [2], съ Муромской, Гороховской и Починковской 63 р. 4¼ коп. [3] и Яропольской 29 р. 81¾ коп. [4]. На какія книги собирались деньги и на какихъ основаніяхъ, можно судить по другому, вѣроятно, аналогичному дѣлу „о собираніи съ священно-церковнослужителей денегъ на покупку латинскихъ риторикъ". Дѣло относится къ 1776 г. и возникло вслѣдствіе указа Владимірской консисторіи отъ 19 ноября 1776 г. такого содержанія. „Поданнымъ его преосвященству, Іерониму, епископу Владимірскому и Муромскому, здѣшней семинаріи, школы риторики учитель, священникъ Василій Андреевъ, докладомъ, представя, что изъ находящихся въ той семинаріи учениковъ обучается въ школѣ риторики двадцать четыре человѣка, изъ коихъ де каждому имѣть нужно для обученія латинскую печатную риторику, но по неимѣнію де оныхъ въ семинаріи, кромѣ одной, крайняя во обученіи обстоитъ нужда. а какъ де онъ, священникъ, нынѣ увѣдомился, что таковыхъ риторикъ въ Москов-

[1] Арх. консист. 1780 г., № 4931. „По докладу Владимірской семинаріи учителей, коимъ представлено, чтобы дани изъ консисторіи о полученіи отъ праздныхъ діаконскихъ и причетническихъ мѣстъ указы о присылкѣ съ тѣхъ мѣстъ въ семинарію доходовъ".

[2] Арх. консист. Книга исход. дѣлъ. 1772 г.; іюль 10, № 874.

[3] Тамъ же., іюль 19, № 880.

[4] Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ. 1772 г., ноябрь 7, № 1824.

ской типографіи напечатано довольное число, но только де купить оныхъ не на что, потому что де на покупку тѣхъ книгъ никакой суммы не имѣется, просилъ, не повелѣно-ль будетъ на покупку означенныхъ печатныхъ риторикъ опредѣлить какую-либо сумму, на которомъ докладѣ въ резолюціи его преосвященства изображено: выписать до сотни, а какъ сіи книги будутъ пользовать священно-церковнослужительскихъ дѣтей, въ разсужденіи того и за неимѣніемъ казенной на книги суммы, по разсмотрѣнію расположить уплату на оныхъ священно-церковнослужителей. И по указу Ея Императорскаго Величества въ Духовной Консисторіи опредѣлено на покупку означенныхъ печатныхъ риторикъ, въ силу предписанной его преосвященства резолюціи, собрать со всѣхъ находящихся въ епархіи его преосвященства при церквахъ священно-церковнослужителей, а именно: съ священниковъ по двѣнадцати, съ діаконовъ по шести, съ дьячковъ и пономарей по три копѣйки съ каждаго, и тѣ деньги собрать при подачѣ за нынѣшній 1776 г. годовыхъ и метрическихъ рапортовъ по граду Владиміру и Владимірскому уѣзду въ консисторіи, а по прочимъ городамъ въ духовныхъ правленіяхъ, и о томъ въ оныя правленія послать и посланы указы съ тѣмъ, чтобъ по собраніи тѣ деньги присланы были въ консисторію изъ каждаго правленія немедленно". По разсчету, сдѣланному въ Муромскомъ духовномъ правленіи, съ священно-церковнослужителей его округа должно было поступить 39 р. 51 коп., какія деньги къ 7 іюня 1777 г. представлены были въ консисторію [1]. Чрезвычайно характерно положеніе школы, въ которой на 24 ученика имѣется только одна печатная книга. Но оно вполнѣ понятно изъ того, что говорилось раньше. Вѣроятно, и въ 1772 г. былъ произведенъ сборъ на одну изъ учебныхъ книгъ, въ родѣ грамматики; о пособіяхъ и книгахъ для чтенія еще не наступило время думать. Къ сбору по епархіи обратилась семинарія и въ 1779 г. „для возобновленія въ большой соборной Успенской и малой теплой Богоявленской церкви имѣющихся ветхостей", на что выдана была особая шнурозапечатанная книга [2].

Зная скудость семинарскихъ средствъ, преосв. Іеронимъ оказывалъ семинаріи нѣкоторое содѣйствіе и доставкою готовыхъ рабочихъ рукъ, какъ нѣкогда было при еп. Платонѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1772 г. въ семинарію посланъ былъ понамарь Муромскаго уѣзда погоста Липиницъ Агапъ Яковлевъ „для бытія въ семинаріи чрезъ годъ сторожемъ" [3]). Въ томъ же году въ декабрѣ мѣсяцѣ

---

1) Арх. Муром. дух. правленія. № 614. См. Влад. Епарх. Вѣд. 1899 г., № 2, стр. 63 сл.

2) Арх. консист. Журн. консист. 1779 г., авг. 13, № 1.

3) Арх. консист. Книга исходящихъ дѣлъ. 1772 г., мартъ 22, № 395.

резолюціею Іеронима, послѣдовавшею „на разборной ко взятію священно-церковнослужительскихъ дѣтей въ семинарію вѣдомости" велѣно было прислать въ семинарію для работъ сына церковника Тимоѳея Петрова [1].

Но все это были одни палліативы. Благопріятная перемѣна для Владимірской семинаріи наступила лишь съ 1780 года. 17 февраля этого года въ консисторіи заслушанъ былъ указъ Ея Императорскаго Величества объ отпускѣ на содержаніе Владимірской семинаріи двухъ тысячъ рублей въ годъ [2]). Матеріальныя средства семинаріи усиливались такимъ способомъ втрое въ сравненіи съ прежнимъ окладомъ. Перемѣна благопріятно отразилась на всемъ семинарскомъ хозяйствѣ и дала возможность покрыть и исправить образовавшіеся недочеты. Отъ 1780 г. сохранилась семинарская приходо-расходная книга, на основаніи которой можно составить ясное представленіе о томъ, какъ семинарія въ первый годъ повышенія оклада воспользовалась отпущенной суммой. Повышены прежде всего были учительскіе оклады. Учителя риторики и пиитики получили по 80 руб. въ годъ; учителю грамматики выдано было 50 руб. и аналогіи 40 руб. въ годъ. Наемный сторожъ Михаилъ Ѳоминъ получилъ 13 руб. 80 коп.; духовникъ Іоиль—10 руб.; пѣвчій Ив. Андреевъ, обучавшій нотному пѣнію—12 руб.; діаконъ Дмитрій Яковлевъ 25 руб.; копистъ Ив. Дмитріевъ 20 руб. и т. д. Отопленіе и освѣщеніе семинарскихъ зданій обошлось въ 82 руб. 70 коп. Именно, дровъ березовыхъ и елховыхъ было куплено 74 саж. по 1 р. 10 коп. сажень съ перевозкою и полъ пуда свѣчъ за 1 р. 30 коп. На книги и учебныя принадлежности издержано 18 руб. 55 коп. [3]). Содержаніе учениковъ жалованьемъ обошлось въ 339 руб. 57 коп. Количество, получаемаго ученикомъ жалованья, стояло въ зависимости отъ класса, въ которомъ онъ обучался. Ученикамъ риторики среднимъ числомъ выдавалось въ мѣсяцъ около одного рубля на человѣка, піитики по 90 коп., синтаксимы по 80 коп., грамматики по 70 к. и инфимистамъ по 60 коп. Въ сравненіи съ прежнимъ въ величинѣ отпускаемаго на каждаго отдѣльнаго ученика жалованья произошла небольшая перемѣна [4]), но за то окладомъ стало пользоваться гораздо большее число человѣкъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ жа-

[1]) Арх. консист. 1773 г., № 4835 „О побѣгѣ находящагося при семинаріи с. Флорова сторожа Тимоѳея Петрова неизвѣстно куда".

[2]) Арх. консист. Журн. консист. 1780 г.

[3]) Въ числѣ книгъ выписаны были ежемѣсячныя изданія на 1781 г.: Утренній Свѣтъ и СПБургскій Вѣстникъ.

[4]) Въ январѣ мѣсяцѣ 1780 г. при старомъ еще штатномъ окладѣ отпущено было на 14 человѣкъ 9 р. 60 к.: среднимъ числомъ, значитъ, 65 коп. на каждаго.

лованье получили 83 ученика, а въ декабрѣ 113. На одежду учениковъ и нѣкоторыхъ изъ служащихъ при семинаріи издержано 518 руб. 43 коп. Именно, сшито 67 кафтановъ, устроена нѣкоторымъ обувь, а бѣднымъ и сиротамъ, недавно поступившимъ, выданы шубы. Кромѣ того при отправленіи учениковъ на каникулы дано каждому (101 чел.) по 9 коп. на обувь. Ремонтъ семинарскихъ зданій, давно не чинившихся, потребовалъ 407 руб. 60 коп. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, къ концу года все же образовался отъ штатной суммы крупный остатокъ въ 281 руб. 35 коп. Преосв. Іеронимъ назначилъ употребить его на покупку нужныхъ книгъ въ семинарію и на прочія потребности [1]). Такое же назначеніе получили остатки послѣдующихъ годовъ. А они равнялись приблизительно тому же количеству. Въ 1782 г., напр., остатокъ опредѣлился въ 266 руб. $98^{1}/_{4}$ коп. Въ этомъ году сумма, отпущенная на содержаніе учениковъ, уже значительно превысила сумму, издержанную въ 1780 г. Именно, за весь 1782 г. на содержаніе учениковъ семинаріи отпустили 845 р. 63 коп. Но за то увеличилось и число лицъ, состоявшихъ на жалованьи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года жалованье, напр., получили 144 человѣка, причемъ при выдачѣ ученикамъ денежныхъ окладовъ въ этомъ мѣсяцѣ принимался во вниманіе уже не одинъ только классъ ученика, но и степень его состоятельности. Тремъ философамъ, напр., выдано было по 1 р. 20 коп., а другимъ четыремъ только по 60 коп.; 42 аналогистамъ по 50 коп., а 4 только по 25 к. [2]).

На основаніи этихъ цифръ ясно видно, что увеличеніе семинарскаго оклада немногимъ только улучшило положеніе тѣхъ отдѣльныхъ бѣдняковъ, которыхъ призрѣвала семинарія. Жизнь ихъ по прежнему должна была оставаться рядомъ лишеній. При такихъ условіяхъ священно-церковническія мѣста, какъ и раньше, раздавались учащимся въ качествѣ пособія къ содержанію въ школахъ. Доходы, получаемые съ нихъ, служили дополненіемъ къ казеннымъ окладамъ и, насколько можно видѣть изъ приходо-расходной 1782 г., при назначеніи жалованья ученикамъ принимались семинарскимъ начальствомъ во вниманіе. Но, немногимъ только улучшая положеніе отдѣльныхъ бѣдняковъ, увеличеніе штатнаго семинарскаго оклада дало возможность семинаріи усилить и расширить сферу своего просвѣтительнаго вліянія, увеличивъ штатъ учащихся почти втрое.

Объ учителяхъ этого періода до насъ дошли свѣдѣнія довольно темныя. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1773 г. полученъ былъ указъ

[1]) Архивъ семинаріи. Приходо-расходная за 1780 г.

[2]) Арх. сем. Приходо-расходная за 1782 г.

о переводѣ Аврамія въ Борисоглѣбскій Ростовскій монастырь [1]). При выѣздѣ изъ Владиміра семинарское имущество было сдано Аврамiемъ нѣкоему іеродіакону Ѳеофилакту [2]). Гдѣ обучался іеродіаконъ Ѳеофилактъ и какъ попалъ во Владимірскую семинарію, неизвѣстно. Изъ документовъ видно только, что въ октябрѣ мѣсяцѣ 1772 г. данъ былъ указъ о постриженіи въ монашескій чинъ учителя семинаріи Ѳеодора Мосунова [3]). Этотъ Ѳеодоръ Мосуновъ и былъ, несомнѣнно, іеродіакономъ Ѳеофилактомъ, принявшимъ семинарію отъ ректора Аврамія. Въ 1774 г. Ѳеофилакта сдѣлали префектомъ семинаріи [4]), затѣмъ игуменомъ Боголюбова монастыря. Въ званіи префекта онъ завѣдывалъ всѣми отправленіями семинарской жизни на правахъ ректора. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1776 г. Ѳеофилактъ скончался [5]). Преемника ему не было назначено. Въ 1780 г. всѣхъ учащихъ считалось четыре, изъ которыхъ протоіерей Василій Андреевъ Лепорскій [6]) занимался въ риторикѣ, священникъ Іоаннъ Іоанновъ Пѣвницкій въ піитикѣ и синтаксимѣ, священникъ Петръ Меморскій въ грамматикѣ и инфимѣ и діаконъ Георгій Букконовъ въ аналогіи. Къ 1781 г. составъ классовъ и учительскаго персонала нѣсколько измѣнился. Въ началѣ этого года открытъ былъ во Владимірѣ классъ философіи [7]); учителемъ его и префектомъ семинаріи назначенъ былъ нѣкто игуменъ Порфирій. По всей вѣроятности, подъ этимъ Порфиріемъ надобно разумѣть игумена Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря, уволеннаго отъ настоятельства „за слабостью“ въ 1784 г. и прожи-

---

[1]) Арх. консист. Книга исход. дѣлъ. 1773 г., окт. 7, № 1179. Чрезъ два года изъ Борисоглѣбскаго монастыря Аврамій переведёнъ въ Богоявленскій монастырь, находящійся тамъ же. Въ 1786 г. его перевели въ Ростовскій Яковлевскій, гдѣ онъ и скончался 30 апрѣля 1797 г. (См. Списки іерарховъ... Строева). Изъ множества поученій его издано одно слово на память св. Димитрія. М. 1807 г. Кромѣ того онъ исправлялъ древній переводъ бесѣдъ Златоустаго на Матѳея, М. 1781 г., и на Іоанна, М. 1793 г. (См. „Обзоръ русской дух. литературы“ арх. Филарета, кн. 2, стр. 138).

[2]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ, 1773 г., окт. 25, № 1642.

[3]) Тамъ же. Книга исходящ., 1772 г., окт. 29, № 1602.

[4]) Тамъ же. Книга исходящ., 1774 г., янв. 13, № 34.

[5]) Тамъ же. Книга исходящ., 1776 г., апр. 11, № 428.

[6]) Въ 1773 г. Василій Лепорскій былъ уже учителемъ семинаріи (Арх. консист. Книга исход., янв. 14, № 53). Впослѣдствіи Василія Лепорскаго видимъ протоіереемъ Богородицкаго Муромскаго монастыря и надзирателемъ Муромскаго училища. (Арх. консист. Журн. консист. 1794 г., янв. 9, № 10).

[7]) Арх. семин. Приходо-расходная книга за 1781 г. Нельзя съ увѣренностью сказать, что это было первое открытіе философскаго класса по уничтоженіи его въ 1758 г. Въ формулярѣ прот. Іоанна Пѣвницкаго, окончившаго курсъ Владимірской семинаріи не позже 1773 г., значится, что онъ два года слушалъ философію.

вавшаго послѣ этого въ томъ же монастырѣ на пенсіи [1]). Префектомъ семинаріи онъ оставался всего три мѣсяца и вышелъ изъ семинаріи такъ скоро, можетъ быть, вслѣдствіе той же „слабости“. Мѣсто учителя философіи послѣ него занялъ священникъ Владимірскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря Кириллъ Добровольскій. А „правящимъ префектовскую должность“ назначенъ учитель риторики священникъ Іоаннъ Пѣвницкій [2]).—Для надзора за учениками и учебнаго руководства ими учителя, какъ и въ прежнее время, пользовались содѣйствіемъ старшихъ студентовъ. Въ 1780 г. такими студентами были: Петръ Флоринскій, Іона Фортунатовъ и Григорій Оранскій. Въ приходо-расходной книгѣ 1780 года они называются инспекторами. Въ вознагражденіе за годовую службу имъ троимъ уплачено было семь рублей.

Въ разборной вѣдомости за 1784 г. приведенъ наличный составъ учащихся во Владимірской семинаріи къ началу 1782 г. Изъ него видимъ, что въ философіи обучалось 8 человѣкъ, риторикѣ 28, піитикѣ [3]) 9, синтаксимѣ 24, грамматикѣ 16, инфимѣ 14, аналогіи 47 и россійскомъ классѣ 3; всего 149 человѣкъ [4]). Въ числѣ нихъ въ школѣ инфимы подъ № 11 значится: „Села Черкутина поповъ сынъ Михайло Михайловъ Сперанскій, 11 лѣтъ. Способенъ“. Это впослѣдствіи графъ и статсъ-секретарь Россійской имперіи.

Какъ на особенность въ учебной жизни Владимірской семинаріи этого періода должно указать на частые случаи поступленія лучшихъ учениковъ ея въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. Въ 1774 г. отправленъ былъ въ Московскую академію Иванъ Тодорскій и Михаилъ Гумилевскій для слушанія тамъ философіи и богословіи [5]). Въ 1776 г. выданъ былъ аттестатъ

---

1) Арх. консист. Вѣдомость о монашествующихъ за 1796 г. Ср. Строева Списки іерарховъ..., стр. 681.

2) Приходо-расходная семин. за 1781 г.

3) Школа піитики открыта не позже 1776 г. (Арх. консист., 1776 г., Книга исходящ. дѣлъ, мартъ 2, № 245). Въ ней преподавались правила, руководствующія къ составленію стихотвореній, и изготовлялись первые опыты такого рода творчества. Стихотвореній, принадлежащихъ перу питомцевъ Владимірской семинаріи этого періода, къ нашему времени, къ сожалѣнію, не сохранилось. А ихъ писалось, конечно, не мало. Въ приходо-расходной книгѣ за 1780 г. упоминается о выдачѣ, по приказанію его преосвященства, изъ семинарской суммы денежныхъ наградъ ученикамъ, произносившимъ рѣчи и стихи въ день Рождества Христова; именно, двоимъ—по рублю, одному—50 коп., троимъ по 25 коп. и семи по 20 коп.

4) См. списки 1782 г. во II вып.

5) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1774 г., сент. 16, № 1570. Въ Московской академіи Михаилъ Гумилевскій, прослушавъ два года философію и полгода богословію, въ 1777 г. опредѣленъ учителемъ еврейско-греческаго класса; въ 1778 г. переведенъ въ поэзію, 1779 г. постриженъ въ монашество, въ 1781 г. опредѣленъ учителемъ риторики, 1785 г. философіи, а въ мартѣ 1786 г.

Дмитрію Голембовскому „для бытія въ Московской академіи къ высшимъ наукамъ [1])“. Въ томъ же году поступилъ въ академію Осипъ Недремскій и Егоръ Солертовскій [2]). Въ 1778 г. поступилъ Θеодоръ Аквилинскій [3]) и Аврамій Ледоницкій [4]). Послѣдній вмѣстѣ съ Солертовскимъ, „какъ обучившіеся въ Московской академіи въ надежду здѣшней семинаріи учительства“, получали деньги изъ суммъ Владимірской семинаріи не только на содержаніе, но и на поѣздки изъ Москвы на родину въ праздники и каникулы [5]). Въ 1780 г. выданъ былъ аттестатъ для поступленія въ Московскую академію или университетъ Платону Соболевскому и Сергѣю Беневоленскому [6]). Ок. 1781 г. отправлены были въ академію Петръ Фліоринскій и Іона Фортунатовъ; Фліоринскій—для изученія разныхъ діалектовъ, а Фортунатовъ—„богословіи въ надежду здѣшней семинаріи учительства“ [7]).

Бѣгство учениковъ изъ школы по прежнему составляетъ обычную тему тѣхъ доношеній, съ которыми вступали семинарскіе учителя въ консисторію. Въ 1775 г. префектъ Θеофилактъ доносилъ консисторіи, что ученикъ школы аналогіи поповъ сынъ Алексѣй Меритовскій за бывшимъ побѣгомъ не только латинское, но и русское ученіе позабылъ и испрашивалъ резолюціи, что съ нимъ чинить. Велѣно было отослать Меритовскаго въ домъ отца для обученія русской грамоты [8]). Каникулы, какъ и раньше, служили ближайшимъ поводомъ и средствомъ „къ избытію школьнаго ученія“. Въ правленіе Іеронима къ устраненію неудобствъ, проистекавшихъ отъ поздней несвоевременной явки питомцевъ въ семинарію, стала практиковаться система денежныхъ штрафовъ. Въ 1773 г. число неявившихся съ вакаціальнаго отпуска было осо-

префектомъ академіи. Въ началѣ 1788 г., по требованію князя Потемкина, вызванъ въ армію къ должности іеромонаха и посвященъ въ архимандрита Спасо-Николаевскаго Екатеринославскаго монастыря. Въ 1791 г. рукоположенъ во епископа Θеодосійскаго и Маріупольскаго. Но въ 1792 г., октября 5, убитъ въ Крыму домашними. (Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи. Смирновъ, 1855 г., стр. 363—64).

[1]) Арх. консист. Книга исходящихъ дѣлъ 1776 г., май 24, № 621.

[2]) Тамъ же. нояб. 23. № 1466. Въ 1780 г. Егоръ Солертовскій отправился вмѣстѣ съ другими тремя студентами въ Пекинъ для изученія китайскаго и манчжурскаго языка. (См. Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 387).

[3]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1778 г., янв. 25, № 26.

[4]) Арх. консист. Журн. консист. 1778 г., февр. 3.

[5]) Приходо-расходная 1780 г.

[6]) Арх. консист. Книга исходящ. дѣлъ 1780 г., нояб. 1, №№ 1289—1290.

[7]) Приходо-расходная 1782 г. Петръ Фліоринскій, неизвѣстно почему, не поступилъ въ академію.

[8]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ 1775 г., 14 дек., № 1928 и Журн. консист., нояб. 20, № 1.

бенно велико. Ректоръ Аврамій вступилъ съ доношеніемъ въ консисторію, приложивъ къ нему реестръ отсутствующихъ. Въ консисторіи велѣли къ отцамъ неявившихся послать разсыльщиковъ, забрать дѣтей на мѣстѣ и представить въ консисторію, а съ отцевъ взыскать штрафъ на богадѣльню по рублю за каждую недѣлю пропуска [1]). Постановленіе о штрафахъ не было одной угрозой. 15 декабря 1781 г. вмѣстѣ съ рапортомъ представлено было въ консисторію отъ Муромскаго духовнаго правленія 6 р. 28 3/4 коп., взысканныхъ съ священника с. Шиморскаго Стефана Дмитріева и с. Синжанъ Михаила Дмитріева „за долгое въ домахъ ихъ продержаніе отпущенныхъ на вакаціальное время учениковъ" [2]). Въ 1775 г. діаконъ градской Муромской Николаевской церкви Илія Өедосѣевъ за непоставку сына на прописанный срокъ въ семинарію былъ обязанъ денежнымъ штрафомъ; но такъ какъ „за неимуществомъ" внести его не могъ, то былъ отосланъ въ Муромской Спасскій монастырь въ работу „на толикое время, сколько онъ поставкою сына просрочилъ" [3]).

---

1) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ 1773 г., 13 сент., № 1485.
2) Журн. консист. 1786 г., дек. 15.
3) Арх. консист. Книга исходящ. дѣлъ, май 18, № 775.

Владимірская семинарія при еп. Викторѣ (Онисимовѣ).

(1783—1800).

ГЛАВА I.

Общiй взглядъ на состоянiе семинарiи при преосв. Викторѣ. — Перенесенiе Владимірской каѳедры и семинарiи въ Суздаль и обратно во Владиміръ.

Еп. Викторъ былъ родомъ изъ Новгорода и обучался въ тамошней семинарiи. По постриженiи въ монашество, его назначили сперва архимандритомъ въ Иверскомъ и Юрьевскомъ монастыряхъ, а затѣмъ епископомъ Олонецкимъ; 22 сентября 1783 г. Викторъ опредѣленъ былъ во Владиміръ, а указомъ отъ 24 февраля 1800 г. отставленъ на смиренiе. Ему велѣно было имѣть пребыванiе въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ. Скончался 1817 г. 29 марта [1]). Преданiе разсказываетъ, что Викторъ былъ епископомъ весьма строгимъ къ своимъ подчиненнымъ, что онъ будто бы сѣкъ дьячковъ въ своемъ присутствiи, показывая тростью тѣ мѣста спины, которыя не были истерзаны розгами [2]). Но изъ сохранившихся архивныхъ документовъ мы не видимъ, чтобы онъ былъ такимъ въ отношенiи къ ученикамъ и учителямъ семинарiи. Въ своихъ резолюцiяхъ Викторъ налагаетъ наказанiе розгами рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, хотя зорко слѣдитъ за всѣми даже мелочными отправленiями семинарской жизни. Вопросъ о матерiальномъ обезпеченiи учащихся пользовался въ его правленiе такимъ же вниманiемъ, какъ и во времена Iеронима; въ эту область еп. Викторомъ внесено больше порядка и больше точности. Вообще, при преосв. Викторѣ Владимірская семинарія, несмотря на то, что подвергалась переходамъ и скитанiямъ, достигла высшей точки своего процвѣтанiя, до какой она только достигала въ теченiе всего XVIII столѣтiя.

Эти скитанiя семинарiи обусловливались перемѣщенiями каѳедры Владимірскаго епископа. Высочайшимъ указомъ отъ 6 мая

---

[1]) См. Списки архiереевъ ... № 146. Вмѣстѣ съ Викторомъ отрѣшены были отъ должности всѣ члены консисторiи. О причинѣ удаленiя Виктора на покой существуютъ только предположенiя и догадки. Въ описи архива Св. Синода подъ № 192 1800 г. 4 сент. значится дѣло „объ отрѣшенiи Виктора, еп. Владимірскаго“; но самаго дѣла въ синодальномъ архивѣ нѣтъ.

[2]) Влад. Губернскiя Вѣдомости. 1876 г., №№ 45—47.

1788 г. велѣно было Владимірскому епископу именоваться Суздальскимъ и Владимірскимъ, имѣть пребываніе въ Суздалѣ и вѣдать, какъ епархію, всю Владимірскую губернію. Относительно семинарій Владимірской, Суздальской [1]) и Переславской [2]) въ указѣ говорилось: „Что слѣдуетъ до семинаристовъ Владимірской и Переславской семинаріи, природою состоящихъ изъ Владимірской губерніи, оныхъ нѣкоторое число изъ низшихъ классовъ, если по усмотрѣнію его преосвященства окажется надобность быть въ Переславлѣ особому малому училищу, оставить въ ономъ, а достальныхъ причислить къ Суздальской семинаріи, почему и книги обѣихъ сихъ семинарій и прочія къ нимъ принадлежащія вещи взять въ ту же Суздальскую семинарію; а прочихъ семинаристовъ, кои природою не изъ Владимірской губерніи, отпустить съ письменными видами и съ назначеніемъ въ нихъ соразмѣрныхъ разстоянію сроковъ въ семинаріи тѣхъ епархій, въ которыя отцы ихъ поступятъ, сообщивъ епархіальнымъ архіереямъ имянные съ показаніемъ успѣховъ ученія и состоянія ихъ списки“ [3]). Въ силу этого указа въ іюлѣ мѣсяцѣ 1788 г. еп. Викторъ переѣхалъ въ Суздаль, а вмѣстѣ съ нимъ перешла сюда и Владимірская семинарія. Она слилась съ мѣстной школой, и образовалась одна семинарія, которая стала именоваться Суздальскою. Перенесеніе каѳедры изъ Владиміра въ Суздаль обусловливалось желаніемъ высшей власти приспособить церковное управленіе къ новому положенію о губерніяхъ, сохранивъ въ тоже время привилегіи и права древняго Суздаля. Но такъ какъ центромъ сперва намѣстничества (1778—96) [4]), потомъ губерніи считался все же Владиміръ, то указъ о перенесеніи каѳедры въ Суздаль не могъ долго оставаться въ силѣ. Дѣйствительно, въ царствованіе Павла 23-го апрѣля 1798 г. послѣдовалъ на имя преосв. Виктора новый указъ Св. Синода, въ которомъ говорилось: „Какъ въ показанномъ Вла-

[1]) Суздальская семинарія открыта была въ 1723 г. и состояла первоначально изъ 109 человѣкъ. Но въ 1726 г., за несобраніемъ съ церквей и монастырей указныхъ долей хлѣба, всѣ ученики были распущены по домамъ. Въ 1736 году вторично собраны, но чрезъ годъ по той же причинѣ снова распущены. Въ 1740 г. опять учреждена была семинарія. Для заведенія ея посланъ былъ изъ Св. Синода іеромонахъ Іустинъ, но, по увольненіи его на обѣщаніе въ 1744 г., семинарія еще разъ упразднилась и открыта была только въ 1755 г. Съ того времени обученіе въ ней непрерывно продолжалось до 1788 г. (Историческая записка смотрителя Суздальскаго училища протоіерея Дмитрія Смирнова. Арх. семин. 1722 г., №№ 284 и 461. Подробнѣе объ этомъ см. Влад. Епарх. Вѣдомости. 1899 г., № 15, стр. 526 сл.).

[2]) Переславская семинарія была открыта въ 1753 г. (Арх. консист. „Дѣло объ учрежденіи въ Даниловомъ монастырѣ училища“).

[3]) Арх. консист. Указы 1783 г., лл. 35 сл.

[4]) Арх. консист. Указы за 1779 г., л. 55 и 1797 г., л. 44. П. С. З. №№ 14787 и 14790.

димірскомъ Рождественскомъ монастырѣ по 1788 г. имѣли всегда свое пребываніе Владимірскіе преосвященные архіереи, съ того же года, хотя онъ для пребыванія тамошнихъ генералъ-губернаторовъ и былъ отданъ, но нынѣ по Высочайшему Его Императорскаго Величества указу возвращенъ по прежнему въ непосредственное вѣдѣніе Св. Синода, Владимірскіе же граждане поданнымъ чрезъ градского своего голову Петровскаго прошеніемъ изъяснили желаніе о переведеніи вашего преосвященства изъ города Суздаля въ тотъ Рождественскій монастырь или объ учрежденіи во Владимірѣ, яко въ губернскомъ городѣ, епархіи вновь, каковое ихъ прошеніе найдя Св. Синодъ основательнымъ, разсудилъ, что приличнѣе самимъ Вамъ имѣть во Владимірѣ пребываніе, нежели переводить туда Цареконстантиновскій монастырь [1]), и для того предписать вашему преосвященству, чтобы Вы отправились немедленно изъ Суздаля во Владиміръ со всѣми принадлежащими къ архіерейскому дому и собору служителями, консисторіею и семинаріею для пребыванія въ показанномъ Рождественскомъ монастырѣ"...[2]) Преосв. Викторъ не сразу выполнилъ синодальное предписаніе. Въ отвѣтномъ доношеніи въ Св. Синодъ онъ указывалъ на ветхость архіерейскаго дома, „въ коемъ отъ бывшихъ военнослужащихъ, обучавшихся экзерциціи, полъ поврежденъ и по ветхости деревянной кровли внутри самыхъ покоевъ проходитъ течь", на невмѣстительность тѣхъ покоевъ, гдѣ раньше помѣщалась семинарія, на трудность сыскать извозчиковъ въ виду „приближающагося къ земледѣлію времени" и просилъ Св. Синодъ, во первыхъ, оказать ему пособіе, а во-вторыхъ, Суздальскій домъ оставить навсегда принадлежащимъ къ архіерейскому дому для помѣщенія въ немъ консисторской архивы, духовнаго правленія, семинарской библіотеки и учениковъ Суздальской семинаріи до философскаго класса; во Владиміръ же просилъ перевести только учениковъ богословіи и философіи. Въ Св. Синодѣ отговорки еп. Виктора признаны были „столь же неосновательными, сколь и постыдными", вслѣдствіе чего опредѣлено было „подтвердить преосв. Виктору наистрожайше, чтобы, по полученіи этого новаго указа, онъ ни мало не медля и не далѣе какъ къ 1-му числу августа, переѣхалъ во Владиміръ со всѣми принадлежащими къ архіерейскому дому и собору служителями, консисторіею и семинаріею". Однако Суздальскій архіерейскій домъ оставленъ, согласно его просьбѣ, „навсегда принадлежащимъ Владимірскому архіерейскому дому для помѣщенія въ немъ Суздальской семинаріи, духовнаго правленія и прочаго приписаннаго въ

---

[1]) Объ этомъ просилъ Св. Синодъ еп. Викторъ.
[2]) Арх. консист. Указы 1798 г., лл. 231—32.

доношеніи преосв. Виктора". Указъ посланъ былъ 12 іюля 1798 г.[1]), а 21 іюля того же года еп. Викторъ переѣхалъ изъ Суздаля во Владиміръ [2]). Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1798 г., когда ученики собрались въ Суздаль для ученія, былъ отдѣленъ классъ богословскій и философскій и препровожденъ тоже во Владиміръ [3]); остальныхъ учениковъ помѣстили въ опустѣвшемъ Суздальскомъ архіерейскомъ домѣ [4]). Вскорѣ при богословскомъ и философскомъ классѣ во Владимірѣ образовались и низшія семинарскія школы. Въ 1800 г. приказано было семинарію именовать не Суздальскою, а Владимірскою [5]).

ГЛАВА II.

Средства содержанія. — Жалованье учениковъ, казенный коштъ, награды. — Училища; ихъ значеніе въ экономическомъ вопросѣ Суздальской семинаріи. — Содержаніе начальниковъ и учителей. — Отопленіе. — Ремонтъ семинарскихъ зданій во Владимірѣ и Суздалѣ.

До Виктора казенное пособіе ученикамъ распредѣлялось по преимуществу въ видѣ жалованья (исключая нѣкоторыхъ, получавшихъ одежду). Количество жалованья стояло первоначально въ зависимости отъ класса, въ которомъ обучался ученикъ. При еп. Іеронимѣ за учениками стали утверждаться священно-церковнослужительскія мѣста. Ученики, получившіе указы на такія мѣста, стали пользоваться жалованьемъ меньшимъ въ сравненіи съ остальными (несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, съ 1782 г.). Съ того времени, слѣдовательно, величина оклада стала опредѣляться, кромѣ класса, суммою того дохода, который доставляло ученику его мѣсто. Преосв. Викторъ сдѣлалъ новое ограниченіе въ этомъ отношеніи. Въ 1784 г. имъ было постановлено, чтобы ученики, имѣющіе діаконскіе указы, жалованья совершенно не получали, а содержались въ счетъ получаемыхъ съ діаконскаго мѣста доходовъ [6]). Опредѣленіе это вызвано было желаніемъ семинарскаго начальства оказать возможную помощь ученикамъ болѣе нуждающимся, лишивъ этой помощи тѣхъ, которые сравнительно были обезпечены. Лишаемы были далѣе казеннаго жалованья и ученики, небрежно относившіеся къ своимъ обязанностямъ, т. е. не

---

1) Тамъ же, л. 351 сл.
2) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1798 г., іюль 21, № 2660.
3) Тамъ же, сент. 7, № 2473.
4) Арх. консист. Книга исходящ. дѣлъ. 1798 г., сент. 6, № 2593.
5) Арх. семин. 1800 г., 10 августа.
6) Арх. семин. Семинар. документы за 1784 г., л. 21.

ходившіе въ школу и плохо выучивавшіе свои уроки [1]). Жалованье выдавалось помѣсячно, такъ что наказаніе это не слишкомъ ужъ чувствительно сказывалось въ экономическомъ быту наказанныхъ. Оставшимся на каникулы выдавалось жалованье тоже не всегда. Исключеніе представляли только тѣ, которые оставляемы были при семинаріи для исправленія церковнаго служенія. Въ 1784 г. такихъ оказалось 24 человѣка; имъ выдано было за два мѣсяца 37 руб. 20 коп. [2]). Число всѣхъ вообще пользовавшихся семинарскимъ жалованьемъ до перенесенія семинаріи въ Суздаль доходило до 100. Въ январѣ мѣсяцѣ 1785 г. казенныя деньги выданы были 90 человѣкамъ; выдано всего 62 руб. 35 к. Самая высшая цифра оклада (наиболѣе нуждающагося и старѣйшаго по классу) равнялась 1 р. 20 коп., а самая меньшая 30 к. [3]). Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1787 г. выдано жалованье 92 ученикамъ [4]). Въ расходныхъ книгахъ этого времени въ числѣ другихъ учениковъ, подписывавшихся ежемѣсячно въ полученіи слѣдуемаго имъ жалованья, значится и подпись будущаго графа Россійской имперіи М. М. Сперанскаго:

Оные деньги пятдесятъ копеекъ Михаилъ Сперанскій принялъ и росписался

Сравнительно меньшій окладъ онъ получалъ отчасти какъ сынъ священника, а главное—какъ ученикъ, за которымъ утверждено было понамарское мѣсто въ с. Черкутинѣ. Съ переходомъ въ философію денежный окладъ его, впрочемъ, былъ увеличенъ на 10 коп., и въ расходной книгѣ за 1787 и 1788 г. Сперанскій уже росписывался въ полученіи 60 коп. въ мѣсяцъ.

Одновременно съ указанными выше ограниченіями, допущенными въ правленіе еп. Виктора касательно выдачи жалованья ученикамъ болѣе состоятельнымъ и нерадивымъ, преосвящ. Викторъ сдѣлалъ распоряженіе о выдѣленіи изъ числа прочихъ нуждающихся сиротъ и о содержаніи ихъ на казенномъ коштѣ, т.-е. на всемъ готовомъ. Казенный коштъ, которымъ пользовались сироты въ то время, отличался, впрочемъ, отъ того, что мы привыкли соединять съ этимъ именемъ теперь. Въ семинарскихъ зданіяхъ

1) Арх. семин. Приходо-расходная за 1787 г.
2) Арх. семин. Семин. документы за 1784 г., лл. 66 сл.
3) Арх. семин. Семин. документы за 1785 г., лл. 17 сл.
4) Арх. семин. Приходо-расходная за 1787 г.

не было достаточно мѣста для помѣщенія и этого немногочисленнаго контингента сиротъ, вслѣдствіе чего содержащій семинарскую сумму входилъ въ договоръ съ городскими квартиросодержателями и размѣщалъ сиротъ по частнымъ квартирамъ. Обычною платою за полное содержаніе ученика (кромѣ одежды) на частной квартирѣ считалось 1 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ. Содержаніе учениковъ на казенномъ коштѣ началось съ 15 марта 1784 г. Одежда казеннокоштнымъ сиротамъ выдавалась въ счетъ семинарскихъ суммъ отдѣльно. Верхнею одеждою являлся тулупъ, кафтанъ и халатъ. За овчины на тулупъ платилось около одного рубля съ каждаго тулупа. Къ овчинамъ брали опушку по коп. 6 аршинъ (арш. 4—5 на каждаго). На покрышку тулупа давалось турницкое синее сукно, цѣною отъ 50 к. до 1 руб. 30 к. аршинъ. Изъ того же сукна шились кафтаны. Для подкладки къ кафтанамъ покупалась лощенина, цѣною въ 7 коп. арш., или же простой холстъ въ 4 коп. аршинъ. Кафтаны выдавались на два года. Халаты изготовлялись изъ желтой китайки. Выходило ее на одинъ кафтанъ приблизительно на 2½ руб. Кафтаны и халаты опоясывались кушакомъ, сшитымъ изъ полосатой коломенки. Такой кушакъ стоилъ до 80 коп. Чирики и русскіе чулки обходились семинарской экономіи до 60 коп. Выдавались дважды въ годъ. Въ 1787 г. на башмаки и чулки выдали каждому изъ 13 сиротствующихъ по 75 коп.. Зимняя шапка съ мерлушчьимъ околышемъ выдавалась на два года. Въ 1787 г. на шапку и рукавицы выдано было по 50 коп. каждому изъ казеннокоштныхъ. Лѣтняя шляпа стоила 18 коп. Холстъ для рубашекъ и портовъ покупался отъ 5 до 6½ коп. за аршинъ. Въ 1787 г. выдано было сиротамъ на рубашки и порты въ каждое полугодіе по 66½ коп. [1]).

Кромѣ показанныхъ издержекъ по содержанію учениковъ жалованьемъ и казеннымъ коштомъ, семинарская экономія въ періодъ до-Суздальскій несла по временамъ затраты на своихъ питомцевъ, оказывая имъ экстренное вспомоществованіе въ качествѣ награды за успѣхи или какія-нибудь особыя отличія. 11 ноября 1785 г. преосв. Викторъ велѣлъ выдать ученикамъ „за труды и успѣхи въ награжденіе богословамъ каждому по 10 коп., риторамъ 8, ученикамъ синтаксимы и грамматики по 5, инфимы и аналогіи каждому по 4, всего изъ семинарскихъ суммъ 5 руб., прибавивъ къ нимъ собственныхъ его 2 р. 36 коп на раздачу“ [2]). 13 февраля 1787 г. семинаристамъ, по приказанію Виктора, (вѣроятно, по случаю масленицы), выдано было калачей на рубль, а во время рекреаціи 1 мая того же года на 1 р. 40 коп. Въ октябрѣ мѣсяцѣ

---

[1]) Арх. семин. Семинар. документы за 1784 г., лл. 34 сл., 96 сл.; Приходо-расходная за 1787 г.

[2]) Арх. семин. Документы семин. за 1785 г., л. 121.

въ томъ же году имъ снова дали „въ вознагражденіе" (неизвѣстно за что) 10 руб. [1]). Ученики, отправлявшіе пѣніе въ хорѣ при литургисаніи его преосвященства, получали „для лучшаго къ пѣнію поощренія" особо денежное вознагражденіе, смотря по успѣху и способности каждаго. Въ маѣ мѣсяцѣ 1786 г. такимъ образомъ роздано было на 12 человѣкъ пѣвчихъ по резолюціи Виктора 10 руб. [2]). — Въ общемъ, содержаніе учениковъ деньгами, казеннымъ коштомъ съ выдачею разнаго рода вознагражденій обходилось семинарской экономіи до перехода семинаріи въ Суздаль рублей 800 въ годъ.

Послѣ слиянія трехъ семинарій въ одну число учениковъ увеличилось, по крайней мѣрѣ, втрое, а между тѣмъ средства содержанія остались тѣ же. Пришлось обратиться къ старой мѣрѣ, къ которой прибѣгло нѣкогда семинарское начальство ко времени введенія штатныхъ окладовъ, именно къ сокращенію количества учащихся. Съ цѣлью уменьшенія учениковъ и открыты были, между прочимъ, училища. Раньше другихъ появилось училище въ Переславлѣ, оставшееся на мѣстѣ перенесенной въ Суздаль Переславской семинаріи (открыто было 14 декабря 1788 г. [3]): нѣсколько позже—во Владимірѣ (26 октября 1790 г. [4]), а затѣмъ Вязникахъ (1791 г. [5]), Муромѣ [6]) и Юрьевѣ [7]). Училища эти предназначались для обученія священно-церковнослужительскихъ дѣтей латинскому діалекту, т.-е. въ нихъ преподавалось то же, что въ низшихъ классахъ Суздальской семинаріи. Сюда должны были поступать дѣти священно-церковнослужителей, приходы которыхъ находились въ округѣ этихъ городовъ. По совершеніи училищнаго ученія, они принимались въ риторическій или философскій классъ Суздальской семинаріи по повѣрочному испытанію. Вся разница между этими училищами и низшими классами Суздальской семинаріи состояла въ томъ, что училища не пользовались штатными окладами, а содержались на средства родителей учениковъ [8]). Въ частности, во Владимірскомъ училищѣ священники, дѣти которыхъ состояли въ обученіи, должны были платить ежегодно по 3 руб., діаконы по 1½ и причетники по рублю: сироты отъ сборовъ осво-

[1]) Арх. семин. Приходо-расходная за 1787 г., №№ 5, 14, 33.

[2]) Арх. семин. Докум. семин. за 1786 г., л. 42.

[3]) См. Историческая записка о Переславль - Залѣсскомъ духовномъ училищѣ Н. Виноградова, стр. 3.

[4]) Арх. консист. Книга исходящ. дѣлъ Владимірскаго дух. правленія. 790 г., № 584 и Влад. Епарх. Вѣдом. 1899 г., № 21, стр. 719—22.

[5]) Арх. консист. Журналы консист. 1795, окт. 17, № 2.

[6]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1791 г., янв. 15, № 45. Открытіе было 11 янв. 1791 г. Влад. Епарх. Вѣдом. 1892. № 18, стр. 458.

[7]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1792 г., іюнь 16, № 816.

[8]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ. 1797 г., № 1037.

бождались [1]). Изъ собранныхъ такимъ образомъ денегъ выдавалось жалованье учителямъ, чинились и отоплялись зданія. Такъ, во Владимірскомъ училищѣ въ 1799 г. вся сумма, поступившая въ приходъ, распредѣлена была слѣдующимъ образомъ: учителю было выдано 60 руб., на дрова издержано 15 руб. и на починку 10 руб. [2]). Пища, одежда и квартира учениковъ должны были оплачиваться особо. Въ принципѣ идея организаціи подобныхъ училищъ разрѣшала вопросъ о средствахъ матеріальнаго обезпеченія Суздальской семинаріи въ высшей степени удачно. Но на практикѣ она прививалась плохо. Всякому отцу естественно хотѣлось пристроить свое дитя въ томъ заведеніи, въ которомъ не только освобождали его отъ всякихъ взносовъ, но въ которомъ, наоборотъ, открывалась надежда на нѣкоторое вспомоществованіе въ формѣ семинарскаго жалованья. Къ владыкѣ стали поступать массами прошенія отъ учениковъ о переводѣ ихъ изъ уѣздныхъ училищъ въ Суздаль. Въ прошеніяхъ ученики обыкновенно ссылались на бѣдность и недостаточность своихъ отцовъ, и большую часть такихъ просьбъ пришлось удовлетворить. Къ несчастью для Суздальской семинаріи, вскорѣ Муромское училище сгорѣло [3]). Суздальская семинарія снова пополнилась учениками, такъ какъ Муромскіе питомцы доставлены были въ Суздаль. Въ другихъ училищахъ пошли неустройства. Священно-церковнослужители, которые, за отдаленностью отъ Суздаля или вслѣдствіе отказа со стороны преосв. Виктора принять дѣтей ихъ въ Суздальскую семинарію, вынуждены были отдать ихъ въ одно изъ этихъ училищъ, стали манкировать взносами и, какъ нѣкогда при основаніи семинаріи, „упрямствомъ своимъ“ денегъ не платили. Въ февралѣ 1792 г. надзиратель Вязниковскаго училища Петръ Меморскій доносилъ владыкѣ, что изъ числа записанныхъ учениковъ нѣкоторые въ классъ ходить перестали и на содержаніе училища расположенной суммы платить отрекаются, и спрашивалъ, какъ поступить съ ними? Владыка отвѣтилъ: „если за приключившеюся болѣзнью не ходятъ и имѣютъ на то свидѣтельство, то оставить имъ сіе опущеніе, а когда за небреженіемъ оное послѣдовало, то исключить ихъ изъ училища и числить праздноживущими“ [4]). Но эти угрозы, конечно, дѣла не рѣшали, а, наоборотъ, ставили подъ вопросомъ и самое существованіе новоучрежденныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, Суздальская семинарія на первыхъ порахъ не получила существенной поддержки въ новозаведенныхъ училищахъ. Составъ учащихся въ ней, несмотря на ихъ открытіе,

[1]) Арх. семин. 1800 г., № 77.

[2]) Тамъ же.

[3]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1792 г., 8 дек., № 1712.

[4]) Арх. консист. Журн. консист. 1792 г., февр. 23.

оставался несоразмѣрно великимъ въ сравненіи съ тѣми средствами, которыми она располагала. При многочисленности учениковъ, пришлось выдавать жалованье только наиболѣе нуждающимся и то въ минимальныхъ дозахъ. Въ 1791 г. ученикъ низшаго класса сирота Николай Мстерскій просилъ объ опредѣленіи ему семинарскаго жалованья. Преосв. на прошеніи написалъ резолюцію такого рода: „если ученикъ успѣха хорошаго и имѣется въ остаткѣ сумма, то выдавать сиротѣ по 25 коп. въ мѣсяцъ" [1]). Такихъ низкихъ окладовъ въ 80-хъ годахъ Владимірская семинарія не знала. Въ 1792 г. ректоръ Евгеній испрашивалъ разрѣшенія у Виктора отказать нѣкоторымъ ученикамъ, по недостатку на самыя нужныя въ семинаріи потребности, въ выдачѣ жалованья, равнымъ образомъ прекратить производство изъ семинарской суммы двадцатипятирублеваго вспомоществованія, выдававшагося до сихъ поръ на содержаніе Переславскаго училища [2]). Резолюціею Виктора было предписано: „Переславскому училищу, въ разсужденіи недостатка семинарскихъ суммъ, отнынѣ же вспомоществованія не производить, а изъ показанныхъ въ реестрѣ учениковъ, такъ какъ нѣкоторые имѣются сироты, а прочіе многосемейные, того ради остаться имъ на прежнемъ жалованьи; сумма же на нужныя потребности будетъ отъ вакаціоннаго времени, поелику ученикамъ за то время жалованья производить не должно" [3]). Въ 1793 г. вопросъ о содержаніи учениковъ особенно затруднялъ семинарское начальство въ виду предстоящихъ расходовъ по ремонту занимаемыхъ семинаріей зданій. Въ докладѣ Виктору Евгеній сдѣлалъ предложеніе о точной нормировкѣ суммы, отпускаемой въ годъ на содержаніе учениковъ. Онъ полагалъ ограничить ее 780 руб., съ тѣмъ, чтобы никому не отпускать жалованья вновь до тѣхъ поръ, доколѣ не будетъ остатка отъ назначенной на содержаніе учениковъ суммы за выбытіемъ кого-нибудь изъ семинаріи. Преосв. Викторъ по сему докладу велѣлъ учинить слѣдующее. „Ученикамъ, кои имѣютъ отцовъ священниками и діаконами и за которыми утверждены священно- и церковнослужительскія мѣста отнынѣ жалованья не производить, а обучаться имъ на своемъ содержаніи, которые же совсѣмъ къ ученію безнадежны, таковыхъ изъ семинаріи исключить и велѣть пріискивать причетническія мѣста; а не имѣющихъ отцовъ и матерей надежныхъ къ продолженію впредь ученія, дабы отъ бѣдности не скитались по міру, жалованья лишать не должно. Положить на учениковъ въ годъ до

[1]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1791 г., май 3, № 1378.

[2]) Деньги эти получали Переславскіе учителя въ добавленіе къ епархіальному жалованью каждый по 10 рублей. См. Историческая записка Виноградова, стр. 5, прим. 2.

[3]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1792 г., іюнь 16, № 812.

900 руб. и когда кто изъ таковыхъ получающихъ выбудетъ и кого на мѣсто его помѣстить слѣдуетъ представлять мнѣ“ [1]). Одновременно съ этимъ распоряженіемъ послѣдовала разсылка учениковъ низшихъ классовъ Суздальской семинаріи по учрежденнымъ епархіальнымъ училищамъ. Но повторилась старая исторія. „Отцы оныхъ учениковъ,—пишетъ Викторъ,—многократно безпокоятъ меня прошеніями о принятіи ихъ дѣтей по-прежнему въ семинарію, представляя въ резонъ, что въ Юрьевѣ отведенные въ Архангельскомъ монастырѣ для училища покои еще не устроены, а въ Муромѣ способныхъ покоевъ нанять за бывшимъ пожаромъ и новыхъ вскорости построить не можно“. Тронутый этими просьбами, преосв. Викторъ пошелъ на уступки. „Ежели отцы этихъ учениковъ,—распорядился онъ,—согласны на своемъ囗коштѣ содержать особаго учителя, то дозволить имъ обучаться въ Спасо-Евоимієвомъ монастырѣ, а дабы причетникамъ противъ священниковъ и діаконовъ не было въ денежномъ на содержаніе учителя платежѣ отяготительно, то расположить съ нихъ плату по числу получаемаго ими доходу“ [2]). Дѣти были приняты въ семинарію, но о какихъ-нибудь взносахъ на содержаніе учителя въ последующее время ничего не слышно. А между тѣмъ наплывъ учениковъ все усиливался и усиливался. Училища, исключая Переславскаго, едва влачили свое существованіе. Юрьевское къ тому времени едва ли уже и существовало [3]). Надзиратель Муромскаго училища протоіерей Василій Лепорскій въ октябрѣ 1795 г. донесъ, что „въ ономъ училищѣ синтаксимы учениковъ, за выбытіемъ въ Суздальскую семинарію и къ должностямъ, осталось только 10 человѣкъ, съ которыхъ на содержаніе училища и на жалованье учителямъ собирается суммы малое число, почему и недостаетъ оной второму учителю, да и быть ему по малости учениковъ нужды не настоитъ“, и просилъ соотвѣтствующихъ распоряженій. Преосв. Викторъ опредѣлилъ учениковъ синтаксимы перевести въ Суздаль, а второму учителю не быть [4]). Въ томъ же мѣсяцѣ заслушано было въ консисторіи и другое доношеніе. Надзиратель Вязниковскаго училища протоіерей Петръ Меморскій донесъ Виктору, что ученики, избѣгая платы на содержаніе училища, самопроизвольно стали переходить изъ него въ епархіальную его преосвященства семинарію и тамъ были принимаемы всѣ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ, какъ достойные, такъ и недостойные, такъ что въ училищѣ осталось не болѣе 10 человѣкъ, коштомъ которыхъ не только учителя содержать, но и для найма училища суммы

---

[1]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1793 г., янв. 17, № 51.

[2]) Тамъ же, апр. 12, № 87.

[3]) См. Журн. консист. 1792 г., нояб. 3, № 5.

[4]) Тамъ же, 1795 г., 17 окт., № 1.

достать невозможно. Оставалось одно: училище упразднить, а учениковъ оставшихся перевести въ семинарію, — что и было сдѣлано [1]). 5 декабря 1796 г. надзиратель Владимірскаго училища протоіерей Іоаннъ Пѣвницкій вошелъ въ консисторію съ извѣстіемъ не менѣе печальнаго свойства. Именно, онъ сообщилъ, что въ этомъ году „послѣ вакаціоннаго времени учениковъ изъ селъ явилось въ училище только 17 и они, нѣсколько побывъ во Владимірѣ, по поводу отцовъ своихъ, не желая положеннаго числа денегъ на содержаніе онаго платить и по причинѣ малаго ихъ количества, разъѣхались; вносимой же на содержаніе училища отцами учившихся суммы въ остаткѣ за расходомъ налицо, какъ содержателемъ оной градскимъ благочиннымъ донесено, ничего не имѣется" [2]). Пришлось закрыть и Владимірское училище. Правда, оба эти училища — Владимірское и Вязниковское закрыты были временно. 1-го іюля 1797 г. послѣдовалъ указъ владыки о возстановленіи ихъ снова, въ виду того, что при 800 учащихся не было никакой возможности удовлетворить поступавшимъ просьбамъ отцовъ о принятіи ихъ дѣтей въ семинарію [3]). Но и послѣ своего возстановленія они не явились для семинаріи сразу тѣмъ, чѣмъ должны были служить, и содѣйствовали въ слабой степени разрѣшенію труднаго экономическаго вопроса.

Только съ 1798 г. наступила для Суздальской семинаріи благопріятная перемѣна. По росписи, Высочайше конфирмованной 10 декабря 1797 г., на Суздальскую семинарію было положено 4000 руб. Не смотря на то, что на эти 4000 руб. нужно было содержать семинарію, въ которой числилось около 800 учащихся (въ 1798 г.=790 чел.), все же окладъ этотъ представлялъ большой шагъ впередъ въ сравненіи съ прежнимъ. Средства содержанія семинаріи увеличились вдвое. Къ прежнимъ высылкамъ учениковъ изъ семинаріи въ училища и къ содѣйствію епархіальному пришлось обращаться теперь рѣже и не такъ настойчиво. Въ 1798 г., когда семинарія перешла во Владиміръ, поднимался даже вопросъ о правѣ на существованіе Владимірскаго училища, которое дѣлалось здѣсь излишнимъ при наличіи семинаріи. Но преосв. Викторъ указомъ ректору Павлу отъ 10 декабря 1798 г. велѣлъ оставить въ училищѣ учениковъ по прежнему, ежели только отцы пожелаютъ содержать ихъ на своемъ коштѣ [4]). Послѣ этого во Владимірскомъ училищѣ на содержаніи отцовъ оставлено было два класса—инфимическій и аналогическій. Но такъ какъ въ платежѣ денегъ по прежнему случались отговорки, „только нару-

[1]) Арх. консист. Журн. консист. 1795 г., окт. 17, № 2.
[2]) Арх. конст. Журн. консист. 1796 г., дек. 5, № 34.
[3]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1797 г., № 1037.
[4]) Арх. консист. Книга исход. дѣлъ 1798 г., № 3982.

шавшіе благозаведенный порядокъ и опредѣлявшіе учителя на невѣрную сумму“, то 24 февраля 1800 г. послѣдовало распоряженіе владыки объ отпускѣ изъ семинарскихъ средствъ нужныхъ суммъ на жалованье учителю, дрова и починку и объ отсылкѣ сиротъ въ Суздальскую бурсу [1]). Съ того времени Владимірское училище теряетъ свое существованіе и сливается съ семинаріей до 1814 г. Къ тому же клонилась участь и другихъ училищъ. Закрытіе ихъ произошло уже при еп. Ксенофонтѣ. 10 августа 1800 г. онъ распорядился училища Муромское и Вязниковское по малолюдности (въ Муромскомъ было 56 человѣкъ, въ Вязниковскомъ 140), какъ ненужныя, присоединить къ семинаріи и сборы съ учащихся отмѣнить; оставить одно Переславское училище, въ виду того, что въ Переславлѣ раньше была семинарія, и на содержаніе того училища выдавать ежегодно изъ семинарской суммы по 190 руб., именно двумъ учителямъ 110 руб. и на поддержку зданій ремонтомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ 80 руб. [2]) Такимъ образомъ, съ увеличеніемъ штатнаго оклада не только были въ концѣ концовъ уничтожены епархіальные сборы, но даже одно изъ прежнихъ епархіальныхъ училищъ поступило на содержаніе семинаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ введеніемъ новыхъ окладовъ, явилась возможность возвысить сумму, которая до того времени отпускалась на содержаніе учениковъ, и въ частности устроить общежитіе для казеннокоштныхъ. А такъ какъ во Владимірѣ, куда перенесли изъ Суздаля семинарію, не было зданій, приспособленныхъ для полнаго содержанія учениковъ казеннымъ коштомъ, то положено было открыть бурсу въ Суздалѣ. Здѣсь и устроили общежитіе для сиротъ. Въ 1800 г. бурсачнымъ содержаніемъ изъ 533 человѣкъ, обучавшихся въ Суздальскомъ училищѣ, пользовалось 28; да въ Владимірской семинаріи изъ 700 человѣкъ считалось казеннокоштныхъ 30. Послѣдніе получали жалованье, а нѣкоторые можетъ быть пользовались и одеждою.

Жалованье начальникамъ и учителямъ опредѣлялось ежегодно владыкой особымъ распоряженіемъ, въ которомъ онъ указывалъ распредѣленіе его между наличнымъ составомъ учащихъ. Распоряженіе это давалось большею частью въ началѣ учебнаго года. Въ 1784 г. правящій префектовскую должность Пѣвницкій и учитель философіи Добровольскій получили по 90 руб. въ годъ, учитель синтаксимы и грамматики Меморскій 70 руб., учитель инфимы и аналогіи 40 руб. [3]). Въ 1786 г. ректору Арсенію назначено было 120 руб., префекту Евгенію 110 руб., учителю риторики Добровольскому 90 руб., учителю синтаксимы Туберов-

[1]) Арх. сем. 1800 г., № 77.

[2]) Арх. семин. 1800 г., авг. 10.

[3]) Арх. семин. Документы семин. за 1784 г., л. 88.

скому 70 руб. и учителю грамматики Багрянскому 50 руб. [1]). Общая сумма учительскаго оклада въ этомъ году равнялась, слѣдовательно, 440 руб. [2]). Учителя по прежнему могли пользоваться даровой квартирой и отопленіемъ. Жизнь въ кельяхъ представляла, впрочемъ, нѣкоторыя неудобства для людей „свѣтскихъ“, вслѣдствіе чего въ этотъ періодъ встрѣчаемъ съ ихъ стороны попытки устроиться на частныхъ квартирахъ. „Нынѣшняго 1786 г. сентября 16 числа опредѣленъ я, писалъ учитель семинаріи Василій Багрянскій, отъ вашего преосвященства учителемъ инфимы и аналогіи. Но въ кельѣ при семинаріи мнѣ жить не можно: во первыхъ потому, что по юности моей я не могу еще развестись со всею для дома нужною посудою: во вторыхъ—, что въ кельяхъ живутъ мои товарищи, которые мнѣ будутъ въ должности моей препятствовать; въ третьихъ потому, что въ кельѣ мнѣ должно будетъ пищу, квасъ и все нужное для себя готовить самому, что мнѣ крайнимъ будетъ всегда безпокойствіемъ и препятствіемъ къ исправленію должности. Но на квартирѣ я имѣю особливой покой; довольствуюсь всею посудою хозяйскою, также моютъ платье, готовятъ пищу, квасъ и все потребное для меня хозяева и то за небольшую цѣну: почему мнѣ жить на квартирѣ и выгоднѣе и спокойнѣе. То не дозволено ли будетъ вашимъ преосвященствомъ мнѣ стоять на квартирѣ. Для топленія жъ моего покоя не благоволено-ли будетъ отъ вашего преосвященства опредѣлить мнѣ сколько-нибудь дровъ или на дрова денегъ“. Преосв. Викторъ велѣлъ выдавать просителю въ годъ по 5 саженъ дровъ или деньгами, что надлежитъ [3]). Вскорѣ перешелъ въ городскую квартиру и другой учитель Туберовскій [4]).

Судя по этимъ перемѣщеніямъ въ городскія квартиры, можно думать, что хлѣбный и питейный трактаментъ учителямъ со времени введенія штатныхъ окладовъ былъ прекращенъ, такъ что приведенныя выше цифры учительскаго жалованья, сравнительно высокія съ жалованьемъ учителей половины XVIII в., при усилившейся къ концу XVIII столѣтія дороговизнѣ на все, были, конечно, недостаточны. Преосв. Викторъ, дабы улучшить матеріальное положеніе учителей семинаріи, обратился къ тому же средству, которое практиковалось въ отношеніи къ ученикамъ,

---

1) Арх. семин. Документы семин. за 1786 г., л. 91.

2) Къ этого же рода расходамъ должно быть отнесено жалованье духовнику (10 руб. въ годъ), содержателю семинарской суммы (20 руб.), учителю нотнаго пѣнія (12 руб.), 2 сторожамъ (20 руб.), письмоводителю (20 руб.), ученикамъ, обучающимся во Владимірскомъ народномъ училищѣ (по 20 руб. каждому), что въ совокупности въ 1787 г. составило цифру, превышающую 120 руб.

3) Арх. семин. Докум. семин. за 1786 г., л. 105.

4) Арх. семин. Приходо-расходная книга за 1787 г., № 37.

именно сталъ утверждать за наставниками священнослужительскія мѣста. Починъ въ этомъ родѣ былъ сдѣланъ, кажется, еще въ послѣдніе годы правленія Іеронима [1]) При Викторѣ такая практика вошла въ полную силу. За учителемъ Петромъ Лебедевымъ, напр., въ 1791 г. утверждено было священническое мѣсто въ селѣ Дуниловѣ Шуйскаго уѣзда [2]). О величинѣ такого вспомоществованія можно судить потому, что утвержденное за учителемъ Иваномъ Соловьевымъ священническое мѣсто въ Вязникахъ доставляло ему въ годъ 25 руб. [3]). Но все же и при такомъ пособіи учителямъ, вѣроятно, жилось трудно. По крайней мѣрѣ въ 1793 г. на докладѣ ректора Евгенія о распредѣленіи наличныхъ семинарскихъ суммъ преосв. Викторъ прямо написалъ: „ректору и учителямъ, въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны, прибавить къ получаемому жалованью въ годъ—ректору 30, а учителямъ каждому по 10 руб.“ [4]). Замѣтная перемѣна въ положеніи учителей наступила лишь съ повышеніемъ штатнаго оклада въ 1798 г. Изъ штатныхъ четырехъ тысячъ епархіальнымъ начальствомъ опредѣлено было отпускать на жалованье ректору, префекту и учителямъ во Владимірѣ и Суздалѣ 1333 руб. Правда, не всѣ эти деньги издерживались на жалованье учащаго персонала, такъ какъ впослѣдствіи изъ нихъ положено было 110 руб. пересылать на содержаніе Переславскаго училища Однако, судя по сохранившемуся росписанію жалованья служащимъ при семинаріи за первую треть 1800 г., учительскіе оклады значительно повысились. Именно, ректору за четыре мѣсяца положено было выдать 66 р. 66½ коп., учителю философіи 60 руб., учителю риторики 33 руб. 33⅓ коп., учителю синтаксимы и грамматики 30 руб., учителю инфимы и аналогіи 20 р., учителю нѣмецкаго языка 26 р. 66½ коп. [5]).

На отопленіе семинарскихъ покоевъ въ 1787 г. издержано было 110 руб. Какъ на особенность этого времени, можно указать на заготовку дровъ не саженями, а цѣлыми деревьями. О цѣнѣ, существовавшей тогда на деревья, можно составить представленіе на основаніи того, что въ 1784 г. за 80 деревъ сошнику заплачено 8 р. 25 коп. и за 176 деревъ березняку 8 р. 40 к. За перерубку этихъ деревьевъ платилось отъ 18 до 20 коп. съ сажени [6]). Въ случаѣ заготовки дровъ саженями (съ доставкою, конечно, на мѣсто) осиновыя дрова обходились семинарской эко-

[1]) Арх. консист. Опись дѣлъ. 1780 г., сент. 28, № 4931.
[2]) Арх. консист. Книга исходящ. дѣлъ. 1791 г., мартъ 26, № 619.
[3]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1795 г., мартъ 2, № 622.
[4]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1793 г., янв. 17, № 51.
[5]) Арх. семин. 1800 г.
[6]) Арх. семин. Семин. документы за 1784 г., л. 37.

номіи ок. 60 коп. саж., а березовыя до 1 р. 10 коп.[1]). Въ 90-хъ годахъ, когда семинарія, вслѣдствіе увеличенія учениковъ, переживала тяжелое время въ экономическомъ отношеніи, еп. Викторъ положилъ на покупку дровъ для семинаріи издерживать приблизительно до 200 руб. въ годъ[2]).

За вычетомъ указанныхъ расходовъ по содержанію учениковъ, жалованью служащимъ, отопленію и освѣщенію семинаріи, остатокъ штатной суммы шелъ на ремонтъ семинарскихъ зданій и пополненіе библіотеки книгами. До перенесенія семинаріи въ Суздаль сравнительно крупныя затраты понесла семинарская экономія въ 1785 г. по перестройкѣ и приспособленію семинарскихъ покоевъ для квартиръ новоназначенныхъ ректора и префекта. „Въ покояхъ, гдѣ по приказанію вашего преосвященства я живу, писалъ 29 апрѣля 1785 года префектъ Евгеній, рамы у оконницъ весьма ветхи, почему могутъ легко отъ вѣтру и съ стеклами изломаться; да въ тѣхъ же покояхъ сдѣланная перегородка изъ тесу въ разсужденіи прочихъ каменныхъ отбѣленныхъ стѣнъ дѣлаетъ безобразіе всѣмъ покоямъ, а въ зимнее время не можетъ тепла держать“[3]). Каникулярное время 1785 г. было посвящено въ силу этого доношенія внутренней передѣлкѣ семинарскихъ зданій. Въ отчетной вѣдомости объ этомъ каникулярномъ ремонтѣ въ числѣ другихъ расходовъ скромно пріютилась издержка въ 25 коп. „за забранное лѣкарство для учениковъ въ аптекѣ“[4]). Въ слѣдующемъ году началась капитальная перестройка семинарскихъ зданій снаружи, по доношенію ректора и префекта. По ихъ словамъ, „на семинарскихъ покояхъ кровля весьма обветшала и во многихъ мѣстахъ происходитъ во время дождей течь, отъ чего, а при томъ и отъ давняго построенія, и накаты какъ верхніе, такъ и нижніе нѣкоторые немало повреждены, а другіе и совсѣмъ прогнили“. Изъ другого ихъ донесенія узнаемъ, что „на семинарскихъ покояхъ снаружи во многихъ какъ въ карнизахъ, такъ и въ гладкихъ мѣстахъ кирпичи выбиты и подмазка обвалилась“ и что „при семинаріи для пріуготовленія пищи кухни не имѣлось“[5]). Починка всѣхъ этихъ ветхостей продолжалась въ теченіе всего 1786 и 1787 года.

Въ Суздалѣ семинарія помѣстилась частію въ архіерейскомъ домѣ, частію въ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ. Классъ философ-

---

[1]) Арх. семин. Семин. документы за 1785 г., л. 53 и Приходо-расходная книга за 1787 г.

[2]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1793, 17 янв., № 51.

[3]) Арх. семин. Семин. документы за 1785 г., л. 68.

[4]) Арх. семин. Семин. документы за 1786 г., л. 48.

[5]) Тамъ же, лл. 68 и 34.

скій помѣщался въ архіерейскомъ домѣ, риторика и низшіе классы въ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ. Въ какомъ изъ этихъ двухъ мѣстъ помѣщалась богословія, сказать трудно; кажется, что тоже въ Спасскомъ монастырѣ [1]). Мѣста, занятыя классами семинаріи, нужно было поддерживать, конечно, въ счетъ семинарскихъ суммъ. Въ 1793 г. Викторъ велѣлъ на починку печей, оконницъ, на бумагу, чищеніе трубъ и прочія потребности отпускать ежегодно до 50 руб. Но этимъ расходы по содержанію семинарскихъ помѣщеній, понятно, не исчерпывались. Для починки печей, оконницъ и пр. требовались прежде всего матеріалы, и относительно то этихъ матеріаловъ ректоръ Евгеній и дѣлалъ запросъ въ своемъ докладѣ Виктору. Не находя возможнымъ что-нибудь отпустить на этотъ предметъ особо, такъ какъ семинарская сумма распредѣлялась и безъ того слишкомъ экономно по другимъ статьямъ, еп. Викторъ отнесъ эти расходы въ счетъ остатковъ, которые могутъ образоваться въ томъ случаѣ, если въ теченіе извѣстнаго года не будутъ покупаться грамматики и не будутъ доставлены какія-нибудь „случайно посылаемыя книги" [2]). Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ семинарскія помѣщенія представляли едва ли приличный видъ.—Что касается до Владимірскихъ зданій, опустѣвшихъ съ переходомъ семинаріи въ Суздаль, то они не остались долго безъ обитателей. Въ „каменной семинаріи" (она находилась приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ корпусъ епархіальнаго общежитія) помѣстилось открытое въ 1790 г. Владимірское училище. На наставниковъ его въ числѣ другихъ обязанностей возложенъ былъ надзоръ за пустовавшими „деревянными покоями". При скудныхъ средствахъ, которыми располагало училище, участь зданій, ввѣренныхъ его попеченію, не могла быть, понятно, завидною. Въ мартѣ 1793 г. учитель Владимірскаго училища Ѳеодоръ Новоселовскій доносилъ Владимірскому духовному правленію, что въ „порученныхъ его смотрѣнію деревянныхъ покояхъ" усмотрѣлъ онъ въ наугольномъ къ рѣкѣ Клязьмѣ зданіи „изъ потолка желѣзная полоса и съ болтами желѣзными выдрана и унесена, а кѣмъ и когда похищеніе сіе учинилось, неизвѣстно". Въ маѣ мѣсяцѣ того же года онъ снова писалъ: „въ минувшемъ апрѣлѣ усмотрѣно мною, что и другая желѣзная полоса и съ болтами пропала и съ трехъ дверей крюки и петли отодраны, о чемъ словесно было только объявлено; но какъ не безъизвѣстно, что въ томъ же апрѣлѣ съ третьею желѣзною полосою въ тѣхъ же покояхъ пойманъ былъ и на съѣзжую отведенъ солдатъ Герасимъ Лепестевъ, то впредь для

[1]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1797 г., № 936.
[2]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1793 г., 17 янв., № 51.

вѣдома Владимірскому духовному правленію о семъ почтеннѣйше представляю" [1]). Неудивительно въ виду всего этого, что въ 1798 г. предъ переходомъ семинаріи изъ Суздаля снова во Владиміръ преосв. Викторъ писалъ въ Св. Синодъ: „въ покояхъ, гдѣ была семинарія, стѣны и двери повреждены и окончины побиты" [2]).

На восполненіе семинарской библіотеки книгами шли остаточныя средства за вычетомъ всѣхъ годовыхъ расходовъ. Такіе остатки семинарская экономія имѣла въ 80-хъ годахъ; но ихъ совершенно не было въ періодъ пребыванія семинаріи въ Суздалѣ, вслѣдствіе чего семинарская библіотека и въ правленіе Виктора мало обогатилась новыми книгами. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже.

ГЛАВА III.

Начальники семинаріи.—Іоаннъ Пѣвницкій.—Ректоръ Арсеній, Никандръ, Евгеній, Гедеонъ и Павелъ.—Префектъ Петръ Лебедевъ.—Наставники.—Награды и штрафы.

Послѣ перевода Авраамія Флоринскаго въ Борисоглѣбскій монастырь въ 1773 г. во Владимірской семинаріи въ теченіе 20 лѣтъ не было ректора. Нѣкоторое время во главѣ семинаріи стоялъ префектъ Ѳеофилактъ. Въ 1781 г. такое же мѣсто занялъ игуменъ Порфирій; но онъ оставался префектомъ всего три мѣсяца. Съ его выходомъ исправленіе префектовской должности съ правами Ѳеофилакта вручено было Іоанну Пѣвницкому. Это была личность, пользовавшаяся высокимъ положеніемъ и значеніемъ какъ при Іеронимѣ, такъ особенно при Викторѣ. Значительная часть важныхъ епархіальныхъ дѣлъ конца прошлаго столѣтія связана съ его именемъ. Школьный курсъ Пѣвницкій прошелъ во Владимірской семинаріи, гдѣ обучался 8 лѣтъ, изъ которыхъ два года слушалъ философію. Эти два года совпали съ послѣдними годами пребыванія во Владимірской семинаріи ректора Авраамія. Въ 1773 г. его опредѣлили учителемъ низшихъ школъ инфимы и аналогіи и посвятили (1774 г.) во діакона. Затѣмъ для Пѣвницкаго началось обычное повышеніе изъ низшихъ классовъ въ высшіе. Въ 1776 г. онъ опредѣленъ былъ учителемъ грамма-

---

[1]) Арх. консист. 1793 г., № 6423. „По объявленію Владимірскаго духовнаго училища учителя Ѳеодора Новоселовскаго, коимъ донесъ, что въ древяныхъ покояхъ съ лѣвой стороны къ Клязьмѣ желѣзная полоса и съ болтами желѣзными неизвѣстно кѣмъ похищена".

[2]) Арх. консист. Указы 1798 г., л. 351.

тики и синтаксимы, 1778 г. учителемъ школы піитики и произведенъ во священники, въ 1781 г. учителемъ піитики и риторики и произведенъ къ Вязниковскому Казанскому собору въ протопопа (съ оставленіемъ при учительской должности), а въ январѣ 1782 г. назначенъ исправляющимъ префектовскую должность. За отсутствіемъ ректора, онъ сталъ во главѣ семинаріи и служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ между нею и владыкою. При еп. Викторѣ Пѣвницкій возвысился еще больше. Въ 1784 г. его перевели къ Владимірскому каѳедральному собору протопопомъ и назначили присутствующимъ консисторіи. Въ началѣ 1785 г., съ назначеніемъ новаго ректора и префекта, Пѣвницкій семинарію оставляетъ, но не навсегда. Съ открытіемъ въ 1790 г. во Владимірѣ училища, его назначили надзирателемъ Владимірскаго училища. Въ концѣ 1796 г. училище было закрыто, а съ возстановленіемъ его въ 1797 г. Пѣвницкій опредѣленъ былъ въ немъ префектомъ и риторики учителемъ. Въ 1798 году, когда состоялся переходъ части Суздальской семинаріи во Владиміръ, протоіерею Пѣвницкому велѣно было вступить въ должность учителя философіи при семинаріи и исправлять префектовскую должность. Вмѣстѣ съ тѣмъ его утвердили въ званіи присутствующаго Суздальской консисторіи [1]. Такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ разнохарактерныхъ должностей невыгодно отражалось на учебно-воспитательномъ дѣлѣ, которое поручено было Пѣвницкому, и Пѣвницкій почувствовалъ это самъ. 2 мая 1799 г. онъ просилъ Виктора уволить его отъ должности учителя философіи, такъ какъ заниматься ею, за присутствіемъ въ консисторіи, онъ не можетъ. Но еп. Викторъ безгранично вѣрилъ Пѣвницкому и цѣнилъ его, вслѣдствіе чего въ своей резолюціи отклонилъ его просьбу, сославшись на недостатокъ учителей, способныхъ къ преподаванію философскаго класса. Семинарское правленіе, которому сообщена была резолюція владыки, извѣщая о полученіи ея, замѣтило, что Суздальской семинаріи префектъ Іоаннъ до времени можетъ преподавать философскія науки, но званіе префекта носитъ безъ причины, не потому, что незаконно сдѣланъ префектомъ, а оттого, что, за присутствіемъ въ консисторіи, не исполняетъ обязанностей префекта. Такое замѣчаніе семинарскаго начальства, сдѣланное въ рапортѣ какъ бы мимоходомъ, вызвало гнѣвъ Виктора, поскольку оно можетъ быть дѣйствительно подчеркивало слишкомъ большое довѣріе, которымъ пользовался у владыки Пѣвницкій. „Разсматривая рапортъ семинарскаго правленія, писалъ преосв. Викторъ, я нахожу, что онъ написанъ въ

---

[1] Арх. семин. Семинарскія вѣдомости за 1798 г.

противность узаконенной формѣ, которою запрещено въ рапортахъ о полученіи указовъ болѣе ни о чемъ писать, какъ только о томъ дѣлѣ, о чемъ полученъ указъ; въ рапортѣ же семинарскаго правленія за однимъ подписаніемъ ректора въ противность сего закона включаются поносительныя слова, относящіяся къ укоризнѣ консисторіи и мнѣ, за каковый неосновательный его ректора не въ первой уже разъ поступокъ слѣдовало бы взыскать съ него положенный штрафъ, но въ надеждѣ его ректора впредь осторожности и исправленія оный оставить, рапортъ же написать вновь"... Въ объясненіи ректоръ Павелъ ссылался на то, что новоучрежденное семинарское правленіе не успѣло еще завести означенной формы о рапортахъ, что никакой укоризны въ рапортѣ въ сущности не было, такъ какъ законность поставленія Пѣвницкаго префектомъ нисколько не отрицалась, и что впредь, если кто будетъ носить одно имя безъ выполненія должности, то семинарское правленіе не преминетъ, куда слѣдуетъ, представить особый докладъ „безъ всякой укоризны консисторіи и его преосвященству". Тѣмъ не менѣе Пѣвницкій самъ почувствовалъ свое ложное положеніе и вторично подалъ просьбу. 2 іюня 1799 г. еп. Викторъ велѣлъ протоіерея Пѣвницкаго за присутствіемъ въ консисторіи и исправленіемъ другихъ должностей по собору и депутатству отъ преподаванія философскаго класса уволить [1]). Высочайшимъ указомъ отъ 24 февраля 1800 г еп. Викторъ былъ отрѣшенъ отъ епархіи. Одновременно съ этимъ дано было распоряженіе объ отрѣшеніи отъ консисторіи всѣхъ присутствовавшихъ въ ней. Въ числѣ ихъ былъ отрѣшенъ и Пѣвницкій [2]). Въ этомъ году кончилось время его власти и вліянія. Скончался Пѣвницкій 1825 г. и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ.

Пѣвницкій, какъ указывалось выше, въ 80-хъ годахъ не былъ начальникомъ школы въ собственномъ смыслѣ. Дѣйствительные начальники прибыли во Владиміръ въ 1785 г. Именно, въ началѣ 1785 г. вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей по семинаріи назначенный сюда Св. Синодомъ ректоръ архимандритъ Арсеній Тодорскій. О мѣстѣ его образованія ничего неизвѣстно. Можно думать, что учился онъ въ Московской академіи. Въ 1773 г. Арсеній опредѣленъ былъ въ Спасскій Коломенскій монастырь игуменомъ; 6 апрѣля переведенъ настоятелемъ въ Голутвинъ; въ 1784 г. назначенъ въ Цареконстантиновъ съ тѣмъ, чтобы быть и ректоромъ Владимірской семинаріи. По прибытіи въ семинарію,

---

[1]) Арх. консист. 1799 г., № 10211. „Объ увольненіи Владимірскаго Успенскаго собора протоіерея Іоанна Пѣвницкаго отъ учительской должности".

[2]) Арх. консист. 1800 г., № 11154. „Объ опредѣленіи во Владимірскую епархію преосв. Ксенофонта".

Арсеній открылъ богословскій классъ и самъ лично сталъ читать лекціи по богословіи [1]). Такимъ образомъ, только 35 лѣтъ спустя по основаніи Владимірская семинарія дождалась того, что въ ней открылись всѣ классы. Впрочемъ, въ такомъ положеніи Владимірская семинарія оставалась недолго. Со второй половины 1787 г. богословскій классъ пришлось снова закрыть по недостатку подготовленныхъ слушателей. Высшимъ классомъ по прежнему остался философскій. Въ такомъ видѣ Владимірская семинарія и соединилась съ Суздальской. Съ закрытіемъ богословскаго класса, Арсеній сталъ читать греческій языкъ. Судя по тому, что большая часть сохранившихся докладовъ, замѣтокъ объ ученикахъ, о пособіи имъ, о жалованьи писаны отъ имени префекта Евгенія, а нѣкоторыя и рукою его, можно думать, что Арсеній мало входилъ въ семинарскія дѣла и что фактическимъ начальникомъ семинаріи при немъ былъ скорѣе Евгеній. Да Арсеній притомъ и недолго оставался во Владимірской семинаріи. 30 іюня 1788 г. его перевели въ Ростовскій Борисоглѣбскій монастырь, 22 мая 1792 г. въ Троицкую Петергофскую пустынь, 16 декабря того же года въ Бѣлозерскій Кирилловъ, 21 іюня 1796 г. въ Юрьевскій, а 15 августа того же года онъ былъ хиротонисованъ въ епископа Вологодскаго. Скончался 1802 г. 15 іюня [2]).

Префектъ Евгеній прибылъ во Владиміръ одновременно съ Арсеніемъ. Мірское имя его было Емельянъ Романовъ. Обучался въ Новгородской семинаріи. 1776 г. постриженъ въ монашество. 1784 г. назначенъ учителемъ Олонецкой семинаріи; отсюда игуменомъ Боголюбова монастыря и префектомъ Владимірской семинаріи. Вмѣстѣ съ исправленіемъ должности префекта на его обязанности лежало чтеніе уроковъ по философіи. О роли Евгенія въ семинаріи говорилось уже выше. Здѣсь можно упомянуть о томъ значеніи, какое имѣлъ префектъ Евгеній для студента философіи будущаго графа Михаила Сперанскаго. Евгеній полюбилъ Михайла Михайловича за его природныя дарованія и взялъ къ себѣ въ келейники. Впослѣдствіи Сперанскій въ своихъ письмахъ къ Евгенію неоднократно упоминалъ объ этой любви Евгенія къ нему, „какъ къ воспитаннику, коего счастье онъ началъ и коего успѣхами привыкъ заниматься“ [3]). Въ новомъ званіи для Сперанскаго открылась и новая пища для его любознательности, такъ какъ подъ руками у него была библіотека Евгенія, восполнявшая недочеты скудной библіотеки семинарской.—Префектомъ остался Евгеній и послѣ того, какъ семинарія Владимірская соединена была съ Суздальскою. Ректоромъ соединенной Суздальской семи-

[1]) Арх. семин. Семинар. документы за 1785 г., л. 36.
[2]) Свѣдѣнія объ Арсеніи заимствованы у Строева „Списки іерарховъ“...
[3]) Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. 1861. стр. 15, прим.

наріи и богословіи учителемъ первоначально назначенъ былъ архимандритъ Никитскаго Переславскаго монастыря Никандръ, бывшій ректоромъ семинаріи Переславской [1]. Но онъ эту должность исправлялъ недолго, такъ какъ вскорѣ былъ вызванъ на чреду въ Петербургъ. Въ концѣ 1788 г. учителемъ богословіи сдѣланъ былъ префектъ Евгеній, а указомъ Св. Синода отъ 6 марта 1789 г. велѣно было „находящагося въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія Владимірскаго Цареконстантинова монастыря архимандрита Никандра опредѣлить Рязанской епархіи во второклассномъ монастырѣ Солотчинскомъ настоятелемъ, а на его мѣсто Цареконстантиновымъ архимандритомъ произвесть Боголюбова монастыря игумена и семинаріи префекта Евгенія въ разсужденіи обращенія его въ наукахъ и оказанныхъ въ учительской и другихъ должностяхъ заслугъ" [2]). Вскорѣ Евгеній занялъ мѣсто и ректора Суздальской семинаріи. Въ концѣ 1790 г. его вызвали на чреду священнослуженія въ Петербургѣ [3]). Семинарія осталась какъ безъ ректора, такъ и безъ префекта. Классъ богословіи оставался тоже незанятымъ. Временно преподаваніе богословіи передано было игумену Митрофану (Боголюбова монастыря?), котораго смѣнилъ вскорѣ проповѣдникъ и катихизаторъ Дмитрій Тихонравовъ [4]). Исправленіе префектовской должности поручили соборному протоіерею Алексѣю Смирнову. Изъ Петербурга Евгеній возвратился лишь въ началѣ 1792 г. [5]) и дѣятельно занялся семинарскими дѣлами. А они въ то время требовали большого вниманія. Зданія нуждались въ починкѣ. Семинарія была переполнена учащимися, а средствъ для содержанія такого количества людей не имѣлось. По докладу Евгенія исключены были изъ семинаріи прежде всего совершенно малоуспѣшные: имъ велѣно было пріискивать церковнослужительскія мѣста. Изъ низшихъ классовъ многіе ученики переведены были въ училища на содержаніе родителей. Точно опредѣлена была предѣльная величина той суммы, какую семинарская экономія изъ двухъ тысячъ могла отпускать на содержаніе нуждающихся учениковъ. Этимъ семинарскій бюджетъ былъ гарантированъ отъ возможныхъ дефицитовъ и недостачъ по другимъ статьямъ. Вообще, Евгеній принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уврачевать тѣ недочеты семинарскаго хозяйства, которые вызваны были соединеніемъ въ одну трехъ самостоятельныхъ до того времени семинарій. Къ сожалѣнію только, такая дѣятель-

[1]) Арх. консист. Указы 1788 г., іюль 30.
[2]) Тамъ же. 1789 г.
[3]) Историческая записка прот. Дмитрія Смирнова, см. Влад. Епарх. Вѣд. 1874 г., № 20, стр. 1019 слл.
[4]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1791 г., 10 сент., № 2246.
[5]) Тамъ же. 1792 г., февр. 11, № 162.

ность его во Владимірской семинаріи продолжалась недолго. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1794 г. былъ заслушанъ въ консисторіи указъ о переводѣ Евгенія въ Борисоглѣбскій Ростовскій монастырь съ назначеніемъ ректоромъ Ярославской семинаріи [1]) и на указѣ резолюція еп. Виктора о томъ, чтобы „семинарію поручить въ смотрѣніе учителю философіи Петру Лебедеву, которому и богословію преподавать впредь до разсмотрѣнія и надъ учителями и учениками неослабно наблюдать, чтобы первые въ свое время входили въ классы и обучали учениковъ рачительно, а послѣдние не чинили шалостей, дабы отъ того не произошло какихъ-нибудь неустройствъ“ [2]) .

Петру Лебедеву суждено было играть видную роль въ исторіи Владимірской семинаріи до самаго перевода ея изъ Суздаля во Владиміръ. Порученіе семинаріи въ его вѣдѣніе готовило преосв. Виктору не мало хлопотъ и непріятностей. Образованіе Лебедевъ получилъ въ Троицкой семинаріи, гдѣ слушалъ и богословіе. Въ 1783 г. онъ назначенъ былъ въ Суздальскую семинарію, (еще до соединенія ея съ Владимірскою) учителемъ поэзіи и греческаго языка, на коемъ могъ говорить. Въ 1784 г. переведенъ въ философскій классъ. Въ 1786 году Лебедева сдѣлали префектомъ семинаріи, и эту должность онъ исправлялъ до соединенія трехъ семинарій въ одну [3]). О дѣятельности Лебедева по облеченіи его высшею властью смотрѣнія за учителями и учениками извѣстно изъ архивныхъ документовъ очень мало. Мы знаемъ только, что въ іюнѣ 1794 г. имъ представлено еп. Виктору росписаніе церковныхъ чтеній, которыя должны были исправлять семинаристы въ церквахъ ближайшихъ къ ихъ квартирамъ подъ надзоромъ священниковъ этихъ церквей, въ виду того, что нѣкоторые изъ семинаристовъ оказались неисправными въ чтеніи церковной печати [4]), а въ іюлѣ того же года подано прошеніе „о награжденіи его, Лебедева, за десятилѣтнее преподаваніе философіи и исправленіе прочихъ должностей для ободренія и подкрѣпленія силъ его къ прохожденію учительскаго званія чиномъ“ [5])

Между тѣмъ преосв. Викторъ подыскалъ кандидата къ замѣщенію ректорской должности. Выборъ его палъ на недавно передъ

[1]) Изъ Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря Евгеній въ 1795 г. переведенъ былъ въ Новоторжскій Борисоглѣбскій. 1798 г. опредѣленъ ректоромъ Тверской семинаріи, 1799 г.—архимандритомъ Троицкаго Колязинскаго монастыря. 1800 г. хиротонисованъ въ епископа Костромскаго. Скончался 9 декабря 1811 г. См. Списки архіереевъ... № 188.

[2]) Арх. консист. Журн. консист. 1794 г., мартъ 6, № 1.

[3]) Арх. семин. Семин. вѣдомости за 1797 г.

[4]) Арх. консист. Журн. консист. іюнь 7, № 10.

[5]) Тамъ же, 28 іюля, № 13. По этому прошенію Лебедева наградили чиномъ коллежскаго регистратора.

этимъ переведеннаго въ Цареконстантиновъ монастырь архимандрита Гедеона Замыцкаго, заявившаго уже себя на учебномъ поприщѣ, хотя съ прошлымъ нѣсколько подозрительнымъ. Учился Гедеонъ въ той же семинаріи, что и Лебедевъ, и по курсу былъ только нѣсколькими годами его старше. По окончаніи семинаріи въ 1776 г., Замыцкій опредѣленъ былъ тамъ же учителемъ еврейскаго и греческаго языка. Постриженъ въ монашество въ 1778 г. Въ 1782 г. переведенъ въ Московскій Перервинскій монастырь настоятелемъ, а въ слѣдующемъ году Крестовоздвиженскимъ игуменомъ. Въ 1785 г. произведенъ архимандритомъ въ Казанскій Спасо-Преображенскій монастырь. Въ 1790 г. переведенъ въ Свіяжскій монастырь; былъ на чредѣ священнослуженія въ Петербургѣ и съ 1787 г. состоялъ ректоромъ Казанской академіи. Въ 1793 г. отказался отъ должности ректора. Въ 1794 г., по бытности его въ Свіяжскомъ монастырѣ настоятелемъ и Казанской консисторіи присутствующимъ, за неповиновеніе начальству и прочіе противные закону проступки отрѣшенъ какъ отъ присутствія въ консисторіи, такъ и отъ настоятельства въ Свіяжскомъ монастырѣ и переведенъ во Владимірскій Цареконстантиновъ [1]). На немъ то и остановилъ свое вниманіе еп. Викторъ, хотя въ виду небезупречнаго его прошлаго не рѣшился сразу поставить его ректоромъ семинаріи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1795 г. преосв. Викторъ поручилъ ему преподавать богословію и имѣть въ своемъ полномъ управленіи и распоряженіи всю семинарію, „но, какъ ему за учителями и учениками, добавилъ при этомъ владыка, усмотрѣть не можно, то въ помощь ему для наблюденія имѣть философіи учителя Лебедева, коему ради лучшаго за состояніемъ и поведеніемъ учениковъ присмотра выбрать искусныхъ цензоровъ, отъ которыхъ Лебедеву, ежедневно отбирая свѣдѣнія, рапортовать архимандриту" [1]). По истеченіи полугода, когда личность новаго завѣдующаго семинаріей нѣсколько опредѣлилась, Викторъ назначилъ его ректоромъ [2]), но въ тоже время не отмѣнилъ полномочій и обязанностей Лебедева. Создано было въ высшей степени неопредѣленное положеніе въ разграниченіи правъ и обязанностей ректора и его quasi помощника—префекта, и при недостаткѣ ревности къ своей должности со стороны того и другого, оно повело къ печальнымъ осложненіямъ и взаимнымъ пререканіямъ, которыми наполненъ весь періодъ ректуры Гедеона.

Первый выговоръ тотъ и другой получили по поводу погрома, произведеннаго семинаристами въ с. Красномъ. Дѣло про-

---

[1]) Арх. консист. Списки монашествующихъ за 1796 г.; Смирновъ. Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, стр. 507.

[2]) Арх. консист. Журн. консист. 1794 г., сент. 18, № 5.

[2]) Тамъ же. 1795 г., мартъ 15, № 2.

изошло такимъ образомъ. 24 мая 1795 г. до 15 человѣкъ семинаристовъ пришли въ загородный домъ его преосвященства, находившійся въ с. Красномъ, сбили „усильнымъ образомъ" у сѣнныхъ дверей замокъ, взошли въ покои, „въ которыхъ, дѣлая неустройства и нахальство, пѣли пѣсни и разбили стекляныя оконнчины, а по выходѣ изъ покоевъ, сѣвши самовольно въ лодку, катались по рѣкѣ". Штатные служители дома его преосвященства, усмотря все это, побѣжали было за ними, но семинаристы всѣ скрылись. Замѣченъ былъ только Терновскій. Одинъ изъ служителей Фирсъ Алексѣевъ пошелъ въ Суздаль, чтобы объявить о происшедшемъ преосвященному. Но на обратномъ пути семинаристы поймали его и били „тяжкими побоями", похваливаясь убить до смерти. Началось дѣло. По представленнымъ учителями запискамъ объ ученикахъ, отлучавшихся 24 мая, удалось открыть всѣхъ виновниковъ учиненнаго безпорядка. Проступокъ былъ дерзкій и чрезвычайно предосудительный, и Викторъ наложилъ строгую резолюцію. „Учениковъ риторики (участвовавшихъ въ погромѣ), по учиненіи при собраніи всѣхъ учениковъ нещаднаго наказанія, изъ семинаріи исключить и велѣть пріискивать мѣста въ свѣтской командѣ; низшихъ также наказать. Ректору за слабое смотрѣніе учинить наистрожайшій выговоръ. Учителя Лебедева, поелику ему по ввѣренной префектской должности надлежало имѣть, въ разсужденіи его жительства по свѣтскому состоянію въ городѣ, особое надзираніе, также и риторическаго учителя Соловьева, препятствующаго Лебедеву въ исправленіи ученическихъ нравовъ и за то имѣющаго съ нимъ ссору и что онъ съ учениками и самъ ходилъ тогда въ Красное село, дѣлая тѣмъ имъ поблажку, оштрафовать взысканіемъ съ каждаго по десяти рублевъ и употребить оные за купленныя въ семинарію книги; съ отцовъ названныхъ учениковъ, сыскавъ въ консисторію, за разбитыя ихъ дѣтьми оконнчины и лодку и за отбитую у служителя на дорогѣ шляпу взыскать, что по оцѣнкѣ слѣдовать будетъ и употребить на починку; прочимъ ученикамъ подтвердить, чтобы они въ Красное село ни для чего и ни подъ какимъ видомъ не ходили, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія". Впослѣдствіи строгость резолюціи была смягчена. Ученики риторики, участвовавшіе въ безпорядкахъ, послѣ тѣлеснаго наказанія были освобождены отъ отсылки въ свѣтскую команду, а Лебедевъ и Соловьевъ уволены отъ платы денежнаго штрафа. Мало того. Не извѣщали даже родителей и родственниковъ учениковъ о присылкѣ денегъ за испорченныя вещи, послѣ того какъ ученики дали обѣщаніе сами выплатить все [1]).

[1]) Арх. консист. Журналы консист. 1795 г., май 30, № 4; іюнь 22, № 10; іюль 18, № 6; сент. 7, № 33.

Другой выговоръ начальствующіе получили за самовольство, допущенное при переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой. Именно, переведены были ученики изъ риторики въ философію, проучившіеся въ риторикѣ всего 8 мѣсяцевъ, безъ всякаго испытанія и безъ всякаго на то дозволенія со стороны высшаго начальства. Преосв. Викторъ, до слуха котораго дошли свѣдѣнія о такомъ произволѣ, велѣлъ учениковъ изъ философскаго класса обратить назадъ въ риторическій, ректору передать выговоръ и предписаніе имѣть за учителями и учениками въ разсужденіи ихъ успѣховъ неослабное смотрѣніе, а того, кто осмѣлился сдѣлать такой непорядочный переводъ, оштрафовать взысканіемъ съ него 5 руб. Но неожиданно дѣло получило такія осложненія, которыхъ совершенно не могъ предвидѣть владыка. То своевольство, на которое такъ часто жаловался въ своихъ резолюціяхъ еп. Викторъ, дѣйствительно пустило въ семинаріи глубокіе корни, благодаря недостатку надзора и небрежности семинарскаго начальства. Выполнить требованіе владыки о возвращеніи въ риторическій классъ ученики отказались и упорно стояли на своемъ отказѣ даже тогда, когда Викторъ призвалъ ихъ къ себѣ и лично уговаривалъ подчиниться его опредѣленію. „Изъ чего, — писалъ преосв. Викторъ послѣ этого въ консисторію, — усматривается ихъ къ начальству неповиновеніе и крайняя дерзость, навлекающая и прочимъ ученикамъ разстройство, тѣмъ болѣе, что и здѣшній господинъ городничій, представлялъ неоднократно словесно, что ученики, а особливо философіи, шатаются по городу и по ночамъ дѣлаютъ разныя шалости и неустройства, которому главною причиною несмотрѣніе и безпечность учителя. Чего ради учениковъ, переведенныхъ нынѣ въ философскій классъ, изъ семинаріи исключить и впредь въ оную не принимать; учителя Лебедева, яко перваго въ непорядочномъ переводѣ участника и что онъ въ классъ ходитъ очень рѣдко и отъ того не только въ ученіи бываетъ успѣхъ малый, но и ученики приведены въ разстройство, оштрафовать пятью рублями и причислить къ семинарскому расходу, а ежели онъ на сіе не согласится, то велѣть ему пріискивать другого мѣста. Философскій классъ преподавать учителю Соловьеву, высшій же риторическій Смирнову“. Ученики, какъ и можно было ожидать, вслѣдствіе снисходительности Виктора и господствовавшей практики, допускавшей только въ рѣдкихъ случаяхъ исключеніе изъ семинаріи, были вскорѣ прощены „Учениковъ, въ учиненномъ ими предъ командою ослушаніи признавшихся, въ чаяніи, что они усерднымъ къ ученію прилежаніемъ и успѣхами наградятъ свой поступокъ, отъ штрафа свободить“, написалъ владыка чрезъ нѣсколько дней. Но тѣмъ не менѣе самый инцидентъ, надѣлавшій столько шума и безпокойствъ, надобно

было разобрать и выяснить. Дѣло тянулось долго, и только спустя полгода представленъ былъ Виктору допросъ, снятый съ Лебедева. На допросѣ Лебедевъ показалъ, что онъ означенныхъ въ дѣлѣ учениковъ переводилъ не самъ собою, а по письменнымъ отца ректора архимандрита Гедеона позволеніямъ, изъ коихъ нѣкоторыя онъ на допросѣ и предъявилъ, а о другихъ сказалъ, что, не предвидя такого случая, онъ ихъ не хранилъ, поелику и не ожидалъ судопроизводства. Послѣ такихъ показаній, подтвержденныхъ фактически, дѣло Лебедева приняло благопріятный для него исходъ. Взысканіе съ него денегъ велѣно было оставить, а архимандриту Гедеону, „который, не соблювъ правилъ, изображенныхъ въ Духовномъ Регламентѣ, въ каковое время учениковъ въ классы переводить, дѣлалъ оное по своему произволенію и не въ одно время, каковыхъ переводовъ чинить ему самому собою ни мало не слѣдовало, учинить за сіе строжайшій выговоръ, подтвердивъ при томъ, чтобы впредь отъ таковыхъ непорядочныхъ учениковъ въ классы переводовъ удержался". Хотя Лебедева по послѣдней резолюціи и освободили совершенно отъ штрафа и упрека, но очевидно, что въ дѣлѣ „о непорядочныхъ переводахъ учениковъ" и онъ былъ не безъ грѣха. По крайней мѣрѣ въ сентябрѣ 1796 г. Гедеонъ, возвращаясь снова къ старому вопросу, изъ-за котораго получилъ выговоръ, представилъ въ консисторію, что оный переводъ учениковъ учиненъ безъ воли и вѣдома его, архимандрита учителемъ философіи Петромъ Лебедевымъ [1]).

Разслѣдованіе о самовольномъ и незаконномъ переводѣ учениковъ риторики въ философскій классъ внесло духъ непріязни въ среду начальствующихъ Владимірской семинаріи, и послѣдующее время ректорства Гедеона представляетъ эпоху бурной борьбы его съ Лебедевымъ, обнаружившей много неустройствъ въ области семинарской жизни. Гедеономъ вскорѣ же послѣ полученія выговора отъ еп. Виктора сдѣлано было донесеніе на Лебедева, въ виду допущенныхъ имъ опущеній по части библіотеки (о чемъ будетъ сказано ниже), и подана жалоба на него въ томъ, что, „хотя ему, Лебедеву, указомъ велѣно быть помощникомъ ректора и каждодневно рапортовать о состояніи и поведеніи семинаристовъ, отбирая свѣдѣнія отъ цензоровъ на то уставленныхъ, но онъ, Лебедевъ, никогда ни въ чемъ къ нему не относится и по призывамъ его къ нему не является". На допросѣ Лебедевъ отвѣтилъ, что онъ указъ этотъ знаетъ и исполненіе по оному чинилъ, когда дѣла того требовали, а повседневно рапор-

---

[1]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., февр. 1, № 2; февр. 6, № 5; февр. 15, № 10, авг. 8, № 6; сент. 17, № 4.

товать за невозможное считаетъ, потому что ни дальность разстоянія, ни учительская должность сего исполнять не дозволяютъ; да и опредѣленные на то цензоры не всякій день ему, Лебедеву, о состояніи и поведеніи семинаристовъ доносятъ; по призывамъ его, ректора, онъ, Лебедевъ, не являлся токмо послѣ вакаціи, когда ректоръ должность помощника ограничилъ въ однихъ рапортахъ, что самое не только учитель, но и ученики исполнять могутъ и что несогласно съ волею его преосвященства, коему нерѣдко угодно было въ разсмотрѣніе семинарскихъ дѣлъ употреблять и его, Лебедева. Лебедеву послѣ такого показанія учинили публично въ консисторіи выговоръ за то, что „онъ ищетъ восхитить себѣ власть ректорскую и, не имѣя къ нему подчиненности, распространяетъ предѣлы своей должности выше опредѣленія его преосвященства“. Но при этомъ не могли не видѣть, что и ректоръ съ своей стороны стремится низвести своего помощника до роли, ничего незначущей въ семинарскомъ управленіи, и что сфера дѣятельности каждаго изъ нихъ требуетъ болѣе яснаго и точнаго распредѣленія и выясненія. По этой-то причинѣ, когда Лебедевъ чрезъ нѣсколько дней вступилъ къ владыкѣ съ прошеніемъ освободить его „отъ личныхъ ежедневныхъ архимандриту рапортованій“, то преосв. Викторъ начерталъ цѣлую систему организаціи семинарскаго управленія и надзора, отведя въ ней слѣдуемое мѣсто и помощнику ректора Лебедеву. „Для лучшаго соблюденія въ присмотрѣ за семинаріею порядка, опредѣлилъ владыка, быть Лебедеву префектомъ, а какъ ему одному порядочнаго поведенія учениковъ и о поступкахъ ихъ знать не можно, то опредѣлить честнаго поведенія изъ богословіи сеніора, а философіи—подсеніора и къ нимъ въ помощь цензоровъ по кварталамъ ученическихъ квартиръ до 12 или 15, которымъ и велѣть рапортовать по близости и способности каждое утро сеніору и подсеніору, а изъ нихъ первому — ректору, а послѣднему — префекту; сверхъ же цензоровъ, дабы они порядочно за учениками смотрѣли и исправно рапортовали учредить одного или двухъ надежныхъ фискаловъ, по разсмотрѣнію ректора и префекта, не давая объ именахъ ихъ никому изъ учениковъ знать. И ежели за кѣмъ усмотрѣны будутъ какія неблагопристойности и шалости, то ректору съ префектомъ разсматривать и общимъ совѣтомъ рѣшить, а въ случаѣ важныхъ какихъ обстоятельствъ относиться со мнѣніемъ ко мнѣ, въ прочемъ во всѣмъ поступать имъ по напечатанному въ Духовномъ Регламентѣ о домахъ училищныхъ и въ нихъ учителяхъ и ученикахъ предписанію подъ опасеніемъ за опущеніе строжайшаго взысканія“ [1]).

---

[1]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., окт. 1, № 26; нояб. 12, № 6; дек. 8, № 17.

Желаніе Лебедева сбылось. Его значеніе, какъ префекта, было реабилитировано, и при семинаріи возникло нѣчто въ родѣ семинарскаго правленія. Но и это не прекратило борьбы между нимъ и ректоромъ, порожденной личными счетами. Еще раньше процитованнаго выше опредѣленія, именно 22 октября 1796 г., предписано было указомъ изъ консисторіи ректору и Лебедеву проэкзаменовать учениковъ и, которые окажутся къ продолженію наукъ неспособными, представить къ владыкѣ на усмотрѣніе на тотъ конецъ, что изъ нихъ нѣкоторые, по причинѣ увеличенія учениковъ, обращены будутъ для ученія во Владимірское училище, а другіе за неспособностью будутъ пріискивать мѣста. Но наступилъ декабрь, а владыкѣ еще неизвѣстно было даже, экзаменованы ли уже ученики. Потребовали справокъ. Гедеонъ въ докладной запискѣ объяснилъ замедленіе тѣмъ, что Лебедевъ, проэкзаменововавъ учениковъ второго риторическаго класса, экзаменовать учениковъ прочихъ классовъ отказался, такъ что ему, ректору, пришлось самому экзаменовать и составлять списокъ малоспособныхъ учениковъ, отъ подписи на которомъ Лебедевъ неизвѣстно почему, долго отрекался. Почему Лебедевъ не экзаменовалъ учениковъ и почему отказался отъ подписи на реестрѣ (для чего требовалось, конечно, предварительно просмотрѣть его), изъ послѣдующаго не выясняется. Можно думать, что вслѣдствіе небрежности и обычной ему безпечности. Еп. Викторъ, который незадолго предъ тѣмъ снабдилъ Лебедева такими полномочіями, оставилъ этотъ его проступокъ безъ замѣчанія, тѣмъ болѣе, что въ то время шло болѣе важное разслѣдованіе о неисправностяхъ Лебедева по классу греческаго языка, о чемъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ [1]).

Но не прошло и полугода, какъ открылись новыя опущенія семинарскаго начальства, новые недосмотры, повлекшія за собою опять допросъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1796 г. были уволены изъ семинаріи нѣкоторые ученики. Въ докладѣ объ этомъ владыкѣ за подписомъ ректора и учителей значилось, что ученики эти исключены за нерадѣніе, неспособность къ ученію и дурное поведеніе; по представленіямъ же учителей за 1796 г. нѣкоторые изъ нихъ были рекомендованы, какъ учившіеся не худо и состоянія хорошаго. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1797 г. еп. Викторъ сдѣлалъ запросъ, чѣмъ объяснить это разногласіе и какъ дѣйствительно нужно смотрѣть на исключенныхъ учениковъ, которые безпокоили его своими просьбами? Дѣло было разслѣдовано, и въ заключеніе ректору

---

[1]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., дек. 5, № 1; дек. 19, № 9.

преподано внушеніе, чтобы онъ впредь представлялъ объ ученикахъ обстоятельно и вѣрно [1]).

Но это было мелочью въ сравненіи съ дѣяніями Лебедева, обнаружившимися около того же времени и возбуждавшими соблазнъ и насмѣшки со стороны учениковъ. „За префектомъ Лебедевымъ, — писалъ преосв. Викторъ въ консисторію 6 іюля, — многократно посылаемо было, чтобы онъ явился ко мнѣ для нѣкоторыхъ объясненій (вѣроятно, по дѣлу о сдачѣ библіотеки), но всегда посланные въ позднее время на квартирѣ его не заставали, а вчерашняго числа посланный за нимъ учитель Смирновъ ожидалъ его въ оной до полуночи, также и я самъ. Нынѣшняго же дня по утру хозяйка квартиры объявила ему, Смирнову, что Лебедевъ пришелъ уже на квартиру на разсвѣтѣ да и прежде онъ на квартирѣ въ разное время не ночевывалъ. Чего ради, сыскавъ его, Лебедева, въ консисторіи допросить, гдѣ онъ прежде и вчерашнюю ночь проводилъ даже за полночь и зачѣмъ такъ поздно и безвременно къ крайнему соблазну учительскому и семинарии?" Допрошенный Лебедевъ оправдывался тѣмъ, что сего 4 іюля до 2 часовъ ночи находился онъ, Лебедевъ, въ Спасскомъ монастырѣ въ библіотекѣ для разобранія книгъ, полагая въ тоже время и проходъ отъ онаго монастыря до его квартиры; по приходѣ былъ въ банѣ, гдѣ, по случившемуся ему припадку, пробылъ не менѣе часу, по выходѣ же изъ оной на квартирѣ своей въ покоѣ заснулъ; а ожидалъ ли его Смирновъ въ квартирѣ до полуночи, того онъ, Лебедевъ, не знаетъ". Призвали учителя Смирнова для очной ставки. Тотъ подтвердилъ прежнее и сослался на пристава консисторіи Петровскаго, въ присутствіи котораго ему хозяйка квартиры Лебедева объявила, что Лебедевъ пришелъ домой лишь на разсвѣтѣ. Положено было вызвать и допросить квартирную хозяйку. Допросъ состоялся не скоро. Объясняется это можетъ быть тѣмъ, что Лебедева около этого времени взяли подъ арестъ въ консисторію изъ-за волокитъ его при сдачѣ библіотеки. Показанія хозяйки Михайловой сопровождались неблагопріятными для Лебедева разоблаченіями. „Во время прихожденія учителя Смирнова означеннаго 4 іюля въ 9—11 часовъ по полудни, — показала она,—для зву къ его преосвященству онъ, Лебедевъ, находился дома, но какъ онъ былъ въ то время нѣсколько хмѣленъ, то она, Михайлова, его, Лебедева, въ домѣ не сказала". „Призвавъ Лебедева въ консисторію,—написано было на это Викторомъ,—учинить ему строжайшій за неявленіе по призывамъ къ начальству выговоръ, съ тѣмъ, что ежели впредь въ подобномъ сему проступкѣ окажется и въ тотъ же самый часъ, когда будетъ требо-

[1]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ 1797 г., № 946.

ванъ, не явится, штрафованъ быть имѣетъ взысканіемъ съ него пяти рублей на покупку въ семинарію книгъ" [1]).

Всѣ эти и подобные инциденты, свидѣтельствовавшіе о недостаткѣ дѣятельности со стороны семинарскаго начальства, упадкѣ дисциплины и деморализующимъ образомъ отзывавшіеся на ученикахъ, побудили еп. Виктора озаботиться пріисканіемъ новаго начальника для семинаріи. Такой начальникъ избранъ былъ въ лицѣ Павла, архимандрита Переславскаго Данилова монастыря. Архимандритъ Павелъ Предтеченскій обучался въ Ярославской семинаріи, въ которой, по окончаніи курса, былъ учителемъ до 1788 г. Въ 1786 г. принялъ монашество. Въ 1788 г. переведенъ въ С.-Петербургскую главную семинарію, гдѣ преподавалъ философію, исправлялъ должность префекта, по субботамъ же каждую недѣлю обучалъ Закону Божію лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка кадетовъ. Въ 1790 г. уволенъ по собственному его прошенію въ Тверскую епархію; тамъ съ начала 1791 г. преподавалъ въ Тверской семинаріи латинскую и русскую элоквенцію. Въ 1792 г. по указу Св. Синода опредѣленъ въ Московскую академію проповѣдникомъ, а въ 1795 г. префектомъ и философіи учителемъ. 9 августа 1797 г. произведенъ по указу Св. Синода въ Переславскій Даниловъ монастырь архимандритомъ, съ тѣмъ, чтобы въ Суздальской семинаріи преподавать богословіе и упражняться въ проповѣданіи и объясненіи Св. Писанія. Приходилось, такимъ образомъ, Гедеона освободить отъ преподаванія богословскихъ наукъ; преосв. Викторъ устранилъ его и отъ ректуры: указомъ отъ 6 сентября 1797 г. велѣно было архимандриту Гедеону остаться при управленіи Цареконстантинова монастыря, а ректоромъ семинаріи быть и богословскій классъ преподавать архимандриту Павлу [2]). А такъ какъ раньше указомъ Св. Синода повелѣвалось Павлу упражняться въ объясненіи Св. Писанія, то съ 27 сентября 1797 г. онъ и началъ въ каѳедральномъ Суздальскомъ соборѣ толкованіе на посланіе апостола Павла къ Римлянамъ. При объясненіи должны были присутствовать ученики богословіи, философіи и риторики; Суздальскіе граждане были оповѣщены о времени собесѣдованій особыми повѣстками [3]).

Съ назначеніемъ Павла ректоромъ семинаріи, прекращаются мало-по-малу всѣ неустройства, связанныя съ именемъ Лебедева. О какихъ-нибудь безобразіяхъ и шалостяхъ, подобныхъ приве-

---

[1]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1797 г., №№ 1093, 1168, 1460, 1990.

[2]) Арх. семин. Семин. вѣдомости за 1797 г.; книга входящихъ дѣлъ 1797 г., № 1555. Архимандритъ Гедеонъ въ 1800 г. переведенъ былъ изъ Цареконстантинова монастыря въ Тверской Колязинъ, гдѣ и скончался 7 іюня 1808 г. (См. Строева „Списки іерарховъ"...)

[3]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ. 1797 г., № 1602.

деннымъ выше, въ 1798 г. не слышимъ. Имя Лебедева отступаетъ на второй планъ, его служебная карьера была покончена. Съ переходомъ богословскаго и философскаго класса во Владиміръ, Лебедевъ остался въ Суздалѣ въ званіи префекта и учителя высшаго греческаго класса и латинской поэзіи. Учителемъ философіи и префектомъ во Владимірѣ сдѣланъ былъ, какъ мы знаемъ, протопопъ Іоаннъ Пѣвницкій. Въ 1799 г. Пѣвницкій отказался отъ преподаванія философскаго класса; Лебедева вызвали во Владиміръ и поручили ему философію, но только до присылки изъ Синода „достойнаго учителя". Лебедеву при этомъ владыка нашелъ нужнымъ подтвердить, „чтобы онъ о усовершенствованіи учениковъ прилагалъ особенное стараніе, а не такъ какъ прежде, рѣдко ходя въ школу, оказывалъ въ пользѣ ближнихъ безпечность и небреженіе" [1]). Философію во Владимірѣ Лебедеву суждено было преподавать недолго. 31 августа 1800 г., за назначеніемъ другого, онъ былъ снова низведенъ въ классъ элоквенціи и греческаго языка. 22 декабря того же года постриженъ въ монашество и переименованъ Платономъ. Скончался 1802 г. [2]). Отъ Лебедева сохранился въ фундаментальной библіотекѣ Владимірской семинаріи рукописный сборникъ литературныхъ произведеній на латинскомъ, греческомъ и русскомъ языкѣ. Большая часть ихъ въ стихотворной формѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ написаны имъ самимъ, другія переписаны [3]).

Учителями въ правленіе еп. Виктора состояли слѣдующія лица:

Кириллъ Добротольскій. Опредѣленъ учителемъ философіи во Владимірскую семинарію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1781 г. съ жалованьемъ по 10 руб. въ мѣсяцъ. По вступленіи на Владимірскую каѳедру Виктора, онъ занесъ ему жалобу въ удержаніи у него покойнымъ Іеронимомъ за нѣкоторые мѣсяцы положеннаго оклада. „Оныя же жалованныя деньги, писалъ онъ, оставлены не въ семинарской суммѣ, но взяты въ сумму его преосвященства; а какъ я въ нихъ самъ не росписывался, то не подписано ли въ расходной книгѣ собственной его преосвященства рукою, что онѣ мнѣ выданы, такимъ словомъ: вѣрно. Я не знаю, а думаю потому, что онъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ собственныхъ росписокъ

---

[1]) Арх. консист. № 10211.

[2]) Арх. семин. Семин. вѣдом. 1800 г.

[3]) Семин. библ. Отд. рукоп. На ряду съ литературными произведеніями здѣсь встрѣчаются по мѣстамъ замѣтки практическаго свойства, напр., рецептъ дѣлать запекательную водку, рецептъ составлять сабуръ, а въ одномъ мѣстѣ приведено даже нѣсколько сообщеній изъ газетъ того времени касательно неравныхъ бракахъ, рожденіи четверни и др.

подписывалъ самъ: вѣрно". Приказано было учинить справку [1]). Но деньги едва ли выдали Кириллу Добровольскому, такъ какъ удержаны онѣ, очевидно, были за пропускъ имъ учебнаго времени или за другія какія-нибудь провинности. Въ 1787 г. самъ преосв. Викторъ распорядился удержать за майскую треть жалованье у Кирилла Добровольскаго, въ то время учителя риторики. 2 іюня того же года Кириллъ Добровольскій по распоряженію еп. Виктора былъ совершенно „отмѣненъ" отъ учительской должности [2]). На основаніи одной резолюціи преосв. владыки отъ 1794 г. можно составить нѣкоторое представленіе о томъ, за что его уволили изъ семинаріи. „Дмитріевскій соборъ, написалъ Викторъ, сооруженный въ древности благовѣрными Владимірскими князьями, приходитъ нынѣ въ ветхость, ибо протопопъ того собора Кириллъ по должности своей не только не печется о поновленіи онаго опредѣляемою изъ получаемаго платежа за отдаваемую имъ съ церковнослужителями землю и покосы частнымъ людямъ въ владѣніе денежною суммою, но почасту обращается въ пьянствѣ и за тѣмъ исправляетъ служеніе весьма рѣдко и то только въ праздничные и высокоторжественные дни, отъ чего соборъ и лишился подаянія доброхотнодателей, яко нужнѣйшаго для поновленія и подкрѣпленія онаго средства, за что мною пастырски и во время пребыванія моего во Владимірѣ довольно увѣщаемъ былъ, чтобы онъ, оставя сей гнусной порокъ, житіе препровождалъ добропорядочное и старался должность свою проходить, какъ долгъ честнаго священника требуетъ; однако и нынѣ отъ пьянства, какъ видимъ изъ рапорта духовнаго правленія, не удерживается"... Въ виду всего этого Викторъ поручаетъ Дмитріевскій соборъ въ должный присмотръ протопопу Успенскаго собора Іоанну Пѣвницкому [3]). Въ 1798 г. Кириллъ Добровольскій по собственному желанію поступилъ въ Боголюбовъ монастырь въ число братства [4]).

Петръ Меморскій. Первый разъ упоминаніе о немъ встрѣчаемъ въ 1778 г. Онъ въ то время былъ діакономъ [5]). Въ приходо-расходной книгѣ за 1780 г. Меморскій значится учителемъ грамматики и піитики. Въ документахъ 1785 г. онъ уже именуется протопопомъ. Въ этомъ году, съ прибытіемъ новаго ректора и префекта, Меморскій оставилъ семинарскую службу и перешелъ къ Вязниковскому собору, при которомъ и числился, вѣроятно,

[1]) Арх. семин. Семин. документы за 1785 г., л. 2.

[2]) Отмѣтка М. М. Сперанскаго въ календарѣ 1786 г. См. Корфа Жизнь графа Сперанскаго, стр. 18 сл.

[3]) Арх. консист. Журналы консист. 1794 г., сент. 4.

[4]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1798 г., сент. 15, № 2560.

[5]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1798 г., мартъ 30, № 640.

протопопомъ. Съ открытіемъ въ Вязникахъ училища въ 1791 г., Меморскій поставленъ его надзирателемъ.

Феодоръ Туберовскій изъ воспитанниковъ Владимірской семинаріи. Въ 1784 г. исправлялъ инспекторскую должность. Въ 1785 г. слушалъ богословію у ректора Арсенія и былъ въ то же время учителемъ синтаксимы и грамматики [1]). Учебная служба Туберовскаго, кажется, окончилась съ переводомъ семинаріи въ Суздаль. Въ 1802 г. о немъ упоминается въ семинарскихъ документахъ, какъ о протопопѣ въ Меленкахъ [2]).

Василій Багрянскій тоже изъ питомцевъ Владимірской семинаріи; слушалъ богословію при Арсеніи. 16 сентября 1786 г. опредѣленъ учителемъ инфимы и аналогіи [3]). Какъ и Туберовскій, оставилъ службу учебную, кажется, въ 1788 г.

Егоръ Букконовъ. Въ 1780 г. діаконъ и учитель школы аналогіи. Выбылъ изъ семинаріи въ ноябрѣ 1785 г. на мѣсто протоіерея въ г. Починки [4]).

Дмитрій Тихомировъ. Обучался въ Троицкой семинаріи. Первый разъ о немъ упоминается въ приходо-расходной за 1787 г., изъ которой видно, что въ концѣ этого года учителю риторики Дмитрію Тихомирову выдано было на перевозъ скарба и наемъ квартиры 10 руб. [5]). Опредѣленъ онъ былъ на мѣсто уволеннаго Добровольскаго. Въ Суздалѣ ему поручили первоначально классъ грамматики, синтаксимы и катихизаторскую должность. Съ выѣздомъ Евгенія на чреду, Тихомирову передано было преподаваніе богословіи съ жалованьемъ по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ сверхъ оклада, опредѣленнаго за публичное проповѣданіе катихизиса [6]). Въ 1794 г. Тихомировъ перешелъ въ классъ риторики [7]). Въ 1797 г. подалъ прошеніе о постриженіи его въ монашество и вышелъ изъ семинаріи, такъ какъ за болѣзнью, какъ говорится въ памятникахъ, исправлять свою должность не могъ [8]).

Дмитрій Смирновъ протоіерей Воскресенской церкви г. Суздаля. Обучался въ Суздальской семинаріи съ низшихъ классовъ до богословіи, изъ которой слушалъ только одну догматическую часть. Въ сентябрѣ 1791 г. опредѣленъ учителемъ инфимы и аналогіи и низшаго греческаго класса. 1793 г. переведенъ въ грамматическій классъ; 1794 г.—синтаксическій; 1796 г.—ритори-

---

[1]) Арх. семин. Семинар. документы за 1786 г., л. 52.
[2]) Арх. семин. 1802 г., май 23.
[3]) Арх. семин. Семинар. документы за 1786 г., л. 105.
[4]) Арх. семин. Семин. документы за 1785 г., л. 122.
[5]) № 43.
[6]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ 1791 г., окт. 22, № 2561.
[7]) Арх. консист. Журн. консист., сент. 17, № 1.
[8]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1797 г., № 2148.

ческій. Въ ноябрѣ 1800 г. опредѣленъ Суздальскаго духовнаго училища надзирателемъ, а 1814 г. смотрителемъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Ему принадлежитъ „Историческая записка о состояніи духовныхъ училищъ въ г. Суздалѣ бывшихъ и нынѣ находящихся", о которой мы упоминали выше [1]).

Михаилъ Силецкій. До 1791 г. обучалъ въ инфимѣ и аналогіи, а въ 1791 г. перешелъ въ классъ грамматическій [2]). Въ декабрѣ 1793 г. опредѣленъ въ Юрьевъ къ Воскресенской церкви священникомъ [3]).

Иванъ Соловьевъ. До 1792 г. былъ учителемъ риторики [4]). Кажется, что онъ былъ изъ учителей прежней, собственно Суздальской семинаріи. Въ 1796 г., какъ довольно потрудившійся въ своей должности въ награжденіе заслугъ произведенъ въ протоіерея къ Юрьевскому собору [5]).

Соболевскій Дмитрій ученикъ Владимірской семинаріи. По окончаніи философіи поступилъ во Владимірское народное училище. Въ 1793 г. его опредѣлили въ семинарію учителемъ россійскаго класса, географіи и ариѳметики [6]). Въ 1795 г. Соболевскій вышелъ изъ семинаріи неизвѣстно куда. Частнѣе о немъ будетъ ниже.

Ѳеодоръ Тихонравовъ учитель россійскаго класса. Уволенъ отъ должности за переводомъ его учениковъ въ высшій классъ въ 1792 г. [7]). Въ томъ же году произведенъ во священники въ с. Любецъ Ковровской округи [8]).

Иванъ Вышеславскій обучался въ Суздальской семинаріи до философіи включительно. Въ 1789 г. по требованію митрополита Гавріила отправленъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Сперанскимъ въ Александроневскую семинарію, гдѣ обучался два года и слушалъ философію, ариѳметику, алгебру, геометрію, физику. Въ февралѣ 1791 г. посланъ въ Суздальскую семинарію учителемъ синтаксимы и математики. Въ 1794 г. обучалъ въ низшемъ риторическомъ классѣ, 1796 г.—среднемъ риторическомъ и 1797 г.—выс-

---

1) Влад. Епарх. Вѣдом. 1874 г., № 20, стр. 1019 ст. Свѣдѣнія о Смирновѣ заимствованы изъ его формулярнаго списка, помѣщеннаго въ семинарскихъ вѣдомостяхъ (1797—1813).

2) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ, сент. 24, № 2384.

3) Арх. консист. Тамъ же, дек. 3, № 2543.

4) Тамъ же, 1792 г., авг. 13, № 1103.

5) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., іюнь 30, № 1.

6) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ. 1793, № 884.

7) Арх. консист. Журн. консист. 1792 г., май 14, № 2.

8) Тамъ же, сент. 10, № 19.

шемъ. Въ концѣ 1798 г. Вышеславскій опредѣленъ къ Юрьевскому собору священникомъ [1]).

Гавріилъ Былинскій обучался во Владимірской семинаріи, а по упраздненіи ея въ Суздальской. Въ 1795 г. опредѣленъ на мѣсто Соболевскаго въ низшій классъ и для преподаванія географіи съ полученіемъ въ годъ по 50 руб. жалованья [2]). Въ 1796 г. переведенъ въ инфимическій классъ, съ тѣмъ, чтобы, кромѣ географіи, выбравъ учениковъ „способныхъ въ голосахъ", обучать ихъ нотному пѣнію съ жалованьемъ въ годъ по 80 руб. [3]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года сдѣланъ учителемъ синтаксимы и грамматики, а въ 1798 г. учителемъ низшаго риторическаго класса [4]). Съ переходомъ семинаріи во Владиміръ вышелъ.

Василій Лебедевъ обучался въ Суздальской семинаріи до первой части богословія. Въ 1793 г. опредѣленъ учителемъ инфимы и аналогіи. Въ 1796 г.—россійскаго класса. Вышелъ, кажется, въ с. Торчино во священника [5]).

Василій Глѣбовъ обучался въ Суздальской семинаріи до богословія включительно. Въ октябрѣ 1796 г. произведенъ во священника въ Суздальскій Покровскій монастырь. Въ февралѣ 1798 г. опредѣленъ въ Суздальскую семинарію учителемъ инфимы и аналогіи [6]).

Кромѣ перечисленныхъ наставниковъ, въ документахъ упоминаются: учитель россійскаго класса *Өеодоръ Бѣлилчевскій*, опредѣленный 1791 г. въ погостъ Борисоглѣбскій на священническое мѣсто [7]), и учитель информаторіи *Сергій Грачевъ*, опредѣленный въ 1791 г. священникомъ къ соборной Юрьевской церкви [8]).

Изъ приведеннаго можно видѣть, что наставники Владимірской семинаріи въ означенный періодъ набирались изъ своихъ же питомцевъ. Исключеніе представляютъ только Лебедевъ, Тихомировъ, Вышеславскій и Соболевскій. О командировкѣ кого-нибудь въ Троицкую лаврскую семинарію для обученія въ надежду мѣстнаго учительства не имѣемъ свѣдѣній. Вѣроятно, никого и не посылали. Причиною этому былъ, понятно, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, съ которымъ приходилось такъ ощутительно считаться Владимірской семинаріи въ періодъ пребыванія ея въ Суздалѣ.

---

[1]) Арх. семин. Семин. вѣдом. за 1797 г. Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ, дек. 17, № 3701.

[2]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1795 г., апр. 26, № 1021.

[3]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., сент. 17, № 1.

[4]) Арх. семин. Семин. вѣдомости за 1798 г.

[5]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., май 26, № 5.

[6]) Арх. семин. Семин. вѣдом. 1798 г.

[7]) Арх. консист. 1791 г. Книга входящ. дѣлъ, іюнь 25, № 1753.

[8]) Тамъ же, мартъ 4, № 739.

Ко времени вступленія еп. Виктора на каѳедру учительскія мѣста замѣщаемы были по преимуществу лицами, состоящими въ священномъ санѣ. Викторъ отдавалъ предпочтеніе свѣтскимъ и изъ нихъ холостымъ. Въ 1799 г. ректоръ Павелъ представилъ владыкѣ докладъ о замѣщеніи вакансіи, открывшейся съ выходомъ Вышеславскаго, и рекомендовалъ на мѣсто его священника Василія Глѣбова, состоявшаго уже учителемъ Суздальской семинаріи, на мѣсто Глѣбова учителя Переславскаго училища Ивана Николина, а на мѣсто послѣдняго студента богословіи Троицкой семинаріи Ивана Гурьева. На докладѣ Павла еп. Викторъ написалъ резолюцію такого содержанія. „Поступившіе въ учители Переславскаго училища священникъ Садиковъ и Иванъ Николинъ, а въ Суздалѣ при семинаріи священникъ Глѣбовъ, по недавнему ихъ къ учительской должности изъ учениковъ опредѣленію, въ знаніи латинскаго языка еще себя не усовершенствовали,—священники тѣмъ паче, что сверхъ учительской должности занимаются всегдашнимъ священнослуженіемъ, а нѣкоторые и мірскими требами; каковое ихъ въ свойствѣ латинскаго языка неусовершенствованіе усмотрѣлъ я изъ присланнаго ко мнѣ на Рождество Христово отъ Переславскихъ учителей привѣтствія, не заслуживающаго похвалы, почему и оставить ихъ при первыхъ должностяхъ. Подтвердить же имъ строжайше, чтобы для лучшаго знанія латинскаго языка упражнялись въ чтеніи лучшихъ авкторовъ. Ученикъ же Иванъ Гурьевъ обучался въ Лаврской семинаріи противъ прочихъ съ похвалою; да и мною въ проповѣданіи слова Божія замѣченъ имѣющимъ хорошія дарованія и способности и, будучи холостъ, удобнѣе можетъ, имѣя довольное время, заниматься чтеніемъ авкторовъ, нежели суетами мірскими обязанные для того,—опредѣлить его въ Суздаль на мѣсто Вышеславскаго“ [1]).

Оклады учительскіе, равно какъ и распредѣленіе каѳедръ всецѣло зависѣло отъ епархіальнаго архіерея. Ревностное прохожденіе службы поощрялось повышеніемъ оклада и переводомъ въ высшій классъ. Въ 1795 г. Гедеонъ донесъ Виктору, что студентъ богословіи Гавріилъ Былинскій успѣшно преподаетъ географію. „Ученика богословіи Былинскаго, написалъ преосв. Викторъ, опредѣлить на мѣсто Соболевскаго съ полученіемъ жалованья на первый случай въ годъ по 50 руб.; когда же стараніе приложитъ къ усовершенствованію себя въ той наукѣ и ученики похвальные окажутъ въ оной успѣхи, то за труды и награжденіе въ прибавкѣ жалованья послѣдуетъ“ [2]). Недостатокъ ревности въ исправленіи учительскихъ обязанностей наказывался во времена

---

[1]) Арх. консист. 1799 г., № 9797 „Объ опредѣленіи учителя въ Суздальскую семинарію изъ священниковъ и студентовъ“.

[2]) Арх. консист. 1795 г. Книга входящ. дѣлъ, апр. 26, № 1021.

Виктора денежными штрафами. Намъ извѣстно, что къ такому штрафу неоднократно присуждали Петра Лебедева. Вышеславскаго за неправильную рекомендацію учениковъ въ отчетной вѣдомости за 1796 г. Викторъ велѣлъ оштрафовать 5 рублями въ пользу бѣдныхъ учениковъ; но впослѣдствіи „въ разсужденіи бѣдности и семейства Вышеславскаго" отъ денежнаго штрафа разрѣшено было его уволить и, вмѣсто денежнаго взысканія, приказано было, по учиненіи ему въ консисторіи строжайшаго выговора, оштрафовать его положеніемъ въ каѳедральномъ соборѣ 300 земныхъ поклоновъ [1]). Съ 1798 г., по указу преосв. Виктора, стали вычитывать изъ жалованья учителей за нехожденіе въ школу по 5 руб. денежнаго штрафа за каждый разъ [2]). Въ случаѣ упорнаго неповиновенія приказаніямъ высшей власти учителя подвергались заключенію въ консисторіи на хлѣбъ и воду, какъ это мы увидимъ изъ исторіи сдачи библіотеки Лебедевымъ. Но изъ той же исторіи мы увидимъ и то, что Викторъ въ общемъ относился въ достаточной степени терпѣливо къ погрѣшностямъ учащихъ и старался больше дѣйствовать угрозами, чѣмъ наказаніями.

Изъ дѣлъ, относящихся къ правленію Виктора, открывается, что учителя были не только руководителями учениковъ своего класса въ области учебной, но и ихъ ближайшими воспитателями. Они обязаны были слѣдить за нравственностью своихъ питомцевъ и въ случаѣ какихъ-нибудь крупныхъ дисциплинарныхъ погрѣшностей со стороны послѣднихъ подвергались внушеніямъ. Въ концѣ года каждый учитель представлялъ подробный рапортъ владыкѣ съ увѣдомленіемъ о состояніи успѣховъ и поведенія учениковъ своего класса.

ГЛАВА IV.

Учебная часть.—Просвѣтительное движеніе Екатерининской эпохи.—Методъ народныхъ школъ.—Предметы семинарскаго курса: ординарные и экстраординарные.—Количество учениковъ.—Пріемъ ихъ въ школу, переводъ въ высшіе классы и исключеніе.—Переходъ въ высшія учебныя заведенія.—Библіотека.

Царствованіе Екатерины II явилось эпохой въ исторіи народнаго образованія. Съ него началось въ области просвѣщенія преобразовательное движеніе, вѣянія котораго коснулись и духовныхъ школъ. На эти школы Екатерина обратила вниманіе въ первый же годъ своего царствованія и въ своей инструкціи

---

1) Тамъ же, 1797 г., №№ 1033 и 1303.

2) Арх. консист. Книга исходящ. дѣлъ, янв. 21, № 98.

комиссіи о церковныхъ именіяхъ метко указала неудовлетворительность всѣхъ сторонъ семинарскаго быта. „Семинаристы нынѣшніе, писала она, обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучительныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ“. Въ инструкціи намѣчена была вкратцѣ и программа предполагаемой реформы. Семинарскій курсъ проектировалось расширить введеніемъ общеобразовательныхъ наукъ: математики, исторіи и географіи; ученикамъ рекомендовалось заниматься больше чтеніемъ книгъ. Особая комиссія, составленная для начертанія такого преобразованія духовныхъ школъ, представила свой проектъ въ 1766 г. на утвержденіе императрицы. Проектъ явился выраженіемъ современныхъ взглядовъ на просвѣщеніе лучшихъ людей того времени, притомъ же солидарныхъ съ просвѣтительными воззрѣніями императрицы. Проектъ не былъ утвержденъ Екатериной II, вслѣдствіе созванія комиссіи о составленіи новаго уложенія. Но основныя мысли его, служившія выраженіемъ современныхъ воззрѣній на образованіе, не остались безъ вліянія и безъ приложенія къ практикѣ школьной жизни [1]).

Въ связи съ этими просвѣтительными вѣяніями Екатерининской эпохи стоятъ и всѣ тѣ измѣненія, которыя замѣчаются въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ Владимірской семинаріи, начиная съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія. Въ сферѣ учебной измѣненія заключались отчасти въ методѣ преподаванія, а главнымъ образомъ въ восполненіи семинарскихъ наукъ нѣкоторыми общеобразовательными предметами, сопровождавшемся введеніемъ въ семинарскій курсъ руководствъ на русскомъ языкѣ. Въ 1785 г. Св. Синодъ, по желанію императрицы, издалъ указъ о введеніи у насъ въ духовныхъ школахъ метода школъ народныхъ, заимствованнаго тогда у нормальныхъ школъ австрійскихъ. Сущность этого метода состояла въ болѣе удачномъ выборѣ предметовъ, вводимыхъ въ кругъ народнаго образованія, и въ способѣ ихъ преподаванія приспособительно къ постепенному развитію воспитанника. Указъ Синода „о присвоеніи семинаріямъ къ преподаванію въ нихъ ученія образа для всѣхъ училищъ въ имперіи указаннаго“ получили во Владимірской семинаріи въ январѣ 1786 г. При немъ приложенъ былъ реестръ книгъ, посланныхъ во Владимірскую семинарію съ цѣлью примѣненія въ обученіи новаго метода, и семинаріи повелѣвалось отправить въ заведенныя по городамъ училища

[1]) Подробнѣе см. Духовныя школы... Знаменскаго, стр. 469—80.

надежныхъ учениковъ, которые бы, опытомъ употребленіе правилъ познавъ, могли, по возвращеніи оттуда, начать тотъ установленный порядокъ [1]). Во Владимірское губернское училище въ силу этого указа посланъ былъ для обученія Михаилъ Мещеринъ; но онъ вскорѣ взятъ былъ обратно для отправленія вмѣстѣ съ Иваномъ Ефебовскимъ въ С.-Петербургъ въ главное народное училище [2]). Мещерина во Владимірскомъ народномъ училищѣ замѣнилъ Егоръ Акципетровъ, къ которому присоединили впослѣдствіи Ивана Силецкаго. На содержаніе ихъ отпускалось изъ семинарской суммы по 12 руб. въ годъ; да кромѣ того за исправленіе письменныхъ дѣлъ при семинаріи они получали около 12 руб. каждый [3]). Куда поступилъ тотъ и другой по выходѣ изъ училища, неизвѣстно,—но только не въ семинарію. Нѣсколько позже посланъ былъ туда же Дмитрій Соболевскій. Въ 1792 г. ректоръ Евгеній подалъ докладъ Виктору о вызовѣ Соболевскаго изъ училища и о назначеніи его учителемъ низшаго (россійскаго) класса, дабы онъ, обучая читать и писать по русски и латыни, дѣлалъ краткія понятія о частяхъ рѣчи и началахъ латинскаго языка и и тѣмъ могъ облегчить трудъ аналогическаго учителя и способствовать скорѣйшему успѣху учениковъ [4]). Резолюціею его преосвященства предписано было объ ученикѣ Соболевскомъ требовать отъ народнаго училища извѣстія, чему онъ былъ обученъ и обучается и съ какимъ успѣхомъ? Въ концѣ іюня того же года послано было изъ Владиміра требуемое извѣстіе вмѣстѣ съ самимъ Соболевскимъ; но какого характера и содержанія оно было, неизвѣстно [5]). Въ іюлѣ 1793 г. Соболевскій былъ утвержденъ владыкою въ званіи учителя Суздальской семинаріи, при чемъ Викторъ распорядился впредь во Владимірское народное училище учениковъ изъ богословіи и философіи не посылать въ виду того, что семинарія имѣетъ теперь своего учителя, познакомившагося на практикѣ съ преподаваемымъ тамъ новымъ методомъ. Изъ народнаго училища Соболевскій взялъ нѣкоторыя нужныя книги для

---

[1]) Арх. консист. Журн. 1786 г., янв. 9, № 8.

[2]) Арх. семин. Семин. докум. за 1786 г., л. 98. При отправленіи въ Петербургъ Мещерина и Ефебовскаго для нихъ сшито было: двѣ шинели, два сюртука (sic!), два камзола, двое штановъ и куплено: два тулупа, двѣ пары сапогъ и по двѣ пары чулокъ, двѣ шапки подвязныхъ, двѣ пары рукавицъ съ варигами, двои кенги, два платка на шею и четыре пары рубахъ; да кромѣ того выдано прогонныхъ денегъ на двѣ лошади 40 руб. и на путевое содержаніе въ течеше 15 дней по 20 коп. на день каждому—всего 6 руб. (Тамъ же, л. 103). Въ такомъ же родѣ, конечно, были экипированы отправленные въ 1789 г. въ Петербургскую семинарію студенты Сперанскій и Вышеславскій.

[3]) Арх. семин. Приходо-расходная за 1787 г.

[4]) Арх. консист. Журн. консист. 1792 г., май 14, № 2.

[5]) Арх. консист. Журн. консист. 1792 г., іюнь 25, № 2.

преподаванія наукъ по новому методу, за которыя резолюціею Виктора велѣно было выдать изъ семинарскихъ суммъ 5 р. 42 к. [1]). Обучая россійскій классъ. Соболевскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ географіи [2]). Но онъ едва ли успѣлъ много сдѣлать въ смыслѣ закрѣпленія новаго метода во Владимірской семинаріи, такъ какъ въ 1795 г. уже не состоялъ учителемъ. Послѣ его ухода всякія толки о новомъ методѣ затихаютъ; такъ что съ этой стороны просвѣтительныя стремленія Екатерининской эпохи остались для Владимірской семинаріи больше въ области pia desideria. Но, если методъ нормальныхъ школъ не привился у насъ, что собственно и неудивительно, такъ какъ онъ былъ разсчитанъ на школы низшія народныя и не былъ приспособленъ къ преподаванію высшихъ предметовъ и уже взрослымъ, то за то семинарскій курсъ восполнился новыми общеобразовательными предметами, которыхъ не знала семинарія до Екатерининскаго времени. Общій составъ всего учебнаго курса Владимірской семинаріи въ 90-хъ годахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Богословія. Классъ богословскій открытъ во Владимірской семинаріи при ректорѣ Арсеніи въ 1785 г. 1787 г. былъ снова закрытъ. Съ переводомъ семинаріи въ Суздаль его дальнѣйшее существованіе было упрочено на все послѣдующее время. При ректорѣ Павлѣ учебнымъ руководствомъ по богословію служило „Compendium orthodoxae theologicae doctrinae“ Карпинскаго, издан. въ 1786 г. Составленіе и произношеніе проповѣдей въ церквахъ, для того назначенныхъ, составляло необходимую обязанность учениковъ этого класса. Въ 1787 г., когда богословскій классъ, за отсутствіемъ учениковъ, подготовленныхъ слушать богословію, былъ закрытъ, произношеніе проповѣдей лежало на обязанности воспитанниковъ философіи. Въ календарѣ Сперанскаго отмѣчено его рукою, что 6 іюня 1787 г. онъ говорилъ проповѣдь въ церкви Иліи пророка въ присутствіи его преосвященства. 22 августа того же года онъ говорилъ проповѣдь о томъ, для чего смерть еще въ мірѣ владычествуетъ, когда Христосъ уже ее побѣдилъ. 26 сентября говорена имъ же проповѣдь въ Рождественскомъ монастырѣ въ присутствіи архіерея о богословіи [3]).

Философія. Философія преподавалась по Баумейстеру изданія Каменскаго съ обычными поясненіями. Именно, какъ выражается отчетъ 1800 г., „при изъясненіи требующихъ подтвержденія правилъ дѣланы были демонстраціи, на сумнительныя по-

---

[1]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ, 1793 г., №№ 884 и 953.
[2]) Арх. консист. Журн. консист. 1794 г., іюнь 30, № 11.
[3]) Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго, стр. 19, 21, 23.

ложенія представляемы были противоположенія, на иныя правила дѣланы были примѣчанія и диссертаціи".

Необходимую и существенную часть въ занятіяхъ богословскаго и философскаго класса представляли диссертаціи и диспуты. Диссертаціи и разсужденія произносились въ классѣ публично, вѣроятно, лучшими учениками, а можетъ быть и въ извѣстномъ порядкѣ. По крайней мѣрѣ въ календарѣ Сперанскаго подъ 27 ноября 1787 г. записано: „говорить мнѣ dissertationem" [1]). Диспуты различались двоякіе: приватные и публичные. Въ 1797 г. высланы были изъ философскаго класса Суздальской семинаріи 23 студента; несмотря на это, въ философскомъ классѣ осталось все же 60 человѣкъ. „Толикое количество, — писалъ по этому поводу Викторъ, — требуетъ особеннаго о образованіи умовъ ихъ раченія и упражненія. Почему за нужное признаю съ сего времени учредить, чтобы каждую субботу былъ приватной философской диспутъ. Префектъ и учитель философіи долженъ сіе упражненіе продолжать со всѣми учителями низшими его такъ, чтобы по крайней мѣрѣ было всегда два акта, или два учителя съ его студентами дѣйствовали противоположеніями. Позиціи должно назначать изъ тѣхъ главъ, кои въ недѣлю объяснены, а учителямъ давать знать о семъ заблаговременно, дабы невѣдѣніемъ не могли въ случаѣ требованія отвѣтовъ чѣмъ-либо извиняться. Диспуты должны быть на латинскомъ, что самое объяснять и на русскомъ языкѣ для лучшаго понятія ученикамъ. Кто изъ студентовъ диспутовался, для сего пріуготовить префекту списокъ, дабы рачительныхъ учениковъ можно было награждать такими книгами, кои въ реестрахъ Суздальской и Владимірской библіотеки означены остающимися за раздачею ученикамъ. Кто изъ дѣйствующихъ учителей не будетъ на диспутахъ, о семъ префектъ доносить долженъ ректору, а онъ по своему разсмотрѣнію ихъ штрафовать. Все сіе предписывается съ тѣмъ, дабы учители и ученики могли себя рекомендовать, вопервыхъ, внутрь семинаріи и пріуготовить себя къ свободнѣйшему дѣйствованію во время публичныхъ диспутъ" [2]). Приведенное опредѣленіе Виктора не говоритъ о томъ, что раньше 1797 г. приватныхъ диспутовъ совершенно не было. Они были, но только рѣже и повторялись не съ такою періодичностью. Еп. Викторъ сдѣлалъ ихъ явленіемъ правильно чередующимся и привлекъ къ участію въ нихъ всѣхъ учителей. Публичные диспуты устраивались въ концѣ учебнаго года. День такого диспута былъ днемъ торжества для всей семинаріи. Диспутъ публичный обставлялся пышной и торжественной обстановкой, и кромѣ владыки на немъ

---

[1]) Корфъ, стр. 24.

[2]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ 1797 г., № 1955.

присутствовали именитые граждане города. Объявленіе о диспутѣ и тезисы, имѣющіе диспутироваться. заготовлялись заранѣе и разсылались предъ диспутомъ ко всѣмъ почетнымъ приглашаемымъ лицамъ. Къ нашему времени сохранились Theses theologicae, назначенные для іюньскаго публичнаго диспута 1791 года. Вотъ они:

I. Ratio omnes homines docet, ens aliquod perfectissimum, quod Deum vocamus, revera exsistere, eumque esse unum, sapientissimum, benignissimum, omnipotentissimum, proindeque summa pietate ac fiducia amandum, colendum, adorandum [1]).

II. Ista religio naturalis licet sit verissima, non tamen sufficiens est ad salutem hominis peccatoris; medium enim Deum reconciliandi ratio sibi relicta plane ignorat: quem defectum supplet divina Revelatio, facta primis generis humani parentibus statim post eorum lapsum, a inde per patriarchas propagata, postea per Moysen amplificata, maximam lucem accepit per Christum hominum Salvatorem, quam porro placuit Deo pro ipsius sapientia per viros θεοπνεύστους litteris consignare, quorum scripta per excellentiam dicuntur s c r i p t u r a s a c r a [2]).

III. Ut nihil est in hocce universo, quod non a Deo sit creatum; ita nihil etiam, quod non ab eo conservetur ac dirigatur: quae actio Dei externa vocatur providentia ejus universalis, complectens ambitu suo tum conservationem, tum concursum, tum denique gubernationem [3]).

IV. Divina Revelatione docti credimus et profitemur unum esse inter Deum et homines Mediatorem Jesum Nasaraenum, promissum

---

1) Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ: „Разумъ научаетъ всѣхъ людей. что нѣкоторое всесовершеннѣйше существо, которое мы называемъ Богомъ, дѣйствительно существуетъ и что оно единое, премудрое, всемилостивое, всемогущее и что посему оно должно быть любимо, почитаемо и обожаемо съ высочайшимъ благочестіемъ и увѣренностью".

2) „Хотя эта естественная религія есть истиннѣйшая, однако она недостаточна для спасенія человѣка грѣшника, потому что разумъ, предоставленный самому себѣ, совершенно не знаетъ средства для примиренія съ Богомъ: каковой недостатокъ восполняетъ Божественное Откровеніе, данное прародителямъ человѣческаго рода тотчасъ же послѣ ихъ паденія, затѣмъ чрезъ патріарховъ распространенное, а послѣ восполненное Моисеемъ; оно получило величайшій свѣтъ чрезъ Христа Спасителя людей; Богу угодно было далѣе по своей премудрости запечатлѣть его въ письменахъ чрезъ богодухновенныхъ мужей, которыхъ писанія по ихъ высотѣ называются Св. Писаніемъ".

3) „Какъ нѣтъ ничего въ этомъ мірѣ, что не было бы сотворено Богомъ, такъ нѣтъ ничего, что Имъ не сохранялось бы и не управлялось: это внѣшнее дѣйствіе Божіе называется его всеобщимъ промысломъ, заключающимъ въ себѣ какъ сохраненіе, такъ содѣйствіе и наконецъ управленіе".

Messiam, seu Christum ab officio dictum, eumque esse et verum Deum et verum hominem in una persona [1]).

V. Concludimus cum S. Apostolo Paulo hominem peccatorem coram Dei justificari fide in Christum sine operibus legis [2]).

Эти тезисы на диспутѣ защищали ученики богословія Дмитрій Смирновъ, Павелъ Протодіаконовъ и Діомидъ Каллистовъ; возражали Евдокимъ Діаконовъ, Александръ Троицкій и Аѳанасій Туторскій [3]).

Риторика. Въ началѣ 1790-хъ годахъ риторическій классъ былъ только одинъ. Въ 1794 г. Петръ Лебедевъ представилъ владыкѣ, что „риторическій классъ до того умножился учениками, рекомендованными изъ училищъ, гдѣ краснорѣчія не преподаютъ, что здѣсь въ назначенномъ покоѣ имъ и помѣститься неудобно, а господину учителю недостаетъ времени всѣ упражненія съ должнымъ раченіемъ поправить, а поелику жалованье, назначенное катихизатору Дмитрію Тихомирову, остается въ семинарской суммѣ безъ употребленія, почему удобно завести можно риторическій низшій классъ, въ которомъ преподавать правила россійскаго стихотворства, начатки риторики, а паче всего занимать учениковъ чтеніемъ латинскихъ классическихъ авкторовъ и показывать имъ свойство и чистоту латинскаго языка, въ нѣкоторое же время повторять просодію, чтобы знали удареніе и выговоръ“ [4]). Представленіе Лебедева было утверждено Викторомъ, и въ Суздальской семинаріи открылся второй риторическій классъ. Но и этого оказалось недостаточно. Въ 1796 г. „въ разсужденіи увеличившихся учениковъ въ обоихъ риторическихъ классахъ“ преосв. Викторъ велѣлъ открыть третій риторическій классъ [5]). Чему въ немъ учили и въ какое отношеніе онъ всталъ къ двумъ существовавшимъ раньше классамъ, неизвѣстно. Въ концѣ 1797 г. его уже не существовало. Ритирика преподавалась, какъ и прежде, по Бургію, изъ котораго, какъ значится въ отчетѣ 1800 г., особенно затверживались дефиниціи. Какъ пособіе къ Бургію, съ 1798 г. введена была въ употребленіе риторика Франциска Лежая. Въ свободное внѣклассное время ученики риторики занимались составленіемъ разныхъ риторическихъ сочиненій на латин-

---

[1]) „Наученные Божественнымъ Откровеніемъ, мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что единъ есть между Богомъ и людьми посредникъ Іисусъ Христосъ, обѣтованный Мессія, нареченный по служенію Христомъ, и что онъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ въ одномъ лицѣ“.

[2]) „Вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ мы признаемъ, что человѣкъ грѣшникъ оправдывается предъ Богомъ вѣрою во Христа безъ дѣлъ закона“.

[3]) Семин. библіот. Рукописный сборникъ Петра Лебедева.

[4]) Арх. консист. Журн. консист. 1794 г., сент. 18, № 5.

[5]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., окт. 24, № 10.

скомъ и русскомъ языкѣ. Сочиненія, поправленныя учителемъ, разсматривались въ классѣ и лучшія изъ нихъ прочитывались авторами съ каѳедры.

Піитика. Въ правленіе Виктора піитическій классъ не существовалъ. Поэзія, т. е. правила поэтическія, изучались въ низшемъ риторическомъ классѣ.

Синтаксима и грамматика. До 1791 г. синтаксическій и грамматическій классъ Суздальской семинаріи объединены были подъ надзоромъ одного учителя. Въ сентябрѣ 1791 г. грамматическій классъ получилъ особаго наставника [1]). Въ синтаксимѣ изучался синтаксисъ, а въ грамматическомъ классѣ первая часть латинской грамматики по руководству Лебедева.

Инфима. Обучались латинской этимологіи и занимались переводами съ русскаго на латинскій языкъ и обратно.

Аналогія. Въ аналогіи преподавались первые начатки грамматическіе. Учителемъ инфимы и аналогіи очень часто назначалось одно лицо.

Россійскій классъ. Курсъ этого класса былъ чисто элементарный и состоялъ въ изученіи мальчиками чтенія и письма, а затѣмъ по возможности катихизиса и краткой священной исторіи.

Всѣ перечисленные классы назывались ординарными; на нихъ было обращено особенное вниманіе семинарскаго начальства, они считались главными. Кромѣ ихъ были еще классы экстраординарные, второстепенные, изученіе которыхъ развивалось далеко не съ такимъ успѣхомъ, какъ ординарныхъ. Первое мѣсто среди нихъ занималъ классъ греческаго языка.

Греческій классъ во Владимірской семинаріи появился рано. Еще прот. Іоаннъ Пѣвницкій, сдѣлавшійся учителемъ въ 1773 г., въ бытность ученикомъ Владимірской семинаріи обучался греческой грамматикѣ. Существовалъ ли этотъ классъ въ началѣ 80-хъ годовъ, сказать трудно. Скорѣе его не было. Въ 1784 г. именнымъ указомъ предписано было „предпочтительнѣе другихъ языковъ преподавать въ семинаріяхъ языкъ греческій, какъ въ разсужденіи, что книги священныя и учителей православной нашей грекороссійской церкви на немъ писаны, такъ и потому, что знаніе сего языка многимъ другимъ наукамъ пособствуетъ“ [2]). Съ 1785 г. греческій языкъ въ силу этого указа снова появился въ курсѣ Владимірской семинаріи и на этотъ разъ уже устойчиво; однако онъ никакъ не могъ возвыситься въ теченіе всего этого періода на степень предметовъ ординарныхъ, а разсматривался всегда, какъ второстепенный и необязательный. Съ 1791 г. греческій классъ

---

[1]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1791 г., сент. 24, № 2384.

[2]) См. Знаменскій. Духовныя школы, стр. 768.

сталъ преподаваться ученикамъ, вмѣсто двухъ разъ въ день, какъ было доселѣ, одинъ разъ утромъ передъ первою школою въ продолженіе $1^1/_2$ часа [1]). Такъ какъ этотъ утренній классъ открывался слишкомъ рано, зимою еще въ темнотѣ, то преосв. Викторъ, по докладу учителя греческаго языка въ 1791 г., велѣлъ купить пудъ свѣчей и 6 желѣзныхъ подсвѣчниковъ [2]). Подраздѣлялся греческій классъ въ 90-хъ годахъ на два отдѣленія: высшій греческій классъ и низшій. Въ первомъ обучалъ Лебедевъ, во второмъ одинъ изъ учителей низшихъ школъ. Но, несмотря на точную регламентацію учебнаго времени, на распредѣленіе учебнаго труда между двумя учителями, успѣхи, оказываемые учениками по нему, какъ необязательному, были далеки отъ совершенства. Въ 1796 г. архимандритъ Гедеонъ представилъ Виктору, что 23 сентября онъ дѣлалъ испытаніе учениковъ, обучающихся греческому языку, и нашелъ ихъ неумѣющими ни читать, ни писать, по причинѣ того, что съ 23 февраля 1795 г. по день испытанія было не болѣе пяти классовъ. На докладѣ владыка написалъ: „Лебедевъ, получая за труды довольное жалованье, не только по долгу и обязанности, но изъ любви къ ближнимъ и совѣсти долженъ особенное объ успѣхахъ учениковъ прилагать раченіе. Изъ рапорта же ректорскаго видно, что ученики его въ теченіе цѣлаго года не только не знаютъ склоненій и спряженій греческихъ, но читать и писать по причинѣ нехожденія въ классъ его не обучились. Для того, призвавъ Лебедева въ консисторію, требовать строжайше отвѣта и разсмотря представить со мнѣніемъ“ [3]). Лебедевъ на допросѣ учинилъ запирательство и говорилъ, что по заведенному въ здѣшней семинаріи порядку ученики для слушанія греческаго языка собирались трижды въ недѣлю, кромѣ развѣ отлучекъ его, Лебедева, въ библіотеку для выдачи и пріема книгъ отъ выходящихъ изъ семинаріи на мѣста, и что отецъ ректоръ, такимъ образомъ, показалъ на него несправедливо. „Ученики мои,—говорилъ онъ далѣе,—какъ читать, такъ и писать каждый по своимъ способностямъ могутъ исправно, что самое доказывается приложенными при томъ своеручными ихъ чистыми характерами на одиннадцати тетрадяхъ; а почему изъ нихъ нѣкоторые при испытаніи ректоромъ оказались худо пишущими, о томъ онъ, Лебедевъ, поелику сіе испытаніе было дѣлано безъ него, ничего утвердительнаго по заочности сказать не можетъ; сверхъ сего и должность обучать чтенію и письму почитаетъ информаторскою“. Въ 1796 г. происходила ожесточенная

---

1) Арх. консист. Книги входящ. дѣлъ. 1791 г., март. 11, № 880.

2) Тамъ же, нояб. 19, № 2705.

3) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., окт. 1, № 24.

борьба между ректоромъ и префектомъ, о которой говорилось уже выше. Подозрѣвая и здѣсь проявленіе какой-нибудь вражды со стороны ректора, еп. Викторъ предписалъ послать ему указъ съ требованіемъ объясненій и при указѣ приложить ученическія тетради [1]). Гедеонъ произвелъ вторичное испытаніе, пригласивъ на этотъ разъ въ качествѣ свидѣтелей учителей Ивана Вышеславскаго, Гаврiила Былинскаго, Василія Лебедева и всѣхъ учениковъ богословіи. На испытаніи ученикамъ предложили греческую Кормчую книгу, и они оказались, какъ и раньше, неумѣющими ни читать, ни писать. Составленъ былъ вторично докладъ и поданъ Виктору. Къ докладу присоединена была взятая съ учениковъ сказка за ихъ подписомъ, въ коей они показали, что не умѣютъ ни читать, ни писать по гречески, такъ какъ съ 20 февраля 1795 г. по сентябрь 1796 г. обучались только пять разъ. Въ консисторіи, куда переданъ былъ докладъ, выслушали его и постановили: „такъ какъ Лебедевъ обучалъ учениковъ нерачительно, то за его нерадѣніе вычесть у него изъ жалованья 10 руб. и употребить на бѣдныхъ учениковъ, а за показаніе его, якобы ректоръ представилъ на него въ нерадѣніи объ ученіи несправедливо, велѣть ему, Лебедеву, у ректора при всѣхъ учителяхъ испросить прощенія“ [2]). Владыка, которому представили консисторское рѣшеніе, не безъ основанія разсудилъ иначе и раздѣлилъ денежный штрафъ между двумя виновными. „Начаткамъ греческимъ письму и чтенію обязанъ учениковъ обучать низшаго класса учитель Смирновъ, написалъ Викторъ, почему погрѣшности ученическія относятся къ нему; но и Лебедевъ оправдаться не можетъ, потому что онъ долженъ былъ при переводѣ изъ низшаго экзаменовать, способны ли они къ продолженію высшаго класса; но онъ, опустя сіе, и по принятіи въ свой ни мало тѣхъ учениковъ не поправилъ и особеннаго о успѣхахъ ихъ раченія не имѣлъ. Для того перваго за нестараніе порядочному учениковъ ученію, а другого за нехожденіе въ установленные дни и часы въ классъ, какъ ученики о семъ письменно показали, оштрафовать вычемъ изъ жалованья у каждаго по пяти рублей. Подтвердить же обоимъ имъ, чтобы они, имѣя всегда предъ глазами страхъ Божій и честность, прилагали ко обученію учениковъ труды свои неусыпно, подъ опасеніемъ отрѣшенiй отъ учительскихъ должностей“ [3]). Но Лебедеву не суждено было воспользоваться благосклонностью владыки, снявшаго съ него часть вины и перенесшаго на другого. Смирновъ, учитель низшаго греческаго класса, заявилъ, что Петръ Лебедевъ взялъ у него учениковъ самовольно безъ экзамена. Лебедевъ въ свое оправ-

[1]) Тамъ же, нояб. 12, № 9.
[2]) Тамъ же, дек. 22, № 12.
[3]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ 1797 г., № 708.

даніе могъ только сослаться на чисто внѣшнее удобство, побудившее его къ такому самовольству. Низшій греческій классъ и риторическій, объяснялся Лебедевъ, обучаетъ учитель Смирновъ въ Спасоевоиміевомъ монастырѣ, а высшій греческій и философіи обучаются у него, Лебедева, при домѣ архіерейскомъ; вслѣдствіе чего ученики, достигшіе философіи, даже при слабыхъ знаніяхъ греческаго языка безъ испытанія переводятся въ высшій греческій классъ, дабы не тратить безполезно времени для хожденія въ Спасскій монастырь; равнымъ образомъ, указалъ онъ, и ученики богословіи, обучающіеся греческому языку, за дальностію разстоянія къ нему, Лебедеву, не ходятъ. Въ консисторіи было опредѣлено: „Смирнова отъ штрафа освободить, а взыскать оный съ Лебедева, котораго нерадѣніе объ обученіи греческому языку довольно изъ дѣла доказывается“ [1]).

Процитованное дѣло въ высшей степени цѣнно для характеристики того положенія, какое занималъ греческій классъ во Владимірской семинаріи конца XVIII столѣтія. Съ этимъ согласуются и числовыя данныя. Въ 1797 г. греческому языку обучалось въ высшемъ греческомъ классѣ 15 и низшемъ 49. Въ 1798 г. въ высшемъ греческомъ классѣ 55 (изъ нихъ 7 богослововъ, 29 философовъ и 19 риторовъ), въ низшемъ 38 (все изъ риторики) [2]). До 1796 г. наборъ желающихъ обучаться греческому языку производился безпорядочно, во всякое время года, независимо отъ класса и успѣховъ желающихъ. Въ 1796 г. во время возникновенія приведенной выше исторіи Лебедевъ испрашивалъ у преосв. Виктора разрѣшеніе производить наборъ новыхъ учениковъ только въ началѣ года, набирать изъ высшаго и низшаго риторическаго класса и только тѣхъ, которые въ латинскомъ языкѣ болѣе предъ прочими оказали познаній. Набранныхъ такимъ способомъ учениковъ Лебедевъ просилъ дозволенія у владыки отдавать для обученія первоначально информатору (въ низшемъ греческомъ классѣ), у коего и обучаться имъ до усмотрѣнія ихъ успѣховъ, или до того времени, когда ученики низшаго греческаго класса переведены будутъ въ философію. Еп. Викторъ изъявилъ согласіе на это предложеніе и при этомъ предписалъ обучаться греческому языку студентамъ богословіи, „поелику въ ученіи богословскомъ греческія имѣются слова, коихъ значеніе и силу нужно знать“ [3]). Тѣмъ не менѣе и это опредѣленіе Виктора не сдѣлало греческаго языка общеобязательнымъ предметомъ. Правда, въ вѣдомости за 1798 г. въ графѣ „чему обучаются“ всѣ студенты богословіи и

---

[1]) Тамъ же, № 936.

[2]) Арх. семин. См. семинар. вѣдомости за 1797—1798 г.

[3]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., дек. 10, № 5.

философіи показаны обучающимися греческому языку. Но такая помѣтка стоитъ въ противорѣчіи съ показаніемъ тѣхъ же вѣдомостей въ другомъ мѣстѣ и объясняется, кажется, синодальнымъ распоряженіемъ отъ 1798 г., въ которомъ Св. Синодъ по указу государя предписалъ: „языкамъ еврейскому, а наипаче греческому, яко нужнымъ для уразумѣнія св. Писанія, обучаться всѣмъ студентамъ“ [1]).

Кромѣ греческаго языка къ экстраординарнымъ предметамъ относились новопоявившіяся въ семинарскомъ курсѣ общеобразовательныя науки: *физика*, *ариѳметика*, *географія* и *исторія*. Точно опредѣлить, когда эти науки введены были въ курсъ Владимірской семинаріи, трудно. Можно констатировать только, что ко времени слiянія трехъ семинарій въ одну Суздальскую онѣ уже преподавались. Изъ донесеній Виктора въ Св. Синодъ о состояніи семинаріи за 1797 и 1798 г. (семинарскія вѣдомости) мы знаемъ, что въ эти годы физика проходилась по учебнику, изданному для народныхъ училищъ, въ философскомъ классѣ. Исторія и географія изучались въ риторикѣ и синтаксимѣ (конечно, только нѣкоторыми). Изъ семинарской вѣдомости за 1800 г. можно видѣть, что географіи обучалось 43 человѣка: изъ высшаго риторическаго 29 и низшаго 14 [2]). Ариѳметикѣ обучалось еще меньше. Именно, на всю семинарію въ 1798 г. приходилось всего 33 ученика, слушающихъ ариѳметику. До 1792 г. она преподавалась дважды въ недѣлю по 1½ часа; съ этого же года стала преподаваться по четвергамъ послѣ обѣда въ продолженіе трехъ часовъ [3]). По всѣмъ даннымъ, науки эти не пользовались вниманіемъ семинарскаго начальства и стояли на заднемъ планѣ. Однако введеніе ихъ въ курсъ семинарскій не осталось безъ всякаго слѣда. Они открывали предъ учащимися новый міръ общеобразовательныхъ положительныхъ знаній, обнаруживая предъ ними тѣмъ самымъ пустоту старыхъ діалектическихъ формъ дореформенной учености. Содержаніе наукъ, благодаря этому, стало ставиться выше ихъ формы, и господство схоластической латыни было поколеблено навсегда. Введеніе учебныхъ руководствъ по этимъ предметамъ на русскомъ языкѣ дѣйствовало въ томъ же направленіи, такъ какъ было рѣшительнымъ шагомъ къ вытѣсненію изъ нашихъ духовныхъ школъ латинскаго діалекта.

Къ тѣмъ же экстраординарнымъ предметамъ относилось и *нотное пѣніе*. Въ 1792 г. ректоръ Евгеній представилъ преосв. Виктору, что ученики, особливо малыхъ классовъ, въ чтеніи не-

[1]) Знаменскій. Духовныя школы... стр. 769.

[2]) А всѣхъ учащихся въ высшемъ риторическомъ классѣ было въ то время 120 и низшемъ 97.

[3]) Арх. консист. Журн. консист. 1792 г., май 14, № 3.

исправны, а пѣть по нотѣ рѣдкіе умѣютъ; въ виду чего предлагалъ установить, дабы „начиная съ риторики, кромѣ обучающихся греческому языку, по вторникамъ послѣ обѣда учились пѣть подъ присмотромъ учителя и знающихъ пѣніе учениковъ тѣхъ же классовъ“ [1]).

Количество учениковъ Владимірской семинаріи возрастало по мѣрѣ приближенія къ концу XVIII столѣтія. Въ первой половинѣ 1788 г. во Владимірской семинаріи обучалось около 100—150 человѣкъ. Послѣ слiянія трехъ семинарій въ одну оно возрасло до 400 и къ 1797 г. опредѣлилось цифрой 1012 человѣкъ [2]). Пріемъ въ семинарію производился на прежнихъ основаніяхъ. Отказывали только совершенно не умѣющимъ читать и писать. Учрежденіе при семинаріи россійскаго класса дало возможность быть особенно снисходительными при пріемахъ. Въ 1797 г. префектъ Лебедевъ представилъ владыкѣ докладъ, возводившій эту систему снисходительности къ поступающимъ въ норму. Именно, онъ предлагалъ „священно-церковнослужительскихъ малолѣтнихъ и не совершенно читать обучившихся оставлять въ семинаріи, кои доучиться пожелаютъ здѣсь“. Преосв. Викторъ нашелъ докладъ Лебедева, не заслуживающимъ вниманія. „Во 1-хъ, написалъ онъ, если священно-церковнослужительскихъ дѣтей, доколѣ совершенно не обучатся грамотѣ, принять въ семинарію, то одинъ только россійскій классъ составлять будетъ уповательно до 400 человѣкъ и болѣе. 2) Учитель сверхъ онаго имѣетъ еще два (инфиму и аналогію), но и тѣ по причинѣ бываемаго у него въ умѣ помѣшательства преподавать малонадежденъ [3]). 3) Хотя принятые въ семинарію ученики послѣ вакаціи и представлены будутъ отцами въ оную, но и ихъ должно отослать въ духовныя училища, потому что въ семинаріи помѣстить ихъ въ классѣ совсѣмъ будетъ негдѣ. 4) Ежели отцы не будутъ прилагать старанія объ обученіи дѣтей своихъ, то никто другой состоять будетъ причиною ихъ непросвѣщенія, какъ они сами. Для того Лебедеву, учинивъ за недѣльный докладъ строгій выговоръ, подтвердить, чтобы впредь съ таковыми къ одному только начальству въ разбирательствѣ затрудненію входить не дерзалъ“ [4]).

Переводъ учениковъ въ высшіе классы происходилъ по экзамену, производившемуся предъ вакаціоннымъ временемъ. Однако случалось, что испытанія назначались и въ срединѣ года, особенно съ цѣлью удаленія неспособныхъ и нерадивыхъ. Въ 1796 г. преосв. Викторъ предписалъ Гедеону вмѣстѣ съ Петромъ Лебедевымъ

[1]) Арх. консист. Журн. консист. 1792 г., май 14, № 3.
[2]) Арх. семин. Семин. вѣдом. за 1797 г.
[3]) Имѣется въ виду Василій Лебедевъ.
[4]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ. 1797, № 1149.

произвести экзаменъ учениковъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, съ тѣмъ, чтобы изъ оказавшихся неспособными къ прохожденію высшихъ наукъ часть обратить во Владимірское училище, а часть опредѣлить на причетническія мѣста [1]). Когда списокъ послѣ экзамена былъ представленъ Виктору, онъ на немъ написалъ: „показанныхъ въ реестрѣ учениковъ за нерадѣніе, лѣность къ ученію, а паче за самовольныя отлучки изъ семинаріи исключить и впредь въ оную не принимать; мѣстъ священническихъ и діаконскихъ имъ, яко недостойнымъ, не давать, а велѣть пріискивать причетническихъ“ [2]). Въ общемъ же, къ такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, какъ удаленіе изъ семинаріи, епархіальное начальство прибѣгало рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ 1796 г. къ ней обратились потому, что число учащихся увеличилось до тысячи. Но тотъ же преосв. Викторъ въ 1792 г. поступилъ совершенно иначе. Ректоръ Евгеній, по возвращеніи изъ Петербурга, представилъ къ увольненію 85 человѣкъ, неспособныхъ къ продолженію ученія, значительная часть которыхъ и была уволена резолюціею преосвященнаго отъ 15 марта 1792 г. [3]). Прошелъ мѣсяцъ, и Викторъ отмѣнилъ свое рѣшеніе. „Но какъ многіе изъ нихъ, опредѣлилъ онъ въ апрѣлѣ, утруждаютъ меня неоднократными прошеніями о возвращеніи ихъ въ прежній классъ, изъ которыхъ есть такіе, 1) которые при надзираніи высшихъ классовъ учениковъ обѣщаются въ успѣхѣ поправиться, 2) малолѣтніе и слѣдовательно къ оказанію успѣховъ не совсѣмъ безнадежные, 3) нѣкоторые въ высшіе классы переведены послѣ вакацій, а посему не было имъ довольно времени показать свое къ ученію прилежаніе, да и учителямъ за множествомъ учениковъ ихъ упражненія всегда пересмотрѣть и поправить невозможно; на экзаменѣ же времени употребляется обыкновенно немного, да и нерѣдко случается, что и хорошіе на экзаменѣ оказываются посредственными и посредственные хорошими; почему за полезное признается тѣхъ, которые при помощи надзирателей намѣрены поправиться въ ученіи и притомъ малолѣтніе до лучшаго разсмотрѣнія о ихъ успѣхахъ, которое бываетъ обыкновенно предъ вакаціоннымъ временемъ, оставить въ семинаріи на ихъ собственномъ содержаніи, а опредѣленнаго многимъ изъ нихъ жалованья не производить. Нерадивыхъ, которые довольно въ прежнихъ классахъ обучались и возрастны, а особенно соблазнительно живущихъ неотмѣнно исключить. Оставленнымъ обучаться до вакаціи накрѣпчайше подтвердить, что, если они чрезъ сіе время ожидае-

---

[1]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., дек. 5, № 1.
[2]) Тамъ же, дек. 15, № 4.
[3]) Тамъ же, 1792 г., мартъ 15, № 2.

мыхъ успѣховъ не окажутъ, то немедленно исключены будутъ изъ семинаріи, не взирая ни на какія ихъ причины, и отосланы въ свѣтскую команду для опредѣленія, куда годны окажутся; и притомъ учителямъ объявить, чтобы они всевозможное прилагали стараніе о томъ, дабы сіи паки вступившіе въ семинарію ученики въ успѣхѣ съ прочими поровнялись" [1]).

Но, если къ исключенію изъ семинаріи по малоуспѣшности семинарское начальство само прибѣгало рѣдко и неохотно, то за то оно широко допускало добровольный выходъ изъ семинаріи прежде окончанія курса на открывшееся священно-церковнослужительское мѣсто. Лицъ, достигавшихъ богословскаго класса, при такихъ условіяхъ было сравнительно немного. Въ 1797 г. при 1012 ученикахъ, обучавшихся въ семинаріи, въ богословіи числилось всего 48. Выпусковъ, подобныхъ нашимъ, семинарія до-реформенная не знала. Ученики, достигшіе богословскаго класса, обучались въ немъ до тѣхъ поръ, пока не находили подходящаго для себя священнослужительскаго мѣста. Какъ на особенность этого періода, можно указать на предпочтеніе, отдаваемое, при замѣщеніи священническихъ мѣстъ, лицамъ, получившимъ семинарское образованіе. Раньше этого не было. Насколько можно видѣть изъ списка учениковъ 1756 г. (см. вып. II), наслѣдственная передача церковныхъ мѣстъ уничтожала всѣ прерогативы семинарскаго образованія, и семинаристамъ приходилось довольствоваться въ самомъ лучшемъ случаѣ діаконскими мѣстами. При Викторѣ указъ Св. Синода о предпочтеніи въ производствѣ во священный чинъ ученыхъ предъ неучеными [2]) нашелъ для себя примѣненіе на практикѣ, и студенты богословіи большею частью выходили на мѣста священническія. Въ одной изъ своихъ резолюцій еп. Викторъ прямо заявляетъ: „студенту, окончившему науки, итти на понамарское мѣсто несовмѣстно и предосудительно" [3]).

Число учениковъ, поступившихъ при Викторѣ въ высшія заведенія, увеличилось, соотвѣтственно общему увеличенію количества учащихся. Намъ извѣстны имена слѣдующихъ учениковъ, уволившихся изъ семинаріи для поступленія въ высшія учебныя заведенія. Въ Московскую славяно-греко-латинскую академію студентъ богословіи Алексѣй Веселовскій (1797 г.). Въ Московскій университетъ: студентъ философіи Павелъ Зубатовъ (1791 г.), студенты богословіи Петръ Копровъ (1792 г.) и Михаилъ Скабовскій (1793 г.), студенты философіи Николай Бушуевъ (1797 г.) и Константинъ Трунцевскій (1797 г.). Въ главное Петербургское народное училище поступилъ Михаилъ Мешеринъ (1786 г.) [4]). Въ глав-

[1]) Тамъ же, апр. 16, № 15.

[2]) Знаменскій, l. c. стр. 569.

[3]) Арх. консист. Книга исходящ. дѣлъ 1794 г., іюль 9, № 926.

[4]) Кромѣ того нѣсколько учениковъ поступило въ главное училище въ 1783 г.

ную семинарію Московскаго дружескаго Общества—студенты богословіи: Иванъ Соловьевъ и Алексѣй Головинскій (1785 г.). Въ Петербургскую Александроневскую семинарію – студенты богословіи Михаилъ Сперанскій и Иванъ Вышеславскій. — Но особенно много изъ воспитанниковъ Владимірской семинаріи въ означенный періодъ поступило въ Московскую медико - хирургическую академію.

Въ 1786 г. послѣдовало преобразованіе медицинской коллегіи, при чемъ увеличено было число лѣкарскихъ учениковъ. Высочайшимъ указомъ, даннымъ Синоду отъ 28 августа 1797 г., ежегодно повелѣвалось выбирать по 50 семинаристовъ, кои пріобрѣли успѣхъ въ словесныхъ наукахъ, для помѣщенія ихъ во врачебныя училища. Члены врачебной управы тѣхъ городовъ, гдѣ находятся духовныя училища, изъ коихъ назначенъ отпускъ учениковъ, должны были допускаться въ семинарію для выбора и испытанія учащихся въ знаніи латинскаго языка и словесныхъ наукъ, „и буде окажутся ученики къ врачебной наукѣ способными и объявятъ склонность, таковыхъ семинарское начальство должно было отпускать безпрепятственно.“ Снабженныя такими полномочіями выбора и испытанія семинаристовъ, врачебныя управы несли всецѣло и отвѣтственность въ казенныхъ издержкахъ (прогонныхъ деньгахъ) въ случаѣ, еслибы выбранные, по новомъ испытаніи ихъ отъ государственной медицинской коллегіи или конторы ея, оказались малоуспѣшными [1]). Въ виду всего этого, начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія множество воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній вызывалось и добровольно поступало въ медико-хирургическую академію. Какъ знающіе латинскій языкъ, они представляли наиболѣе подготовленныхъ людей къ укомплектованію медицинскихъ училищъ. Нельзя сказать, чтобы духовные питомцы, попавъ въ эту новую сферу, чувствовали себя здѣсь легко и привольно. Служба, къ которой они готовились, сулила имъ мало радостей. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 18 сентября 1798 г. читаемъ: „Государственная медицинская коллегія доноситъ мнѣ, что нѣкоторые изъ господъ шефовъ полковыхъ и полковыхъ командировъ съ опредѣленными въ полки, ихъ начальству всемилостивѣйше препорученные, медицинскими чинами обходятся съ крайнею суровостью и въ наказаніяхъ поступаютъ съ такою жестокостью, что подлѣкарей бьютъ палками, такъ что опасаться должно, что распространяющійся о семъ слухъ, устраша молодыхъ людей, обучающихся въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, можетъ отвратить ихъ отъ поступленія въ врачебныя училища, изъ коихъ всѣ мѣста врачами, а

[1]) Арх. Влад. врачебной управы, № 36. „По указу государственной медицинской коллегіи о производствѣ экзаменовъ семинаристамъ для поступленія въ медико-хирургическую академію“.

равномѣрно и войска медицинскими чинами снабдѣваются..." 1) Но жажда свѣта, жажда труда, при нѣкоторомъ навыкѣ къ суровому режиму, препобѣждали всякія трудности и страхи. — Изъ учениковъ, уволившихся для поступленія въ медико-хирургическую академію, извѣстны имена слѣдующихъ:

Въ 1792 г.: ученики риторики Иванъ Щедрицкій, Михаилъ Новлянскій, Өеодоръ Зяблицкій, Григорій Крыловъ, Ив. Соболевъ, Ив. Дмитріевъ; студенты философіи Филипъ Крутецкій, Алексѣй Патакинскій; студенты богословіи Андрей Яковлевъ, Николай Морозовъ, Петръ Никитскій, Андрей Діаконовъ.

Въ 1794 г. ученики риторики Яковъ Наумовъ и Архипъ Нарбѣковъ.

Въ 1795 г. ученикъ риторики Өеодоръ Нарбѣковъ.

Въ 1797 г. ученикъ риторики Өеодоръ Борисоглѣбскій, студ. философіи Гавріилъ Баглачевскій.

Въ 1798 г. студенты философіи Семенъ Добровольскій, Иванъ Сиротинскій.

Въ 1799 г. студенты философіи Өеодоръ Лыковскій, Василій Закомельскій.

Библіотека. Библіотека семинарская увеличивалась, какъ и раньше, по преимуществу учебными книгами. Въ 1787 г., напр., было пріобрѣтено въ Московской Синодальной типографіи грамматикъ Лебедева съ краткимъ лексикономъ 50 экземпляровъ на 29 р. 25 к. 2). Въ томъ же 1787 г. вслѣдствіе указа отъ 15 мая 1785 г., по которому образъ ученія, Высочайше усвоенный для всѣхъ училищъ, присвоенъ и епархіескимъ семинаріямъ, изъ Московской синодальной конторы выслано было во Владимірскую семинарію учебныхъ книгъ по священной исторіи, ариөметикѣ, чистописанію, физикѣ, механикѣ, начертанію исторіи естественной и всемірной 238 экземпляровъ на 55 р. 21 к.; да сверхъ того картъ, глобусовъ, отпечатанныхъ въ Синодальной типографіи катихизисовъ на 17 руб. 98 коп.; всего съ упаковкой на 74 руб. 79½ коп. 3)

Съ переходомъ семинаріи въ Суздаль, сюда были перенесены библіотеки Переславская и Владимірская, но не слились съ библіотекой Суздальской, а существовали отдѣльно. Не было даже общаго каталога 4). Библіотеки помѣщены были въ какомъ-то низменномъ покоѣ Спасоевөиміева монастыря. Въ 1793 г. ректоръ высказалъ Виктору опасеніе, какъ-бы не сгнила вся библіотека, и просилъ переложить ее „въ томъ же монастырѣ между теплою

---

1) Тамъ же, № 66.

2) Арх. семин. Приходо-расходная за 1787 г.

3) Арх. консист. Указы за 1787 г.

4) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ. 1793 г., іюнь 22, № 954.

церковью и покоями въ праздный и пространный покой" [1]). Дозволеніе было дано, праздный покой исправленъ, и книги перенесены. Съ перенесеніемъ библіотеки въ болѣе приличное и соотвѣтствующее мѣсто явилась возможность привести ее и въ болѣе упорядоченное состояніе. По иниціативѣ Евгенія изготовленъ былъ новый списокъ книгъ, при чемъ заглавіе каждой книги писалось на томъ языкѣ, на которомъ данная книга составлена [2]). Къ сожалѣнію только, благотворное дѣйствіе всѣхъ этихъ мѣръ, предпринятыхъ къ улучшенію библіотеки, парализовалось безпечностью и лѣностью библіотекаря. Завѣдываніе Суздальской библіотекой принадлежало извѣстному уже намъ учителю философіи Петру Лебедеву. Занятый другими дѣлами, онъ на нее мало обращалъ вниманія. Много книгъ было утрачено, а много отдано на пользованіе безъ соотвѣтствующихъ на то записей. 1 октября 1796 г. Викторъ распорядился освидѣтельствовать библіотеку учителю Смирнову и, по освидѣтельствованіи, принять въ свое вѣдѣніе, „поелику Лебедевъ другими занятъ послушаніями" [3]). По полученіи этого указа о сдачѣ библіотеки, Лебедевъ совершенно перестал выдавать учащимся книги, „лишая ихъ чрезъ это, по словамъ Гедеона, пользы и нарушая доброе намѣреніе, для каковаго заведена при семинаріи библіотека": а между тѣмъ самъ библіотеки никому не сдавалъ, хотя имѣлъ, какъ писалъ тотъ же Гедеонъ, довольно отъ ученія свободныхъ дней [4]). Наступили и каникулы слѣдующаго года, а Лебедевъ все медлилъ, несмотря на угрозу преосв. Виктора оштрафовать его взысканіемъ 50 руб. [5]). Предъ каникулами были задержаны, спеціально для содѣйствія ему при сдачѣ библіотеки, нѣкоторые ученики, но отъ его нераченія остались въ теченіе двухъ недѣль въ праздности. Терпѣніе преосвящ. Виктора послѣ этого истощилось, и онъ велѣлъ задержать Лебедева подъ строгимъ присмотромъ въ консисторіи на хлѣбъ и воду. Выпустили Лебедева изъ-подъ стражи только тогда, когда онъ далъ наистрожайшую подписку начать сдачу книгъ въ тотъ же день [6]). Но и строжайшая подписка не помогла. Дана она была 8 іюля, а 31 іюля владыка дѣлаетъ новое внушеніе Лебедеву и Смирнову каждодневно являться съ помощниками въ семинарскую библіотеку и заниматься первому сдачей, а второму пріемомъ книгъ съ утра въ теченіе четырехъ часовъ, при чемъ, если одинъ изъ нихъ не явится въ какой-нибудь день, другой долженъ рапорто-

1) Тамъ же, май 30, № 269.
2) Книга входящ. дѣлъ 1793 г. (№ 2), іюнь 20, № 1454.
3) Арх. консист. Журн. консист., окт. 1, № 25.
4) Тамъ же, нояб. 12, № 10. Книга входящ. дѣлъ 1797 г., май 29, № 848.
5) Книга входящ. дѣлъ 1797 г., № 999.
6) Тамъ же, № 1126.

вать немедленно. Крайній срокъ для окончанія сдачи назначенъ былъ на 15 августа [1]). Но и это не подѣйствовало. 14 августа послѣдовало къ преосв. Виктору коллективное заявленіе со стороны учениковъ-помощниковъ о нехожденіи Лебедева въ библіотеку. На Лебедева обрушились новые громы. Викторъ написалъ на докладѣ учениковъ пространную и грозную резолюцію. „Лебедеву въ разсужденіи многихъ прежде чинимыхъ въ сдачѣ Смирнову библіотеки недѣльныхъ отзывовъ и упорства, предписано было, наконецъ, заниматься сдачею въ нынѣшнее свободное отъ ученія время каждое утро по четыре часа и окончить оную къ 15 числу сего мѣсяца; но онъ, видно, по закоснѣлому въ немъ упрямству и командѣ непослушанію черезъ четыре дня и совсѣмъ въ библіотеку не приходилъ, чѣмъ Смирнову и опредѣленнымъ въ помощь четыремъ ученикамъ дѣлаетъ въ хожденіи изъ города въ Спасскій монастырь взадъ и впередъ одно только мученіе, а мнѣ ежедневными на него представленіями и консисторіи въ разсмотрѣніи подаваемыхъ на него бумагъ излишнее и напрасное затрудненіе; время же приходитъ холодное, а ученикамъ должно скоро собираться къ ученію, въ кое сдавать и принимать библіотеку будетъ противъ нынѣшняго отяготительно. Сего ради консисторіи Лебедева сегожъ числа допросить, для чего онъ за учиненнымъ ему предписаніемъ чрезъ четыре дни въ библіотеку не ходилъ? и по допросѣ разсмотрѣвъ, ежели отговорки его окажутся недѣльными, оштрафовать содержаніемъ при консисторіи на хлѣбъ и водѣ черезъ сутки, а при томъ дать ему на замѣчаніе, что всѣ вошедшія на него бумаги и учиненныя имъ предъ командою ослушанія не оставлены будутъ при случаѣ безъ должнаго вниманія и разсмотрѣнія. Лебедеву съ Смирновымъ и учениками въ остальные до начатія ученія дни въ сдачѣ и принятіи библіотеки упражнятся въ каждое утро по пяти часовъ непремѣнно; а ежели и засимъ Лебедевъ будетъ упорствовать и не придетъ, хотя въ одинъ день въ библіотеку, то Смирнову съ учениками на другой же день рапортовать въ консисторію, а оной въ то же время, оштрафовавъ его равномѣрнымъ задержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, отсылать туда, яко ослушника и непокориваго командѣ за карауломъ консисторскаго пристава, которому назначенное время и держать его тамъ неисходно“ [2]). Когда и эта угроза не подѣйствовала, Лебедева заключили въ консисторію подъ караулъ и выпустили оттуда лишь вслѣдствіе того, что вновоназначенному ректору Павлу понадобились къ экзамену „по новости опредѣленія его къ должности“ нѣкоторыя нужныя книги [3]). — Такая неохота Лебедева

[1]) Тамъ же, № 1270.
[2]) Тамъ же, авг. 14, № 1358.
[3]) Тамъ же, сент. 17, № 1592.

приступать къ сдачѣ библіотечныхъ книгъ имѣла свои основанія. Благодаря его нерачительности въ прежнее время, библіотека была расхищена и пришла въ совершенное разстройство. Нѣкоторыя книги положены были въ закладъ у партикулярныхъ людей, другія выданы и не отобраны. Въ ноябрѣ 1797 г. Лебедевъ доносилъ Виктору, что учитель Былинскій 25 минувшаго октября показалъ ему въ Спасоевѳиміевомъ монастырѣ реестръ книгъ, продаваемыхъ Покровскимъ діакономъ Ѳеодоромъ Андреевымъ, изъ котораго онъ, Лебедевъ, увидѣлъ, что всѣ продаваемыя діакономъ книги принадлежатъ къ казеннымъ, вслѣдствіе чего просилъ назначить къ освидѣтельствованію у означеннаго діакона книгъ такихъ людей, которые бы могли читать латинскія литеры [1]). Розыскъ утерянныхъ книгъ и сдача ихъ новому библіотекарю Дмитрію Смирнову продолжалась до конца 1797 г., и всеже далеко не всѣ были отысканы. Всего вообще послѣ сдачи библіотеки Смирнову не явилось на лицо 238 названій. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ у Лебедева имѣлись помѣтки, кому они были отданы, другія были розданы подъ росписки, а касательно большей части утраченныхъ книгъ Лебедевъ прямо заявилъ: „у кого онѣ, онъ не знаетъ, но самъ не продавалъ и не дарилъ“. 23 февраля 1798 г. Лебедевъ представилъ реестръ собственныхъ книгъ въ количествѣ 106 названій и просилъ выбрать изъ нихъ нужныя и передать въ семинарскую библіотеку взамѣнъ имъ утраченныхъ. Всѣ книги, конечно, были приняты. Недостающія пропали безвозвратно. По смерти Петра Лебедева (Платона) семинарское правленіе постановило за книги, взятыя Лебедевымъ до 1801 г. и не возвращенныя, въ силу манифеста, денегъ не взыскивать [2]).

Эта крупная утрата, понесенная Владимірской библіотекой въ Суздальскій періодъ, къ сожалѣнію, не могла быть восполнена пріобрѣтеніями новыми. При скудости средствъ, которыми семинарія тогда располагала, выписывать какія-нибудь цѣнныя изданія для нея рѣшительно не было никакой возможности. Приходилось ограничивать себя даже въ выпискѣ необходимыхъ учебныхъ книгъ. Въ 1791 г. для сокращенія расходовъ по выпискѣ учебниковъ отъ Суздальской консисторіи было объявлено священно-церковнослужителямъ, чтобы они доставляли своимъ дѣтямъ, находящимся въ семинаріи, псалтири и прочія церковныя книги [3]). Въ 1792 г. выписали изъ Москвы 263 экземпляра грамматикъ Лебедева на сумму 149 руб. 91 коп., но значительная часть ихъ разослана была по училищамъ со взысканіемъ съ духовенства слѣдуемой

---

1) Тамъ же, № 1989.
2) Арх. семин. 1804 г., іюль 14.
3) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ, 1791 г., янв. 5, № 46.

платы [1]) Въ 1793 г., при расчисленіи по отдѣльнымъ статьямъ семинарской суммы, преосв. Викторъ назначилъ на выписку грамматикъ и на другія случайно присылаемыя книги всего 50 руб., да и то съ такимъ ограниченіемъ: „какъ грамматики покупаются и книги присылаются не ежегодно, то и можно, отъ котораго году будутъ деньги оставаться, употребить оныя на покупку для починки семинаріи матеріаловъ" [2]). Сравнительно крупная выписка послѣдовала лишь въ 1797 г., но и то по запросу Св. Синода. Именно, въ этомъ году потребовано было 154 экземпляра только что напечатанной къ тому времени въ Петербургѣ риторики пастора Гавріила Франциска [3]).

ГЛАВА V.

Воспитательная часть. — Инструкція 1782 г. — Дисциплинарныя взысканія. — Тѣлесныя наказанія. — Отсылка въ свѣтскую команду и военную службу. — Важнѣйшіе проступки.

Преобразовательныя требованія Екатерининской эпохи особенно сказались въ сферѣ чисто воспитательной. Новыя идеи въ этой области о болѣе гуманномъ отношеніи къ воспитываемымъ, объ уничтоженіи прежнихъ оффиціально-юридическихъ отношеній въ дѣлѣ воспитанія, о смягченіи дисциплинарныхъ взысканій проводились съ такою настойчивостью и раскрывались съ такими подробностями, что не усвоить ихъ было почти невозможно. Дѣйствительно, въ воззрѣніяхъ на воспитательное дѣло представителей высшей духовной власти конца XVIII в. мы замѣчаемъ вѣянія новаго духа, старавшагося преобразовать и обновить устарѣвшія формы школьнаго воспитанія и сообщить имъ новую жизнь. Правда, отъ слова къ дѣлу было еще далеко; для этого требовалось время. Но важно было то, что новые взгляды на воспитаніе были заявлены, что они сдѣлались извѣстными лучшимъ людямъ эпохи, чрезъ которыхъ могли затѣмъ постепенно проникать и въ жизнь.

Во Владимірской семинаріи новыя идеи нашли для себя откликъ около времени вступленія еп. Виктора на каѳедру. Именно, въ 1782 г. дана была инструкція учителямъ семинаріи, тонъ и со-

---

[1]) Арх. консист. Журн. консист. 1792 г., іюль 16, № 1. Во Владимірское училище было, напр., послано книгъ на 45 руб. 75 коп. (Книга входящ. дѣлъ, 1792, № 1130).

[2]) Арх. консист. Книга входящ. дѣлъ 1793 г., № 52.

[3]) Тамъ же, 1797 г., № 2073.

держаніе которой рѣзко отличаются отъ всего того, что намъ извѣстно изъ исторіи Владимірской семинаріи третьей четверти XVIII столѣтія. Всѣ вообще тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были: 1) ремни, палки, линейки и розги, 2) пощечины, толчки и кулаки, 3) драніе за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши, 4) всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя, названіе скотины, осла и т. п., инструкціей воспрещаются и ограничиваются. Прежде имѣлъ право безпощадно наказывать ученика не только учитель, но и товарищъ-командиръ, теперь же даже префектъ, по требованію инструкціи, только въ крайнемъ случаѣ и то съ дозволенія ректора можетъ прибѣгнуть къ сѣченію. Въ статьѣ о должностяхъ префекта прямо говорится: „Префектъ имѣетъ право наказывать за преступленіе подчиненныхъ: малыхъ наказывать розгою умѣренно, но и то съ вѣдома ректора, за явныя бездѣлничества и плутни, а среднихъ и большихъ словомъ угрозительнымъ. За прочія малыхъ дѣтей шалости не всегда наказывать лозами, но можно изобрѣсть и другіе способы къ исправленію дѣтскихъ нравовъ, дабы частымъ сѣченіемъ не приводить дѣтей въ ожесточеніе“. Прежде чѣмъ прибѣгнуть къ положительнымъ наказаніямъ, инструкція совѣтуетъ предпослать въ отношеніи къ ученикамъ увѣщанія. Опредѣляя характеръ такихъ увѣщаній, инструкція говоритъ: „1) Увѣщанія суть дружественныя предостереженія, которыми напоминается тѣмъ наблюденіе ихъ должности, кои оную или преступили, или хотятъ преступить. 2) Ласковыя увѣщанія склоняютъ людей почасту къ такимъ вещамъ или дѣламъ, отъ которыхъ они прежде имѣли великое отвращеніе. 3) Увѣщанія могутъ быть, смотря по свойству проступка, усиливаемы мѣстами изъ Св. Писанія и соединяемы съ обѣщаніями вознагражденія, однако обѣщевать не должно никогда того, чего или исполнить не въ состояніи, или не намѣренъ. 4) Внезапное онѣмѣніе или замолчаніе учителя служитъ иногда вмѣсто увѣщанія съ успѣхомъ для сохраненія въ школѣ порядка и тишины. 5) Увѣщанія должны быть весьма кратки, чтобы не тратить на оныя нужное къ ученію время“. Если такія увѣщанія оказываются безплодными, тогда только инструкція дозволяетъ учителю наказанія, но при этомъ многозначительно прибавляетъ. „Наказанія суть зло, опредѣленное преступленіямъ правилъ для учащихся. Учитель долженъ при наказываніи учениковъ имѣть единое токмо исправленіе учениковъ, при чемъ долженъ быть онъ правосуденъ. При семъ понеже предполагается, что учителя во время ученія безотлучно при дѣтяхъ находятся и за ними смотрѣть должны, занимая вниманіе ихъ безпрестанно какимъ ни есть упражненіемъ, то почти нельзя и подумать, чтобы дѣти, при таковомъ распорядкѣ, могли въ школѣ,

что ни есть такое сдѣлать, чтобы тѣлеснаго наказанія достойно было. Если же бы они таковые поступки и оказали, то оные должно будетъ причесть въ вину больше учительскому небреженію и несмотрѣнію, нежели худому поведенію учениковъ; буде-же случатся преступленія, кои подлежатъ наказанію, то учитель употребляетъ слѣдующія средства. 1. Лишеніе пріятныхъ вещей, какъ-то: исключать ученика отъ игры на гульбищѣ и не допускать его до прочихъ ученическихъ увеселеній, не давать ему садиться въ школѣ, пока всѣ ученики не сядутъ; и между тѣмъ велѣть ему стоять у порога съ книгами своими и шапкою въ рукахъ; при выходѣ-же выпускать послѣдняго, давая ему чрезъ то знать, что онъ чрезъ свой поступокъ потерялъ довѣренность учителя. 2. Соотвѣтственно проступку устыженія, какъ-то: громкій выговоръ отъ учителя и изобличеніе ученика въ проступкѣ. Въ случаѣ же обиды велѣть обидѣвшему обиженнаго проводить домой, неся за нимъ его книги, за карауломъ школьнаго сторожа, который, когда они придутъ въ домъ обиженнаго, долженъ объявить о винѣ и заставить его просить въ проступкѣ прощенія" [1]).

Несомнѣнно, что инструкція эта представляла идеалъ, въ отношеніи къ которому дѣйствительность была грубѣе и ниже. Но, съ другой стороны, несомнѣнно также и то, что къ концу XVIII столѣтія во Владимірской семинаріи было много сдѣлано въ интересахъ приближенія къ этому идеалу. Прежде всего дѣла о самовольныхъ отлучкахъ изъ семинаріи, о бѣгствѣ уменьшаются въ значительной степени. Жалобъ „на невыносимые побои", изъ-за которыхъ раньше бѣгали изъ школы, не слышимъ. Связь между учебнымъ заведеніемъ и воспитываемыми все болѣе и болѣе крѣпнетъ. Раньше семинарское начальство боялось отпускать своихъ питомцевъ на каникулы изъ семинаріи, теперь стали попадаться питомцы, съ неохотою оставляющіе семинарію. Мих. Мих. Сперанскій съ радостью привѣтствуетъ окончаніе каникулярнаго времени и приближеніе классовъ [2]). Въ 1784 г. ученикъ Иванъ Солертовскій подалъ Виктору просьбу слѣдующаго содержанія. „По благоусмотрѣнію вашего преосвященства въ нынѣшнемъ 1784 г. въ февралѣ мѣсяцѣ изъ показанной семинаріи уволенъ я съ многими моими товарищами для пріисканія причетническаго мѣста. Но я нижайшій нигдѣ мѣста не отыскалъ, чего для, не благоволено-ли будетъ вашему преосвященству меня нижайшаго въ реченную семинарію обратно отослать, въ которой я нижайшій на

---

[1]) Арх. консист. 1782 г., № 4283. „О дачѣ новыхъ предписаній учителямъ семинаріи". Дѣло не сохранилось. См. Надеждина стр. 91—94. Кѣмъ дана инструкція, неизвѣстно.

[2]) Корфъ, стр. 21.

коштѣ отца моего до пріисканія мѣста быть желаю“ [1]). Въ 90-хъ годахъ ученики обременяютъ преосв. Виктора просьбами объ обратномъ принятіи ихъ въ школу. Очевидно, и потребность просвѣщенія къ тому времени въ достаточной степени сознавалась (хотя пока еще (изъ-за корыстныхъ видовъ), и семинарское житіе не было такъ „стужительно“, какъ въ первыя десятилѣтія по открытіи семинаріи. Впрочемъ, это не значитъ, что тѣлесныя наказанія прекратились. И сѣченіе лозами, и сѣченіе въ страхъ другимъ, все это существовало. Но такого рода дисциплинарныя взысканія стали примѣняться въ болѣе слабыхъ размѣрахъ и преимущественно въ отношеніи къ ученикамъ низшихъ классовъ. Студенты богословіи и философіи подвергались этому исправительному средству рѣдко. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ семинарское начальство прямо отказывалось примѣнять къ нимъ этого рода исправительную мѣру. Когда въ 1797 г. консисторія предписала ректору Павлу наказать нещадно лозами ученика философіи Андрея Надеждницкаго за излишнее затрудненіе команды и за доставленіе (какому то) попу волокитъ и разоренія, то архимандритъ Павелъ отписалъ въ консисторію, что „онаго ученика философіи нещаднымъ наказаніемъ лозами, по силѣ указовъ, оштрафовать онъ, архимандритъ, опасается, а предоставляетъ сіе духовной командѣ“ [2]).

Высшими мѣрами дисциплинарныхъ взысканій было исключеніе изъ семинаріи и отсылка въ свѣтскую команду. Но къ этимъ мѣрамъ, какъ упоминалось выше, семинарское начальство обращалось очень рѣдко, съ необыкновенною осторожностью. Правда, Викторъ въ своихъ резолюціяхъ часто угрожаетъ тѣмъ и другимъ. Но, насколько велико было его долготерпѣніе въ этомъ отношеніи, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. 31 января 1794 г. Евгеній донесъ владыкѣ, что ученикъ философіи Андрей Грачевъ и риторики Иванъ Пановъ обращаются въ пьянствѣ и многихъ безчинствахъ, которыми нареканіе, соблазнъ и поводъ прочимъ ученикамъ подать могутъ къ подобнымъ же порокамъ. Преосв. Викторъ приказалъ за учиненныя неустройства означенныхъ учениковъ исключить изъ семинаріи и велѣть пріискивать имъ мѣста въ свѣтской командѣ [3]). Прошло около мѣсяца; ученики не были исключены, а между тѣмъ нисколько не исправлялись. „Сіе (т. е. прежнее), писалъ Евгеній въ новомъ докладѣ, отеческою его преосвященства милостію исполненное рѣшеніе долженствовало убѣдить ихъ къ раскаянію и исправленію; но при всемъ томъ особливо Грачевъ пьянствомъ, безчинствами, обращеніемъ

---

[1]) Арх. сем. Семин. докум. 1784 г., л. 22.

[2]) Арх. консист. Книга входящ. 1797 г., № 2086.

[3]) Арх. консист. Журн. консист. 1794 г., февр. 3, № 7.

въ кулачныхъ бояхъ и всѣми свойственными въ развратѣ закоснѣвшему человѣку поступками доказываетъ, что онъ исправиться не хочетъ. Къ большему жъ сожалѣнію, примѣръ его разврата развратилъ и другихъ семинаристовъ, а наипаче риторики ученика Степана Лебедева, который и. 13, 14 и 15 числъ сего мѣсяца не былъ въ классѣ, сказываясь ложно больнымъ и занимаясь притомъ шалостями, совсѣмъ неприличными ученику и честному человѣку, а 17 и 18 числъ къ соблазну другихъ учениковъ и всѣхъ гражданъ, будучи пьянъ, сквернословился, ученика философіи Аменицкаго ударилъ въ щеку, одѣвшись въ чужую эпанчу, конечно съ намѣреніемъ, чтобы его не можно было признать, катался до глубокой ночи съ женщинами, которыхъ честность подозрительна, бился въ кулачномъ бою и другія дѣлалъ неблагопристойности". Викторъ, по прочтеніи доклада, предписалъ. „Ученикамъ Грачеву и Панову за пьянственные и озорническіе поступки, по исключеніи изъ семинаріи, велѣно было пріискивать мѣсто въ свѣтской командѣ, но они, не уважая сего къ нимъ снисхожденія, не только не воздержались отъ прежнихъ своихъ гнусныхъ и соблазнительныхъ пороковъ, а вмѣсто должнаго раскаянія и исправленія на горшее обратились да и товарища своего Лебедева къ таковому жъ неистовству совратили; за каковыми ихъ пьянственными и озорническими поступками въ духовномъ званіи терпимы быть они не могутъ, чего ради ихъ, Грачева и Панова, отправить во Владимірское намѣстническое правленіе для опредѣленія, куда способными окажутся, а Лебедева за шалости, чтобы онъ впредь отъ таковыхъ удержался поступковъ, наказать при собраніи учениковъ въ страхъ другимъ въ школѣ" [1]). Казалось, на этотъ разъ судьба безчинствовавшихъ учениковъ рѣшена была безповоротно. Но мѣсяцъ спустя къ преосв. Виктору отъ Андрея Грачева поступило прошеніе, въ которомъ онъ, принося въ учиненныхъ имъ проступкахъ извиненіе и искреннѣйшее раскаяніе съ обѣщаніемъ впредь вести себя честно, скромно и благопристойно своему званію, просилъ прощенія и возвращенія его въ семинарію обратно для продолженія ученія. „Въ разсужденіи его раскаянія и обѣщанія жить исправно, предписалъ владыка, не отсылать просителя въ свѣтскую команду; обучаться ему въ риторикѣ преподаваемымъ наукамъ, Лебедеву смотрѣніе надъ нимъ имѣть неослабное, чтобы жизнь въ честности и благонравіи препровождалъ; подтвердить ученику съ подпискою, что, ежели замѣченъ будетъ въ какихъ либо порочныхъ поступкахъ, то отосланъ будетъ въ свѣтскую команду для опредѣленія въ военную службу" [2]). На этомъ исторія Грачева не окончилась. Въ 1795 г.

---

[1]) Тамъ же, фев. 28, № 8.

[2]) Тамъ же, 30 марта, № 12.

студента Андрея Грачева резолюціею его преосвященства снова предписано было за непорядочную жизнь отослать въ намѣстническое правленіе для опредѣленія въ военную службу [1]). Но Грачевъ былъ въ то время уже студентомъ богословіи и могъ ожидать въ отношеніи къ себѣ еще большей снисходительности. Слѣдуютъ новыя извиненія и обѣщанія, и цѣль достигается. „Снисходя къ его просьбѣ, распоряжается Викторъ, не отсылать Грачева для опредѣленія въ военную службу въ чаяніи, что отнынѣ онъ стараніе будетъ прилагать для исправленія себя въ жизни; ежели не пожелаетъ быть въ причетническомъ чинѣ, то дозволить ему пріискивать себѣ мѣсто въ свѣтскомъ званіи“ [2]). Такъ въ военную службу, не смотря на свои озорничества и угрозы владыки, Грачевъ и не попалъ.

А вотъ другой примѣръ, гдѣ владыка кассировалъ консисторское рѣшеніе объ отсылкѣ учениковъ въ военную службу, внимательно просмотрѣвъ и разслѣдовавъ учительскіе и ректорскіе письменные отчеты. Впрочемъ, дѣло шло въ данномъ случаѣ больше объ исключеніи учениковъ за малоуспѣшность, чѣмъ за порочное поведеніе. Къ отсылкѣ въ военную службу предназначены были ученики риторики Селимовскій, Миславскій и Павловскій. На протоколѣ консисторіи объ отсылкѣ ихъ въ военную службу еп. Викторъ написалъ. „Изъ показаній ректорскаго и учительскихъ видно, что ученики Селимовскій, Миславскій и Павловскій обучались въ синтаксимѣ не худо, но не задолго до исключенія изъ семинаріи, первые, поступя въ новоучрежденный тогда третій риторическій классъ, не явились въ оный или по болѣзни или по другимъ обстоятельствамъ, а потому и признать ихъ за нерадивыхъ и непонятныхъ къ ученію было еще сумнительно. Ректоръ о Павловскомъ представилъ, что онъ рекомендованъ поведенія дурного за неявку его къ нему при разборѣ на экзаменъ по болѣзни, которая не относится къ дурному поведенію. А указомъ изъ Св. Синода Генваря отъ 23 числа сего года предписано: семинаристовъ обратить въ военную службу тѣхъ, которые поведенія непорядочнаго; за оными же учениками пороковъ никакихъ по семинаріи не имѣлось, а исключены изъ оной по неосновательному ректорскому и учительскому экзамену, который наконецъ по слѣдствію оказался разновиднымъ и невѣроятнымъ, потому что надлежало было за отлучкою ихъ, представя мнѣ о томъ upредительно, вторичный сдѣлать имъ экзаменъ; но сего не учинено. въ чемъ и состоятъ виновными не ученики, а ректоръ съ учителями. А какъ ученикамъ лѣта позво-

---

1) Тамъ же, 1795 г. іюнь 22, № 10.
2) Тамъ же, сент. 19, № 28.

ляютъ еще продолжать ученіе, то обратить ихъ по прежнему въ семинарію, обязавъ съ крѣпчайшимъ подтвержденіемъ подпискою, чтобы они всемѣрно старались потерянное во ученіи время наградить трудами и прилежаніемъ подъ опасеніемъ за нераченіе неотмѣнной отсылки въ свѣтскую команду" [1]).

Однако, при всей снисходительности, при всемъ нежеланіи высшаго семинарскаго начальства пользоваться этой дисциплинарной мѣрой, къ ней всеже, конечно, приходилось прибѣгать, особенно къ отношеніи къ ученикамъ низшихъ классовъ. 22 іюня 1797 г. Владимірское губернское правленіе увѣдомило, напр., консисторію, что изъ 11 учениковъ Суздальской семинаріи и духовныхъ училищъ, присланныхъ въ то правленіе, 6 отосланы для опредѣленія въ военную службу, 3 больныхъ для лѣченія въ больницу, а 2, совсѣмъ неспособные къ службѣ, обращаются назадъ при томъ сообщеніи [2]). 26 іюня то же правленіе увѣдомило консисторію, что присланные семинаристы въ количествѣ 18 человѣкъ отосланы для опредѣленія въ военную службу [3]).

Насколько можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, главнѣйшими проступками семинарской жизни этого періода, подвергавшимися высшимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, было пьянство, соединенное съ буйствомъ. Далѣе слѣдуютъ своевольныя отлучки. Упоминанія о нихъ въ документахъ тоже нерѣдки. Какъ говорилось раньше, отлучки эти представляли собою уже не прежнее бѣгство „для избытія побой", а скорѣе своевольный выходъ на время изъ семинаріи безъ спроса начальства, почему и разсматривались семинарскимъ начальствомъ, какъ выраженіе „самовольства". Въ 1796 г. студентъ богословіи Алексѣй Николинъ отлучился изъ семинаріи безъ всякаго на то дозволенія начальства на сырной недѣлѣ и не являлся въ семинарію, не увѣдомляя о мѣстѣ своего пребыванія до начала апрѣля. На допросѣ въ консисторіи онъ показалъ: „26 февраля сего года въ свободное какъ ему такъ и прочимъ ученикамъ отъ ученія время отлучился онъ, по просьбѣ помѣщика Александра Иванова Хметевскаго, въ вотчинную его деревню, состоящую отъ города Суздаля не болѣе тридцати верстъ для сдѣланія дочери его, Хметевскаго, изъ катихизиса, коему онъ, Николинъ обучалъ ее въ Суздалѣ въ домѣ господина городничаго Петра Андреевича Хметевскаго, при ономъ отцѣ ея, какъ она тотъ катихизисъ выразумѣла, вопросовъ, не болѣе какъ и съ проѣздомъ на три дня. Утруждать же его преосвященство и отца ректора о семъ на краткое время его

---

[1]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1797 г., № 1303.
[2]) Арх. консист. Книга входящихъ дѣлъ 1797 г., № 1010.
[3]) Тамъ же, № 1027.

увольнении онъ, Николинъ, не осмѣлился, въ чемъ, принося извиненіе, проситъ милостиваго прощенія. А по пріѣздѣ его, Николина, въ домъ означеннаго Хметевскаго на другой день заболѣлъ онъ лихорадкою, которою и былъ одержимъ до 26 сего марта. Въ сей болѣзни видѣлъ его въ бытность свою тамъ означенный господинъ городничій, отъ коего и свидѣтельство въ томъ, что онъ Николинъ подлинно былъ боленъ, при томъ допросѣ пріобщилъ. Въ другихъ же мѣстахъ во время той отлучки онъ, Николинъ, не былъ и въ худыхъ поступкахъ не обращался, въ чемъ на него господина Хметевскаго и шлется". По распоряженію консисторіи, Николинъ за самовольную отлучку былъ штрафованъ удержаніемъ у него за два мѣсяца жалованья [1]. Николину назначено было слабое наказаніе въ виду того, что онъ представилъ удостовѣреніе о своей болѣзни отъ такого почтеннаго лица, какъ городничій. Въ другихъ случаяхъ самовольная отлучка изъ семинаріи и неявка къ сроку наказывались строже. Въ томъ же мѣсяцѣ Гедеонъ представилъ реестръ учениковъ, изъ которыхъ одни не явились съ вакаціоннаго времени, другіе съ Рождественскихъ праздниковъ. Викторъ предписалъ: „нерадивыхъ учениковъ исключить изъ семинаріи вовсе и лишить ихъ надежды къ поступленію въ чинъ священнослужительскій" [2]).

---

[1]) Арх. консист. Журн. консист. 1796 г., апр. 3, № 1.
[2]) Тамъ же, апр. 7, № 5.

Владимірская семинарія при еп. Ксенофонтѣ (Троепольскомъ).

(1800—1814).

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на состояніе семинаріи при еп. Ксенофонтѣ.

Ксенофонтъ Троепольскій изъ префектовъ Орловской семинаріи въ 1796 г. былъ поставленъ архимандритомъ Свіяжскаго монастыря. Января 15 1800 г. назначенъ епископомъ Свіяжскимъ, а 24 февраля тогоже года переведенъ на Владимірскую каѳедру, гдѣ оставался до 1821 года. Іюля 3-го 1821 года опредѣленъ архіепископомъ Подольскимъ. Скончался 1834 г. мая 4 на покоѣ [1]).— Преданіе говоритъ, что Ксенофонта называли „радѣтелемъ духовнаго просвѣщенія". Дѣйствительно, семинарія до 1814 г., т. е. пока она находилась еще въ непосредственномъ и полномъ вѣдѣніи епархіальныхъ архіереевъ, была предметомъ его особенныхъ заботъ и попеченій. Его правленіе вслѣдствіе этого представляетъ дальнѣйшее раскрытіе тѣхъ добрыхъ началъ семинарской жизни, которыя зародились со времени Виктора. Распредѣленіе учебнаго времени, программы курсовъ при Ксенофонтѣ были точно регламентированы въ данномъ имъ „методѣ преподаваемыхъ наукъ". Въ области дисциплинарно — воспитательной его стараніями сдѣланы были очень замѣтные шаги впередъ по пути гуманныхъ отношеній къ учащимся. Тѣлесныя наказанія были запрещены его положительнымъ требованіемъ и примѣнялись только въ исключительныхъ случаяхъ по распоряженію семинарскаго правленія, а не по произволу частныхъ лицъ. Памятникомъ его заботъ о внѣшнемъ благоустройствѣ семинаріи служитъ сохранившійся до настоящаго времени каменный классный корпусъ. Въ этомъ смыслѣ имя еп. Ксенофонта должно быть поставлено на ряду съ именемъ основателя семинаріи Платона. Провидѣнію угодно было, чтобы Владимірская дореформенная семинарія начала свое бытіе и окончила его подъ призоромъ архипастырей, относившихся къ ней съ особеннымъ вниманіемъ и съ особенною любовью. Благодаря такому просвѣщенному и любовному содѣйствію еп. Ксенофонта, Владимірская семинарія въ эпоху, предшествовавшую ея преобразованію, вы-

---

[1]) Списки архіереевъ... № 185.

соко поднялась въ сравненіи съ прежнимъ временемъ и, если не принадлежала къ числу передовыхъ семинарій періода преобразованій, то во всякомъ случаѣ въ ряду другихъ занимала далеко не послѣднее мѣсто.

ГЛАВА II.

Средства содержанія.—Казенное жалованье и Суздальская бурса.—Новое возвышеніе штатнаго оклада.—Хожденіе по міру.—Квартиры.—Своекоштные бурсаки. — Утвержденіе священно-церковнослужительскихъ мѣстъ. — Жалованье учащимъ и начальствующимъ.—Дрова.—Семинарскія зданія.—Постройка каменнаго корпуса.—Церкви Зачатіевская и теплая Богоявленская.

Во время Виктора, въ виду увеличенія штатнаго оклада, отпускаемаго на Владимірскую семинарію, положено было, кромѣ обычнаго содержанія учениковъ жалованьемъ, устроить для сиротъ въ Суздалѣ бурсу, гдѣ содержать нѣсколькихъ учениковъ на готовой пищѣ и довольствовать ихъ полной одеждой. Съ того времени казенное содѣйствіе ученикамъ въ содержаніи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Казеннымъ окладомъ во Владимірской семинаріи стало пользоваться до 30 человѣкъ. Такъ, въ 1801 г. было выдано жалованье 30 ученикамъ, полагая на каждаго по 6 руб. 50 коп. въ годъ. [1]) Въ 1804 г. къ пользованію казеннымъ жалованьемъ предназначено было 36 человѣкъ. [2]) На содержаніе Суздальской бурсы ассигновалось до 1807 года по 1474 руб. 82 коп. [3]) Въ счетъ этой суммы, за вычетомъ жалованья учителямъ, расходовъ по поддержанію зданій, содержалось около 15 бурсаковъ на полномъ коштѣ и человѣкъ 8—10 получали жалованье. Въ 1800 г. архимандритъ Спасоевѳиміеваго монастыря Ѳеодоритъ, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда Суздальская бурса, представилъ приблизительную смѣту тѣхъ расходовъ, которыхъ потребуетъ содержаніе учениковъ пищею въ теченіе одного мѣсяца и затѣмъ цѣлаго учебнаго года. Въ этой смѣтѣ значилось. Муки ржаной на печеніе хлѣба и на прибавку къ солоду въ квасъ (въ одинъ мѣсяцъ на одного) 1 п. 10 фун. на 75 коп.; крупъ полъ четверика 35 коп.; солода на квасъ 4 фун. 8 коп.; соли 3 фун. 3 коп.; муки пшеничной на подправку щей и для печенія булокъ въ праздники 4 фун. 10 коп.; луку въ 9½ мѣс. (учебный годъ) четверикъ 40½ коп; капусты въ 9½ мѣс. 3 ведра 60 коп.; рыбы въ 9½ мѣс.

---

[1]) Арх. семин. 1801 г. Донес. семин. правленія отъ 14 февраля.
[2]) Тамъ же, 1804 г.
[3]) Тамъ же, 1801. Донесен. отъ 14 февраля.

30 фун. 1 р. 80 коп.; говядины въ 9½ мѣс. пудъ 1 р. 60 коп. масла коровьяго въ 9½ мѣс. 10 фун. 1 р. 70 коп. и постнаго 20 фун. 2 руб.; за мытье бѣлья въ 9½ мѣс. 1 р. 45 коп. Въ общемъ содержаніе ученика пищею вмѣстѣ съ мытьемъ бѣлья по смѣтѣ Ѳеодорита должно было потребовать въ годъ (9½ мѣс.) около 22 руб. [1]) Переходя далѣе къ исчисленію расходовъ на письменныя принадлежности и отопленіе зданій, Ѳеодоритъ опредѣляетъ цифру этихъ расходовъ круглымъ счетомъ на 30 человѣкъ въ такомъ видѣ. Бумаги бѣлой 3 стопы по 4 р. 20 коп.; сѣрой 3 стопы по 2 р. 80 коп.; на письменныя по училищу дѣла бѣлой одна стопа 4 р. 20 коп.; сѣрой стопа 2 р. 80 коп.; на сургучъ 50 коп.; на свѣчи 2 п. 11 руб; на чернила 1 руб.; на перья 1 руб. Дровъ для бурсы на хлѣбныя печи и очагъ 80 руб., на „классическія" три печи 45 руб.; итого на 6 печей 125 руб. На починку печей 60 руб., на починку покоевъ 80 руб. и на др. надобности 50 руб. Всего 356 руб. [2]).—О стоимости бурсацкой одежды въ началѣ XIX столѣтія можно судить по отчету, представленному Суздальскимъ надзирателемъ семинарскому правленію въ 1803 году. Въ немъ онъ извѣщаетъ, что куплено для бурсаковъ 88 овчинъ на 68 руб. и изъ нихъ сшито 15 тулуповъ, за пошитье которыхъ заплачено 8 руб.; 10 шапокъ—14 руб.; 10 рукавицъ съ варигами 4 р. 50 коп.; 20 русскихъ чулокъ 11 руб.; 17 бахилы и пара сапогъ сеньору 14 р. 60 коп. [3]) Въ 1810 г. каждый тулупъ, покрытый пестрядкою, обошелся въ 13 руб., бахилы — 1 р. 10 коп., пара чулокъ — 80 коп., рукавицы съ варигами — 80—90 коп., пара сапогъ—3 руб., кушакъ—48 коп., шапка—1 р. 50 коп. [4]).

По Высочайше конфирмованной 19 декабря 1806 года росписи къ отпуску на семинаріи назначено вновь 18000 руб., изъ коихъ Владимірская семинарія стала получать по 4000 руб. за годъ. Окладъ ея, такимъ образомъ, съ ничтожной суммы 653 руб. 55 коп. возросъ къ концу дореформеннаго періода до 8000 руб., хотя, къ сожалѣнію, и условія жизни, и цѣнность денегъ тоже значительно измѣнились. Съ новымъ повышеніемъ оклада явилась возможность сдѣлать новыя увеличенія и улучшенія. И они, дѣйствительно, были сдѣланы. Въ 1811 г. изъ учениковъ Владимірской семинаріи жалованье получили за первую треть 112 человѣкъ, за вторую — 115 и за третью—118. Да кромѣ того 18 ученикамъ, не получившимъ денежнаго оклада въ послѣднюю треть за отсутствіемъ вакансіи, выдано было единовременное пособіе въ размѣрѣ 34 руб. 50 коп. на всѣхъ. Размѣръ жалованья находился въ зависимости отъ класса.

---

[1]) Арх. семин. 1800 г., дек. 19.

[2]) Арх. семин. Тамъ же.

[3]) Арх. семин. 1803 г., мартъ 1.

[4]) Арх. семин. 1810 г. № 133.

Студенты богословіи получали около 18 руб. въ годъ, философіи 15, ученики риторики и поэзіи 12, синтаксимы 10, грамматики, инфимы и русскаго класса 8 руб. [1]). Количество единовременнаго пособія ученикамъ, не попавшимъ на казенный окладъ, опредѣлялось каждый разъ особо резолюціею преосвященнаго и колебалось между рублемъ и 50 коп. въ мѣсяцъ. [2]) Улучшилось и положеніе Суздальской бурсы. Резолюціею владыки назначено было на содержаніе Суздальскаго училища въ 1810 г. 1762 руб. 75 коп., въ 1811 г. 1892 75 коп. [3]) Всѣхъ казеннокоштныхъ въ Суздальскомъ училищѣ числилось въ 1813 г. 35 человѣкъ. Кромѣ того съ 1807 г. назначено было получать казенное жалованье 15 ученикамъ Переславскаго училища.

Однако при всѣхъ этихъ улучшеніяхъ, при всѣхъ увеличеніяхъ оставалось желать еще очень и очень многаго. Общій фонъ повседневной жизни семинариста былъ по прежнему теменъ. „Невыностный голодъ“, на который жаловались ученики временъ основанія семинаріи, не былъ, конечно, теперь, какъ тогда, достояніемъ всѣхъ, но его, несомнѣнно, испытывали многіе. Въ самомъ дѣлѣ, сравнительно обезпеченными могли считаться только тѣ 15—35 сиротъ, которые содержались въ Суздальской бурсѣ. Изъ получавшихъ жалованье наибольше выдавалось студентамъ богословіи, окладъ которыхъ простирался до 18 руб. въ годъ. Между тѣмъ семинарское правленіе въ своемъ докладѣ консисторіи въ январѣ 1807 г. прямо заявляетъ, что содержаніе ученика во Владимірѣ въ теченіе года стоитъ не менѣе 60 руб. [4]). Слѣдовательно, самый высшій казенный окладъ доставлялъ нуждающимся ученикамъ лишь 1/3 той суммы, которая нужна была имъ для содержанія въ семинаріи. Но и такихъ обезпеченныхъ частію было сравнительно немного. Къ концу періода число ихъ доходило, правда, до 120 человѣкъ, но вѣдь и общее количество учащихся во Владимірскихъ духовныхъ заведеніяхъ простиралось до 2000 [5]). Большинство, слѣдовательно, обречены были на безвыходную нужду и всѣ ея невзгоды. 8 марта 1801 г. надзиратель Суздальскаго училища протоіерей Димитрій Смирновъ рапортомъ представилъ: „Нѣкоторые ученики ходятъ де по міру; для отвращенія сего посрамленія училищу, неоднократно совѣтовалъ я имъ писать немедленно къ отцу своему о присылкѣ пищи; не смотря на сіе, нѣкоторые и доселѣ по церквамъ и подъ окнами просятъ милостыню. Та-

[1]) Арх. семин. 1810 г., № 118.

[2]) Арх. семин. 1811 г., № 732.

[3]) Арх. семин. 1810 г., декабрь; 1811 г., № 15.

[4]) Арх. консист. Дѣло 1807 г. безъ №. (О присылкѣ въ консисторію извѣстія относительно количества учащихъ и учениковъ, мѣстоположенія зданій и содержанія учениковъ казеннымъ коштомъ).

[5]) Въ 1813 г. въ Владимірской семинаріи считалось 1478 человѣкъ да въ Суздальскомъ училищѣ 495. См. семинар. вѣдомости за 1813 г.

ковы суть: высшаго элементарнаго класса Алексѣй Рубцевъ, понамаревъ сынъ, Даніилъ Хомутовскій, дьячковъ сынъ, Матѳей Ястребцовъ, умершаго понамаря сынъ, живущій на содержаніи брата, сторожа Юрьевской соборной церкви, и Григорій Лебедевъ, утопшаго понамаря сынъ, живущій на содержаніи дьячка; кои всѣ ученики показали мнѣ, что у нихъ то за дальностью домовъ, то за недостаткомъ содержателя ихъ собственнаго пропитанія почасту недостаетъ“ [1]). Въ 1808 г. открылось, что ученикъ высшаго элементарнаго класса Иванъ Теверовскій часто собиралъ милостыню по принужденію отца своего дьячка какъ для уплаты за квартиру, такъ и для пріобрѣтенія себѣ обуви и пищи. Въ февралѣ мѣсяцѣ того же года семинарское правленіе по приказанію владыки представило ему вѣдомость здѣшней семинаріи учениковъ, ходящихъ по міру. По списку оказалось 24 человѣка. Ксенофонтъ приказалъ имъ выдать изъ семинарской суммы денежное пособіе по 1 р. 50 коп. [2]). Но это, конечно, мало содѣйствовало уврачеванію зла. По недостатку средствъ, ученики вынуждены были ютиться въ самыхъ отдаленныхъ, грязныхъ и неудобныхъ мѣстахъ, лишь бы только добыть квартиру на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Студентъ Шиморскій, пойманный въ трактирѣ въ 1811 г., на допросѣ объяснялъ посѣщеніе имъ трактира тѣмъ, что дворникъ, у котораго онъ квартировалъ, на сырной недѣлѣ выѣхалъ изъ дому, а потому у него на квартирѣ, кромѣ хлѣба, ничего не было [3]). Другой ученикъ Павелъ Святковъ въ томъ же году вынужденъ былъ ходить ночевать въ классъ, такъ какъ на квартирѣ его было поставлено очень много рекрутъ [4]). Изъ показаній ученика риторики Цвѣткова видно, что бѣднѣйшіе ученики снимали обычно квартиру коп. 60 въ мѣсяцъ и притомъ получали отъ хозяина безплатно соль, капусту и квасъ [5]). Что это была за квартира при цѣнахъ, значительно поднявшихся къ тому времени на все, можно себѣ представить. Семинарское начальство въ началѣ XIX столѣтія сдѣлало было одинъ разъ попытку придти на помощь этимъ жертвамъ квартирныхъ условій. Именно, въ 1802 г., по распоряженію Ксенофонта, въ Суздальскую бурсу стали допускаться бурсаки своекоштные съ тѣмъ, чтобы, внося извѣстную плату, они могли пользоваться общимъ помѣщеніемъ и столомъ съ казеннокоштными учениками. Предложеніе было принято сочувственно. При первомъ же объявленіи изъявили согласіе 20 человѣкъ. Но, когда пришло время расплаты,

---

[1]) Арх. семин. 1801 г., мартъ 13.
[2]) Арх. семин. 1808 г., февр. 13.
[3]) Арх. семин. 1811 г., № 132, февр. 16.
[4]) Тамъ же, № 137, февр. 15.
[5]) Арх. семин. 1800 г., іюль 14.

то отцы дѣтей отказались платить назначенную сумму, основываясь на томъ, что они могутъ содержать своихъ сыновей на квартирахъ, хотя не съ такими удобствами, но съ меньшими издержками. Еп. Ксенофонтъ, которому донесли объ этомъ случаѣ, понизилъ взносъ до минимума и велѣлъ взять съ каждаго за четыре мѣсяца содержанія въ бурсѣ 4¼ руб. деньгами, или же провизіей по справочной цѣнѣ. Но и послѣ такого снисхожденія ученики своекоштные поспѣшили уйти изъ бурсы, одни ссылаясь на свою бѣдность, другіе на тѣсноту помѣщеній [1]).

При небольшомъ количествѣ казенныхъ вакансій и недостаточности казеннаго жалованья, обезпеченіе учениковъ священно-церковнослужительскими мѣстами продолжало практиковаться по прежнему. Плата съ утвержденныхъ мѣстъ значительно повысилась, соотвѣтственно общему увеличенію на все цѣнъ. Въ 1802 г. возникъ споръ о величинѣ взноса между студентомъ философіи Елпатьевскимъ, за которымъ утверждено было въ одномъ селѣ понамарское мѣсто, и священникомъ этого села. Священникъ заявилъ Ксенофонту, что отъ празднаго понамарскаго мѣста лѣтъ 13 разные семинаристы пользовались доходами, при чемъ имъ платились деньги въ неодинаковомъ количествѣ. До 1797 г. платилось по 10 руб.; съ 1797—1801 по 25 руб.; а нынѣ студентъ Елпатьевскій, за которымъ это мѣсто утверждено, требуетъ 30 р. Владыка призвалъ къ себѣ студента и священника и согласилъ ихъ на 15 руб. [2]). Въ 1813 г. предоставленныя мѣста числились за 78 семинаристами; изъ нихъ 13 владѣли священническими доходами, 10 діаконскими, 23 дьячковскими и 32 понамарскими [3]).

Ученики, обладавшіе голосомъ и умѣвшіе пѣть, какъ и раньше, пользовались экстреннымъ вспомоществованіемъ въ видѣ денежныхъ наградъ, получаемыхъ за пѣніе въ церквахъ и за хожденіе со славою. Въ 1800 г. выславлено было 34 руб. 60 коп. Вся сумма распредѣлилась между 19 пѣвчими въ порядкѣ старшинства по классамъ. Регентъ получилъ четыре рубля [4]).

Жалованье учителямъ повышалось соотвѣтственно общему повышенію оклада. 28 августа 1800 г. Ксенофонтъ велѣлъ распредѣлить семинарскія деньги такъ, чтобы на жалованье учителямъ Владимірской семинаріи и прочимъ чинамъ не выходило болѣе ⅓ части всей суммы, т. е. около 1333 руб. За первую треть 1810 г., когда на семинарію отпускалось уже 8000 руб., начальствующіе, учащіе и служащіе получили жалованье по такому росписанію. Ректоръ 73 руб. 33½ коп.; префектъ 61 руб. 66½ коп.;

---

[1]) Арх. семин. 1802 г., сент. 16 и 1803 г., донесеніе отъ 31 декабря 1802 г.
[2]) Арх. семин. 1802 г., мартъ 21.
[3]) Арх. семин. Семин. вѣдом. за 1813 г.
[4]) Арх. семин. 1800 г., № 154.

учитель философіи 60 руб.; учитель высшей риторики 53 руб. 33½ коп.; учитель низшей риторики 50 р.; учитель поэзіи 46 р. 66½ коп.; учитель синтаксимы 43 руб. 33½ коп.; учитель грамматики 40 руб.; учитель высшей информаторіи 35 руб.; учитель низшей информаторіи 33 руб. 33½ коп.; учитель высшаго нѣмецкаго класса 46 руб. 66½ коп.; учитель низшаго французскаго класса, географіи и ариѳметики 33 руб. 33 коп.; учитель россійскаго класса и вмѣстѣ пѣвческихъ хоровъ 46 руб. 67 коп.; сеніоръ 10 руб.; сторожа по 5 руб. [1]). Въ 1813 г., когда вслѣдствіе французской компаніи возвысились цѣны на всѣ жизненныя потребности, преосв. Ксенофонтъ по докладу правленія велѣлъ къ общей суммѣ, отпускаемой на жалованье учителямъ, прибавить еще 460 руб. [2]).

При покупкѣ дровъ для отопленія семинарскихъ зданій начальство держалось по прежнему строгой экономіи. Конечно, теперь въ распоряженіи семинаріи было больше матеріальныхъ средствъ, но и цѣна на дрова поднялась въ сравненіи съ 80-ми годами XVIII столѣтія вдвое. 27 февраля 1802 г. семинарское начальство, испрашивая разрѣшенія выдать денегъ на покупку дровъ [3]), замѣтило, что куплено было съ начала сего года дровъ на 15 руб., но они всѣ изошли, а въ классахъ, не топя печей, бываетъ очень холодно (sic!) [4]).

Въ общемъ же, насколько можно видѣть изъ приведенныхъ цифръ, семинарія расходовала отпускаемыя штатныя суммы съ необыкновенною осторожностью: отъ 1799 г. въ остаткѣ считалось 1000 руб. 82¾ коп. [5]); къ 1804 г. остатокъ возросъ до 2608 р. 95 к. [6]). И дѣлалось это не безъ основаній. Увеличеніе учениковъ потребовало расширенія площади семинарской земли и постройки новыхъ зданій. Покончивъ съ починками старыхъ семинарскихъ помѣщеній, которыя пришли въ упадокъ въ періодъ пребыванія семинаріи въ Суздалѣ, семинарское правленіе въ концѣ 1800 г. купило деревянный домъ купца Василія Морозова, находившійся близъ Успенскаго монастыря въ Никитской улицѣ за 275 руб., и нашло мастеровыхъ, которые согласились разобрать домъ до основанія и присутствовать при перевозкѣ его „для предохраненія отъ перемѣшательства стѣнъ и прочаго“. По перевозкѣ на мѣсто, мастера обязывались, „какія бы ветхости

---

1) Арх. семин. 1810 г., № 118.

2) Арх. семин. 1813 г., № 840.

3) Семинарская сумма съ 1800 г. стала храниться въ ризницѣ Успенскаго собора за семинарскою печатью, вырѣзанною по формѣ, присланной изъ Св. Синода.

4) Арх. семин. 1802 г., 27 февраля.

5) Арх. семин. 1800 г., № 135.

6) Выписка изъ приходо-расходной книги за 1804 г.

не оказались, поправить, вычинить, подрубить, столбы уставить по надлежащимъ мѣстамъ, окошки нѣкоторыя по приличію мѣста задѣлать, внутри дома сдѣлать одну перегородку и въ ней дверь и, взомшивъ этотъ домъ, покрыть въ два теса". За работу мастеровымъ выдано было 200 руб. Нужные матеріалы для починки пріобрѣтались семинаріей особо [1]). Въ 1804 г., вслѣдствіе невмѣстительности семинарскихъ строеній для помѣщенія классовъ и учителей [2]), былъ пріобрѣтенъ другой домъ, находившійся въ смежности съ семинаріей и принадлежавшій Апрянину. Домъ купленъ

---

1) **Арх. сем. 1801 г., февр. 1, 8; янв. 31.**

2) О семинарскихъ зданіяхъ, распредѣленіи въ нихъ классовъ до 1802 г. можно составить себѣ довольно ясное представленіе по описи семинарскихъ вещей, составленной въ этомъ году по приказанію владыки. Изъ описи видно, что семинарія въ началѣ XIX столѣтія помѣщалась по преимуществу въ архіерейскомъ домѣ и только часть ея въ собственно семинарскихъ зданіяхъ. Въ архіерейскомъ домѣ помѣщались: 1) Судейская комната. Въ ней — образъ Богоматери, столъ столярный съ ящикомъ, креслы, обитыя кожею, столъ съ кожаною подушкою, часы съ мѣдными корпусомъ стѣнные безъ футляра, шкафъ столярный съ желѣзнымъ замкомъ, печать стальная съ гербомъ на имя семинарскаго правленія, три подсвѣчника жестяныхъ съ двумя съемцами и чернильница хрустальная съ песочницей. 2) Подьяческая комната. Въ ней: образъ Николая Чудотворца, столярный столъ съ двумя ящиками, двѣ скамейки, комодецъ съ нутрянымъ замкомъ, чернильница съ песочницей хрустальная, ножницы большія, перочинный ножикъ, четыре топора, четыре заступа и скребокъ, тлѣница жестяная съ огнивомъ, счеты дубовые съ деревянными косточками, фонарь жестяный и кружка жестяная. 3) Библіотека — замокъ висячій желѣзный. 4) Богословскій классъ. Въ немъ: образъ Св. Троицы, столярная каѳедра, четыре стола, восемь скамей. 5) Философскій классъ. Въ немъ: образъ Спасителя, писанный на стѣнѣ, каѳедра столярная, шесть столовъ и одиннадцать скамей. 6) Риторическій классъ. Въ немъ: образъ благовѣрныхъ князей Георгія Владимірскаго, Димитрія царевича и Георгія великомученика, каѳедра столярная, четыре стола и восемь скамей.— На семинарскомъ дворѣ стоялъ каменный одноэтажный флигель, покрытый тесомъ (разумѣется старый корпусъ, построенный при основаніи семинаріи), и деревянный флигель (вѣроятно, купленный у Морозова въ 1801 г.). Въ каменномъ флигелѣ помѣщалось два класса: піитическій и низшій элементарный. Въ піитическомъ: образъ Спасителя, три стола и шесть скамей; въ трехъ комнатахъ низшаго элементарнаго: образа Тихвинскія, Смоленскія Богородицы и Неопалимыя Купины, десять столовъ, одна карта и четырнадцать скамеекъ. Въ деревянномъ флигелѣ въ двухъ покояхъ помѣщались классъ высшій грамматическій и низшій грамматическій. Въ высшемъ грамматическомъ: образъ Спасителя, столовъ шесть, скамей двѣнадцать и доска черная. Въ низшемъ: образъ Спаса нерукотвореннаго, столовъ и партъ одиннадцать, скамеекъ девятнадцать и доска черная. Въ этомъ же флигелѣ, или можетъ быть въ отдѣльныхъ какихъ-нибудь пристройкахъ (можетъ быть это старые древяные покои, которые нѣкогда ввѣрены были наблюденію Новоселовскаго; на основаніи описи трудно судить), помѣщались ректорскіе покои и россійскій классъ. Въ ректорскихъ покояхъ: столъ овальный старый, канопе обитая затрапезомъ. Впослѣдствіи въ 1807 г. ректорскіе покои помѣщались уже въ архіерейскомъ домѣ. Въ россійскомъ классѣ: образъ коронованія Богородицы, столовъ два, скамей четыре. (Арх. семин. 1803 г., іюнь 23).

былъ за 280 руб. вмѣстѣ съ небольшой усадьбой, на которой разбитъ былъ фруктовый садъ [1]). При покупкѣ этого дома главнымъ образомъ имѣлась въ виду земля, которую предполагали занять большимъ каменнымъ корпусомъ. Къ постройкѣ этого корпуса и приступили, кажется, одновременно съ пріобрѣтеніемъ усадьбы Апрянина. Постройка обширнаго двухэтажнаго зданія обошлась семинарской экономіи очень дорого, поглотила всѣ образовавшіеся къ тому времени семинарскіе остатки и потребовала еще сторонняго содѣйствія. Экстренное вспомоществованіе, но не особенно, впрочемъ, цѣнное, получено было прежде всего въ видѣ даровыхъ матеріаловъ, оставшихся отъ обветшавшей Зачатіевской церкви. Церковь эта еще въ 1778 году приписана была по повелѣнію Іеронима къ Успенской Богородицкой. Въ 1785 г. данъ былъ изъ консисторіи указъ священнику Зачатіевской церкви Ивану Тимоѳееву о томъ, чтобы онъ съ причетниками числился и именовался при Богородицкой церкви и при ней имѣлъ жительство, а содержаніе получалъ отъ имѣющихся при Зачатіевской церкви сѣнныхъ покосовъ и мельницы [2]). Съ того времени Успенская Богородицкая церковь сдѣлалась приходскою; Зачатіевская же, оставленная причтомъ, стала приходить все въ большую и большую ветхость. 20 сентября 1806 г. данъ былъ указъ изъ консисторіи „о разобраніи Зачатіевской церкви, пришедшей въ ветхость, и употребленіи ветхаго матеріала на топленіе Богородицкой церкви, а прочнаго, сколько окажется, на отдѣлку новаго каменнаго корпуса“ [3]). Для этой же цѣли употреблены были матеріалы, оставшіеся отъ теплой Богоявленской церкви. Въ 1803 году протопопъ Знаменской церкви Ставровскій, по осмотрѣ теплой семинарской церкви, представилъ консисторіи. „Внутри церкви отъ подгнитія столбцовъ престолъ нѣсколько колеблется: въ алтарѣ поперегъ свода разсадина, тамъ же надъ всѣми окошками и ниже оныхъ въ стѣнахъ до самаго фундамента сквозная трещина; въ иконостасѣ въ верхнемъ ярусѣ образа облиняли; на паперти по всему своду трещина; среди церкви чрезъ весь сводъ немалыя разсадины; извнѣ глава покрыта деревянною чешуею и отъ времени пообилась; деревянная кровля столь обветшала. что на трапезу во время дождя бываетъ течь“. Церковныхъ суммъ, нужныхъ для починки, не оказалось. Резолюціею владыки было положено: „теплую каменную церковь, за оказавшеюся крайнею ветхостію и за неимѣніемъ церковной суммы для исправленія, упразднить; иконостасъ и прочія церковныя вещи обратить въ настоящую Богоро-

[1]) Арх. семин. 1804 г., мартъ 31.
[2]) Арх. семин. Копія указа подъ № 975.
[3]) Арх. семин. 1806 г., № 843.

Классный корпусъ Владимірской дух. семинаріи.

дицкую церковь, въ коей нужно будетъ устроить для зимняго времени теплый предѣлъ; матеріалы употребить какъ на починку ветхихъ семинарскихъ покоевъ, такъ и на построеніе новыхъ..., а потому и сумму, потребную работникамъ употребить изъ семинарскихъ денегъ" [1]).—Нѣкоторое содѣйствіе при постройкѣ каменнаго корпуса оказано было и частными пожертвованіями, къ которымъ расположилъ состоятельныхъ лицъ преосв. Ксенофонтъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что архимандритъ Модестъ завѣщалъ на постройку корпуса 100 руб., Сергѣй Яким. Мальцевъ пожертвовалъ пять ящиковъ стекла на сумму 125 руб. [2]).

Къ 1808 г. работы по постройкѣ новаго каменнаго зданія были закончены. 15 іюля этого года въ присутствіи именитыхъ гражданъ города Владиміра произошло торжественное открытіе новоустроеннаго семинарскаго дома [3]). Домъ этотъ и есть нашъ нынѣшній классный корпусъ. Къ концу текущаго учебнаго года ему исполнится, такимъ образомъ, 92 года. — Когда постройка новаго двухэтажнаго флигеля была закончена, старый деревянный семинарскій флигель былъ разобранъ и употребленъ на дрова [4]).

ГЛАВА III.

Начальствующіе и учащіе.—Ректоръ Павелъ и Анатолій.—Префекты Кудрявцевъ и Никонъ.—Наставники.—Командировка воспитанниковъ въ Троицкую семинарію для подготовленія къ учительству. — Отношеніе еп. Ксенофонта къ наставникамъ.

Главнымъ органомъ внутренняго управленія семинаріею въ началѣ XIX столѣтія является учрежденное во Владимірской семинаріи въ 1799 г. по указу Св. Синода семинарское правленіе. Присутствующимъ правленія былъ ректоръ, префектъ и нѣкоторые изъ учителей. Первоприсутствующимъ считался ректоръ. 23 марта 1800 г. еп. Ксенофонтъ распорядился, чтобы ученики просились на священно-церковнослужительскія мѣста не иначе, какъ съ разрѣшенія ректора, при чемъ къ просьбѣ должны пріобщаться свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи [5]). Въ слѣдующемъ году преосв. Ксенофонтъ на просьбѣ студента философіи Аѳанасія Тихомирова написалъ резолюцію такого содержанія: „впредь

---

[1]) Арх. семин. 1803 г., апр. 30.
[2]) Фундамент. библіот. семин. Отд. рукописей № 16.
[3]) Тамъ же.
[4]) Арх. семин. 1810 г., нояб. 9.
[5]) Арх. семин. 1800 г., № 142.

таковыхъ глупцовъ, подобныхъ просителю, къ намъ не представлять“. По справкѣ оказалось, что прошеніе подписано было рукою префекта безъ вѣдома ректора. По этому поводу Павелъ заявилъ протестъ въ правленіи, напомнилъ о своемъ значеніи, какъ первоприсутствующаго, и требовалъ „замѣтить, что при двухъ или трехъ только свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголъ, а не такъ, чтобы одинъ присутствующій свидѣтельствовалъ, а другой совсѣмъ не зналъ“ [1]).

На долю ректора Павла выпали заботы по переводу учениковъ изъ Суздаля и по устройству ихъ на новомъ мѣстѣ. Въ воззрѣніяхъ на дисциплинарныя взысканія Павелъ придерживался, кажется, гуманныхъ принциповъ Ксенофонта. Судя по архивнымъ дѣламъ, онъ не мало заботился о благосостояніи семинаріи и сдѣлалъ бы конечно еще больше, если бы не упорная болѣзнь, медленно, но съ жестокою необходимостью, приближавшая его ко гробу. Болѣзнь эта, повидимому, побудила Павла заняться медициной, по которой имѣлась у него цѣлая коллекція книгъ. Изученіе медицины открыло ему глаза на характеръ его недуга, и Павелъ представляетъ въ своемъ лицѣ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ чахоточныхъ больныхъ, которые не тѣшатъ себя никакими иллюзіями на счетъ исхода своей роковой болѣзни. Въ семинарскомъ архивѣ сохранилось предсмертное письмо Павла къ преосв. Ксенофонту, чрезвычайно характерное для выясненія его личности. „Дѣлая ежедневныя надъ собою замѣчанія, писалъ между прочимъ онъ, не ошибаюсь, кажется, что во внутренности моей глубоко уже впустила корень свой чахотная болѣзнь. Слѣдствія оттуда очевидны. Сильная отдышка съ кашлемъ, соединеннымъ съ клейкими и густыми мокротами; крайне худое пищевареніе, а часто и невареніе и самой удобоваримой по увѣренію врачебныхъ книгъ пищи до того разстроили и обезсилили бренной составъ моего тѣла, что я нѣсколько уже дней и съ помощью другихъ ходить въ кельѣ не въ состояніи. И, хотя не отчаяваюсь я въ Божіемъ всемогуществѣ, не больныхъ только возставляющемъ, но и мертвыхъ воскрешающемъ, однако по натуральному вещей теченію вывожу и то для себя заключеніе, что конецъ дней моихъ недалеко отстоитъ отъ меня. На семъ основаніи заблаговременно положилъ я въ мысляхъ своихъ сдѣлать между прочимъ и въ разсужденіи своего благопріобрѣтеннаго имущества рѣшительное распоряженіе, которое большею частію помогъ мнѣ Богъ и выполнить. Такимъ образомъ, дѣлая распоряженіе въ разсужденіи прочихъ вещей, пришла мнѣ мысль, что нѣкоторыя изъ книгъ, въ моей библіотекѣ находящихся, большую послѣ меня мо-

---

1) Арх. семин. 1801 г., мартъ 1.

гутъ доставить пользу, ежели поступятъ въ публичное или общественное мѣсто, нежели когда перейдутъ въ частныя руки законныхъ моихъ наслѣдниковъ. Онымъ книгамъ прилагается при семъ реестръ съ означеніемъ тѣхъ цѣнъ, которыя за нихъ я платилъ. Я съ тѣмъ осмѣливаюсь утруждать Ваше Высокопреосвященство какъ письмомъ симъ, такъ и приложеннымъ реестромъ: не благоугодно-ли будетъ означенныя тутъ книги взять однѣ для библіотеки семинарской, а другія обратить въ пользу духовныхъ присутственныхъ мѣстъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ не означено и цѣны; поелику самъ я ихъ получилъ въ подарокъ; а потому и нынѣ не обращаю въ продажу, а къ прочимъ въ придачу. Да изъ числа той суммы, которая явно назначена книгамъ, добровольно уступаю 28 р. 35 к., ежели всѣ книги будутъ взяты безъизъятно". Еп. Ксенофонтъ велѣлъ семинарскому правленію принять всѣ книги, перечисленныя въ реестрѣ [1]). Письмо написано было 20 февраля 1803 г., а 9 апрѣля того же года въ консисторіи заслушали рапортъ казначея Данилова монастыря о смерти архимандрита Павла. По вскрытіи завѣщанія оказалось, что въ пользу семинарской библіотеки отказано было Павломъ еще нѣсколько книгъ, помимо пріобрѣтенныхъ семинаріею за деньги; въ числѣ ихъ были и медицинскія. Ряса черная гарнитурная, подбитая алою тафтою, завѣщана была учителю Березину, „яко согласившемуся въ монашество" [2]).

На мѣсто Павла поступилъ Анатолій, въ мірѣ Алексѣй Веселовскій. Съ 1786 г. онъ обучался во Владимірской, а потомъ въ Суздальской семинаріи. Въ 1797 году отпущенъ въ Московскую академію, гдѣ слушалъ богословіе и обучался нѣмецкому языку. 1799 года уволенъ по требованію епархіальнаго начальства изъ академіи во Владимірскую семинарію и опредѣленъ учителемъ нѣмецкаго языка. Нѣмецкій классъ былъ экстраординарнымъ, и Веселовскому приходилось трудиться мало. Въ 1800 г. преосв. Викторъ предложилъ Павлу, за множествомъ учениковъ въ синтаксимѣ и грамматикѣ раздѣлить ихъ на двѣ части: одинъ классъ поручить Гурьеву, другой—Веселовскому. Павелъ отвѣтилъ на это предложеніе, что неудобствъ особенныхъ отъ подобнаго соединенія двухъ классовъ онъ не видитъ, такъ какъ у того же Гурьева въ Суздалѣ училось 136 человѣкъ; но, если преосвященному это угодно сдѣлать, то онъ можетъ вполнѣ рекомендовать Веселовскаго, который старшинствомъ, надеждою быть въ монашескомъ чинѣ и знаніями заслуживаетъ первенство предъ Гурьевымъ. Въ случаѣ такого раздѣленія Павелъ предлагаетъ вычитать

---

[1]) Арх. семин. 1803 г., февр., № 223.

[2]) Тамъ же, апр. 9.

изъ 90 рублеваго оклада, получаемаго Гурьевымъ, половину или меньшую часть въ пользу Веселовскаго. Викторъ велѣлъ оставить все по прежнему, но Веселовскому, поелику онъ дважды ходитъ въ классъ и проводитъ время въ праздности, уменьшить жалованье на 20 руб. Семинарское правленіе вступило съ просьбой оставить Веселовскаго при прежнемъ окладѣ, такъ какъ онъ читаетъ не дважды, а трижды въ недѣлю по два часа. Викторъ, прочитавъ докладъ, приказалъ Веселовскому преподавать два раза, а не три, въ случаѣ же праздниковъ одинъ разъ; а чтобы не быть ему въ праздности и не получать жалованья по трудамъ излишняго обучать ему учениковъ священной и гражданской исторіи съ полученіемъ прежняго оклада [1]). Вскорѣ послѣ этого, именно 31 марта 1800 г., Алексѣй Веселовскій, согласно его желанію, пострижен въ монашество и опредѣленъ въ апрѣлѣ катихизаторомъ, поэзіи, греческаго языка учителемъ и присутствующимъ въ семинарскомъ правленіи. 1 сентября опредѣленъ учителемъ греческаго класса, а 30 января 1802 года философскаго. 14 февраля назначенъ строителемъ въ Благовѣщенскій Вязниковскій монастырь, 18 апрѣля игуменомъ въ Переславскій Никитскій; сентября 1 учителемъ богословіи. Съ 16 апрѣля 1803 г. Анатолій исправлялъ должность ректора Владимірской семинаріи, 22 января 1804 г. утвержденъ въ этой должности. 3 іюля того же года Анатолія произвели въ архимандрита Боголюбова монастыри, а указомъ отъ 19 іюня 1809 года перевели въ Цареконстантиновъ монастырь [2]). Съ введеніемъ реформы 1814 года Анатолій былъ устраненъ отъ ректорства. На основаніи семинарскаго архива трудно составить себѣ представленіе о личности этого ректора. Можно сказать только, что Анатолій не нравился Виктору, но что его любилъ Ксенофонтъ. По разсказамъ лицъ, учившихся при немъ, это былъ человѣкъ высокаго роста, полный и очень красивый, съ живымъ и веселымъ характеромъ. Всѣ учителя находились у него въ строгой подчиненности. Анатолій любилъ торжественность и ѣздилъ въ семинарію всегда въ каретѣ четверней. При входѣ его въ классъ ученики пѣли „salutamus", а при выходѣ „gratias agimus". Изъ штрафного журнала 1806 г. можно видѣть, что по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ Анатолій не возвышался до воззрѣній еп. Ксенофонта.

Префекты. Протоіерей *Антонъ Кудрявцевъ*. Обучался въ Переславской семинаріи съ 1768 года. 1777 опредѣленъ въ Пере-

---

[1]) Арх. семин. 1800 г., янв. 27, № 66; фев. 9, № 71.

[2]) Арх. семин. Семин. вѣдомости за 1813 г. Ниже сообщаемыя свѣдѣнія о другихъ начальникахъ и наставникахъ семинаріи въ періодъ 1800—14 заимствуются главнымъ образомъ изъ тѣхъ же семинарскихъ вѣдомостей (1797—1813)

славскую семинарію учителемъ инфимы. 1780 г. произведенъ въ Переславскій соборъ священникомъ съ оставленіемъ при прежней должности. 1785 опредѣленъ учителемъ піитики и риторики. По упраздненіи въ Переславлѣ семинаріи и учрежденіи училища въ 1788 г., назначенъ въ немъ учителемъ синтаксимы, 1790 г.—риторики, 1796 г.—надзирателемъ при Переславскомъ училищѣ и учителемъ философіи. 1800 г. Кудрявцевъ произведенъ былъ протоіереемъ, а 31 августа того же года сдѣланъ присутствующимъ консисторіи и семинарскаго правленія, учителемъ философіи и семинаріи префектомъ. Но для Кудрявцева, привыкшаго къ Переславлю и продолжавшаго числиться Переславскимъ протопопомъ, повышеніе это было не по сердцу. Чрезъ годъ онъ подалъ прошеніе Ксенофонту объ увольненіи его отъ этихъ четырехъ должностей къ прежнему мѣсту, ссылаясь на то, что „за дальностью Переславля отъ Владиміра онъ въ поѣздкахъ своихъ имѣетъ много неудобствъ и неудовольствій". Преосв. Ксенофонтъ согласился [1]).

Архимандритъ *Никонъ Боевскій*. Обучался въ Орловскомъ училищѣ, а съ 1788 г. въ Сѣвской семинаріи, гдѣ слушалъ и богословію. По окончаніи 1790 г. назначенъ учителемъ грамматики и низшаго греческаго класса, 1792 г.—синтаксимы, поэзіи, катихизаторомъ и библіотекаремъ; 1794 г. произведенъ во священники къ Сѣвской градской Петропавловской церкви, а 1798 г. переведенъ священникомъ въ Орелъ. 1802 г. 26 января уволенъ по собственному желанію во Владимірскую епархію, вѣроятно, вслѣдствіе вызова еп. Ксенофонта, который зналъ Боевскаго, какъ сослуживца по Сѣвской семинаріи. 7 іюля 1802 г. Боевскій опредѣленъ во Владимірскую семинарію исправляющимъ должность префекта, а 22 января 1804 г.—префектомъ. 4 марта того же года Боевскій пострижецъ въ монашество; 23 числа назначенъ строителемъ Лукіановой пустыни; 13 ноября — игуменомъ Переславскаго Никитскаго монастыря; 6 марта 1805 г. присутствующимъ консисторіи; 18 марта 1805 г. произведенъ въ Юрьевскій Архангельскій монастырь архимандритомъ. Изъ семинаріи Никонъ вышелъ вмѣстѣ съ Анатоліемъ въ 1814 г. Скончался архимандритомъ Юрьевскаго Архангельскаго монастыря 30 авг. 1815 г. Возвышеніемъ своимъ Никонъ Боевскій обязанъ былъ исключительно покровительству Ксенофонта и для префектовской должности оказался неспособнымъ. Преданіе сохранило о немъ незавидную память. Рыжій, низкаго роста, недалекаго ума и образованія, онъ былъ предметомъ всевозможныхъ остротъ и анекдотовъ, циркулировавшихъ еще долго по выходѣ его изъ семинаріи. По разсказамъ, онъ особенно

1) Арх. консист. 1801. Дѣло безъ номера и заглавія.

строго и энергично вступался за пѣніе и на неисправныхъ учениковъ часто кричалъ: „вотъ, вотъ, я васъ всѣхъ усѣку за то, что вы не были на предбудущей спѣвкѣ". Разъ на урокахъ онъ спросилъ ученика, какъ сказать по латыни: „я сижу въ уголкѣ". Ученикъ замялся и заявилъ, что онъ не знаетъ, какъ по латыни слово „уголокъ" „Очень просто, подсказалъ префектъ, ugunculus" [1]). Именемъ Никона Боевскаго (и Ильинскаго священника Доброхотова) подписана опись консисторскаго архива, составленная въ началѣ XIX столѣтія. Листы ея теперь разрознены и частію утрачены, но и въ такомъ видѣ она имѣетъ цѣнное историческое значеніе, поскольку здѣсь сохранились названія многихъ утраченныхъ впослѣдствіи дѣлъ.

Учителя. Иванъ Добротворскій. Обучался въ Суздальской семинаріи до 1799 г. Въ концѣ 1799 г. опредѣленъ во Владимірское училище учителемъ инфимы и аналогіи. 1800 г. 1 сентября назначенъ учителемъ поэзіи во Владимірской семинаріи. 1800 г. 30 января учителемъ риторики; 1 сентября того же года посланъ былъ обучать философскій классъ. Въ концѣ 1803 или началѣ 1804 г. вышелъ изъ семинаріи.

Василій Смирновъ. Обучался съ 1790 г. въ Суздальской семинаріи. По окончаніи курса въ 1800 г. опредѣленъ учителемъ высшаго грамматическаго класса: 1802 г. 5 февраля учителемъ поэзіи и семинарскаго правленія присутствующимъ. 1804 г. янв. 22 учителемъ риторики, а ноября 3 произведенъ во священники. 18 сентября 1807 г. преосв. Ксенофонтъ опредѣлилъ его въ с. Нижній Ландехъ Гороховской округи, при чемъ замѣтилъ: „а какъ оный Смирновъ, находясь не малое время въ здѣшней семинаріи при учительской должности, проходилъ оную съ отличнымъ усердіемъ, ревностью и благоуспѣшествомъ и оказывалъ всегда честное и добропорядочное поведеніе, то въ награду понесенныхъ въ пользу св. церкви трудовъ представить его при служеніи нашемъ къ производству въ санъ протопресвитера" [2]).

Игуменъ *Іосифъ.* (Иванъ Березинъ). Обучался съ 1789 г. сперва въ Переславскомъ училищѣ, потомъ во Владимірской семинаріи. По окончаніи богословскаго курса опредѣленъ 1 сент. 1800 г. учителемъ низшаго грамматическаго класса; 1802 г. янв. учителемъ синтаксимы; 1803 г. февр. 5 присутствующимъ въ семинарскомъ правленіи; апр. 16 учителемъ риторики; 1804 г. 22 янв. — философіи; 1809 г. окт. 23 пострижёнъ въ монашество; 1810 г. мая 2 опредѣленъ въ Гороховскій Николаевскій монастырь строителемъ; 1811 г. 1 іюня произведенъ въ Козминъ монастырь игуме-

---

[1]) Объ этихъ разсказахъ см. у Надеждина стр. 127.

[2]) Арх. семин. 1807 г., № 416.

номъ. Послѣ реформы 1814 г. онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ. Это былъ любимый учениками человѣкъ и какъ инспекторъ, и какъ учитель. Подробнѣе объ этомъ во II выпускѣ.

Василій Числовскій. Обучался съ 1790 г. сперва въ Суздальской, потомъ во Владимірской семинаріи. По выслушаніи богословскаго курса, ноября 20 1799 г произведенъ священникомъ въ погостъ Якиманскій Шуйской округи. 1802 г. сент. 1 опредѣленъ учителемъ низшаго элементарнаго класса; 20 окт. перемѣщенъ священникомъ въ г. Александровъ; 1802 г. янв. 30 сдѣланъ присутствующимъ въ семинарскомъ правленіи. Уволенъ изъ семинаріи по прошенію къ своему священническому мѣсту въ г. Александровъ. 19 февр. 1803 г. преосв. Ксенофонтъ наградилъ его набедренникомъ, „такъ какъ, по его словамъ, онъ довольно благоуспѣшествовалъ въ образованіи многихъ учениковъ въ россійскомъ и латинскомъ чистописаніи".

Александръ Виноградовъ. Съ 1791 года обучался въ Казанской академіи, гдѣ дошелъ до риторики включительно. 1800 года марта 13 уволенъ, по своему желанію, во Владимірскую епархію, гдѣ іюля 29 посвященъ былъ во діаконы къ Владимірскому каѳедральному собору, а октября 15 сдѣланъ учителемъ русской школы и присутствующимъ семинарскаго правленія. 26 дек. того же года посвященъ священникомъ къ Дмитріевскому собору. 30 янв. 1803 г. Виноградовъ уволенъ по прошенію отъ учительской должности. Онъ оставилъ по себѣ память, какъ ослушникъ распоряженій Ксенофонта по части уничтоженія тѣлесныхъ наказаній. О его проступкѣ въ этомъ отношеніи ректоръ Павелъ донесъ еп. Ксенофонту, и самый выходъ Виноградова изъ семинаріи стоитъ, кажется, въ связи съ этимъ происшествіемъ.

Иванъ Капацинскій. Обучался сперва въ Вязниковскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Суздальской и Владимірской семинаріяхъ. 26 авг. 1802 г. ему велѣно было обучать риторикѣ и высшему греческому классу съ жалованьемъ по 5 р. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы въ свободное время онъ слушалъ лекціи по богословію. 1803 г. опредѣленъ учителемъ низшаго грамматическаго класса; 28 апр. того же года сдѣланъ учителемъ высшаго грамматическаго класса; 24 окт.—библіотекаремъ; 15 сент. 1806 г. произведенъ во священники; 17 дня того же мѣсяца назначенъ учителемъ поэзіи; 1807 г. 27 сент. учителемъ низшаго риторическаго класса. 23 янв. 1810 г. Капацинскій уволенъ былъ въ с. Васильевское Шуйской округи. Резолюціею Ксенофонта объявлена была ему благодарность за усердное и тщательное прохожденіе должности.

Іеромонахъ *Гедеонъ* (въ мірѣ Григорій Устинскій). Обучался съ 1791 г. во Владимірскомъ училищѣ, а потомъ Суздальской се-

минаріи. 29 янв. 1802 г., по выслушаніи богословія, сдѣланъ учителемъ низшаго нѣмецкаго класса; апр. 28 обучающимъ низшій грамматическій и высшій элементарный классы; декабря 19 опредѣленъ учителемъ грамматики; 5 нояб. 1805 г. произведенъ во священники; сент. 17 1806 г. сдѣланъ учителемъ синтаксимы; янв. 12 1810 г.—низшей риторики; окт. 13 — катихизаторомъ; февр. 23 1811 г. постриженъ въ монашество; 19 авг. опредѣленъ въ Золотниковскую пустынь строителемъ; 13 марта 1812 г. сдѣланъ учителемъ высшей риторики; мая 26 1813 г. переведенъ въ Гороховскій Николаевскій монастырь строителемъ. Послѣ преобразованія семинаріи Гедеонъ назначенъ былъ смотрителемъ Переславскихъ духовныхъ училищъ.

Протоіерей *Гавріилъ Лекторскій*. Обучался съ 1791 г. сперва въ Муромскомъ училищѣ, потомъ въ Суздальской семинаріи. 1801 г. изъ философскаго класса отправленъ былъ въ Троицкую семинарію. На содержаніе его и Ельцынскаго назначено было по 40 р. ежегодно. По окончаніи курса въ Лаврской семинаріи, 22 янв. 1804 г определенъ былъ во Владимірскую семинарію учителемъ поэзіи; 13 авг. сдѣланъ присутствующимъ семинарскаго правленія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1805 г. за то, что не представилъ за январь и февраль ученическихъ упражненій, владыка велѣлъ ему подтвердить: „дабы въ преподаваніи классическаго ученія сообразовался въ точности учиненному въ методѣ предписанію, не вводя отнюдь по собственному произволу другихъ предметовъ, могущихъ сдѣлать учениковъ по классу безуспѣшными, а поправленныя задачки подавалъ бы съ прочими въ свое время неопустительно“ [1]). На основаніи этой резолюціи можно заключить, что Лекторскій руководствовался въ своемъ преподаваніи особыми программами, которыя не согласовались съ методомъ, выданнымъ еп. Ксенофонтомъ, при чемъ допустилъ нѣкоторыя опущенія въ порядкѣ просмотра ученическихъ письменныхъ задачъ, что строго преслѣдовалъ преосв. Ксенофонтъ. 17 мая Лекторскій вступилъ въ семинарское правленіе съ донесеніемъ, въ которомъ говорилъ, что онъ планъ занятій по своему предмету расположилъ на цѣлый годъ и просилъ позволенія сдѣлать подробное объясненіе и „конечный отчетъ“ въ концѣ года. Семинарское правленіе въ отвѣтъ на донесеніе Лекторскаго постановило: „учителю Лекторскому объявить съ роспискою, чтобы онъ мѣсячныя ученическія упражненія вносилъ въ семинарское правленіе на основаніи предписанія и отъ самовольнаго расположенія въ порядкѣ ученія удержался бы; а то, что онъ проситъ позволенія сдѣлать подробное объясненіе въ концѣ года, оставить безъ уваженія, потому что

[1]) Арх. семин. 1805 г., № 403.

и сіе предъ прочими исключеніе было бы противно общимъ положеніямъ". Резолюціею Ксенофонта предписывалось: „учинить по сему, взявъ неосновательный отзывъ Лекторскаго на особенное замѣчаніе" [1]). Между тѣмъ были собраны и поступили на разсмотрѣніе Ксенофонта тѣ ученическія задачи, изъ-за которыхъ поднялось дѣло. Преосв. Ксенофонтъ просмотрѣлъ ихъ и написалъ: „въ задачахъ учениковъ крайняя разнообразность, въ поправкѣ опущенія и неисправности, въ сочиненіи и перепискѣ грубыя погрѣшности и за всѣмъ тѣмъ и поздняя оныхъ подача, учиненная небреженіемъ учителя и навлекающая ему стыдъ и начальству излишній трудъ и безпокойство, отдаются семинарскому правленію на особое замѣчаніе, съ тѣмъ, дабы подтверждено было ему, учителю Лекторскому, наистрожайшею подпискою объ употребленіи впредь всемѣрнаго тщанія объ отвращеніи по классу подобныхъ безпорядковъ и неисправностей, равно и въ неопустительномъ наблюденіи въ поправкѣ и подачѣ задачъ учиненнаго общаго порядка подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неизбѣжнаго штрафа" [2]). Можно думать, что немилостивая резолюція владыки произвела свое дѣйствіе на молодого и неопытнаго еще учителя, такъ какъ вина его вскорѣ была забыта. 17 сент. 1806 г. онъ опредѣленъ былъ учителемъ низшей риторики; 1807 г. авг. 6 дня рукоположенъ во священника; 27 сент. опредѣленъ учителемъ высшаго риторическаго класса; янв. 6 1810 г. произведенъ на утвержденное за нимъ въ с. Кохмѣ Шуйской округи священническое мѣсто въ протоіерея; 29 янв. переведенъ въ с. Казаково Муромской округи; 22 нояб. предоставлено было ему протоіерейское мѣсто въ г. Муромѣ при Богородицкомъ соборѣ. Въ 1812 г. Лекторскій подалъ прошеніе владыкѣ, въ которомъ говорилъ, что „долговременное безпрерывное ученіе и обученіе разстроило его здоровье, и онъ, протопопъ, вынужденнымъ себя находитъ отказаться отъ учительской должности". Еп. Ксенофонтъ уволилъ Лекторскаго и велѣлъ объявить ему „признательнѣйшую пастырскую благодарность и о службѣ его дать ему свидѣтельство [3])".

Якимъ Ельцынскій. Съ 1793 г. обучался въ Суздальской семинаріи. 1801 г. изъ философіи отправленъ въ Троицкую семинарію. По окончаніи тамъ богословскаго курса, 22 янв. 1804 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію учителемъ высшаго элементарнаго и высшаго нѣмецкаго класса. Окт. 4-го, по желанію его, былъ уволенъ отъ обученія въ элементарномъ классѣ и оставленъ

---

[1]) Тамъ же, № 509.
[2]) Тамъ же, май 29.
[3]) Арх. семин. 1812 г., мартъ 13, № 214.

при одномъ нѣмецкомъ. Просв. Ксенофонтъ отнесся къ этому желанію Ельцынскаго избавиться отъ трудовъ по одинарному классу въ высшей степени неодобрительно. „Просьба учителя, написалъ онъ, хотя не заслуживала бы по многимъ резонамъ уваженія, но для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ принужденнаго исполненія учительской должности, уволить его отъ элементарнаго класса, оставивъ по желанію при одномъ нѣмецкомъ“ [1]). Въ 1807 г. Ельцынскій уволенъ въ свѣтское званіе.

Андрей Лавровскій. Обучался съ 1790 г. въ Муромскомъ училищѣ, потомъ въ Суздальской семинаріи. 1803 г. янв. 20 дня опредѣленъ учителемъ низшаго элементарнаго класса, окт. 4 1804 г. переведенъ въ высшій элементарный классъ „по извѣстному его трудолюбію и прилежности къ исполненію возложенныхъ на него должностей“. 1805 г. 19 окт. произведенъ въ Муромъ къ Троицкой церкви во священника.

Алексѣй Адріановъ. Обучался съ 1788 г. въ Лаврской семинаріи, по выслушаніи въ коей полнаго курса 1799 г. 7 авг. опредѣленъ былъ учителемъ въ Перервинскую семинарію въ низшій грамматическій классъ. 8 марта 1800 г. переведенъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію учителемъ піитическаго класса. Въ 1803 г. 17 янв. по собственному его желанію уволенъ во Владимірскую епархію, гдѣ сдѣланъ катихизаторомъ впредь до открытія ординарной должности. 22 сентября открылся классъ риторики и былъ порученъ Адріанову. Но и во Владимірѣ ему суждено было недолго занимать учительское мѣсто. 2 ноября 1803 г. обучавшій философскій классъ Ив. Березинъ рапортомъ представилъ, что „онъ по словесному приказанію его преосвященства ходилъ на квартиру къ учителю Алексѣю Адріанову для освидѣтельствованія его и для взятія отзыва отъ него, почему онъ не пришелъ во второй классъ прошедшаго числа, гдѣ засталъ его въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ и въ первомъ классѣ, но болѣзни никакой въ немъ не примѣтилъ; во второй же классъ онъ не пришелъ, какъ объявилъ, по причинѣ великой грязи“. „Учителю Адріанову, распорядился владыка, по сыску его въ правленіе наистрожайше подтвердить съ подпискою о неопустительномъ хожденіи въ порученный ему классъ, какъ изъ уваженія къ своему званію, такъ и пользѣ учениковъ, оставшихся, за его отсутствіемъ, къ крайнему сожалѣнію безъ лекціи и задачъ, отчего, сдѣлавъ привычку къ праздности, могутъ они уклониться ко всякому распутству, какъ уже во многихъ примѣчательно; буде же затѣмъ усмотрѣнъ въ таковой же о должности своей безпечности,

[1]) Арх. семин. 1804 г., сент. 27.

то, яко нерадивый и презритель своей обязанности, отрѣшенъ будетъ отъ мѣста своего". Резолюція Ксенофонта въ первую минуту произвела, повидимому, на Адріанова сильное впечатлѣніе, и онъ въ порывѣ неподдѣльнаго желанія исправиться, позванный въ правленіе, написалъ: „учитель риторики Адріановъ сею подпискою обязывается всегда ходить въ классъ въ надлежащее время, доколѣ будетъ здоровъ; а впредь не будутъ удерживать меня осеннія грязи, такъ какъ этотъ выговоръ, который я получилъ, стоитъ больше, нежели всѣ перемѣны погоды, а ученики никогда безъ задачи не останутся, о чемъ будетъ свидѣтельствовить рапортъ съ задачами мною поправленными" [1]). Но для осуществленія благороднаго порыва не доставало воли. Уже 14 ноября Адріановъ снова не пришелъ въ классъ. Въ семинарской вѣдомости за 1804 г. противъ его формуляра значится: „за слабостію здоровья малоуспѣшенъ". Изъ семинарскаго архива за 1804 г. узнаемъ, въ чемъ состояла это слабость здоровья. 15 янв. семинарское правленіе подало рапортъ преосв. Ксенофонту о нехожденіи въ классъ учителя Алексѣя Адріанова съ 11 сего января за болѣзнью, приключившеюся отъ пьянства. Послѣ этого рапорта Адріановъ отрѣшенъ былъ отъ учительства, и ему велѣли оставаться впредь до разсмотрѣнія при катихизаторской должности съ полученіемъ отъ предоставленнаго за нимъ священническаго мѣста по 80 руб. въ годъ.

Иванъ Каптеревъ. Обучался съ 1786 г. въ Переславской, потомъ Суздальской семинаріи. По окончаніи въ 1799 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ опредѣленъ въ Переславское дух. училище учителемъ въ высшій и низшій элементарные классы; въ авг. 1802 г. переведенъ въ суздальское училище учителемъ низшаго элементарнаго класса; въ 1803 г. опредѣленъ въ Владимирскую семинарію учителемъ второго россійскаго класса съ жалованьемъ по 5 руб. въ мѣсяцъ. Авг. 25 1804 г. опредѣленъ священникомъ въ погостъ Дмитріевскій Покровской округи.

Василій Казанскій. Обучался съ 1790 г. прежде во Владимірскомъ училищѣ, потомъ Суздальской и Владимірской семинаріи. По окончаніи богословіи, сент. 15 1803 г. посвященъ во священники; 7 окт. опредѣленъ учителемъ въ первый россійскій классъ и регентомъ семинарскаго хора; авг. 27 дня 1804 г. сдѣланъ учителемъ и второго россійскаго класса; 1808 г. нояб. 26 опредѣленъ учителемъ высшей информаторіи, а 12 янв. 1810 г. сдѣланъ библіотекаремъ. Апр. 15 1812 г. уволенъ отъ учительской службы къ Вознесенской градской церкви священникомъ. За долговременное и усердное прохожденіе должности учительской и библі-

---

[1]) См. арх. семин. 1803 г., нояб. 2.

отекарской объявлено ему отъ преосв. Ксенофонта благодарность.

Тимоѳей Ястребовъ. Обучался съ 1793 г. во Владимірскомъ училищѣ, потомъ Суздальской и Владимірской семинаріи. 1804 г. сент. 23 опредѣленъ учителемъ низшаго элементарнаго класса; 1805 г. окт. 22 произведенъ во священники и назначенъ учителемъ высшаго элементарнаго класса; сент. 17 1806 г.—учителемъ грамматики. Въ 1809 г. вышелъ изъ семинаріи.

Василій Ровнинъ. Обучался съ 1794 г. въ Суздальской и Владимірской семинаріи. По окончаніи курса, окт. 19 1805 г. опредѣленъ учителемъ низшаго элементарнаго класса; 31 дня низшаго греческаго класса; 17 сент. 1806 г. сдѣланъ учителемъ высшей информаторіи. Вышелъ изъ семинаріи въ 1808 г.

Иванъ Агриковъ. Обучался съ 1792 г. въ Суздальской. потомъ Владимірской семинаріи. По окончаніи богословскаго курса, въ 1802 г. нояб. 8 дня посвященъ къ Переславскому Успенскому собору священникомъ и опредѣленъ учителемъ къ Переславскому училищу въ высшій и низшій элементарные классы. 1806 г. 1 авг. по причинѣ его вдовства переведенъ во Владимірскую семинарію катихизаторомъ; сент. 18 опредѣленъ учителемъ низшаго элементарнаго класса; а 1813 г. нояб. 11—учителемъ грамматики. Со времени преобразованія въ 1814 г. остался учит. лат. языка, россійской и славянской грамматики въ низшемъ отдѣленіи Владимірскаго училища. Скончался 5 окт. 1830 г. въ монашествѣ съ именемъ Іеронима, въ санѣ игумена Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря.

Сила Альбицкій. Обучался съ 1798 г. въ Вязниковскомъ училищѣ, а потомъ Владимірской семинаріи, гдѣ дошелъ до риторики включительно. Въ 1803 г. посланъ въ Лаврскую семинарію для обученія философіи и богословіи. 27 сент. 1807 г. сдѣланъ учителемъ поэзіи и высшаго греческаго класса; апр. 4 1809 г. произведенъ во священника; мар. 13 1812 г. сдѣланъ библіотекаремъ и низшаго греческаго класса учителемъ. 1813 г. вышелъ изъ семинаріи.

Николай Оранскій. Обучался съ 1797 г. въ Вязниковскомъ училищѣ, а потомъ Владимірской семинаріи до риторики включительно. Въ 1803 г. опредѣленъ въ Троицкую семинарію для образованія къ учительской должности. По выслушаніи богословіи, въ 1807 г. назначенъ учителемъ естественной исторіи, еврейскаго и высшаго нѣмецкаго классовъ. Въ 1810 г. опредѣленъ въ первый Департаментъ Московской Палаты уголовнаго суда секретаремъ, а въ 1812 г. секретаремъ въ Московскій Совѣстный судъ [1]).

Григорій Ѳеодоровъ. Обучался съ 1796 г. во Владимірскомъ народномъ училищѣ, а потомъ съ 1800 г. во Владимірской семи-

---

[1]) Арх. губ. правленія. № 518. „По представленію графа Растопчина о награжденіи класснымъ чиномъ секретаря Московскаго Совѣстнаго суда Оранскаго“.

наріи. По окончаніи богословскаго курса, въ 1807 г. ноября 1 опредѣленъ информаторомъ низшаго французскаго класса; фев 27 1808 г. велѣно было ему учениковъ низшей риторики обучать второй части ариѳметики и всеобщей исторіи, а 4 мая его опредѣлили учителемъ ариѳметики, географіи, исторіи и низшаго французскаго класса. 1811 г. сент. 1 назначенъ учителемъ высшаго французскаго класса; 1812 г. марта 13—учителемъ поэзіи; янв. 20 1813 г.—присутствующимъ въ правленіи; нояб. 11—библіотекаремъ и низшаго риторическаго класса учителемъ. 18 мая 1814 г былъ постриженъ въ монахи съ именемъ Аркадія и назначенъ строителемъ Солбинской Николаевской пустыни. 23 дек. 1814 г. утвержденъ въ должности смотрителя Владимірскихъ училищъ. 1823 г. назначенъ ректоромъ Могилевской семинаріи; 1824—минской; 1827—ярославской. 3 февр. 1829 г. хиротонисованъ въ еп. Оренбургскаго; 1831 г.—еп. Пермскій; 1851 г.—арх. Олонецкій. 1869 г. уволенъ на покой. Скончался въ схимѣ 8 мая 1870 г. [1]).

Стефанъ Знаменскій. Обучался съ 1798 г. въ Суздальской, потомъ Владимірской семинаріи. По окончаніи 1808 г. окт. 22 дня произведенъ во священники; 26 ноября опредѣленъ учителемъ россійскихъ и надзирателемъ всѣхъ пѣвческихъ классовъ 1810 г. 15 мая опредѣленъ священникомъ въ Успенскій соборъ, а въ 1814 г. учителемъ училища.

Иванъ Тихомировъ. Обучался съ 1797 г. въ Вязниковскомъ училищѣ, потомъ Владимірской семинаріи до философіи включительно. Въ 1805 г. посланъ въ троицкую семинарію. Въ 1809 г. опредѣленъ учителемъ грамматики и низшаго греческаго класса. 1812 г. произведенъ во священники.

Иванъ Савеловъ. Обучался съ 1797 г. прежде въ Суздальской, потомъ во Владимірской семинаріи до философіи включительно. Въ 1805 г. посланъ былъ въ Лаврскую семинарію. Въ 1809 г. опредѣленъ учителемъ еврейскаго и высшаго нѣмецкаго класса: января 2 1810 г. учителемъ синтаксимы; мая 29 произведенъ во священника: іюня 3 назначенъ учителемъ естественной исторіи (вмѣсто еврейскаго и нѣмецкаго языка), 1813 г. 11 ноября—учителемъ поэзіи. Савеловъ оставался въ семинаріи и послѣ реформы. Вышелъ изъ семинаріи 30 октября 1820 г. и поступилъ на мѣсто протоіерея въ г. Судогду. Владѣя нѣсколькими языками, Савеловъ былъ въ тоже время врачъ, живописецъ, механикъ и техникъ. Это была богатая, талантливая натура, къ сожалѣнію, только не чуждая русской лѣни и безпечности. Въ 1810 г. онъ на время совершенно оставилъ семинарію и удалился безъ спроса

[1]) Объ Аркадіи см. „Списки архіереевъ“.. № 264; Влад. Епарх. Вѣд.. 1899 г. № 19, стр. 646—47; Церк. Вѣст. 1885 г., № 27; Христ. Чт. 1885 г. 1888—92 гг.

и разрѣшенія въ Суздаль. Уже велѣно было избрать на его мѣсто другого кандидата, но Савеловъ, къ счастію, возвратился. „Савелова, написалъ по этому поводу владыка, за самовольную и долговременную отлучку въ Суздаль, хотя и слѣдовало бы удалить отъ должности учительской, но въ надеждѣ исправленія его и вознагражденія утраченнаго времени усугубленіемъ трудовъ на пользу учащихся оставить на первый разъ при той же должности подъ особеннымъ замѣчаніемъ ректора и префекта впредь до разсмотрѣнія“ [1]). По выходѣ изъ семинаріи на приходъ, Савеловъ занялся лѣченіемъ больныхъ; но это ему было запрещено указомъ консисторіи [2]),вслѣдствіе доноса, сдѣланнаго со стороны мѣстнаго врача Бернгарда. Среди простого народа протоіерей оставилъ по себѣ славу чернокнижника и мага. Этому, вѣроятно, содѣйствовали его естественно-научныя познанія. По разсказамъ сына протоіерея Савелова, у его родителя была какая-то древняя книга магіи, при помощи которой онъ совершалъ много разныхъ фокусовъ, и эти-то фокусы облекали его въ глазахъ народа ореоломъ таинственности. Нашлись недобросовѣстные люди, которые воспользовались такою репутаціею Савелова и сдѣлали на него доносъ. Вслѣдствіе доноса къ Савелову пріѣзжалъ членъ тайной полиціи полковникъ Масловъ для осмотра его библіотеки и сочиненій. Просмотрѣны были всѣ книги Савелова, и ничего предосудительнаго въ нихъ, конечно, не было найдено. Изъ литературныхъ трудовъ Савелова, кромѣ многихъ проповѣдей, можно указать слѣдующие. 1) „Лѣтописецъ священно-библейской исторіи, служащій къ воспоминанію и изъясненію событій и пророчествъ въ книгахъ священнаго Писанія“. Библейскій лѣтописецъ представляетъ опытъ библейской исторіи. Онъ раздѣленъ на три части. Профессоръ философіи Ѳ. А. Голубинскій, въ цензурѣ у котораго была вторая часть Лѣтописца, далъ о немъ такой отзывъ. „Изъ лѣтописца видна дѣльность и основательность мыслей, повсюду опирающихся на Св. Писаніи, тонкость соображеній, острый взоръ, усматривающій и въ событіяхъ, и характерахъ, и писаніяхъ мужей Богодухновенныхъ существеннѣйшее и важнѣйшее, сила, живость и точность слога.—все это неотъемлемыя достоинства сочиненія, по которымъ оно должно принести обильную пользу читателямъ“. Лѣтописецъ не былъ отпечатанъ. Подлинникъ его съ подписью Голубинскаго хранится въ настоящее время въ новомъ консисторскомъ архивѣ. 2) Палестинскія Записки и 3) Математика—затеряны. Кромѣ того прот. Савеловымъ изобрѣтены были двѣ машины. Первая машина слу-

---

1) Арх. семин. 1810 г., окт. 24, № 652.
2) Указъ консист. отъ 18 янв. 1828 г. за № 386.

жила „къ измѣренію пространства дороги, какое кто проѣдетъ, и всѣхъ уклоненій ея направо и налѣво, бывшихъ на всемъ протяженіи этой дороги". Она, по разсказамъ очевидцевъ, удобно могла быть прикрѣпляема къ какому угодно экипажу, и ѣдущему совсѣмъ не нужно было наблюдать за ея движеніями: она сама чертила на листѣ бумаги въ уменьшенномъ размѣрѣ всѣ извилины дороги. Ни описанія, ни рисунка этой машины не осталось. Вторую машину о. Савеловъ назвалъ водянымъ мѣхомъ. Она предназначалась для тушенія пожаровъ и по своей простотѣ и дешевизнѣ была общедоступна. Описаніе водянаго мѣха къ 1875 г. еще сохранялось. Скончался прот. Савеловъ 27 декабря 1847 года [1]).

Егоръ Лебедевъ. Обучался съ 1797 года въ Переславскомъ училищѣ, потомъ Владимірской семинаріи до философіи включительно. Въ 1807 году посланъ былъ въ Троицкую семинарію. 28 сент. 1811 г. опредѣленъ учителемъ еврейскаго языка; 1811 г. апр. 11—высшаго элементарнаго класса; 1813 г. произведенъ во священники; ноября 11 того же года назначенъ учителемъ синтаксимы. Въ 1814 г. вышелъ изъ семинаріи.

Иванъ Гусевъ. Обучался съ 1799 г. въ Вязниковскомъ училищѣ, а потомъ Владимірской семинаріи. По окончаніи богословскаго курса, въ 1811 г. сент. 1 опредѣленъ учителемъ высшаго нѣмецкаго класса, а 1813 г. марта 2 дня произведенъ во священники. Съ реформой вышелъ.

Григорій Валединскій. Обучался съ 1800 г. въ Муромскомъ училищѣ и Владимірской семинаріи. По окончаніи курса, 1811 г. сент. 1 дня сдѣланъ учителемъ низшаго французскаго класса. Въ 1812 г. вышелъ.

Василій Аллявдинъ. Обучался съ 1799 г. во Владимірской семинаріи. По окончаніи курса 1812 г. марта 13 опредѣленъ учителемъ низшаго французскаго класса, а іюля 17 учителемъ высшаго французскаго класса.

Егоръ Аменицкій. Съ 1798 г. обучался въ Вязниковскомъ училищѣ и Владимірской семинаріи до философіи включительно. Въ 1809 г. окт. 7 посланъ былъ въ Троицкую семинарію для образованія къ учительской должности. По окончаніи богословскаго курса, 1813 г. нояб. 26 дня опредѣленъ во Владимірскую семинарію учителемъ высшаго элементарнаго и низшаго нѣмецкаго классовъ, а въ 1814 г. назначенъ учителемъ и инспекторомъ Владимірскаго училища.

Иванъ Аллякринскій. Обучался съ 1807 г. въ Суздальскомъ училищѣ, потомъ Владимірской семинаріи до философіи включительно. Окт. 7 1809 г. посланъ для образованія къ учительской

---

[1]) Подробнѣе о протоіереѣ Совеловѣ см. Влад. Епар. Вѣд. 1875 г., № 22, стр. 1097 сл.

должности въ Троицкую семинарію. По окончаніи богословскаго курса, 26 нояб. 1813 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію учителемъ низшаго элементарнаго и высшаго греческаго классовъ.

Григорій Чижевъ. Обучался съ 1800 года въ Суздальскомъ училищѣ и Владимірской семинаріи. По выслушаніи богословіи, 1812 года августа 4 произведенъ къ Успенскому каѳедральному собору священникомъ, а 1813 г. нояб. 12 опредѣленъ въ семинарію учителемъ низшаго греческаго класса и всеобщей исторіи. Въ 1814 г. по преобразованіи опредѣленъ во Владимірское училище учителемъ низшаго отдѣленія, впослѣдствіи инспекторомъ. На училищной службѣ о. Чижевъ оставался до 1857 г. Умеръ протоіереемъ и ключаремъ каѳедральнаго Успенскаго собора 28 янв. 1870 г. Имъ составленъ словарь на Новый Завѣтъ съ разборомъ трудныхъ мѣстъ и краткая латинская христоматія со словаремъ. Во Влад. Епарх. Вѣд. о. Чижевымъ помѣщены: переводъ съ греч. яз. вопросовъ и отвѣтовъ Анастасія Синаита, исторія города Владиміра и др. [1]).

Иванъ Флоринскій. 1802 г. 24 апр. поступилъ во Владимірскую семинарію, а 10 ноября въ архіерейскій пѣвческій хоръ, гдѣ сверхъ партеснаго пѣнія обучался латинскому языку, ариѳметикѣ, географіи, исторіи, поэзіи и риторикѣ. По окончаніи риторическаго курса, въ 1809 г. изъ архіерейскаго хора поступилъ опять въ семинарію, въ которой обучался философіи и богословіи. По окончаніи богословскаго курса, 1812 г. іюля 16 опредѣленъ учителемъ низшаго французскаго класса; 6 нояб. 1813 г. учителемъ географіи. Послѣ реформы 1814 г. въ санѣ священника перешелъ къ Вознесенской церкви въ г. Переславль, гдѣ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ Переславскаго училища (1814—43).

Насколько можно видѣть изъ приведеннаго списка, учителя во времена Ксенофонта набирались почти исключительно изъ своихъ питомцевъ. Въ 1798 г. Св. Синодъ раздѣлилъ семинаріи на четыре округа и обязалъ епархіальныхъ архіереевъ, „избирая изъ семинаріи лучшихъ учениковъ, посылать ихъ по два человѣка въ окружныя академіи, такъ, чтобы, когда прежде посланные поступятъ въ богословію, другіе поступали въ философію, почему и будетъ изъ каждой семинаріи обучаться по четыре человѣка“ [2]). Владимірская семинарія приписана была къ Троицкой лаврской семинаріи. Съ того времени изъ Владиміра въ Троицкую семинарію ежегодно стало посылаться по два лучшихъ ученика. Но въ разсматриваемый періодъ учителя изъ такихъ спеціально подготовленныхъ къ учительской должности лицъ не могли составить во Владимірской

---

[1]) О протоіереѣ Г. Чижевѣ см. подробнѣе Влад. Епарх. Вѣдом. 1870 г., № 4, стр. 177 сл.

[2]) Знаменскій. Духовныя школы.., стр. 686.

семинаріи большинства.—тѣмъ болѣе, что бывали случаи и неудачнаго выбора кандидатовъ на учительское званіе. Такъ, въ 1801 г. посланные въ Лаврскую семинарію студентъ философіи Иванъ Смирновъ и Ѳедоръ Флоренскій были присланы обратно, какъ неспособные къ продолженію ученія, — Смирновъ — по слабости здоровья и частымъ припадкамъ, а Флоренскій по слабости дарованій и малому раченію. Владыка опредѣлилъ Смирнова къ Вознесенской церкви на дьячковское мѣсто, а Флоренскаго отослалъ въ русскую школу впредь до разсмотрѣнія [1]. Въ 1805 г. присланные въ Троицкую семинарію оказались въ риторикѣ средственными, въ философіи несвѣдущими; но съ дозволенія ректора Платона были включены въ число учениковъ философіи. [2]—Обучавшіеся въ Лаврской семинаріи содержались въ счетъ денегъ, получаемыхъ съ утвержденныхъ за ними священнослужительскихъ мѣстъ.

Отношеніе между наставниками и владыкой были просты и задушевны. У хлѣбосольнаго и радушнаго архипастыря во время торжественныхъ праздниковъ отводилось учителямъ семинаріи всегда почетное мѣсто. Нерѣдко они были приглашаемы и на частныя собранія, во время которыхъ допускались шутки и фамильярности Разъ во время одного изъ такихъ собраній зашелъ разговоръ о томъ, что талантъ безъ труда теряетъ свою цѣну, а между тѣмъ талантливые люди, надѣясь слишкомъ на себя, часто мало трудятся. „За примѣрами, сказалъ Ксенофонтъ, ходить недолго; вотъ, о. Савеловъ и физику знаетъ, и магію, а о семинаріи мало печется“. Савеловъ, указывая на свои совершенно красные волосы, возразилъ: „неправда, ваше преосвященство, я пекся, пекся да и перепекся“. [3]—Форма, въ которой далъ свою подписку объ исправномъ хожденіи въ классъ Адріановъ, свидѣтельствуетъ, что учителя цѣнили эту расположенность къ себѣ своего высшаго начальника.

ГЛАВА IV.

Учебная часть.—Классы и предметы: ординарные и экстраординарные.—Учебные часы.—Субботнія собранія.—Экзамены.—Награды успѣвшимъ.—Каникулярные отпуски.—Пріемъ дѣтей въ семинарію. —Общій взглядъ на характеръ семинарскаго образованія въ дореформенный періодъ.—Семинарскій Вѣстникъ.—Библіотека. —Высшія учебныя заведенія.

До еп. Ксенофонта объемъ учебнаго курса извѣстнаго класса, распорядокъ въ немъ учебнаго матеріала стояли въ зависимости

[1] Арх. семин. 1801 г., февр. 28.
[2] Арх. семин. 1805 г., окт. 9, № 906.
[3] См. Надеждинъ, стр. 118—119.

отъ учителя. Опредѣленной системы не было. Преосв. Ксенофонтъ въ первый годъ своего правленія далъ въ руководство учащимъ, такъ называемый, Methodus studiorum [1]) и тѣмъ положилъ конецъ господствовавшему до того времени разнообразію въ пріемахъ и программахъ отдѣльныхъ лицъ, руководившихъ обученіемъ, и подчинилъ школьное дѣло извѣстнаго рода нормѣ. Послѣ 1800 г. методъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, обусловленнымъ главнымъ образомъ введеніемъ въ школьный кругъ новыхъ классныхъ предметовъ; но онъ сохранилъ безусловную силу во Владимірской семинаріи до реформы 1814 г., и преосв. Ксенофонтъ строго слѣдилъ за его точнымъ выполненіемъ. Къ началу 1814 г. семинарскіе предметы и классы распредѣлены были въ слѣдующемъ видѣ.

Богословія. Богословіе преподавалось на латинскомъ языкѣ по руководству Compendium theologiae classicum, составленному ректоромъ Казанской академіи Сильвестромъ Лебединскимъ, и Compendium orthodoxae theologicae doctrinae, изданному ректоромъ Коломенской семинаріи Карпинскимъ (1786). Были также въ употребленіи tractatus theologici Ѳеофана Прокоповича и Dogmata Theologica Ѳеофилакта, еп. Переславскаго. Нравственное богословіе читалось по Буддею и Баумгартену. Въ богословіи преподавалась далѣе священная герменевтика „сообразно методу Іакова Тирина“ и пасхалія. Сверхъ того прочитываемо было и объясняемо Св. Писаніе. Болѣе трудныя мѣста св. текста, „повидимому между собою противорѣчащія, были соглашаемы“; историческія, географическія и топографическія мѣста объяснялись. Въ послѣобѣденные часы читалась Кормчая книга, О должностяхъ пресвитеровъ, О чиноположеніяхъ православной Грекороссійской церкви и Церковная исторія Платона. Послѣдняя стала входить въ употребленіе съ 1806 г. Экземпляръ этой исторіи присланъ былъ во Владимірскую семинарію отъ ректора Троицкой семинаріи архимандрита Евграфа съ латинскимъ письмомъ [1]). Въ воскресные дни предъ литургіей изъяснялись апостольскія посланія. Въ свободное отъ уроковъ время ученики занимались составленіемъ проповѣдей, которыя произносились въ церквахъ, и диссертацій на латинскомъ и русскомъ языкѣ, которыя по исправленіи предлагались для чтенія въ классѣ и во время субботнихъ собраній. Насколько можно видѣть изъ перечисленныхъ предметовъ, богословскій курсъ разросся до огромныхъ размѣровъ. Не смотря на то, студенты

---

[1]) См. Приложенія.

[1]) На это письмо семинарія отвѣтила слѣдующимъ: „Librum, quem nobis dono dedistis, tum amplissimo auctoris nomine, tum novitate fructus insignissimum, excepimus grati, aque inter monumenta nostri seminarii, ad decus vestri erga nos favoris memoriam, quantum potest, longam collocavimus“. Арх. семин. 1806 г., окт. 19.

находили время заниматься въ томъ же классѣ греческимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками. На изученіе всѣхъ этихъ предметовъ назначалось два года, но обыкновенно студенты оставались въ богословскомъ классѣ до тѣхъ поръ, пока не находили для себя соотвѣтствующаго мѣста.

Философія. Философія преподавалась по прежнему по руководству Баумейстера изданія Каменскаго. Студенты философіи должны были упражняться въ сочиненіи латинскихъ и русскихъ диссертацій, которыя выучивали наизусть и говорили съ каѳедры въ классѣ. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1800 г. студенты философіи „дѣлали" въ классѣ диссертацію на тему „ira est compescenda" и притомъ двухкратно: въ первый расъ по своему расположенію, а второй разъ по письменному расположенію учителя философіи Петра Лебедева. Въ сентябрѣ того же года дана была латинская тема: „non quid detur refert, sed qua mente" и русская: „конецъ ученія есть двоякій— познаніе истины и дѣланіе добродѣтели" [1]). Избранныя диссертаціи произносились наизусть въ классѣ. Сочинялись также на прочитанныя правила демонстраціи. Въ послѣобѣденные часы читалась исторія философіи, о должностяхъ человѣка и гражданина, краткая физика по руководству, изданному для народныхъ училищъ, и натуральная исторія. По воскреснымъ днямъ студенты философіи слушали съ студентами богословіи толкованіе Св. Писанія. По окончаніи года устроялись публичные диспуты.

Высшая риторика. Въ первые годы XIX столѣтія риторика читалась по Бургію. Не смотря на опредѣленное предписаніе, данное въ методѣ еп. Ксенофонта, риторика Франциска Лежая вводилась туго. Послѣдняя вмѣстѣ съ риторикой Ломоносова долгое время служили только дополненіемъ къ старому Бургію. Правила риторическія, дефиниціи и примѣры выучивались наизусть. Изъ латинскихъ писателей въ этомъ классѣ переводили рѣчи Цицерона, Мурета, Павлина и др. Нѣкоторыя изъ нихъ заучивали наизусть „и дѣлали на нихъ имитаціи". Читались также съ риторическимъ разборомъ рѣчи Ломоносова. Для письменныхъ работъ въ этомъ классѣ предлагалось составленіе періодовъ, хрій и краткихъ рѣчей на латинскомъ и русскомъ языкѣ. Въ 1800 г., напр., дано было написать сложный періодъ изъ предложенія: „senectus homini sapientia", фигуру изъ реченія: „храбрость безъ благоразумія опасна" и хрію: „труждайся въ юности для спокойствія въ старости" [2]). Въ послѣобѣденные классы объяснялась политическая географія, изданная для народныхъ училищъ, и сокращеніе универсальной исторіи Гольберга. Въ воскресные дни ученики высшей риторики слушали толкованіе на апостольскія посланія.

---

[1]) Арх. семин. 1800 г., окт. 13.

[2]) Тамъ же., окт. 3.

Низшій риторическій классъ выдѣленъ былъ изъ высшаго риторическаго класса въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1806 г. по увеличившемуся количеству учениковъ [1]). По распоряженію еп. Ксенофонта въ этомъ классѣ изучалась первая часть риторики, большею частью по Бургію. Примѣры періодовъ, тропъ и фигуръ выбирали изъ разныхъ латинскихъ и русскихъ писателей и вмѣстѣ съ правилами заучивали наизусть. Помимо того, ученики читали послѣдовательно и разбирали Горація, Виргилія и Овидія „съ замѣчаніемъ риторическихъ украшеній“. Въ послѣобѣденные классы преподавалось землеописаніе при пособіи ландкартъ. Письменныя работы учениковъ этого класса состояли въ сочиненіи хрій и стиховъ на латинскомъ и русскомъ языкѣ. По воскреснымъ днямъ предъ литургіей они слушали толкованіе воскресныхъ евангелій и пространный катихизисъ.

Піитика. Классъ піитики открытъ былъ въ 1800 г. Въ немъ излагались піитическія правила и указывались роды стихотвореній латинскихъ и русскихъ по книгѣ Аполлоса Байбакова. Тутъ же читались и разбирались по правиламъ грамматическимъ и просодическимъ стихотворенія Виргилія, Ломоносова и Державина. Письменныя упражненія учениковъ состояли въ сочиненіи періодовъ русскихъ и латинскихъ, а также стиховъ. Въ послѣобѣденные классы повторялась вторая часть ариѳметики и преподавалась математическая и политическая географія.

Синтаксисъ. Послѣ повторенія этимологическихъ правилъ изучался латинскій синтаксисъ Лебедева съ дополненіемъ правилъ и примѣровъ изъ синтаксиса Маттеи и грамматики Каменскаго. Дальше читалась латинская просодія съ упражненіями въ пурефрактахъ [2]) и составленіемъ собственныхъ небольшихъ стихотвореній. Читались кромѣ того сочиненія Цицерона, Курція, Плинія, Лактанція, Корнелія Непота и др. съ синтаксическимъ и грамматическимъ разборомъ. Въ послѣобѣденные часы изъяснялась математическая географія по книжкѣ, для народныхъ училищъ изданной, и вторая часть ариѳметики. Въ субботніе дни изъяснялся пространный катихизисъ, изъ коего назначались уроки. Начиная съ этого класса, ученикамъ строго предписывалось употребленіе латинскаго языка и разговоры на немъ.

Грамматика. Изъ грамматики Лебедева объяснялись правила до синтаксиса съ примѣрами, и ученики упражнялись въ переводахъ съ русскаго на латинскій и наоборотъ. Совмѣстно съ этимъ

---

[1]) Два класса считалось въ риторикѣ и въ періодъ Суздальскій; но со времени перенесенія семинаріи во Владиміръ, именно въ 1800 г., оба они слились въ одинъ.

[2]) Пурефракты по русски—„ломки“. Упражненіе это состояло въ возвращеніи въ первоначальный видъ латинскихъ стиховъ, обращенныхъ въ прозу.

шло изученіе краткаго катихизиса и первой части ариѳметики. Въ субботніе дни читались „Избранныя 208 священныхъ исторій". Въ нѣкоторые годы грамматика подраздѣлялась на два класса; но въ такомъ случаѣ низшій грамматическій классъ соединялся съ высшимъ элементарнымъ.

Высшій элементарный классъ или высшая информаторія. Здѣсь ученики изучали элементы латинской грамматики Лебедева, упражнялись въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и краткихъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Далѣе здѣсь же преподавались краткій катихизисъ, первая часть ариѳметики и краткая священная исторія. Въ субботніе дни читались 208 священныхъ исторій.

Низшій элементарный классъ или низшая информаторія. Изучались латинскія вокабулы. Учились писать по латыни и по русски по руководству къ чистописанію, для народныхъ училищъ изданному, и слушали краткій катихизисъ, краткую исторію и первую часть ариѳметики.

Перечисленные классы считались ординарными. Изучаемые въ нихъ предметы, кромѣ нѣкоторыхъ, преподававшихся въ послѣобѣденное время, принадлежали къ главнымъ, общеобязательнымъ. Кромѣ такихъ предметовъ по прежнему были и экстраординарные. Къ нимъ относились:

Эліокменція или классъ высшаго краснорѣчія. Онъ былъ открытъ резолюціею преосв. Ксенофонта отъ 6 сент. 1800 г. и порученъ Петру Лебедеву. Слушали эліокменцію студенты богословіи и философіи, а также успѣвшіе ученики изъ риторики. Въ преподаваніи Лебедеву велѣно было руководствоваться указомъ Св. Синода отъ 1798 г. На урокахъ эліокменціи читались произведенія лучшихъ латинскихъ писателей: Горація, Цицерона, Плинія съ логическимъ и риторическимъ разборомъ ихъ и давались парафразисы, „въ коихъ ученики распространяли мнѣнія сочинителей по правиламъ риторическимъ и дѣлали на нихъ имитаціи". Въ окт. мѣсяцѣ 1800 г. въ классѣ высшаго краснорѣчія дѣлали диссертацію „о союзѣ эліокменціи съ богословіей, философіей, исторіей и географіей". Какъ экстраординарный и притомъ порученный не особенно рачительному преподавателю Лебедеву, классъ этотъ не стоялъ на высотѣ своего назначенія. 4 дек. 1800 г. Лебедевъ донесъ, что на урокѣ у него въ этотъ день было только 18 человѣкъ, а почему остальные не явились, неизвѣстно. 28 богослововъ и 28 философовъ на допросѣ о причинѣ непосѣщенія ими класса эліокменціи дали самыя разнообразныя отговорки. Одни ссылались на головную боль, происшедшую отъ угара, другіе на то, что надѣялись придти въ назначенный срокъ, но обманулись временемъ, и потому пришли нѣсколько послѣ начатія класса; третьи говорили, что не могли поспѣть къ уроку, такъ какъ мы-

лись въ банѣ; иные ссылались на чирьи, которые въ то время растерлись отъ одежды и т. д. „Премногу пустыхъ извиненій, написалъ на допросѣ ректоръ Павелъ, которыя должно счесть и ученикамъ за обвиненіе, а учителю вдвое, ежели только онъ первый сей рапортъ и то по моему приказанію далъ въ правленіе, а прежде и радъ былъ или молчалъ, что мало ученики посѣщаютъ его классъ". Замѣчаніе подѣйствовало на Лебедева, и 22 декабря онъ представилъ второй рапортъ, въ которомъ заявлялъ, что въ классѣ не было 28 человѣкъ. По смерти Лебедева резолюціею владыки отъ 28 августа 1802 г. классъ элiоквенціи былъ уничтоженъ, какъ лишній.

Еврейскій языкъ появляется въ курсѣ Владимірской семинаріи съ 1807 г. Въ рукописномъ сборникѣ стихотвореній, поднесенныхъ Владимірскими семинаристами еп. Ксенофонту въ 1809 г., имѣется уже еврейская рѣчь [1]). Изученіемъ еврейскаго языка обязаны были заниматься всѣ студенты богословія. Изучалась грамматика Іоакима Лангія и затверживались наизусть слова изъ Библіи.

Высшій греческій классъ. Изучался греческій синтаксисъ по руководству Варлаама Лящевскаго, изданному Каменскимъ. Главное вниманіе было обращено на чтеніе греческихъ авторовъ и исключительно церковныхъ; кромѣ Св. Писанія читались сочиненія Златоуста (преимущественно его письма къ разнымъ лицамъ), Григорія Богослова, Василія Великаго и Іоанна Дамаскина. Ученикамъ высшаго греческаго класса вмѣнялись въ обязанность разговоры на греческомъ языкѣ. Переводы для письменныхъ упражненій давались съ греческаго и русскаго.

Низшій греческій классъ. Проходилась этимологія, разбирались греческіе разговоры и затверживались наизусть.—Греческіе классы, какъ экстраординарные, посѣщались, конечно, не всѣми и не всегда; но за то изъ посѣщавшихъ большинство, благодаря практическому методу обученія, выучивались не только хорошо переводить, но даже говорить. Лучшимъ доказательствомъ успѣха учениковъ по этому предмету могутъ служить многочисленныя рѣчи и стихи на греческомъ языкѣ, сохранившіяся въ рукописяхъ отъ того періода до нашего времени. Одно изъ такихъ стихотвореній приводится въ приложеніяхъ.

Высшій нѣмецкій классъ. Изучали синтаксисъ по руководству Гельтергофа, упражнялись въ разговорахъ и переводахъ нѣмецкихъ книгъ, главнымъ образомъ нѣмецкаго евангелія.

Низшій нѣмецкій классъ. Совмѣстно съ этимологіей нѣмецкаго языка ученики занимались изученіемъ нѣмецкихъ разговоровъ

([1] См. приложенія.

Вегелина. Появился нѣмецкій языкъ въ курсѣ Владимірской семинаріи, начиная съ 1799 года.

Французскій языкъ введенъ былъ во Владимірской семинаріи въ сент. мѣсяцѣ 1804 г. Желающихъ заниматься французскимъ языкомъ на первыхъ порахъ объявилось 69 человѣкъ. Впослѣдствіи, какъ и нѣмецкій, онъ подраздѣлился на два класса: высшій французскій и низшій. Метедъ преподованія былъ тотъ-же, что и по нѣмецкому языку. Руководствомъ служили грамматика Пепліера.

Новые языки, особенно французскій, съ охотою посѣщались учениками, какъ языки современные, модные. Занятія ими могли имѣть притомъ и практическое значеніе, такъ какъ изучившіе ихъ приглашались обычно на кондиціи и могли извлечь изъ своихъ познаній матеріальную выгоду. Къ такимъ кондиціямъ ученики семинаріи чувствовали себя и въ достаточной степени подготовленными, вслѣдствіе того, что занятія языками въ семинаріи состояли въ значительной части изъ разговорныхъ упражненій, знакомство съ которыми главнымъ образомъ и требовалось отъ лицъ, обучавшихъ въ богатыхъ домахъ. Стихотворные опыты семинаристовъ на французскихъ и нѣмецкомъ языкахъ помѣщены въ приложеніяхъ.

Русская школа или россійскій классъ существовалъ и въ Суздальскій періодъ; но тогда онъ имѣлъ особое значеніе; это былъ подготовительный классъ къ информаторіи. Въ началѣ XIX в. россійскій классъ выдѣлился въ школу самостоятельную, преслѣдующую спеціальныя цѣли. Въ 1800 г. указомъ Св. Синода велѣно было учениковъ, которые увольняются за неспособностью къ высшимъ наукамъ, опредѣлять непосредственно на причетническія мѣста, до пріисканія же мѣстъ не отпускать ихъ изъ семинаріи, а обучать въ особомъ россійскомъ классѣ чтенію, нотному пѣнію, письму, катихизису, св. исторіи и другимъ пріуготовительнымъ къ духовной должности предметамъ: уволенныхъ же за непристойное поведеніе съ исключеніемъ изъ духовнаго званія отсылать въ свѣтскую команду [1]). Указомъ Ксенофонта отъ 6 окт. 1800 г. предписывалось завести русскую школу во Владимірской семинаріи, куда помѣстить предназначенныхъ къ исключенію учениковъ. Семинарское правленіе насчитало такихъ 69, владыка добавилъ еще 5. 19 октября начаты были занятія. Уже въ самомъ началѣ русская школа представляла собою въ высшей степени разнохарактерный и разносоставный типъ; на ряду съ десятилѣтними мальчиками сюда попали 23 лѣтніе юнцы. Но всеже, пока ея питомцы были объединены однимъ общимъ недостаткомъ—не-

---

[1]) П. С. З. XXVII, № 19532. Поводомъ къ этому указу послужило участіе одного изъ уволенныхъ семинаристовъ въ убійствѣ, случившемся въ Астрахани.

способностью къ высшимъ наукамъ. Впослѣдствіи разнохарактерность ея все увеличивалась и увеличивалась, такъ какъ семинарское начальство стало смотрѣть на нее, какъ на мѣсто ссылки не только неспособныхъ къ ученію, но и всѣхъ противниковъ и нарушителей семинарской дисциплины. Низведеніе въ русскую школу обратилось въ своего рода дисциплинарное взысканіе. По степени тяжести проступка низведеніе въ русскую школу различалось двоякаго вида: временное и безвозвратное. Послѣднее назначалось за тягчайшіе проступки, и въ ряду строгихъ мѣръ взысканія занимало предпослѣднее мѣсто. Послѣ безвозвратной ссылки въ русскую школу за новыя преступленія виновнаго отсылали обыкновенно въ военную службу. Неудивительно послѣ этого, что русская школа въ своихъ нѣдрахъ заключала всѣ худшіе элементы Владимірской семинаріи [1]) какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Это была въ своемъ родѣ „Камчатка", для которой и помѣщеніе выбирали обычно соотвѣтствующее—что ни на-есть худшее. Преосв. Филаретъ (тогда архимандритъ), производившій ревизію Владимірской семинаріи въ 1815 г., въ своемъ отчетѣ такъ описываетъ русскій классъ. „Русскій классъ, видѣнный мною во Владимірѣ, есть малая комната, безъ столовъ, съ тремя скамьями, на которыхъ и половина бывшихъ на то время учениковъ едва могла усѣсться: а еще многихъ, говорятъ, и не было. Изъ присутствовавшихъ у немногихъ были книги. Русскій классъ кричалъ латинское: salutamus". Ученики русской школы, по отзыву Филарета, при недостаткѣ надзора со стороны начальства, которое, конечно, не могло оставить овецъ, чтобы ходить за козлищами, привыкали къ своевольству и порокамъ. [2])—Въ 1803 г. преосв. Ксенофонтъ велѣлъ раздѣлить русскую школу на два класса и преподавать ученіе по такому росписанію. Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ въ утренніе часы занимать учениковъ попремѣнно чтеніемъ апостола и прочихъ книгъ церковныхъ по славянской печати и первою частью ариѳметики; послѣ обѣда—показаніемъ порядка церковнаго устава по изданной для того особенной книжкѣ и нотнымъ пѣніемъ. Во вторникъ и четвергъ по утрамъ — краткой россійской грамматикой и чтеніемъ по гражданской печати; послѣ обѣда — простымъ пѣніемъ на гласы разныхъ церковныхъ стиховъ, тропарей, прокимновъ и чистописаніемъ. Въ субботу по утру — изъясненіемъ краткаго катихизиса, а послѣ обѣда — простымъ пѣніемъ. Во второмъ классѣ въ понедѣльникъ,

[1]) Въ русскую школу, впрочемъ, попадали не одни ученики семинаріи; сюда присылали для обученія и понамарей, и послушниковъ, если только замѣчали ихъ неисправными въ чтеніи и пѣніи. (См., напр., арх. семин. 1805 г., № 680 и 1806 г. № 500.

[2]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. 1885. Т. 1, стр. 239—40.

среду и пятокъ въ утренніе часы преподавать краткую исторію и географію всеобщую и россійскую, послѣ обѣда—обиходное пѣніе по нотамъ и чистописаніе. Во вторникъ по утру — краткую священную исторію, послѣ обѣда—чистописаніе. Въ четвергъ по утру—пасхалію по изданной особой книжкѣ, послѣ обѣда — простое пѣніе и чистописаніе. Въ субботу утромъ—пространный катихизисъ, послѣ обѣда—ариѳметику и простое пѣніе. Въ воскресный день—слушать катихизисъ съ прочими учениками [1]). Но, вѣроятно, это предписаніе оставалось лишь нормой, въ отношеніи къ которой дѣйствительность стояла несравненно ниже. Русская школа пережила реформу. Только послѣ вышеприведеннаго донесенія архим. Филарета послѣдовало опредѣленіе Комиссіи дух. училищъ: „русской школѣ не быть“ [2]).

Медицина. Еще въ 1798 г. Св. Синодъ по Высочайшему повелѣнію постановилъ, чтобы ученики духовныхъ заведеній во время прохожденія семинарскаго курса пріобрѣтали нѣкоторыя свѣдѣнія о врачеваніи болѣзней, а также о сельской и домашней экономіи, дабы по выходѣ изъ школы могли содѣйствовать крестьянамъ къ борьбѣ съ разнаго рода опустошительными болѣзнями. Въ 1802 г., въ силу новаго Высочайшаго указа, Св. Синоду предписывалось вмѣстѣ съ 50 студентами, назначенными въ этомъ году къ отправленію изъ духовныхъ училищъ въ медицинскіе институты, послать еще по нѣскольку человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы по обученіи и по возвращеніи въ епархіи они могли сами въ семинаріяхъ преподавать сіе искусство. Одновременно съ этимъ врачебнымъ управамъ предписывалось, чтобы онѣ, по требованію епархіальныхъ архіереевъ, отряжали искуснѣйшихъ медицинскихъ чиновъ для преподаванія въ духовныхъ училищахъ въ извѣстные часы первыхъ началъ врачебной науки, доколѣ духовныя училища заведутъ собственныхъ учителей. Отряженные для преподаванія лекцій въ духовныя училища лица, говорилось въ предписаніи, избравъ приличныхъ авкторовъ обще съ прочими членами управы, должны, дѣлая изъ нихъ экстракты нужнымъ предметамъ, изъяснять объ оныхъ учащимся краткимъ, но внятнымъ образомъ, стараясь притомъ сколько возможно показывать имъ силу и употребленіе дикорастущихъ въ Россіи травъ и всякихъ другихъ домашнихъ веществъ, особливо же находящихся въ своей губерніи. Для подготовленія къ учительской должности по классу медицины посланъ былъ изъ Владимірской семинаріи въ Московскую медико-хирургическую академію студентъ богословіи Григорій Соколовъ. Преподавать временно медицину въ семинаріи взялся

[1]) Арх. семин. 1803 г., дек. 4.
[2]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 286.

послѣ долгихъ поисковъ со стороны врачебной управы членъ управы операторъ Невіандтъ, который съ 23 сент. 1802 г. и открылъ чтеніе лекцій. Положено было слушать медицину студентамъ богословіи и философіи во вторникъ и четвергъ по два часа. 25 сентября того же года врачебная управа рапортовала медицинской коллегіи о началѣ занятій по врачебной наукѣ во Владимірской семинаріи, при чемъ заявляла: „какъ въ преподаваніи началъ (этой науки) нужно вразумить и сложеніе или составъ человѣческой, которой по множественному числу учениковъ на рисованныхъ или печатныхъ фигурахъ показывать не удобно, то на первый случай не угодно ли будетъ коллегіи повелѣть доставить изъ Московской главной гошпитали или медико—хирургической академіи шкелетъ“. Изъ архивныхъ дѣлъ не видно, чтобы требуемый „шкелетъ“ былъ присланъ. 17 марта учинили испытаніе слушателямъ медицины. Экзаменующіеся испытывались по слѣдующимъ отдѣламъ: „изъ какихъ веществъ сложенъ человѣческій корпусъ, о костяхъ и оныхъ раздѣленіи и связкѣ, о мягкихъ частяхъ тѣла и оныхъ дѣйствіи, о крововозвращательныхъ жилахъ, о раздѣленіи желудка и онаго внутренностей, и на всѣ вопросы отвѣтствовали многіе изъ учащихся не худо и съ надежною впредь благоуспѣшностію“. На лекціи, какъ значится въ отчетѣ, ходило не всегда одинаковое число; числилось слушающими медицину изъ богословіи 33 студента и философіи 107, всего 140. 14 марта 1804 г. Невіандтъ доносилъ преосв. Ксенофонту, „что съ начала и теперь преподаются лекціи анатомическія, физіологическія и патологическія, и въ сихъ частяхъ врачебной науки нѣкоторые изъ числа студентовъ довольный успѣхъ оказываютъ“ [1]),

Изъ отчета экзаменаціонной коммиссіи и донесенія Невіандта еп. Ксенофонту видно, что успѣхи, оказанные учащимися по медицинѣ были не изъ важныхъ. Классъ медицины разсматривался, какъ классъ второстепенный по преимуществу. 30 окт. 1802 г. на урокѣ медицины, напр., не было 34 человѣкъ. Но вскорѣ дѣла пошли и того хуже. 11 марта 1807 г. Невіандтъ подалъ въ семинарское правленіе доношеніе такого рода. „На посланное ко мнѣ изъ онаго семинарскаго правленія сообщеніе даю знать, что въ прошломъ 1806 г., занятъ будучи какъ своею должностью, такъ и исправленіемъ по Владимірскому уѣзду за малоимѣніемъ лѣкаря должности уѣзднаго лѣкаря, лекціи въ семинаріи преподаваемы не были; а нынѣ, такъ какъ я помѣщенъ въ здѣшнюю врачебную управу инспекторомъ, то по мѣсту моему еще болѣе обязанностей имѣю, почему лекціи врачебной продолжать не

---

[1]) См. Арх. врачебной управы № 151, „По указу Государственной медицинской коллегіи для изученія первыхъ науки врачебной правилъ и о требованіи студентовъ въ институтъ“; арх. семин. 1802 г.

могу" [1]). Къ счастью, вскорѣ возвратился въ семинарію назначенный для подготовки къ преподаванію медицины Соколовъ. Еще до его прибытія предписано было еп. Ксенофонту (и прочимъ епархіальнымъ архіереямъ) опредѣлить ему жалованье по 300 руб. въ годъ, отвести выгодную квартиру и отпускать дрова и свѣчи. Соколовъ обязанъ былъ, кромѣ преподаванія науки, пользовать семинаристовъ, учителей и прочихъ принадлежащихъ къ консисторіи и архіерейскому дому чиновъ и служителей [2]).

Въ концѣ февраля 1808 г. Соколовъ въ чинѣ лѣкаря явился во Владиміръ и приступилъ къ исполненію возложенной на него должности. Въ апрѣлѣ избрали ему изъ семинаристовъ двухъ лѣкарскихъ учениковъ: Василія Ѳомицкаго и Степана Парвицкаго—съ жалованьемъ первому 50 руб., второму—30 руб.; имъ дозволено было числиться въ прежнихъ классахъ. Казалось, на этотъ разъ дѣло поставлено было болѣе серьезно и обѣщало успѣхъ. Къ сожалѣнію, вскорѣ все рухнуло. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 18 іюля іюля 1808 г. говорилось объ отмѣненіи медицинской науки въ семинаріи, такъ какъ „по свѣдѣніямъ во многихъ семинаріяхъ она совсѣмъ не преподается, по недостатку медицинскихъ чиновъ, да и въ начертаніи правилъ объ образованіи впредь духовныхъ училищъ врачебной науки по семинаріямъ больше не полагается [3])". 10 сент. того же года Соколовъ росписался въ чтеніи указа о прекращеніи лекцій въ семинаріи. Его, согласно Высочайшему указу, исключили изъ духовнаго вѣдомства и обратили въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Но на этомъ дѣло съ медициной еще совершенно не покончилось. Впослѣдствіи сдѣлано было распоряженіе объ обученіи семинаристовъ прививанію оспы. На запросъ, посланный консисторіею, относительно назначенія класснаго времени для обученія оспопрививанію, семинарское правленіе въ 1812 г. отвѣтило: „такъ какъ показаніе способа преподаванія предохранительной оспы должно относиться до оканчивающихъ въ семинаріи учебный курсъ, то по соображеніямъ классическаго времени удобно будетъ студентамъ богословіи въ каждый понедѣльникъ, кромѣ вакаціальныхъ дней, назначить обученіе оспенному предмету четвертый часъ по полудни, а студентамъ философіи тотъ же часъ въ каждую пятницу" [4]).

Нотное пѣніе. По росписанію, данному въ методѣ еп. Ксенофонта, для нотнаго пѣнія во всѣхъ классахъ назначался 3 — 4 часъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Въ 1805 г. семи-

---

[1]) Арх. семин. 1807 г., № 122.
[2]) Арх. семин. 1808 г., № 230.
[3]) Арх. врачеб. управы № 268.
[4]) Арх. семин. 1812 г., № 357.

нарское правленіе вступило съ докладомъ къ владыкѣ, въ которомъ указывало: „судя по количеству времени, употребляемому для пѣнія, можно положить, что каждый ученикъ, поступая въ философскій классъ, умѣетъ пѣть исправно, вслѣдствіе чего, не благоволено-ли будетъ студентовъ богословіи и философіи по вторникамъ и четвергамъ отъ пѣвческихъ классовъ уволить, предоставя имъ время сіе на занятіе другими предметами . . ; если-бы сверхъ ожиданія нѣкоторые оказались не очень исправными въ пѣніи, для тѣхъ продолжить обыкновенное ученіе до тѣхъ поръ, доколѣ совершенно не обучатся; по субботамъ въ часы, опредѣленные для пѣвческихъ классовъ, велѣть собираться всѣмъ студентамъ, включая учителей пѣвческихъ и пѣвчихъ“. Еп. Ксенофонтъ согласился съ докладомъ [1]).

Учебные часы по инструкціи преосв. Ксенофонта должны были распредѣляться слѣдующимъ образомъ. Воскресенье—толкованіе Св. Писанія и катихизиса. Понедѣльникъ: часы VIII [2]), IX, X—ординарные предметы; V — исторія, географія и ариѳметика. Вторникъ: VII часъ—нѣмецкій языкъ; VIII, IX. X — ординарные предметы; III, IV—пѣніе. Среда: VIII, IX, X—ординарные предметы; XI — греческій языкъ; II, III, IV — ординарные предметы; V—исторія, географія и ариѳметика. Четвергъ—тѣ же, что и во вторникъ. Пятница — тѣ же. что и въ понедѣльникъ. Суббота: VIII, IX, X—ординарные предметы; XI—нѣмецкій языкъ; III, IV—пѣніе.

Насколько можно видѣть изъ приведеннаго росписанія, учащіе и учащіеся были обременены непосильною тяжестью учебныхъ часовъ. По мѣрѣ введенія новыхъ экстраординарныхъ предметовъ, число учебныхъ часовъ все увеличивалось и увеличивалось. Вотъ, напр., образчикъ распредѣленія учебнаго времени въ 1808 г. Понедѣльникъ: VIII часъ у студентовъ богословіи еврейскій языкъ, IX, X—богословскія лекціи; во всѣхъ прочихъ классахъ VIII, IX, X—ординарные классы, XI—греческій языкъ; II, III, IV—ординарные классы; V—медицина у студентовъ богосло-

---

[1]) Арх. семин. 1805 г., окт., № 983. Свѣдѣнія объ ординарныхъ и экстраординарныхъ классахъ заимствуются изъ семинарскихъ вѣдомостей 1800—813 и метода еп. Ксенофонта.

[2]) Въ восьмомъ часу было, конечно, не во всякое время удобно собираться въ классъ. Отъ 2 дек. 1801 г. семинарское правленіе вошло къ преосв. Ксенофонту съ докладомъ, въ которомъ говорилось: „какъ въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ, если бить звонокъ въ 7 часовъ, столь бываетъ темно, что читать книги совсѣмъ не возможно, свѣчи же покупать для всѣхъ классовъ, судя по множеству учениковъ, убыточно; то не благоволено ли будетъ въ сіи три мѣсяца опредѣлить VIII часъ для греческаго языка и выдавать свѣчи, ординарные же утренніе начинать часомъ позже, а послѣобѣденные получасомъ раньше (т. е. въ 1½ ч.)“. Докладъ былъ утвержденъ. (Арх. семин. 1801 г.).

віи и философіи и исторія, географія, ариѳметика во всѣхъ прочихъ классахъ; марта съ 1, VI часъ особо для географіи и ариѳметики для учениковъ низшей риторики. Вторникъ: по утру VII—нѣмецкій языкъ; съ VIII до обѣдни (во вторникъ и четвергъ ученики еженедѣльно слушали обѣдни) — классы ординарные; II — французскій языкъ; III—IV въ богословіи и философіи для медицины, въ прочихъ — пѣніе; IV — естественная исторія, которую слушаютъ ученики философіи и высшей риторики. Среда и пятокъ=понедѣльникъ. Четвергъ: VII — французскій языкъ; VIII—до обѣдни ординарные классы; II—нѣмецкій языкъ; III—медицина, въ низшихъ — пѣніе; IV — естественная исторія. Суббота: VIII, IX, X - ординарные классы; XI—нѣмецкій языкъ; II—французскій языкъ; III — пѣніе по всѣмъ классамъ и хорамъ семинарскимъ; IV—медицина въ богословіи и философіи, а въ прочихъ - пѣніе [1]).

Диспуты, публичныя собранія продолжали существовать по прежнему. Кромѣ того въ семинарскомъ архивѣ часто упоминается о такъ называемыхъ субботнихъ собраніяхъ, устроявшихся также для поощренія учениковъ. Какъ часто они происходили, сказать трудно. Порядокъ субботняго собранія, на основаніи архивныхъ данныхъ, можно представить въ слѣдующемъ видѣ. Въ девять часовъ утра ученики всѣхъ классовъ собирались въ аудиторію. Входилъ ректоръ, а за нимъ всѣ учителя; при входѣ ихъ ученики пѣли „Salutamus“. Затѣмъ 1) сначала отъ босословскаго класса говорилась въ залѣ собранія съ каѳедры воскресная проповѣдь и 2) сочиненіе, которое было задано на недѣлю; 3) отъ философскаго класса подобное же сочиненіе, „перемѣняясь между собою такъ, что, ежели студентъ богословіи говорилъ по латыни, то изъ философіи по россійски и наоборотъ“, 4) отъ высшаго риторическаго класса читались два упражненія, бывшія на недѣлѣ,—одно латинское, другое россійское, 5) тоже и отъ низшаго риторическаго класса; 6) отъ поэзіи — русскіе и латинскіе стихи; 7) отъ высшихъ язычныхъ классовъ по сочиненію или переводу, какія въ недѣлю были назначены, а кто по собственному своему произволенію и тщательности что сочинилъ, то и то по разсмотрѣніи учителя должно быть представлено для слушанія; 8) отъ синтаксимы—двумъ мальчикамъ латинскій разговоръ; отъ грамматики двумъ же мальчикамъ изъ катихизиса вопросы; отъ элементарнаго—двоимъ же главу краткой священной исторіи по вопросамъ и отвѣтамъ; 9) для занятія студентовъ философіи и для повторенія студентамъ богословіи изъ положеній философскихъ — краткое изустное преніе на латинскомъ языкѣ. Въ заключеніе

---

1) Арх. семин. 1808 г., №№ 465, 980.

объявлялись похвалы лучшимъ ученикамъ и строгій выговоръ худшимъ [1]).

Переводные экзамены учениковъ происходили правильно чрезъ каждое двухлѣтіе. Экзаменъ производилъ обычно учитель того класса, въ который послѣ экзамена должны были перейти ученики. Не выдержавшій экзаменъ терялъ, такимъ образомъ, не одинъ годъ, а цѣлыхъ два, а въ случаѣ новой неуспѣшности и четыре. Послѣ этого неудивительно, что въ богословскомъ классѣ встрѣчались люди, просидѣвшіе въ семинаріи цѣлыхъ 20 лѣтъ. Въ 1820 г. семинарское правленіе донесло владыкѣ, что студентъ богословіи Иванъ Николинъ въ классъ не ходитъ. Допрошенный Николинъ оправдывался тѣмъ, 1) что богословскую систему онъ слушалъ уже четыре раза (поступилъ въ семинарію въ 1782 г.), 2) что проходилъ учительскую должность и изъявилъ желаніе быть въ монашествѣ, вслѣдствіе чего быть съ прочими студентами на ряду почитаетъ для себя за прискорбіе, 3) что за неимѣніемъ содержанія, которое снискиваетъ собственнымъ трудомъ, времени ходить въ классъ не имѣетъ [2]). Въ 1806 г. семинарское правленіе доносило владыкѣ: „изъ общаго экзаменаціоннаго списка оказалось, что студентъ философіи Борисъ Баглачевскій, употребивъ на изученіе философіи 6 лѣтъ, еще оставленъ за неспособностью въ томъ же классѣ да и нынѣ къ исправленію себя ни мало не подаетъ надежды, тѣмъ паче, что и по церковной печати едва только можетъ читать, чѣмъ дѣлаетъ стыдъ и поношеніе не только своему классу, но и всей семинаріи". На докладѣ послѣдовала резолюція: „обратить по безнадежности въ русскую школу впредь до разсмотрѣнія" [3]). Экзамены оканчивались обыкновенно публичнымъ испытаніемъ въ присутствіи приглашенныхъ гостей. Выдержавшіе экзаменъ успѣшно награждались книгами [4]). Иногда лучшимъ ученикамъ выдавались особые листы съ раскрашенною виньеткою и росписанными киноварью начальными буквами; на листахъ этихъ начертывались старинные латинскіе стихи, подъ названіемъ Regula vitae. Вотъ они:

Vive honeste   Bibe modeste
anus eris.
Adhibe curam   erva mensuram
Dives eris.

---

1) Порядокъ субботнихъ собраній приведенъ по Надеждину (стр. 125); въ семинарскомъ архивѣ этого документа не сохранилось.

2) Арх. семин. 1802 г., март. 10.

3) Арх. семин. 1806 г., окт. 12.

4) Въ 813 г., напр., во время общаго испытанія выдано было 14 книгъ на сумму 8 р. 60 коп. (арх. семин. № 616); въ 1809 г.—23 книги (тамъ же № 670).

Sis purae mentis Et adhibentis
Pius eris.
Libellos lege Quod sapis tege
Prudens eris.
Peccantes puni Iratos uni
Justus eris.
Dei sis cultor Criminis ultor
Probus eris.
Amicos fove Rixas non move
Gratus eris.
Veram duc mitem Figito litem
Felix eris.
De hoc memento Quod in momento
Morieris [1]).

Послѣ публичныхъ испытаній происходилъ отпускъ учениковъ на каникулярное время. Случалось это обычно 15 іюля. Но бывали примѣры, когда учениковъ отпускали и раньше. „По причинѣ усилившихся жаровъ, писало семинарное правленіе Ксенофонту въ 1800 г., сдѣлалась въ классахъ духота, а слѣдовательно и учителямъ затрудненіе въ преподаваніи лекцій, и ученикамъ въ слушаніи оныхъ, отчего примѣчательно не малое число учениковъ сдѣлалось больными". Преосв. Ксенофонтъ повелѣлъ уволить учениковъ на вакаціи 1-го іюля [2]). Продолжался лѣтній вакатъ обычно до 20 августа [3])—Кромѣ лѣтняго времени ученики пользовались отпускомъ предъ Пасхою съ пятницы 6 недѣли поста по четвергъ Ѳоминой [4]), предъ Рождествомъ съ 20 декабря по 9 января [5]) и наконецъ на масленицу отъ вторника сырной недѣли до среды первой недѣли поста [6]). Впрочемъ, съ 1807 г. отпускъ на Рождественскіе и Пасхальные праздники былъ ограниченъ. 5 апр. этого года два студента философіи Ѳеодоръ Предтеченскій и Андрей Пигмѣевъ, отправившіеся пѣшкомъ на родину, утонули вслѣдствіе весенняго разлива водъ. Когда донесли объ этомъ еп. Ксенофонту, онъ предписалъ семинарскому правленію „къ всегдашнему и непремѣнному исполненію", чтобы впредь на праздники Рождества и Воскресенія Христова никого изъ семи-

---

1) Подлинникъ такого листа хранится у протоіерея с. Васильевскаго Шуйск. уѣзда Г. Вишнякова.

2) Арх. семин. 1800 г., іюнь 28.

3) Арх. семин. 1801 г., іюнь 19.

4) Арх. семин. 1801 г., март. 13.

5) Тамъ же, 1802 г.

6) Тамъ же, 1803 г., февр.

наристовъ не увольнять въ дома, отстоящіе отъ Владиміра въ разстояніи болѣе 25 верстъ, развѣ бы за кѣмъ изъ дому повозка съ лошадьми прислана была" [1]). Опредѣленіе это было принято къ свѣдѣнію, но никогда строго не выполнялось. — Бывали и экстренные отпуски, вызванные случайными обстоятельствами. Въ 1800 г. 10 дек. семинарское начальство донесло еп. Ксенофонту о появленіи какой то болѣзни, вслѣдствіе которой въ классѣ остается не больше $^1/_3$ части учениковъ, „такъ что и господа учителя принуждены оказываются преподавать лекціи тщетно, ибо по выздоровленіи ученика вынуждены бываютъ оныя повторять, да притомъ и хозяева квартирующихъ учениковъ за болѣзнью ихъ ссылаютъ съ квартиръ, чтобы не заразились ихъ семейства тою же болѣзнью". Преосв. Ксенофонтъ, получивъ этотъ докладъ, велѣлъ уволить учениковъ съ 15 дек. по 10 янв. Болѣзнь не прекратилась и въ январѣ мѣсяцѣ послѣ съѣзда учениковъ. Въ 1812 г. „по причинѣ опасныхъ обстоятельствъ войны" ученики отпущены были въ дома родителей съ 6 сент. по 1 ноября. Но многіе изъ нихъ не явились и къ Рождеству, — „за неизвѣстными причинами, какъ пишетъ надзиратель Суздальскаго училища, а больше думать можно за безпечностью" [2]).

Въ порядкѣ пріема дѣтей въ семинарію произошли нѣкоторыя измѣненія, вызванныя желаніемъ Ксенофонта самому вѣдать это дѣло и въ тоже время внести въ эту область больше порядка и правильности. Предварительно подавалось прошеніе въ семинарское правленіе, въ которомъ лицо, желавшее опредѣлить своего питомца въ семинарію, просило о принятіи послѣдняго въ число учениковъ, „дабы просвѣтить ему разумъ познаніемъ изящныхъ наукъ". Послѣ того начиналось испытаніе въ чтеніи, пѣніи и письмѣ, и о результатахъ испытанія увѣдомляли Ксенофонта; а преосв. Ксенофонтъ по разсмотрѣніи давалъ окончательное рѣшеніе о пріемѣ новичка [3]). Новичекъ вступалъ въ семинарію обыкновенно подъ фамиліею своего родителя или родственниковъ, если только кто изъ таковыхъ обучался до того времени въ семинаріи и получилъ здѣсь прозваніе. Въ противномъ случаѣ ему давалась фамилія новая [4]). Впрочемъ, въ этотъ періодъ нерѣдко были случаи, когда новую фамилію получали лица, для которыхъ въ этомъ

---

[1]) Тамъ же, 1807 г., № 162.

[2]) Арх. семин. 1812 г., № 594.

[3]) Арх. семин. 1800 г., апр. 18.

[4]) Фамиліи давались большею частію или по названію села, откуда былъ родомъ новичекъ (Баглачевскій), или по имени престола въ этомъ селѣ (Успенскій, Преображенскій), или по какимъ нибудь душевнымъ качествамъ (Смирновъ, Доброхотовъ, Остроумовъ) и физическимъ особенностямъ ученика (Парвицкій, Руберовскій) и т. д.

не чувствовалось надобности. Въ 1809 г. студентъ философіи Алексѣй Омофоровскій подалъ прошеніе въ семинарское правленіе, гдѣ говорилъ: „въ то время какъ меня принимали въ семинарію, не знаю, чье было желаніе, чтобы я прозывался Омофоровскій, ибо никто изъ моихъ родственниковъ такъ не прозывался; а какъ братъ мой прозывался Язвицкій, того ради прошу семинарское правленіе, не благоволено-ли будетъ и мнѣ прозываться Язвицкимъ". Просьба была удовлетворена [1]).

Бросая общій взглядъ на характеръ образованія во Владимірской семинаріи въ періодъ, ближайшій къ реформѣ, нужно сказать, что формальное направленіе оставалось въ немъ господствующимъ до самаго конца. Но нельзя замѣтить и того, какъ по мѣрѣ приближенія 1814 г. общеобразовательные предметы пріобрѣтали все больше и больше права гражданства, а вмѣстѣ съ этимъ, какъ говорилось выше, вступали на новые пути и предметы спеціальные духовной школы. Главнѣйшіе недостатки этого направленія извѣстны: это отсутствіе положительныхъ данныхъ и преобладаніе формы надъ содержаніемъ. Но оно имѣло и свою хорошую сторону, о которой также нельзя умолчать. Именно, оно заставляло учениковъ слишкомъ строго относиться къ формѣ, къ внѣшнему изложенію мыслей, къ внѣшней передачѣ ихъ. Мы видѣли, что ученики были заняты постоянно составленіемъ сочиненій, которыя затѣмъ произносились съ каѳедры и въ классѣ, и въ собраніяхъ. Письменныя работы учениковъ цѣнились высоко; ихъ просматривалъ самъ еп. Ксенофонтъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ семинарія подготовляла лицъ, пользовавшихся свободно перомъ, умѣвшихъ излагать свои мысли не только прозою, но и стихами. И семинаристы временъ Ксенофонта любили писать! Самая внѣшняя отдѣлка ихъ работы уже свидѣтельствуетъ объ этомъ. При взглядѣ на сочиненіе ученика начала XIX столѣтія прежде всего бросается въ глаза отчетливость, аккуратность и тщательность переписки; бумага сшита и разрѣзана внимательно, нигдѣ ни подскобки, ни помарки; видно, что авторъ дорожитъ своимъ дѣтищемъ и какъ бы любуется своимъ произведеніемъ. Любовь и охота къ сочиненіямъ и писательству побуждали семинаристовъ пользоваться для этого всякимъ удобнымъ случаемъ. Такими случаями являлись и субботнія собранія, и семинарскія празднества, и публичные акты, и имянины архіерея, и наконецъ встрѣчи Боголюбимой иконы.

Мало того. Любовь къ сочинительству, жажда свободнаго труда вызвали появленіе въ дореформенное время особаго семинарскаго журнала, подъ названіемъ „Семинарскій Вѣстникъ". Это

1) Арх. семин. 1809 г., нояб. 22, № 740.

былъ журналъ чисто литературнаго свойства. Стихотворнымъ произведеніямъ отведено было въ немъ преобладающее значеніе. Выходилъ Семинарскій Вѣстникъ ежемѣсячно въ размѣрѣ 2—3 написанныхъ убористымъ почеркомъ листовъ. Трудъ этотъ объединялъ не только семинаристовъ, но и окончившихъ курсъ и вышедшихъ уже на мѣста, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ посылали въ Семинарскій Вѣстникъ свои произведенія. Журналъ выходилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Трудно, конечно, предположить, чтобы это изданіе могло существовать безъ вѣдома и соизволенія семинарскаго начальства, тѣмъ болѣе, что въ журналѣ собственно и ничего не было такого, что заставило бы начальство относиться къ нему неодобрительно. Девизомъ журнала были взяты слова: „non rumoris, sed deliciarum causa“. Издателемъ журнала былъ первоначально Иванъ Лавровъ. Его именемъ подписаны №№ за 1813 и 1814 гг. Послѣ реформы 1814 г. журналъ снова возобновилъ въ 1815 г. свое существованіе, но уже не столь славное. Въ одномъ изъ номеровъ 1815 г. помѣщено письмо къ издателю, чрезвычайно характерное для опредѣленія содержанія и направленія журнала.

„Недавно на сихъ дняхъ, пишетъ анонимъ, мнѣ удалось выслушать отъ одного человѣка невыгодный отзывъ въ разсужденіи вашего журнала. Сей отзывъ заключается въ двухъ острыхъ стихахъ. Вотъ:

Хоть Вѣстникъ теперь опять издали снова,
Но нѣтъ,—все чепуха! далеко до Лаврова.

Какъ бы кто ни думалъ, но сіе бо—мо сочинено не отъ чистаго сердца, а можетъ только богатая риѳма расположила къ сему автора. Какъ жалко, что есть люди, которые о себѣ такъ низко думаютъ! Будто въ наше время нѣтъ хорошихъ людей, которые бы имѣли хорошія дарованія, будто Г. Л...въ всю изящность семинарской литературы взялъ съ собою, со своими дарованіями? Кто споритъ, что Г. Л...въ имѣлъ отличный талантъ стихотворства, но мы видимъ и у себя хорошихъ стихотворцевъ, которые обѣщались сочувствовать въ изданіи вашего журнала. А именно, Г. Ал..ій, который едва ли уступитъ Г. Л..ву своею поэзіею, котораго нѣжность и пріятность слога есть неподражаема: она плѣняетъ, возвышаетъ, восхищаетъ; словомъ, онъ настоящій нашъ Жуковскій. Проза Г. А...р...аго единственна. Онъ столь же высокъ и въ стихотворствѣ. Что сказать о Г. Се—ме—вѣ, который удивляетъ всѣхъ своимъ талантомъ и можетъ служить образцомъ въ своихъ произведеніяхъ? Т.. въ, П...ій и Г...ій—отличные литераторы; первый отлично пишетъ стихи, второй и третій безподобные критики и имѣютъ даръ стихотворства. Могъ бы я при-

вести еще много особъ, которые безъ сомнѣнія украшаютъ семинарію своими талантами. Вотъ какъ, милостивый государь, несправедливъ судъ господина, который сочинилъ бо—мо. Я ей, ей, не знаю его, но отъ сердца желаю ему успокоиться, что и въ наше время процвѣтаютъ стихотворцы и философы, что и мы живемъ не подъ желѣзнымъ небомъ и что у насъ такіе начальники, которые умѣютъ находить и образовывать способности"...

Лучшія произведенія Семинарскаго Вѣстника дѣйствительно подписаны именемъ Ив. Лаврова, а затѣмъ Александра Тумскаго. Образцы стихотворнаго и прозаическаго творчества сотрудниковъ Семинарскаго Вѣстника приведены въ приложеніяхъ, въ виду чего здѣсь мы ограничимся самыми общими указаніями касательно содержанія и программы журнала. Вотъ, напр., № 5, выпущенный $18\frac{XI}{8}13$ года. Первое мѣсто занимаетъ: „Вояжъ мой на Пловучее озеро", картинный разсказъ, написанный подъ сильнымъ вліяніемъ Карамзина; дальше слѣдуетъ стихотвореніе „Голубь", потомъ Пѣсня съ подписью К—зцкій, за нею Les illusions sur les Français et Napoléon, подписанныя А. Т—скій, и наконецъ смѣсь въ такомъ родѣ. „3 числа сего мѣсяца отъ философскаго класса поднесенъ былъ актъ Е. В. О. И. У. Ф. Іосифу въ день его тезоименитства: замѣчанія достойныя въ немъ піесы суть: 1) Лабиринтъ, 2) Глобусъ и 4) Идиллія, которыя обращаютъ на себя вниманіе семинарской публики. Въ скоромъ времени надобно ожидать много перемѣнъ по нашей семинаріи". На ряду съ статьями серьезнаго содержанія, напр., „Россійскій Парнасъ", представляющій краткую характеристику произведеній Ломоносова, Сумарокова, Кантемира и Княжнина, „Блаженная кончина царя Алексѣя Михайловича", „Ночь на кладбищѣ", въ Семинарскомъ Вѣстникѣ встрѣчаются ироническія замѣчанія по адресу сотрудника, представившаго свои произведенія на клочкѣ бумажки [1]) и радостныя извѣстія по поводу прибытія сбитеньщика:

„Давно изнемогала наша семинарія!.. Давно, давно ожидали мы!.. И наконецъ явился... Ликуй же!.. Нашъ Ганимедъ съ нами!

Иванъ Борисычъ сбитеньщикъ,—
Мудро-витійственный голикъ!..

Событія жизни общественной нашли для себя также отголосокъ въ Семинарскомъ Вѣстникѣ. Война съ Франціей не разъ

---

[1]) „Благодарю г. Стародума за стихи: они довольно хороши, но только такъ неглиже къ издателю присланы, что онъ думалъ, едва ли господинъ Стародумъ умѣетъ писать и едва ли имѣетъ клочекъ насущной бумаги. Прошу господъ товарищей собрать г. Стародуму сумму на бумагу, перья и чернила Иначе жаль... онъ прекрасный литераторъ".

давала матеріалъ семинарской музѣ. Въ одномъ изъ номеровъ 1814 г. помѣщено подробное описаніе торжественнаго акта, бывшаго по случаю полученныхъ извѣстій о взятіи Лютеціи (Парижа) во Владимірской гимназіи 9 мая 1814 г. Слабѣе другихъ произведеній Семинарскаго Вѣстника являются опыты литературной критики.

Значительное содѣйствіе развитію учениковъ, ихъ любви къ литературѣ оказывала въ разсматриваемый періодъ семинарская библіотека, которая со времени Ксенофонта сдѣлалась открытою для правильнаго пользованія учениковъ. Сдача библіотеки Петромъ Лебедевымъ обнаружила въ веденіи библіотечнаго дѣла много недостатковъ и пробѣловъ и побудила семинарское начальство обратить на эту сторону учебной жизни больше вниманія. Были потребованы прежде всего книги и вещи, взятыя въ разное время разными лицами и невозвращенныя, а также и тѣ, которыя должны были поступить въ семинарскую библіотеку, но не поступили [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ составлялись описи, производилась нумерація. Къ 1806 г. изготовленъ былъ новый полный каталогъ книгъ, принадлежащихъ Владимірской семинаріи для отсылки въ Св. Синодъ [2]). Когда, такимъ образомъ, библіотека была нѣсколько упорядочена, семинарское правленіе вошло къ еп. Ксенофонту съ докладомъ о томъ, что „для пользы студентовъ и учениковъ здѣшней семинаріи нужно выдавать имъ книги изъ семинарской библіотеки“. Семинарское правленіе съ своей стороны рекомендовало слѣдующій порядокъ. 1) Выдать библіотекарю шнуровую тетрадь для записи выдачъ и возвращенія казенныхъ книгъ. 2) Раздачу чинить по требованію учителей пяти высшихъ классовъ, полагая на каждый классъ отъ 50—70 разныхъ по приличію, а библіотекарю, получивъ такой реестръ книгъ, выдавать каждому ученику съ роспискою, предоставивъ учителямъ имѣть надъ цѣлостью книгъ свое вниманіе и требовать отъ учениковъ по временамъ отчета, пользуются ли они взятыми книгами. 3) При наступленіи вакаціи каждаго года вносить тѣ книги въ библіотеку въ цѣлости. Преосв. Ксенофонтъ разрѣшилъ выдавать книги на прописанныхъ основа-

---

[1]) Изъ Суздаля прислали между прочимъ слѣдующія принадлежавшія раньше Переславской библіотекѣ вещи: два глобуса, универсальный математическій инструментъ къ познанію пасхаліи зрячей, мѣдный меридіанъ, зрительная труба ветхая, 36 картинъ, иллюминованныхъ для камеръ обскуры, карта СПетербурга ветхая, 6 куншитовъ безъ красокъ (именно, великомуч. Екатерины, взятіе Спасителя на страсти и др.). Арх. семин. 1805 г., май 6.

[2]) Въ каталогѣ книги подраздѣлены на три части: книги библіотеки Владимірской, Суздальской и Переславской. Подлинникъ каталога находится въ синодальномъ архивѣ; копія его, тщательно переписанная, хранится въ архивѣ консисторіи.

ніяхъ, потребовавъ предварительно реестръ рекомендуемыхъ книгъ къ себѣ на разсмотрѣніе [1]).

Но семинарская библіотека была не богата книгами. По каталогу 1806 г. въ собственно Владимірской библіотекѣ числилось 1333 книги, въ Переславской 1559 и въ Суздальской 1017 книгъ. Да притомъ далеко не всѣ изъ этихъ книгъ были удобны и могли быть выдаваемы для пользованія ученикамъ. Нѣсколько сглаживала и восполняла эти недочеты библіотека продажная. Она учреждена была при преосв. Ксенофонтѣ въ 1800 г. и поручена въ вѣдѣніе того лица, которое завѣдывало и библіотекой фундаментальной. Сумму, вырученную отъ продажи книгъ этой библіотеки, библіотекарь долженъ былъ представлять ежемѣсячно при отчетѣ въ семинарское правленіе. Книги продавались по цѣнѣ, мало повышенной въ сравненіи со стоимостью ихъ для семинаріи [2]). Продажная библіотека заведена была первоначально съ цѣлью распространенія среди учениковъ учебныхъ руководствъ, такъ какъ съ введеніемъ новаго метода, выданнаго Ксенофонтомъ, потребовались и новыя книги, а старыя, передававшіяся по наслѣдству отъ отцевъ и родственниковъ, начали постепенно вытѣсняться. Впослѣдствіи же въ продажную библіотеку стали пріобрѣтаться для распродажи ученикамъ и книги неучебныя, но такія, которыя могли служить пособіемъ къ усвоенію семинарскихъ предметовъ, особенно изъ числа руководствъ, рекомендованныхъ въ методѣ еп. Ксенофонта. Болѣе состоятельныя ученики получили такимъ способомъ возможность удовлетворять свою жажду къ чтенію.

Собственно фундаментальная библіотека въ этотъ періодъ увеличилась мало. Изъ числа лицъ, оказавшихъ семинарской библіотекѣ пособіе деньгами и книгами, нужно указать прежде всего на самого Ксенофонта, пожертвовавшаго въ фундаментальную библіотеку семинаріи нѣсколько разнаго содержанія книгъ на разныхъ языкахъ. Ректоръ Павелъ завѣщалъ въ пользу семинаріи 6 книгъ медицинскаго содержанія и четыре разнаго, а также клистирную оловянную трубку „въ виду того, что въ семинаріи обучаются медицинѣ“ [3]). Тайный совѣтникъ сенаторъ Ив. Владиміровичъ Лопухинъ при посѣщеніи семинарской библіотеки пожертвовалъ на нее 100 руб. деньгами и пожаловалъ двѣ книжки своего сочиненія на русскомъ и французскомъ языкѣ. Владимірскій гу-

---

[1]) Арх. семин. 1808 г., нояб. 1, № 570.

[2]) Такъ, 1800 г. прислано было въ семинарское правленіе учебныхъ руководствъ на сумму 175 руб. 43 коп. съ пересылкою. По расцѣнкѣ, назначенной семинарскимъ правленіемъ, отъ продажи этихъ книгъ должно было получиться 181 р. 50 коп.; слѣдовательно, семинарія имѣла получить прибыли ок. $3^1/_2$ %.

[3]) Арх. семин. 1804 г., январь.

бернаторъ князь Ив. Долгорукій, присутствовавшій на публичномъ испытаніи студентовъ, пожаловалъ въ даръ семинаріи русскую библію въ четырехъ томахъ. Статсъ-секретарь Михаилъ Михайловичъ Сперанскій „изъ особеннаго благорасположенія къ здѣшней семинаріи на память бывшаго въ оной съ издѣтства его воспитанія, благодѣтельно пожертвовалъ разными классическими сочиненіями“ 48 книгъ. Но особенно богатою оказалась жертва архимандрита Переславскаго монастыря Модеста. По завѣщанію онъ представилъ въ пользу семинаріи 150 томовъ, большею частью русскихъ, на сумму 308 руб. 50 коп., затѣмъ электрическую машину аглицкой работы, за которую дано было 140 руб., и микроскопъ съ приборомъ въ футлярѣ цѣною въ 25 руб. [1]). По распоряженію Ксенофонта, въ семинаріи заведена была особая книга „для внесенія именъ благотворителей, пожертвовавшихъ въ разное время изъ любви къ просвѣщенію и мудрости евангельской разными усердными приношеніями, въ вещахъ и суммѣ состоящими“ [2]). Имена этихъ благотворителей были прочитаны въ торжественномъ собраніи 15 іюля 1808 г. въ день открытія новопостроеннаго семинарскаго корпуса.—На свои средства семинарія выписывала книгъ мало. Хотя штатный окладъ и былъ увеличенъ, но остатки денежной суммы шли на постройку и починку семинарскихъ зданій. А книги въ этотъ періодъ обходились очень дорого. Напр. въ 1810 г. два экземпляра книги Адама Смита: „изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ“, присланные въ семинарію Голицынымъ по порученію Комиссіи дух. училищъ, обошлись семинаріи въ 20 руб. [3]).

Изъ высшихъ учебныхъ заведеній всего больше семинаристовъ въ разсматриваемый періодъ поступило въ медицинскую академію. Въ силу указа отъ 1797 г. ежегодно вызывалось сюда изъ Владимірской семинаріи по нѣскольку человѣкъ, и число желающихъ часто превышало число требуемыхъ. Медицинское управленіе, нуждаясь въ медикахъ, всячески облегчало семинаристамъ доступъ въ академію. Когда въ 1809 г. Комиссія духовныхъ училищъ нашла невозможнымъ отпустить въ медицинскіе институты 120 человѣкъ студентовъ, то сдѣлано было предложеніе медицинской коллегіи о замѣнѣ 70 студентовъ 70 учениками риторики, и и медицинская коллегія согласилась [1]). 1811 г. 13 янв. во Владимір-

[1]) Арх. семин. 1804 г., сент. 10, № 393. Кромѣ того 100 руб. Модестомъ пожертвовано на достройку классовъ. (Тамъ же.).

[2]) Книга эта хранится въ настоящее время въ семинарской библіотекѣ. (Отд. рук. № 16). Къ сожалѣнію только, 1808 г. запись была и покончена Благотворители послѣдующаго времени сюда не вошли.

[3]) Арх. семин. 1810 г., янв., № 38.

[1]) Арх. врачеб. управы. 1809 г., № 303. „По отношенію Владимірской дух.

скую врачебную управу прислано было распоряженіе о томъ, чтобы при испытаніи семинаристовъ, отправляемыхъ въ медицинскую академію, въ знаніи латинскаго языка употреблялись книги, семинарскому ученію свойственныя, а не медицинскія, переводъ коихъ затруднителенъ для неупражняющихся, и затѣмъ непремѣнно въ присутствіи членовъ семинарскаго правленія [1]). Всѣ эти послабленія повели къ тому, что къ поступленію въ медицинскую академію стали изъявлять желаніе лица, совершенно неподготовленныя, и Владимірской врачебной управѣ пришлось вскорѣ жестоко поплатиться за свою снисходительность, на сторонѣ которой стояло, повидимому, до 1811 г. и медицинское начальство. Именно, 30 сент. 1812 г. министерство полиціи извѣстило Владимірскаго губернатора, что изъ 10 посланныхъ въ медицинскую академію семинаристовъ пять оказались слабыми въ латинскомъ языкѣ и возвращены обратно съ выдачею каждому 86 руб. 26 коп., всего 431 р. 30 коп., каковыя деньги должны быть взысканы съ врачебной управы, равнымъ образомъ и деньги, взятыя этими семинаристами изъ суммъ Владимірскаго приказа общественнаго призрѣнія на проѣздъ въ Петербургъ; всего съ обратными 862 руб. 60 коп. Члены врачебной управы инспекторъ Невіандтъ и акушеръ Байцуровъ послали оправданье, въ которомъ приводили слѣдующія основанія къ освобожденію ихъ отъ незаслуженнаго штрафа. 1) Подвергать ихъ штрафу можно было бы только тогда, еслибы имъ предоставлено было право свободнаго выбора; но на практикѣ они выбираютъ тѣхъ, кого представляетъ семинарское начальство и которые сами пожелаютъ того. Св. Синодъ не только не дѣлаетъ распоряженій о томъ, чтобы семинарское начальство старалось склонять къ поступленію въ академію воспитанниковъ отличнѣйшихъ и знающихъ латинскій языкъ, но наоборотъ часто въ своемъ опредѣленіи назначаетъ въ академію не студентовъ, а риторовъ, которые не могутъ еще быть сильными въ латинскомъ языкѣ. И такъ какъ семинарское правленіе вовсе изъято по сему случаю за непонятность и за незнаніе латинскаго языка учениками отъ всякаго взысканія, то, не опасаясь ничего, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти даетъ онымъ ученикамъ при отправленіи въ академію похвальные аттестаты объ успѣхахъ и поведеніи; имъ же, членамъ управы, въ столь короткое время нѣтъ возможности основательно испытать поступающихъ. 2) Велѣно было производить экзаменъ по книгамъ семинарскимъ. Учителя, зная, какой авторъ

консисторіи о выборѣ изъ Владимірской семинаріи 9 воспитанниковъ для отправленія въ медико-хирургическую академію“.

[1]) Арх. врачеб. управы, 1811 г., № 345. „По министерству полиціи о порядкѣ, коимъ производиться должны экзамены семинаристамъ“.

болѣе знакомъ ихъ ученикамъ, и предлагаютъ его для перевода на испытаніи; они же, члены управы, не имѣя права предлагать другія книги, лишены совершенно возможности удостовѣриться въ дѣйствительномъ знаніи испытуемыми латинскаго языка. 3) Опасаясь въ будущемъ тогоже, они, члены управы, не будутъ впредь давать одобрительныхъ отзывовъ и объ успѣшныхъ ученикахъ.— Оправданіе не было принято во вниманіе, и 862 руб. 60 коп. вычли изъ жалованья Невіандта и Байцурова [1]. Но за то въ слѣдующемъ году изъ Владимірскихъ семинаристовъ, кажется, никто не поступилъ въ академію.

Кромѣ медицинской академіи много учениковъ въ разсматриваемый періодъ ушло въ педагогическій институтъ.—Вотъ списокъ учениковъ, поступившихъ въ высшія учебныя заведенія съ 1800—14 г.:

Въ медико-хирургическую академію, 1800 г.: студ. бог. Михаилъ Нарбековъ, ст. филос. Василій Виноградовъ, Тимоѳей Соколовъ, Андрей Шиповскій [2]) (въ Моск. мед. ак.); 1802 г.: ст. бог. Григорій Соколовъ, впослѣдствіи учитель медицины во Владимірской семинаріи; 1803 г.: студ. филос. Матѳей Воскресенскій и Андрей Виноградовъ; 1805 г.: студ. фил. Яковъ Сперанскій, Михаилъ Благовѣщенскій, Иларіонъ Ефебовскій, Ѳеодоръ Щегловъ и учен. риторики Павелъ Сокольскій; 1806 г.: ст. бог. Гаврилъ Спасскій и Тихонъ Добронравовъ, студ. филос. Павелъ Орловъ, Иванъ Роборовскій, [3]) Александръ Пѣвницкій, Михаилъ Бѣляевъ, Павелъ Озерцковскій, Ив. Дроздовъ, учен. рит. Василій Бѣлинъ и Стефанъ Александровскій; 1808 г.: студ. филос. Иванъ Сервицкій, Козьма Шеметовъ, Михаилъ Сперанскій, Иванъ Лебедевъ, Григорій Соколовъ, Андрей Добродѣевъ, Климъ Скворцовъ; учен. рит. Петръ Аристовъ и Ив. Егорьевскій; 1809 г.: студ. бог. Стефанъ Воскресенскій и Петръ Взоровъ, студ. филос. Николай Гумилевскій, Василій Елховскій, учен. ритор. Иванъ Бѣлоцвѣтовъ, Василій Бенедиктовъ, Петръ Грамматинъ и Петръ Будищевъ; 1810 г.: студ. филос. Василій Лебедевъ, Емельянъ Воскресенскій, учен. ритор. Захаръ Васильковъ, Михаилъ Пере-

---

[1]) Арх. врачеб. управы. 1812 г., № 407. „По предложенію г. Гражданскаго губернатора о взысканіи съ членовъ врачебной управы денегъ, употребленныхъ на прогоны для 5 воспитанниковъ Владимірской семинаріи, оказавшихся неуспѣшными".—Невіандтъ получалъ жалованья 700 руб. въ годъ, Байцуровъ—500.

[2]) Канд. хир. 1804 г.; лѣк. 2 кон. арт. батар. 1804; штабъ-лѣк. 1808 г.; главный лѣкарь Тираспол. корпусн. гос. 1818 г.: уволенъ за раной 1820. Сочин.: „Поданіе помощи во внезапныхъ случаяхъ. М. 1823. (См. Змѣева „Русскіе врачи и писатели".)

[3]) Лѣкарь Калуж. мушк. п. 1810; штабъ-лѣк. 1813; увол. 1824. Сочин.: Съ нѣм. Мартенсъ „Опытъ полной системы акушерства".

миловскій и Θеодоръ Прозоровскій [1]); 1812 г.: студ. фил. Василій Вороновъ (ветерин. отд.), Авксентій Красовскій, Андрей Чижевъ, Иванъ Цвѣтковъ, Степанъ Смирновъ; учен. ритор. Тихонъ Подобѣдовъ (ветер. отд.) [2]), Петръ Ключаревъ (ветер. отд.), Θеодоръ Судогодскій (ветерин. отд.), Гавріилъ Клязьмогорскій (ветерин. отд.), и Петръ Поздѣевъ (ветерин. отд.).

Въ педагогическій институтъ. 1803 г.: студ фил. Гавріилъ Потакинскій, Григорій Никольскій, Аθанасій Алякринскій, Петръ Бѣльскій, Григорій Орловъ, Иванъ Егорьевскій, Иванъ Любимовъ, учен. рит. Николай Язвицкій [3]) и Сузд. училища Алексѣй Добровольскій; 1806 г.: студ. филос. Иванъ Борисоглѣбскій, Николай Транквилевскій, Григорій Соловьевъ, Семенъ Флоринскій, Иванъ Левицкій, Петръ Щегольковъ, Дмитрій Ненашевскій, Матθей Левинскій, Иванъ Виноградовъ, Василій Орловъ, Θеофилактъ Малиновскій [4]), Петръ Звѣревъ; 1808 г.: студ. бог. Михаилъ Звѣревъ и Петръ Веселовскій, студ. филос. Иванъ Недешевъ, Петръ Туберовскій; 1810 г.: студ. филос. Николай Щегловъ, Иванъ Третьяковъ и учен. ритор. Дмитрій Алявдинъ.

Въ Троицкую лаврскую семинарію. 1801 г.: студ. филос. Гавріилъ Лекторскій и Якимъ Ельцынскій; 1802 г. студ. филос. Александръ Новгородскій; 1803 г. студ. филос. Николай Оранскій и Сила Альбицкій; 1805 г. студ. филос. Иванъ Тихомировъ и Иванъ Савеловъ; 1807 г. студ. филос. Егоръ Лебедевъ и Θеодоръ Тихонравовъ; 1809 г. студ. филос. Егоръ Аменицкій и Иванъ Алякринскій.

Въ Александроневскую академію. 1805 г. ученикъ ритор. Николай Ильинскій [5]).

---

1) Лѣк. въ Ковенс. в. госп. 1815; умеръ на службѣ въ Люблинс. в. гос. 1849 г. Сочин: „Повязка для переломанныхъ членовъ, замѣняющая крахмальную". В. Мд. Ж. 1841. ч. 37.

2) Въ 1814 г. возвращенъ обратно, такъ какъ страдалъ непрерывными головными болями (Арх. семин. 1814 г., № 345.)

3) По окончаніи Педагогическаго института былъ преподавателемъ гимназіи въ Петербургѣ и профессоромъ Педагогическаго института. Изъ его сочиненій извѣстны: 1) Историческое похвальное слово Суворову или лавры генералиссимуса князя Италійскаго и графа Рымникскаго. 1814 г. 2) Разсужденіе о словесности вообще. 1810. 3) Введеніе въ науку стихотворства или разсужденіе о началѣ поэзіи вообще и краткое повѣствованіе Восточнаго, Еврейскаго, Греческаго, Римскаго, древняго и средняго Россійскаго стихотворства. 4) Оды похвальныя: а) Къ добродѣтели, писано въ новый годъ. б) На день рожденія Ея величества Елизаветы Алексѣевны. в) Ода на взятіе Рущука и другія побѣды, одержанныя въ Турціи Россіянами подъ предводительствомъ Каменскаго. 5) Всеобщая философическая грамматика. 1810 г.—

4) Впослѣдствіи профессоръ СПетербургскаго университета.

5) Исключенъ отсюда въ 1809 г. См. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 23—44.

Въ Московскую дух. академію 1814 г.: студ. бог. Павелъ Березинъ [1]), Василій Алявдинъ [2]) и Александръ (Яковлевич) Тумскій [3]).

ГЛАВА V.

Воспитательная часть.—Воспрещеніе тѣлесныхъ наказаній.—Проступки учениковъ: пьянство, буйство, распутство и своевольныя отлучки.—Суровницкій.—Свѣтлыя стороны семинарской жизни.

Преданіе разсказываетъ, что вскорѣ послѣ пріѣзда еп. Ксенофонта во Владиміръ по его приказанію сдѣлана была во всѣхъ классахъ слѣдующія надпись: „poena corporalis prohibetur“, т. е. тѣлесное наказаніе воспрещается. Въ инструкціи, данной 23 апрѣля 1800 г., повторено тоже самое. Столь ясно выраженное запрещеніе тѣлесныхъ экзекуцій было несомнѣнно явленіемъ новымъ въ исторіи воспитательнаго дѣла Владимірской семинаріи и большимъ шагомъ впередъ. И при Викторѣ, какъ мы видѣли, значеніе тѣлесныхъ наказаній, какъ исправительной мѣры, въ значительной степени ослабилось; но объ открытомъ запрещеніи ихъ не было еще и рѣчи. Не поднималось объ этомъ вопроса и въ другихъ семинаріяхъ, даже въ такой передовой, какою была Троицкая, поставлявшая въ теченіе XVIII в. въ нашу семинарію учителей. Неудивительно послѣ этого, что такое гуманное требованіе преосв. Ксенофонта подверглось на практикѣ большимъ ограниченіямъ. Именно, оно стало пониматься и примѣняться въ томъ смыслѣ, что отдѣльные учителя до jure лишились возможности подвергать учащихся своею властью тѣлеснымъ истязаніямъ и въ случаѣ нарушенія этого подвергались выговору и вну-

---

1) Въ монашествѣ Платонъ; магистръ: преподавалъ въ Московской академіи герменевтику, догматическое, потомъ обличительное богословіе.

2) Въ монашествѣ Владиміръ, магистръ. Въ 1818 г. назначенъ въ Пензенскую семинарію инспекторомъ; въ 1820 г. перемѣщенъ во Владимірскую на туже должность. 1835 г.—еп. Чигиринскимъ; 1836—Костромскимъ, 1842—архіеп. Тобольскимъ. Сконч. 1845 г. Подробнѣе о немъ во II вып.

3) Извѣстный стихотворецъ и сотрудникъ Семинарскаго Вѣстника. Въ монашествѣ Амфилохій. 1818 г. опредѣленъ бакалавромъ еврейскаго и греческаго языковъ. Въ 1822 г. переведенъ въ Кострому на должность инспектора семинаріи. 1827 г. уволенъ отъ этой должности за невоздержную жизнь и помѣщенъ въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ на монашеской порціи. Въ 1846 г. переведенъ въ число братій Переславскаго Данилова монастыря на іеромонашескую вакансію. Скончался въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ въ 60-хъ гг. По разсказамъ, Амфилохій до конца жизни сохранилъ любовь къ стихотворству.

шенію. Когда вскорѣ послѣ изданія инструкціи ректоръ Павелъ узналъ, что нѣкоторые изъ учителей низшихъ классовъ продолжаютъ по прежнему наказывать учениковъ тѣлесно, то вошелъ съ особымъ доношеніемъ въ семинарское правленіе, и семинарское правленіе подтвердило всѣмъ учителямъ съ подпискою воздерживаться впредь отъ тѣлесныхъ наказаній безъ особаго разрѣшенія на то семинарскаго правленія [1]). Въ 1801 г. одинъ изъ нарушителей распоряженія Ксенофонта избѣжалъ отставки только благодаря Высочайшему всемилостивѣйшему манифесту. „Извѣстно мнѣ учинилось, донесъ ректоръ Павелъ въ семинарское правленіе 25 апрѣля 1801 г., что русской школы учитель Дмитріевскій іерей Александръ Виноградовъ безъ всякаго ко мнѣ отношенія въ самомъ правленіи наказывалъ учениковъ лозами, а какъ по правленію ни одинъ случай не долженъ быть отъ меня скрытъ, но особенно же и то мнѣ извѣстно, что всѣ тѣлесные штрафы запрещены до того даже, что и консисторія сама собою безъ воли его преосвященства штрафовать не можетъ, то, въ пресѣченіе всѣхъ реченнаго священника дерзостей, никакого въ правленіи наказанія безъ отношенія ко мнѣ не допускать"... Когда донесли объ этомъ инцидентѣ преосв. Ксенофонту, онъ написалъ на докладѣ: „означенному учителю за силу Высочайшаго манифеста учиненная неосторожность прощается; объявить, чтобы впредь не чинилъ сего" [2]).—Другой подобный же случай прикончился для учителя болѣе печально. „Учитель Михаилъ Приклонскій, рапортовалъ надзиратель Суздальскаго училища Дмитрій Смирновъ, сего 18 октября ученика Николая Виноградова ударилъ рукою по щекѣ, также шипалъ за волосы и грозилъ высѣчь лозами за неисправность въ школьныхъ дѣлахъ. Да кромѣ того ученики на допросахъ показали, что учитель Приклонскій отъ вакаціи до сего времени высѣкъ дважды за неисправность ученика Аѳанасія Полисадова". Резолюція Ксенофонта: „Учинить учителю Приклонскому найстрожайшее подтвержденіе о ненаказываніи учениковъ безъ надлежащаго надзирателю отноношенія и объявить ему о подачѣ просьбы на священническое куда-либо мѣсто" [3]).—Въ 1804 году захворалъ ученикъ риторики Стефанъ Введенскій. Учитель Ельцынскій, недовѣряя его болѣзни, приказалъ привести въ классъ, штрафовалъ его поклонами и оттаскалъ за волосы. По этому случаю семинарское правленіе рапортуетъ епископу: „Такъ какъ учитель Ельцынскій, сверхъ оштрафованія поклонами, неоднократно таскалъ ученика за волосы,

---

1) Арх. семин. 1800 г., іюнь 14.
2) Арх. семин. 1801 г., 25 апр.
3) Арх. семин. 1801 г., окт.

то въ отвращеніе таковыхъ безполезныхъ при отроческомъ воспитаніи истязаній, не благоволено-ли будетъ учителю Ельцынскому напомянуть съ подпискою о совершенномъ запрещеніи тѣлеснаго въ классѣ ученикамъ наказанія". Резолюція: „Подтвердить" [1]).

Но, если отъ отдѣльныхъ учителей брали подписки въ нечиненіи въ классахъ тѣлесныхъ наказаній, то само семинарское начальство обращалось къ такимъ взысканіямъ неоднократно. Оно прибѣгало къ этой мѣрѣ почти всякій разъ, когда преосв. Ксенофонтъ, налагавшій наказаніе розгами только въ исключительныхъ случаяхъ, предоставлялъ опредѣленіе наказанія благоусмотрѣнію семинарскаго правленія. Вотъ, напр., штрафной листъ ученика русской школы Якова Простакова. „1801 г. ноября 20 за нехожденіе въ классъ штрафованъ лозами. 1803 года октября 29 за участвованіе въ худыхъ поступкахъ того же класса ученика Александра Виноградова, продавшаго два тулупа, деньги же взятыя за оные употребившаго на покупку разныхъ перстней, колецъ и на лакомства, взятъ на особенное замѣчаніе семинарскаго правленія. 1806 г. сентября 26 дня за играніе орлянкою оштрафованъ лозами. 6 декабря того же года приведенъ былъ въ семинарское правленіе пьяной, за что и отосланъ въ военную службу" [2]).

Но и при такихъ ограниченіяхъ на практикѣ, распоряженіе еп. Ксенофонта въ свое время значило очень много.

Съ ослабленіемъ тѣлесныхъ наказаній, выдвинутъ былъ цѣлый рядъ другихъ дисциплинарныхъ взысканій, которыя, по словамъ инструкціи Ксенофонта, имѣли цѣлью причинить наказываемому поношеніе и стыдъ и исправить погрѣшность. Самою распространенною мѣрою взысканій было поставленіе въ классѣ на колѣни, большею частью на два часа. Часто случалось, что учениковъ старшихъ классовъ для большаго поношенія ставили на колѣни въ классахъ младшихъ. Въ этихъ же видахъ наказывали виновныхъ поставленіемъ на колѣни при входѣ церковномъ, гдѣ они должны были испрашивать прощенія у всѣхъ входившихъ въ церковь. За нехожденіе въ храмъ наказывали положеніемъ въ церкви земныхъ поклоновъ. За провинности болѣе крупнаго свойства низводили виновныхъ въ низшіе классы, большею частью на время до раскаянія, а иногда и „безвозвратно". Вотъ для примѣра штрафной листъ студента богословіи Ефима Никологорскаго, подвергшагося почти всѣмъ мѣрамъ перечисленныхъ воздѣйствій. „1803 г. марта 20 дня за небытіе въ церкви штрафованъ положеніемъ ста поклоновъ. 1803 г. декабря 23 дня за нехожденіе на пѣвческій классъ

---

[1]) Арх. семин. 1804 г.
[2]) Арх. семин. 1806 г.

штрафованъ постановленіемъ въ риторическомъ классѣ на колѣни. 1805 года января 18 дня за позднюю явку штрафованъ пониженіемъ класса. Того же года октября 24 дня за нерадѣніе о греческомъ классѣ и неуспѣшность штрафованъ постановленіемъ на колѣни и затѣмъ велѣно замѣтить и числить его нерадивымъ. 1806 года марта 20 дня за проживаніе въ домѣ по неизвѣстной причинѣ и поздую явку и обращеніе въ пьянствѣ по трактирамъ обращенъ былъ въ философскій классъ и обязанъ крѣпкою подпискою въ нечиненіи подобныхъ поступковъ. Сего жъ года мая 25 дня возвращенъ паки въ богословской классъ, съ тѣмъ, что буде впредь подастъ на себя каковое въ чемъ либо подозрѣніе, отосланъ будетъ въ русскую школу безвозвратно". Или же еще для примѣра штрафной листъ студентовъ богословіи Василія Нарбекова и Михаила Казанскаго. „1806 года іюля 6 дня за играніе въ классѣ картами штрафованы постановленіемъ при входѣ церковномъ на колѣни, гдѣ они у всѣхъ проходящихъ студентовъ испрашивали прощенія въ безчестномъ своемъ поступкѣ, взяты на замѣчаніе и обязаны подписками въ нечиненіи подобныхъ шалостей" [1]).

Что касается самыхъ проступковъ, за которые семинаристы подвергались дисциплинарнымъ взысканіямъ, то свѣдѣніями о нихъ семинарскій архивъ этого періода отличается необыкновеннымъ богатствомъ. Пьянство, распущенность, драки, денежныя игры въ карты и орлянку и даже кражи были явленіями, съ которыми семинарскому начальству приходилось постоянно считаться. Объясняется это въ значительной степени величиною семинаріи. Съ такою массою учащихся семинарскому начальству не было рѣшительно никакой возможности справиться. Притомъ же, вслѣдствіе отсутствія общежитія, ученики, разсѣянные по всѣмъ концамъ города, были совершенно внѣ начальническаго надзора. Правда, для своихъ цѣлей семинарское начальство пользовалось услугами цензоровъ. Въ 1802 году преосв. Ксенофонтъ предписалъ увеличить число ихъ до 20 и дать имъ въ помощники столько же: Между этими 20 цензорами съ ихъ помощниками и были распредѣлены всѣ городскія квартиры. Округъ каждаго цензора опредѣлялся райономъ приходской церкви, посѣщаемой семинаристами ближайшихъ къ ней квартиръ [2]). Кромѣ квартирныхъ цензоровъ

---

1) Арх. семин. 1806. г.

2) Въ 1811 г. преосв. Ксенофонтъ, по докладу семинарскаго правленія, точно организовалъ посѣщеніе учащимися церкви. Каждому классу для посѣщенія назначенъ былъ опредѣленный храмъ. Именно, въ воскресный день студенты богословіи слушали литургію въ домовой архіерейской церкви, студенты философіи въ Николо-Кремлевской, ученики риторики въ семинарской Богоро-

были еще особые цензоры, назначенные „для усмотрѣнія благопристойности стоящихъ въ церкви учениковъ", въ количествѣ 12. Во главѣ цензоровъ стоялъ сеніоръ. Цензоры были непосредственными помощниками начальства въ надзираніи за нравственностью воспитанниковъ и ближайшими посредниками въ сношеніяхъ его съ учениками. Они доносили начальству о всѣхъ непорядкахъ ученической жизни, какія замѣчали на квартирахъ и на улицахъ въ городѣ, приводили пьяныхъ въ семинарское правленіе, разыскивали виновныхъ по обнаруженіи какого нибудь проступка и наконецъ свидѣтельствовали больныхъ, неявившихся въ классъ. Но цензоры были тѣже ученики и, при всѣхъ угрозахъ, запугиваніяхъ и взысканіяхъ со стороны семинарской власти, не могли добросовѣстно выполнить эту отвѣтственную, возложенную на нихъ задачу [1]). Вліяніе ихъ на учениковъ ослабѣвало по мѣрѣ того, какъ терялась разница между ними и ихъ подчиненными въ въ лѣтахъ и классѣ. Отсюда, не смотря на постоянное стремленіе семинарскаго начальства увеличить количество цензоровъ, нравственность воспитанниковъ страдала многими серьезными поврежденіями. Чтобы подтвердить сказанное фактически, мы остановимся на нѣкоторыхъ характерныхъ примѣрахъ семинарскаго своевольства, распущенности, заимствуя ихъ цѣликомъ изъ дѣлъ семинарскаго архива.

11 сентября 1801 г. сеніоръ Устинскій донесъ семинарскому правленію, что студента богословіи Василія Никольскаго въ первомъ часу пополудни безъ всякой причины билъ мѣщанинъ Ксенофонтъ Моревъ, при чемъ, какъ ему показалось, Никольскій былъ пьянъ. Привели Никольскаго въ правленіе. По осмотрѣ онъ оказался, дѣйствительно, немного пьянымъ. На тѣлѣ у него имѣлись боевые знаки, именно, вся лѣвая щека распухла. Въ пьянствѣ и дракѣ Никольскій учинилъ безусловное запирательство и утверждалъ, что сеніору онъ показался пьянымъ, „такъ какъ не задолго предъ тѣмъ мазалъ виномъ опухоль на лѣвой щекѣ, которая и теперь еще видна, и по совѣту хозяевъ, чтобы не столь была чувствительна болѣзнь, выпилъ одну рюмку вина, а болѣе ни прежде, ни послѣ не пилъ". Правленіе постановило обратить Никольскаго изъ богословскаго класса въ философскій; но вскорѣ по резолюціи Ксенофонта возвратило его снова въ богословію [2]).

дицкой, ученики поэзіи—въ Богословской, ученики грамматическихъ классовъ—въ Ильинской и элементарныхъ—Сергіевской. Во вторникъ и четвергъ студенты богословіи слушали литургію въ Никольской церкви, философіи—Борисо-Глѣбской, ученики риторикъ-Богородицкой и т. д. Арх. семин. 1811 г., окт. 23, № 741.

[1]) Мы не говоримъ уже о другихъ неудобныхъ и вредныхъ въ воспитательномъ смыслѣ сторонахъ стараго школьнаго цензорства.

[2]) Арх. семин. 1801 г., сент. 11.

Другой примѣръ не менѣе изворотливаго объясненія уличеннаго въ пьянствѣ видимъ въ лицѣ студента философіи Ив. Самаринскаго, на котораго сеніоръ Устинскій донесъ, что онъ 27 октября (1801 г.) ходилъ въ кабакъ. Самаринскій сознался, что онъ дѣйствительно ходилъ въ кабакъ, но не для питья вина, а для взятія у своего хозяина денегъ, въ коихъ чувствовалъ нужду. Хозяинъ, по его словамъ, не имѣя самъ денегъ, обѣщалъ ему занять ихъ у сидѣльца, для чего и отправился въ кабакъ. Онъ же, Самаринскій, не дождавшись возвращенія хозяина отъ сидѣльца и опасаясь, какъ бы не опустить ему время творить квашню, вынужденъ былъ лично пойти въ тотъ кабакъ. Опредѣленіемъ правленія положено было оштрафовать Самаринскаго постановленіемъ на колѣни чрезъ часъ, поскольку въ кабакъ не только студентамъ, но и причетникамъ ходить запрещено [1]).

Своеобразное и нѣсколько наивное оправданіе по обвиненію въ нетрезвости дано ученикомъ риторики Николаемъ Бутѣевымъ. На допросѣ, который сняли съ него по жалобѣ мѣщанки Ирины Скамейкиной, онъ показалъ: „Того дня (26 іюня) пришелъ я къ здѣшней мѣщанкѣ Иринѣ Скамейкиной за табакомъ, коя, бывши чрезвычайно пьяна, ругала меня; почему я, видя ее въ такомъ положеніи, долго молчалъ, наконецъ же нашелся принужденнымъ назвать ее пьяницей, что она, не стерпѣвши, ходила къ отцу ректору на меня жаловаться въ томъ, что будто бы я, бывши въ нетрезвомъ видѣ, ругалъ ее, почему по приказанію отца ректора взятъ былъ въ семинарское правленіе и представленъ къ его преосвященству лично. Пьянъ же я не былъ, ибо, еслибы въ самомъ дѣлѣ былъ пьянъ, то, вѣрно зная, что оная женщина ушла жаловаться отцу ректору, могъ бы скрыться“. Еп. Ксенофонтъ предписалъ: „Бутѣева, представленнаго ко мнѣ лично въ пьяномъ образѣ, оштрафовать въ страхъ другимъ и затѣмъ взять на замѣчаніе“ [2]).

Бывали случаи, когда семинаристы загуливали по нѣскольку дней. Учитель риторики 17 окт. 1810 г. донесъ, между прочимъ, что ученикъ его класса Павелъ Виноградовъ съ 15 числа въ классъ не ходитъ и занимается по кабакамъ и трактирамъ съ людьми развращенными игрою въ карты и не только все съ себя, но и съ товарища своего Ив. Адріанова китайчатый халатъ проигралъ, да на квартирѣ не ночуетъ и почти никогда не бываетъ. Резолюція: „оштрафовать по разсмотрѣнію“. Штрафованъ лозами.

Иногда это шатаніе по кабакамъ приводило къ печальнымъ послѣдствіямъ и стоило ученикамъ очень дорого, помимо наказа-

1) Арх. семин. 1801 г., окт. 29.
2) Арх. семин. 1811 г., іюль 7.
3) Арх. семин. 1810 г., окт. 17.

нія, налагаемаго семинарскимъ начальствомъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1808 г. ученикъ риторики Ѳеодоръ Добронравовъ ночевалъ на съѣзжей. На другой день пострадавшій представленъ былъ въ семинарское правленіе и разсказалъ слѣдующее. „8 февраля по просьбѣ хозяина моего для гостей его ходилъ я въ Сергіевскій кабакъ за виномъ, куда взошедши, засталъ тамъ четырехъ пьяныхъ Лубенского полку гусарей, которые безъ всякой причины начали меня бить, говоря, что де семинаристамъ въ питейные дома ходить не велѣно; потомъ, отнявъ у меня вино, начали предлагать мнѣ, чтобы я записался въ ихъ полкъ; но я на всѣ ихъ предложенія отзывался нежеланіемъ, почему они, видя стараніе свое безуспѣшнымъ, начали меня больно бить, принуждая записаться. Тогда для избѣжанія дальнѣйшихъ ихъ притязаній я записался въ ихъ полкъ подъ другимъ именемъ, называя себя Поликарпомъ Полидовымъ и отведенъ былъ ими въ домъ купца Морозова къ ихъ ундеру-офицеру, у коего стоявшій на вѣстяхъ бывшій здѣшней семинаріи ученикъ Нушпальскій, узнавъ о моемъ ложномъ имени, сказалъ ему, что де я называюсь Добронравовымъ. Тутъ начали опять меня принуждать, чтобы я записался въ ихъ полкъ, представляя мнѣ наказаніе, каковому я подвергну себя за одно ложное показаніе своего имени. Но я и тутъ не согласился и тихонько отъ нихъ бѣжалъ, а они, догнавъ меня на извозчикѣ, посадили на съѣзжую, гдѣ я и ночевалъ“. За посѣщеніе питейнаго дома, распорядилось правленіе, наказать Добронравова въ страхъ другимъ и подтвердить всѣмъ обязательно, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не имѣли хожденія въ кабакъ, яко мѣсто неприличное ихъ званію“ [1]).

Добронравовъ потерпѣлъ двойное наказаніе и, кажется, совершенно безвинно. Семинарское начальство примѣнило къ нему такую строгую мѣру взысканія (наказаніе въ страхъ другимъ = лозами), по всей вѣроятности изъ за того, что онъ ночевалъ на съѣзжей, что клало въ нѣкоторомъ смыслѣ пятно на всю семинарію. Какъ строго относились къ такимъ случаямъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ концѣ 1800 г. студентъ богословіи Иванъ Доброхотовъ взятъ былъ на съѣзжій дворъ и возвратился оттуда только 24 января 1801 г. Возвратившись, онъ представилъ копію съ дѣла, производившагося о немъ въ уѣздномъ судѣ, изъ котораго явствовало, что онъ по дѣлу оказался невиннымъ. Семинарное правленіе его отлучку не поставило ему въ штрафъ, „такъ какъ онъ находился подъ судомъ безвинно“; но „поелику и безвинная отлучка по дѣлу могла въ мысляхъ другихъ навлещи на него подозрѣніе“, то постановлено было обязать студента Добро-

---

[1]) Арх. семин. 1808 г., фев. 10, № 267.

хотова подпискою, чтобы онъ всемѣрно старался отдалять отъ себя всякіе могущіе навлечь на него подозрѣніе поступки". Преосв. Ксенофонтъ отнесся еще строже. „Студента Доброхотова, написалъ онъ на докладѣ правленія, обращавшагося съ безчестными и подозрительными людьми, а затѣмъ и подъ судомъ находившагося, записать въ журналъ семинарскій безчестнымъ и подозрительнымъ, затѣмъ дозволить ему ходить на время въ философскій классъ, а чрезъ мѣсяцъ о поведеніи его отрапортовать [1]).

Наказаніе усиливалось въ тѣхъ случаяхъ, когда пьянство сопровождалось буйствомъ и дебоширствомъ. 6 ноября 1805 г. Владимірская мѣщанка дѣвка Прасковья Борисова, дочь Доронина, словесно просила о защищеніи ея отъ обидъ, причиненныхъ ей сего ноября 5 дня студентомъ богословіи субсеніоромъ Ильею Золотовскимъ и Ѳеодоромъ Дубенскимъ. По разслѣдованіи оказалось. „Оба сіи студента, пришедши къ оной дѣвкѣ въ домъ весьма поздно вечеромъ, въ нетрезвомъ видѣ, стучались весьма сильно въ дверь и въ окна, приказывая отпереть для осмотра квартирующихъ у ней учениковъ. Но какъ оная дѣвка, по причинѣ поздняго времени и видя ихъ пьяными, двери не отперла, то студентъ Дубенскій, во первыхъ, всѣ окна вышибъ, а потомъ у сѣней сломалъ дверь съ крюковъ". Резолюціею владыки велѣно было Золотниковскаго оштрафовать постановленіемъ чрезъ два часа на колѣни, а Дубенскаго—въ страхъ другимъ примѣрно лозами [2]).

Іюля 13 1804 г. сеніоръ донесъ, что студентъ философіи Аѳанасій Ѳедоровскій ходилъ съ безчестною дѣвкою за городъ, коего увидѣвъ стрегущіи сады мужики поймали, съ означенной дѣвки содрали платье, а съ онаго Ѳедоровскаго начали было сдирать кафтанъ, но увидѣли все это три семинариста и его у нихъ отбили". Резолюція: „Ѳедоровскому за нерадѣніе и безпечность въ ученіи и зазорное поведеніе предоставить проситься на праздное причетническое мѣсто" [3]).

„Содружничество съ волокитными женками" приводило учениковъ по временамъ къ злоключеніямъ еще болѣе серьезнаго характера. 1811 г. декабря 6 ученикъ риторики Суздальскаго училища Левъ Алексинскій изобличенъ былъ въ безчестномъ знакомствѣ съ женою казначейскаго приказнаго Ив. Анд. Лещова. На допросѣ Алексинскій показалъ. „Минувшаго декабря 6 дня ходилъ я къ близъ живущей къ квартирѣ моей и очень извѣстной хозяевамъ моимъ казначейскаго приказнаго женѣ попросить у нея взаймы на нужды мои денегъ. Вдругъ онъ, Лещовъ, входитъ въ избу и

---

1) Арх. семин. 1801 г., янв. 26.

2) Арх. семин. 1805 г., нояб. 6, № 1087.

3) Арх. семин. 1804 г., 13 іюля.

говоритъ мнѣ: „зачѣмъ я здѣсь“? Я въ отвѣтъ объяснилъ ему причину моего прихода въ домъ, но, онъ не смотря ни мало на мои оправданія, ссунулъ меня въ подполье, гдѣ пробывши я съ часъ времени, услышалъ голосъ пришедшаго въ тотъ домъ для отслуженія молебна Вознесенской церкви священника съ причетникомъ его, коему я, дабы не подпасть другому еще болѣе несчастному жребію, объявилъ свой голосъ. Оный священникъ соросилъ его, Лещова, что у него въ подпольѣ за человѣкъ? на что онъ, Лещовъ, отвѣтствовалъ, что это семинаристъ, прозывающійся Алексинскимъ. Священникъ оный, заключа изъ сего со стороны Лещова что то худое, объявилъ о немъ въ градской полиціи, въ которую Лещовъ, приведши меня, письменно подалъ жалобу въ томъ, что будто я къ нему въ домъ пришелъ воровать. Въ полиціи я пробылъ трое сутокъ, и сія, не признавъ меня по суду виновнымъ, освободила“. По справкамъ оказалось, что Алексинскій дѣйствительно содержался въ полиціи но былъ выпущенъ изъ нея не потому, что его признали невиновнымъ, а вслѣдствіе того, что, заплативъ Лещову нѣкоторую сумму, помирился съ нимъ [1]). Резолюція. „Алексинскаго, взявъ на замѣчаніе, оставить по сему подъ особеннымъ надзоромъ семинарскаго правленія въ высшемъ риторическомъ классѣ, будь онъ изъ учениковъ прежняго курса; въ противномъ случаѣ оставить въ низшемъ [2]).

Изъ азартныхъ игръ, распространенныхъ между семинаристами и преслѣдуемыми семинарскимъ начальствомъ, можно указать на игру въ карты, орлянку и отчасти на бильярдѣ. 1806 г. ректоръ Анатолій донесъ Ксенофонту, что до прихода его въ классъ ученикъ Михаилъ Казанскій, принесши карты, игралъ ими съ Василіемъ Нарбековымъ, Θеодоромъ Дубенскимъ и Василіемъ Добросердовымъ; „осмѣливаюсь доложить, писалъ Анатолій, не благоугодно ли будетъ оныхъ шалуновъ оштрафовать примѣрно“. „Означенныхъ учениковъ, распорядился владыка, взявъ на особенное примѣчаніе, оштрафовать постановленіемъ при входѣ церковномъ предъ обѣдней на колѣни съ тѣмъ, дабы у всѣхъ проходящихъ учениковъ испрашивали въ безчестномъ поступкѣ своемъ прощенія“ [3]).—Въ 1806 ученики риторики Василій Соколовъ и втораго россійскаго класса Яковъ Простаковъ наказаны за игру въ

[1]) Заявленія Лещова въ полиціи о томъ, якобы Алексинскій пришелъ въ его домъ съ цѣлью воровства, несомнѣнно грѣшило противъ правды и не соотвѣтствовало тому, въ чемъ дѣйствительно винилъ Лещовъ Алексинскаго. Домъ Лещова еще до этого времени пользовался въ Суздалѣ дурною славою. Въ 1809 г. ученики риторики Егоръ Смирновъ и Михаилъ Крапивнинъ вымазали окна въ домѣ Лещева дегтемъ. (Арх. семин. 1812 г., фев. 14, №154.)

[2]) Тамъ же.

[3]) Арх. семин. 1806 г., іюль 4, № 662.

орлянку въ страхъ другимъ [1]). О „бильартѣ“ въ семинарскомъ архивѣ упоминается за означенный періодъ только одинъ разъ [2]).

Неявка въ срокъ послѣ отпуска взыскивалась строго въ сравненіи съ другими проступками, и тяжесть наказанія увеличивалась въ зависимости отъ количества просроченныхъ дней. Въ 1805 г. нѣкоторые изъ поздно явившихся послѣ Рождественскаго отпуска штрафованы стояніемъ чрезъ три класса на колѣни, другіе пониженіемъ классовъ, но вскорѣ по приказанію еп. Ксенофонта, снова возвращены, и наконецъ третьи, явившіеся 14—16 января,—пониженіемъ класса „безвозвратно“; два ученика перваго россійскаго класса наказаны лозами [3]). Резолюцію владыки отъ 17 мая 1812 г. велѣно было явившихся послѣ Пасхальнаго срока спустя три дня, т. е. къ 7 мая, оштрафовать постановленіемъ въ классѣ на колѣни, неявившихся до 11-го понизить классомъ на двѣ недѣли, неявившихся же доселѣ не принимать въ классы безъ доклада [4]).

Самовольныя отлучки, а особенно бѣгство изъ семинаріи попадаются рѣже. Но и въ концѣ дореформеннаго періода встрѣчаются дѣла, которыя воскрешаютъ въ памяти блужданія бѣгуновъ изъ эпохи первыхъ годовъ существованія Владимірской семинаріи. Въ 1806 г. ученикъ риторики Аврамій Баженовъ, будучи пьянъ и одѣвшись въ извозчичье платье, катался на лошади въ городѣ. Сеніоръ Виноградовъ поймалъ его и привелъ въ семинарское правленіе; но оттуда Баженовъ бѣжалъ и только чрезъ мѣсяцъ явился въ консисторію. 15 марта на допросѣ въ консисторіи онъ показалъ слѣдующее. „9 февраля, будучи чрезмѣрно пьянъ, катался на лошади въ извозчичьемъ платьѣ подлинно. Напился же въ квартирѣ у здѣшней мѣщанки Авдотьи Степановой Скамейчихи. Изъ семинарскаго правленія бѣжалъ, оставя кушакъ и шапку, самовольно въ 4 часа по полуночи на квартиру свою незапертою калиткою; а оттуда уже 10 числа — въ Суздаль съ наславленными мною въ с. Давыдовскомъ 7 рублями, куда пришедши, зашелъ въ кабакъ Преподобнинскій, гдѣ, пробывъ часа два, напился очень пьянъ и уснулъ на улицѣ за кабакомъ у тына. Предъ заутренею 11 числа пришелъ въ тотъ-же Преподобнинскій кабакъ опохмѣлиться, а потомъ гулялъ весь тотъ день до вечера по городу. На 12 число ночевалъ подъ селомъ Коровниками въ банѣ, а въ чьей — не знаю. 12 числа, т. е. въ чистый понедѣльникъ, вставши по утру, пошелъ въ кабакъ, называемый Ростани, гдѣ, выпивши за 6 коп. вина, пришелъ на торгъ, купилъ себѣ

---

1) Арх. семин. 1806 г., сент. № 767.
2) Арх. семин. 1811 г., № 298.
3) Арх. семин. 1805 г., янв. 16.
4) Арх. семин. 1812 г., май 17, № 359.

калачъ въ калачныхъ рядахъ и шатался весь тотъ день по городу, а по вечеру зашелъ для выпитья вина въ тотъ же кабакъ Ростани и ночевать пришелъ въ ту-же баню, въ коей и прошедшую ночь ночевалъ. Переночевавши паки, вышелъ и шатался по городу Суздалю во весь день. 13 числа ночевалъ уже въ другой банѣ подъ селомъ Коровниками. Въ послѣдующіе же дни до явки моей во Владиміръ сего марта 6 числа жилъ въ Суздалѣ, шатался по питейнымъ домамъ и пьянствовалъ, ночевалъ-же въ разныхъ подъ селомъ Коровниками баняхъ". Резолюція владыки: „отправить въ Губернское правленіе для отсылки въ военную службу" [1]).

Въ общемъ же, просматривая проступки семинаристовъ этого времени и дисциплинарныя взысканія за нихъ, приходишь къ выводу, что и въ этотъ періодъ семинарское начальство, не смотря на сильное увеличеніе учениковъ, очень щадило своихъ питомцевъ, особенно высшихъ классовъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ допускало исключеніе ихъ изъ семинаріи и удаленіе въ свѣтское вѣдомство. Особенно характернымъ является примѣръ студента Гаріила Суровницкаго. 1800 г. марта 2 дня ректоръ семинаріи Павелъ за своевольную и долговременную отлучку Суровницкаго отъ класса, по представленію учителя философіи Петра Лебедева, штрафовалъ его розгами. 5 мая того-же года Суровницкій въ пьяномъ образѣ шатался по рынку, за что по резолюціи Ксенофонта опредѣленъ былъ въ должность семинарскаго сторожа. Въ должности сторожа онъ находился по 13 число октября, когда былъ возвращенъ обратно въ философскій классъ. 26 февраля 1801 г. учитель Лебедевъ снова заявилъ, что студентъ философіи Гавріилъ Суровницкій въ теченіе февраля былъ въ классѣ только два раза (18 и 19 числа), что онъ, Лебедевъ, посылалъ учениковъ для осмотра его квартиры, но какая-то женщина, назвавшись женою Суровницкаго, отвѣтствовала, что на квартирѣ его нѣтъ, а гдѣ онъ, того не сказала. Семинарское правленіе стало забирать справки, выслѣдило Суровницкаго и представило его къ допросу. Суровницкій 28 февраля показалъ. „Для вступленія въ бракъ я не имѣлъ отъ команды позволительнаго вида, но учинилъ сіе потому, что за мною утверждено было діаконское мѣсто Гороховской округи въ Георгіевской слободѣ, на которое я надѣялся вскорѣ выйти, а не ходилъ я въ классъ по причинѣ болѣзни, въ ломотѣ головы состоящей, для облегченія которой я почасту отлучался отъ квартиры къ лѣкарю, почему посылаемые за мною не заставали меня въ квартирѣ". Выслушавъ допросъ, семинарское правленіе положило мнѣніе такое: „Суров-

---

[1]) Арх. семин. 1806 г., № 368.

ницкаго, яко неоднократно за дурное поведенiе штрафованнаго и плодовъ совершеннаго исправленiя не оказавшаго, хотя и слѣдовало-бы отослать въ военную службу, но поелику онъ совокупился бракомъ, хотя и самовольно, то дабы не сдѣлать несчастною жену его, не благоволено-ли будетъ вашему преосвященству, оштрафовавъ при собранiи учениковъ нещадно лозами, отослать впредь до разсмотрѣнiя въ русскую школу съ наистрожайшимъ о поведенiи его надзиранiи". Семинарское правленiе находило возможнымъ, слѣдовательно, и послѣ такого своевольства сдѣлать снисхожденiе, и только преосв. Ксенофонтъ не позволилъ пойти на эту уступку. „Ученику Суровницкому, написалъ онъ на докладѣ правленiя, довольно сдѣлано было снисхожденiя, но онъ, не чувствуя того, въ горшее вдался своевольство, а потому и безнадежнымъ оказался къ исправленiю своего состоянiя и поступленiю въ духовное званiе; отослать его по исключенiи изъ семинарiи въ Губернское правленiе для опредѣленiя въ военную службу на законномъ основанiи по надлежащему" [1]).

Къ свѣтлымъ сторонамъ семинарской жизни того времени нужно отнести солидарность, единодушiе и корпоративность учащихся. Радость и горе отдѣльныхъ лицъ были явленiями общими для всѣхъ товарищей. „Сострадание и человѣколюбiе читаемъ въ Семинарскомъ Вѣстникѣ за 1814 году (№ 3), сiи благородныя качества были у всѣхъ народовъ украшенiемъ человѣчества. Совлекая одежду съ раменъ милосердыхъ сосѣдей, одѣвали ею осиротѣлую бѣдность. Нашъ сотоварищъ N. N. лишенъ всѣхъ пособiй со стороны родственниковъ къ поддержанiю и продовольствiю себя и во многомъ терпитъ недостатокъ. Такъ, до воспламенится въ сердцахъ нашихъ духъ сихъ христiанскихъ качествъ. Правда, богатство и имущество наше ограничено, но возможность достаточна удовлетворить нужды сего несчастливца. Для приведенiя въ дѣйствiе сего благочестиваго намѣренiя избрано самымъ удобнѣйшимъ средствомъ сiе провозглашенiе, ввѣренное не безъизвѣстному по своей честности С. Б. Л — ву. Благоволите убо кiиждо, отъ своихъ стяжанiй по возможности жертвующiй, подписаться здѣсь, означая то, чѣмъ жертвуетъ. Богъ да благословитъ сiе богоугодное дѣло!"

Корпоративность, духъ единенiя побуждали семинаристовъ часто рисковать собственною репутацiею и безопасностью, чтобы выручить только изъ бѣды товарища. „Сего мая 5 дня 1814 года, доноситъ инспекторъ Никонъ, ученики словесности: Иванъ Кроцыновъ, В. Скворцовъ, В. Орловъ и Павелъ Левкоевъ въ 12 часовъ вечера ссорились близь градской Знаменской церкви съ

[1]) Арх. семин. 1800 и 1801 гг.; арх. консист. дѣло № 13183.

двумя какими-то женщинами, и на крикъ женщинъ многіе обыватели собрались смотрѣть; но они, видя народъ, къ нимъ подходящій, чтобы не встрѣтиться съ дозоромъ, спрятались на колокольню Знаменской церкви, гдѣ и были заперты замкомъ; но товарищи ихъ, по удаленіи народа, пришедши, замокъ сбили и запертыхъ выпустили" [1]).

Послѣ этого понятно, что семинаристъ спустя нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса, уже будучи священникомъ, послѣ всѣхъ перенесенныхъ невзгодъ семинарской жизни, услаждался былыми школьными воспоминаніями, почерпая въ нихъ иногда вдохновеніе для своихъ поэтическихъ произведеній. Вотъ, напр., отрывокъ изъ сложной эпопеи „Плачъ одного изъ старообрядцевъ", эпопеи, проникнутой глубокимъ саракaзмомъ на преобразованіе, бывшее въ 1814 г.:

Да, и мы старообрядцы [2])!
А бывало были, братцы,
Мы совсѣмъ не таковы:
Были молоды, рѣзвы,
Были веселы, шутливы,
Были въ насъ сердца игривы...
Но все это пролетѣло,
Сердце въ насъ охолодѣло.—
Чтожъ теперь я вамъ начну?—
Дай въ прошедшее взгляну!
Что я вижу? О, судьбина!
Нѣтъ ихъ; но сія дружина
Вѣчно будетъ въ сердцѣ жить,—
Милыхъ сердцу льзя-ль забыть?
Вотъ Агапычъ [3])! Онъ бывало
Былъ сословію начало;
И сословіе друзей
Чтилъ и сердцемъ и душей.
Вотъ Гаврилычъ [4]) утѣшенье!
За большее прегрѣшенье
Должно всякому то счесть,
Кто тебя не могъ почесть.
Тутъ нельзя ужъ носъ повѣсить,
Гдѣ ты вздумалъ куролесить.

---

[1]) Арх. семин. 1814 г., кн. I.

[2]) Старообрядецъ, т. е. человѣкъ, окончившій курсъ до преобразованія семинаріи въ 1814 г. Отрывокъ приводится по Надеждину, стр. 149—50.

[3]) Разумѣется, вѣроятно, Василій Аедонипкій.

[4]) Василій Рождественскій.

Все то дѣлалъ ты отъ скуки;
Если-жъ взяться за науки,—
Всѣмъ ты въ нихъ примѣромъ былъ;
Кто тебя за нихъ не чтилъ?
Тумскій! [1]) наше наслажденіе!
Нѣтъ тебя, но утѣшенье
Ты оставилъ по себѣ...
Спасокукоцкій! [2]) бывало
И съ тобою мы не мало
Находили здѣсь утѣхъ,
И хвала тебѣ отъ всѣхъ!
Вотъ и Драчевскій Мишута!
Ты хоть роль игралъ и шута,
Но прости моимъ словамъ,
Я такимъ бывалъ и самъ....

Вѣроятно, можно было бы указать и много другого хорошаго и свѣтлаго въ жизни семинаристовъ этого времени. Къ сожалѣнію, архивъ семинарскій мало касается такихъ сторонъ. Преданіе же молчитъ объ этихъ отдаленнѣйшихъ временахъ, или же сообщаетъ свѣдѣнія спутанныя и отрывочныя.

ГЛАВА VI.

Семинарскія празднества. — День Іустина Философа. — Именины архіерея.— Рекреаціи.

Празднества Владимірской дореформенной семинаріи были двоякія: праздники частные только извѣстнаго класса, т. е. риторики, философіи и богословіи, и праздники общіе всей семинаріи: какъ то, именины архіерея, рекреаціи. Къ частнымъ празднествамъ принадлежали день Іоанна Златоуста, праздновавшійся риторами, Іустина мученика—философами и Іоанна Богослова—богословами. Все, что могло быть лучшаго выработано учениками извѣстнаго класса въ области науки, то предлагалось въ день патрона этого класса на разсмотрѣніе и оцѣнку представителей начальства и Владимірскаго общества.

Еще за нѣсколько недѣль до празднества ученики начинали подготовляться къ нему. Всѣ считали за честь и счастье читать

---

[1]) Александръ Тумскій.

[2]) Николай Спасокукоцкій. Судя по этимъ фамиліямъ, авторъ стихотворенія окончилъ курсъ въ 1813—814 г.

публично свои письменныя работы, и охотниковъ писать сочиненія на заданныя темы находилось всегда много. Писались произведенія въ разныхъ видахъ литературнаго творчества. Одни готовили оду, другіе разговоръ, третьи элегію и т. д. Соревнованіе, желаніе отличиться побуждало учениковъ напрягать всѣ свои силы, поднимало настроеніе класса и заставляло жить его въ теченіе нѣсколькихъ недѣль усиленною энергіею умственной жизни. Изъ написаннаго выбиралось лучшее, и счастливцы съ замираніемъ сердца ожидали наступленія торжества. За нѣсколько дней до праздника приступали къ украшенію семинарской залы Для приведенія ея въ возможно изящный видъ семинаристы употребляли все свое умѣніе, все свое искусство. Окна убирались цвѣтами; колонны хоръ и самыя хоры—листьями дуба и клена; дорога отъ семинарскихъ воротъ до зданія семинаріи усыпалась цвѣтами, и въ довершеніе всего устроялся изъ лепестковъ цвѣточныхъ и разныхъ тѣней песка роскошный коверъ съ изображеніями подходящей случаю картины. По разсказамъ, этотъ цвѣточный коверъ дѣлался такъ художественно, что трудно было издали признать его искусственнымъ. Въ 10 часовъ утра семинарскій залъ наполнялся посѣтителями и посѣтительницами. У стѣнъ залы стояли семинаристы, на хорахъ пѣвчіе. Въ смежной классной комнатѣ помѣщались счастливцы, удостоившіеся быть дѣйствующими лицами на праздникѣ. Въ 11 часовъ раздавался звонъ колоколовъ, и пріѣзжалъ преосвященный. Открывался самый праздникъ.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о характерѣ этого учено-литературнаго празднества, позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на одномъ сохранившемся до нашего времени подробномъ описаніи торжества въ честь Іустина Философа въ томъ видѣ, въ какомъ это торжество совершено было 1 іюня 1810 г. [1]).

При входѣ преосв. Ксенофонта, послѣ обычной встрѣчи, было пропѣто „Царю Небесный“ и вслѣдъ затѣмъ прочитана однимъ изъ воспитанниковъ привѣтственная рѣчь такого содержанія:

Преосвященнѣйшій Владыко, и
вы почтеннѣйшіе посѣтители!

„При первомъ образованіи умственныхъ способностей нашихъ, наши учители и наставники, еще не открывая намъ дальнѣйшихъ истинъ, заблаговременно старались укоренить въ душѣ нашей страхъ Господень, какъ единственное основаніе и начало истинныя премудрости,—не той мечтательной премудрости, которую Духъ Божій угрожаетъ погубить и отвергнуть, которая возбу-

[1]) Описаніе сохранилось въ Исторіи Надеждина (стр. 165 сл.): отсюда мы и приводимъ.

ждаетъ и усиливаетъ только жажду суетнаго любопытства, нимало не ослабляя нравственныхъ недуговъ: но той премудрости, которая указуетъ и услаждаетъ намъ путь къ познанію Творца вселенныя, которая умягчаетъ и пріуготовляетъ сердца наши къ воспріятію даровъ благодати и истины. Памятуя незабвенный урокъ христіанскаго благочестія, преподанный св. Іустиномъ Философомъ, память котораго въ настоящій день празднуемъ, всѣ мы неуклонно исходили на поле философіи, чтобы видѣть тамъ зрѣлые классы сей премудрости,—всѣ мы равно любовались ими, всѣхъ насъ равно восхищали они своею полнотою, своимъ обиліемъ: но собиралъ ихъ каждый изъ насъ по своему желанію, по особенному образу мыслей и качеству своихъ способностей.— Достопочтеннѣйшіе посѣтители! Вы нынѣ приходите опредѣлить справедливую цѣну трудамъ нашимъ,—и мы, не довѣряя сами себѣ, чего стоятъ пріобрѣтенія наши, срѣтаемъ васъ въ рѣшительной увѣренности, что вы возвѣстите намъ, чистыя ли зерна уважительныхъ познаній собирали мы, или одно остіе, одинъ ничтожный прахъ, окружающій ихъ. Грядите! Очи всѣхъ обращены къ вамъ, возвѣстите: сердца наши жаждутъ услышать ваше мнѣніе о достоинствѣ нашихъ подвиговъ на полѣ благочестія и мудрости[1])“.

Дальше слѣдовала рѣчь въ похвалу празднуемаго угодника, которую сказалъ Николай Щегловъ. „Слава человѣческая, говорилъ онъ, умножается по мѣрѣ добродѣтели. Побѣдоносныя лавры остаются безъ вниманія, если герой, подвизаясь въ жизни, не имѣетъ въ виду цѣли, для которой промыслъ призвалъ его. Не количество дѣяній сплетаетъ подвижнику вѣнецъ славы, не знаменитыя событія дѣлаютъ его великимъ. Человѣкъ, при всѣхъ усиліяхъ разума, не нашелъ другой стези, ведущей къ славѣ, кромѣ собственнаго сердца, по законамъ истины и добродѣтели образованнаго. Сими средствами руководствуясь, христоименитые поборники вошли въ таинственныя врата вѣчности, и имя ихъ, прославленное на землѣ, гораздо болѣе прославляется на небеси. Св. мученикъ и философъ Іустинъ, виновникъ торжества нашего, дѣлами и жизнью увѣрилъ насъ, что истинная слава не можетъ быть пріобрѣтена иначе, какъ уваженіемъ законовъ справедливости и добродѣтели.

Мы нынѣ собрались оживотворить его въ нашей памяти. Воспоминаніе о немъ, съ нашей стороны, есть справедливая дань его добродѣтели; изслѣдованіе дѣлъ его есть способъ приближаться къ онымъ. Св. Іустинъ былъ полезенъ не однимъ современникамъ; и мы имѣемъ великое участіе въ благодѣтельныхъ

---

[1]) Рѣчь привѣтственная и помѣщенныя ниже литературныя чтенія приведены въ сокращеніяхъ.

плодахъ его мудрости и добродѣтели. Итакъ, съ позволенія вашего, знаменитые посѣтители, осмѣливаемся начать духовное торжество наше, изъ котораго можно будетъ видѣть почтительную признательность нашу къ славѣ и добродѣтели и то, что мы подъ сѣнью архипастыря и ревностныхъ нашихъ покровителей, не тщетно воспитываемся въ храмѣ мудрости и добродѣтели".—

Послѣ Щеглова читалъ оду „о предчувствіяхъ" Николай Спасокукоцкій, въ концѣ которой онъ обращался къ Іустину мученику и просилъ ниспосланія намъ радостныхъ предчувствій вѣчнаго блаженства:

Живемъ заботимся, гадаемъ,
Кому какъ въ свѣтѣ должно жить,
Мы часто то предощущаемъ,
Что впредь насъ должно посѣтить.

* * *

Минута—человѣкъ спокоенъ,—
Другая—слезы льетъ рѣкой;
Хотя планъ жизни также строенъ,
Хоть съ тѣмъ же сердцемъ и душей.

* * *

И такъ не диво, что тоскуютъ,
Не видѣвъ бѣдъ передъ собой,—
Не диво, что ликоствуютъ,
Въ храмъ счастья не вступивъ ногой.

* * *

О, мужъ, любимый небесами!
Позволь намъ счастье предвкусить,
Какое вѣрой и дѣлами
Ты могъ предъ Вышнимъ заслужить!

* * *

Чтобъ насъ бѣды здѣсь не терзали,
Чтобъ радости духъ возвышали
Къ Творцу, къ тебѣ и къ тѣмъ мужамъ,
Которы жизнію примѣрной,
Ведутъ насъ къ счастью—къ небесамъ!

* * *

Переводъ съ французскаго. разсужденіе на тему: „Въ какой части нашего тѣла преимущественно находится душа", читалъ Василій Діомидовскій. Оригинальное-же философское разсужденіе „О врожденныхъ понятіяхъ", предложилъ Василій Рождественскій.

„Всякое-ли понятіе о всѣхъ вещахъ безъ исключенія пріобрѣтается необходимо съ помощью чувственныхъ органовъ, или есть въ душѣ нашей нѣкоторыя мысли, кои приноситъ она съ собою еще въ то время, когда десница Творческая зиждетъ ее и соединяетъ съ тѣломъ? На разрѣшеніе вопроса сего, съ позволенія вашего, достопочтенные мужи, осмѣливаюсь посвятить нѣсколько минутъ въ честь и память прославляемаго нами св. мученика и философа Іустина.

Внимательнымъ окомъ разборчивости обозрѣвая вселенную, мы примѣчаемъ, что въ безконечной цѣпи толико разнообразныхъ существъ человѣкъ представляетъ звено, соединяющее міръ духовный съ міромъ тѣлеснымъ. Мы духовны по душѣ,—а сія духовность души нашей полагаетъ первое начало необходимости—родиться, жить и умереть съ способностью понимать: потому что воля и разумъ, отъ которыхъ понятія никогда не отдѣляются, суть толикоже существенны духамъ, какъ притяженіе и непроницаемость тѣламъ. Посему прежде надобно отвергнуть духовность души, чтобы согласиться на то, что нѣтъ въ насъ врожденныхъ понятій.

Мы замѣчаемъ, что понятія, согласно всеобщему закону, время отъ времени въ насъ возрастаютъ, что кругъ познаній нашихъ расширяетъ предѣлы свои вмѣстѣ съ умноженіемъ дней бытія нашего: сіе подаетъ намъ случай заключить, что есть и должно быть сѣмя, отъ котораго бы они могли возникнуть и возвыситься. Въ системѣ міра всякое существо, имѣющее быть, имѣетъ и мѣсто и начало свое. Законы природы одинаковы и непремѣнны. То, что возвышается, должно быть прежде низкимъ.

Наши органы и благодѣтельныя посторонніе обстоятельства не настолько всемогущи, чтобы намъ, гдѣ сильная десница Творческая ничего не положила, могли произвесть что либо, и притомъ столь прекрасное и удивительное, каковъ разумъ мудраго въ своихъ высокихъ понятіяхъ. Но мнѣ возразятъ: почему-же мы никакихъ дѣйствій разумной души не примѣчаемъ въ младенцахъ? Отвѣтъ на сіе легокъ и удовлетворителенъ. Раскрытіе и дѣйствія способностей души нашей измѣряются возмужалостью тѣлесной организаціи. Младенецъ не потому не показываетъ дѣйствій разумной души, что она не можетъ дѣйствовать, но потому что тѣло повиноваться ей не въ силахъ.

Ежели-бы всѣ понятія души нашей происходили отъ чувствъ только, то надобно бы имъ въ своей возвышенности соотвѣтствовать мѣрѣ остроты и тонкости ихъ, и мы бы должны имѣть понятіе только о вещахъ, на чувственные органы дѣйствующихъ. Но душа наша, простирая быстрый полетъ за предѣлы видимыхъ вещей, понимаетъ и тѣ вещества, кои чувствамъ подлежать не могутъ. Слѣдовательно, хотябы человѣкъ родился безъ чувственныхъ

органовъ и тогда бы въ немъ блистали искры божественнаго свѣта, и тогда-бы душа его могла проникнуть въ свойства существъ, себѣ подобныхъ; ибо въ такомъ условіи находился-бы въ немъ разумъ, бытіе коего единственно состоитъ въ размышленіи.

Разсматривая дѣйствія умовъ, мы замѣчаемъ, что не всѣ они имѣютъ способность понимать вещи съ одинаковымъ проницаніемъ. Одни, измѣряя природу, запутываются и въ малостяхъ такъ, что, не сдѣлавши ни одного шага впередъ, далѣе итти не могутъ; другихъ, -- при всей пустотѣ мрака невѣжества, — уже согрѣваютъ благодѣтельные лучи истины. Богъ, дивный въ своихъ твореніяхъ, не создавшій двухъ песчинокъ, во всемъ одна другой подобныхъ, не создалъ также и двухъ умовъ совершенно равныхъ: иному даровалъ меньшую остроту разума, за то наградилъ лучшими чувствами, иному чувства даровалъ слабыя, между тѣмъ какъ разумомъ дополнилъ сей недостатокъ. Но не тотъ больше понимаетъ, кто пользуется чувствами исправными и острыми, а тотъ, у кого разумъ дѣйствуетъ по правиламъ совершеннѣйшимъ.—Симъ доказывается, что способность понятія въ насъ врожденная, а не одними опытами пріобрѣтенная; чувства суть только орудія души нашей и что-то необходимое, но орудіе само по-себѣ не опредѣляетъ ни бытія, ни познанія художника, хотя и ускоряетъ ходъ дѣлъ его.

Любовь и желаніе предохранить собственную жизнь отъ угрожающихъ опасностей такъ естественны для всѣхъ одушевленныхъ тварей, что нельзя назвать ихъ понятіями, опытомъ пріобрѣтенными. Иное значитъ—видѣть по правиламъ искусства или науки, и другое—дѣйствовать по натуральному стремленію сердца. Кто сказалъ молодому кролику, что ему должно употреблять всю скорость ногъ своихъ для того, чтобы скрыться отъ глазъ хищнаго звѣря? И вообще симпатическія и антипатическія дѣйствія, столь часто примѣчаемыя въ царствѣ животныхъ, какъ можно изъяснить, отвергнувши врожденныя понятія?“ и т. д.

За философскимъ разсужденіемъ слѣдовало пѣніе концерта. Затѣмъ на средину залы вышло пять воспитанниковъ и начали „разговоръ“, темою котораго было разсужденіе „о началѣ душъ“:

Любопытный. Почтеннѣйшій мудрецъ! скажи безъ дальныхъ думъ,

Что есть душа и гдѣ ея начало?
Что бытіе разумной даровало?

Платонъ. Душа есть умъ. Въ эѳирныхъ облакахъ,
Въ превыспреннихъ кругахъ,
Гдѣ все прелестно,
Тамъ существо нетлѣнно, безтѣлесно живетъ
И души людямъ раздаетъ.

Любопытный. Не можешь-ли сказать, какъ это все бываетъ?
Платонъ. Богъ отъ себя частицы отдѣляетъ.
Пиѳагоръ. Нѣтъ, эта мысль не хороша.
Любопытный. Откуда бытіе беретъ свое душа?
Платонъ. Премудрый Богъ всему начало,
Все имъ живетъ, все отъ него возстало.
Тертулліанъ. Такъ души суть частицы Бога?
Поэтому его убавилось много!
Пиѳагоръ. Онъ долженъ быть теперь несовершенъ.
Христіанскій философъ. По твоему, онъ терпитъ много перемѣнъ!
Онъ прежде былъ всесильный;
Теперь изсякъ источникъ сей обильный?
Нѣтъ, такъ и мыслить — есть безбожно:
Душа—часть божества, быть этому не можно.

Этотъ продолжительный разговоръ окончился обращенной къ преосвященному просьбой разрѣшить недоумѣніе:

„Вопросъ намъ разрѣшитъ почтеннѣйшій отецъ".

Въ концѣ празднества участвующіе слушали „эхо". „Эхо", какъ родъ литературнаго творчества въ семинарскихъ запискахъ первыхъ годовъ XIX столѣтія опредѣляется такъ: „Эхо, въ смыслѣ физическомъ взятое, ничто иное есть, какъ отраженіе голоса отъ каменной стѣны, отъ лѣса или воды. Эхо, въ смыслѣ стихотворномъ взятое, есть такой родъ сочиненія, гдѣ пріискиваются такія слова, которыя бы состояли изъ отрывковъ другихъ большихъ словъ и дѣлали бы съ оными риѳму. Напримѣръ, отъ слова „пророкъ" отрывокъ и эхо выйдетъ „рокъ". „Эхо" произносилось такимъ образомъ. На средину залы выходилъ ученикъ и читалъ свое стихотвореніе — эхо. Послѣдніе слоги каждаго стиха повторялись скрытымъ на хорахъ семинарской залы „знаменитѣйшимъ басомъ".

Въ 1810 году читано было слѣдующее эхо:

Чѣмъ позабавиться въ долинѣ сей со смѣхомъ?— Эхомъ.
Но кто есть эхо ты? Скажи душа моя!— Я.
Ты хочешь повторять, что я тебѣ кричу,
Хотя заплачу я, хотя захохочу? Хочу.
Но дашь-ли эхо ты отвѣтъ моимъ словамъ,
Какъ изъ исторіи вопросъ тебѣ задамъ?— Дамъ.
Одинъ-ли былъ Адамъ надъ тварьми господинъ?— Одинъ.
Кого создалъ Творецъ помощницей Адаму?— Даму.
Такъ двое ихъ сотворено было тогда? Да.
Кто былъ оружіе и первая вина,
Что святость праотца въ раю поражена? Жена.

Кто прежде плодъ вкусилъ отъ запрещеннаго древа?— Ева.
Одинъ-ли палъ Адамъ, какъ въ рай вселилась злоба?— Оба.
Чего-жъ лишилась та несчастная чета,
Когда содѣлана Творцу сія досада? Сада.
На долго ли рая лишенъ былъ человѣкъ? Вѣкъ.
Такъ съ тѣхъ-то поръ и мы родились во грѣхахъ? Ахъ!
Не дьяволъ-ли прельстилъ жену прейти законъ? Онъ.
Такъ дьяволы намъ суть злодѣи искони! Они.
Доколѣ будутъ злы они безчеловѣчно? Вѣчно.
Я думаю Творецъ всевѣдущій то видитъ,
Что человѣческій родъ дьяволъ ненавидитъ?— Видитъ.
Не радъ-ли дьяволъ былъ, когда изъ райскихъ вратъ
Изгнанъ былъ человѣкъ и всѣхъ лишенъ наградъ?— Радъ.
Отъ Бога получилъ законъ вѣдь Моисей?— Сей.
Кому же приказано законъ его хранить
И послушливу быть въ немъ сказаннымъ словамъ?— Вамъ.
Ктожъ преступать законъ дерзаетъ таковый?— Вы.
Не знавши согрѣшимъ, такъ это ничего?— Чего?
Грѣхъ изъ невѣдѣнія безъ казни преминетъ?— Нѣтъ!
Какую-жъ намъ грѣхи погибель принесутъ?— Судъ.
Итакъ, спастися намъ надежды больше нѣсть?— Есть.
Черезъ кого же Богъ ведетъ насъ къ небесамъ?— Самъ.
Такъ слѣдственно вѣкъ жить должны мы правовѣрно?— Вѣрно.
Благодарю тебя я эхо за отвѣты!
Но станешь-ли давать и впредь ты мнѣ отвѣты?
Я каждый день ходить къ тебѣ не перестану— Стану.
Такъ будь мой эхо другъ!
А я твоихъ услугъ до смерти не забуду!..— Буду [1]).

Праздникъ заключился благодарственною рѣчью къ архипастырю и пѣніемъ: „Тебе Бога хвалимъ!“

День ангела преосв. Ксенофонта праздновался 26 января. Еще задолго до этого дня семинарское правленіе распредѣляло, что долженъ представить отъ себя ко дню торжества каждый классъ. Въ 1807 г., напр., назначено было приготовить отъ богословскаго класса: оду, нѣмецкій комплиментъ, русскую рѣчь и carmen; отъ философскаго: разговоръ русскими стихами, латинскій комплиментъ, эпиграмму латинскую и acrostychon; отъ риторическаго класса: рондо русское, мадригалъ русскій, пять рус-

[1]) Въ сборникѣ „Майская роза“ (См. библіотека А. В. Смирнова приведенное эхо подписано именемъ учителя семинаріи священника Ѳеодора Тихонравова. Если это вѣрно, то оно составлено въ концѣ XVIII столѣтія, именно около 1792 г.

скихъ эпиграммъ, стишки латинскіе и русскіе и Aenigma и т. д [1]). Начиналось соревнованіе. Каждый изъ классовъ конкурировалъ съ другими классами, стараясь представить что-нибудь лучшее, что затмило бы произведенія остальныхъ. Съ другой стороны, конкурировали между собою и лучшіе ученики, обучающіеся въ одномъ и томъ же классѣ, стараясь попасть въ число тѣхъ немногочисленныхъ избранниковъ, стихотворенія которыхъ удостоятся быть поднесенными владыкѣ. Наконецъ работы заканчивались, сдавались учителямъ и внимательно просматривались. Лучшія произведенія семинарской музы отбирались, переписывались тщательно въ особую тетрадь, тетрадь украшалась веньетками, рисунками, снабжалась приличною надписью и въ такомъ видѣ подносилась преосв. Ксенофонту. Случалось иногда, что нѣкоторыя изъ произведеній, особенно разговоры и краткія стихи, произносились предъ Ксенофонтомъ лично авторами. Авторы, конечно, награждались, удостоивались архипастырской благодарности. Образцы поздравительныхъ произведеній, поднесенныхъ Ксенофонту въ день его ангела, приведены въ приложеніяхъ. Въ 1810 г. преосв. Ксенофонту поднесли „солнце", составленное изъ стихотвореній. Именно, солнечный кругъ образовывало двустишіе:

Я истой подлинникъ блестящія планеты,
Вліяніе на всѣ имѣю я предметы.

Изъ этого круга выходили во всѣ стороны въ видѣ радіусовъ стихотворныя строки, изъ которыхъ составлялось:

Моимъ здѣсь совершенствомъ свѣта
Гордится каждая комета;
Когда лучей оттѣнки сихъ
Планетъ коснутся,
Блистательность родится въ нихъ.
Мной рѣки, ручейки ліются;
Мной аленькій цвѣтокъ,
Прилестный розовый кустокъ
Живутъ, гордятся;
Мной и плоды на пищу всѣмъ родятся;
Я странниковъ въ путь
Могу до цѣли довести:
Коль солнца свѣтъ сего не измѣнится,
Никто изъ насъ не заблудится.

Рекраціи во времена Ксенофонта были особенно часты; мъ посвящалась почти цѣлая половина мѣсяца мая. Это были оживленныя лѣтнія гулянія, дававшія возможность учащимъ и учащимся

[1]) Арх. семин. 1807 г., янв. 22, № 16.

отдохнуть отъ учебныхъ занятій, подышать свѣжимъ воздухомъ и невинно позабавиться. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ средствъ къ болѣе тѣсному сближенію между начальствующими и подначальными, такъ какъ здѣсь тѣ и другіе на время забывали свое положеніе и безъ различія, безъ чиновъ предавались общему здоровому веселью. По разсказамъ старожиловъ, записаннымъ Ѳ. Надеждинымъ, рекраціи во время Ксенофонта происходили слѣдующиіъ образомъ.

Въ тотъ день, когда надѣялись получить рекреацію, всѣ ученики толпою, въ человѣкъ 1000, направлялись по утру въ архіерейскій монастырь. Тамъ, по распоряженію сеніора, сопровождавшаго ихъ, становились противъ оконъ архіерейскаго дома въ извѣстномъ порядкѣ: впереди младшіе, за ними старшіе. Въ комнаты архіерейскія отправлялся ходатайствовать за учениковъ о рекреаціи префектъ или кто нибудь изъ старшихъ учителей. Когда по разсчету учениковъ, ходатайствующее лицо должно было находиться уже предъ владыкой, тогда всѣ дружно начинали пѣть: „Salutamus! Illustrissime recreationem rogamus"! Иногда это восклицаніе ученики повторяли до семи разъ и болѣе, crescendo, возвышая тонъ все выше и выше. „Владыка Ксенофонтъ, разсказывалъ Н. П. Чу -ій, утѣшаясь нашею юностью, съ намѣреніемъ иногда медлилъ разрѣшить нашу просьбу,—не вдругъ благословлялъ ополчаться на походъ при рѣкахъ или лѣсахъ подышать свѣжимъ воздухомъ, дабы послѣ сего живѣе приняться за ученье?" Но вотъ, наконецъ, открывалось окно, и преосв. Ксенофонтъ благословлялъ учениковъ на рекреацію. „Gratias agimus" кричатъ ученики, кланяются и бѣгутъ. Слѣдовали распоряженія ректора о томъ, гдѣ гулять и когда собираться на гулянье.

Около двухъ часовъ по полудни всѣ учащіеся собирались во дворъ Богородицкой церкви и отсюда отправлялись толпой въ Марьину рощу. Дубники или на Старицу. Присутствіе на гуляньи было общеобязательно; ученики, отсутствовавшіе на рекреаціи по неуважительнымъ причинамъ, подвергались взысканіямъ [1]). Таковыхъ оказывалось, впрочемъ, мало. По приходѣ въ назначенное мѣсто ученики ожидали прибытія начальства. Лишь только показывалась карета ректора, тотчасъ раздавалось приказаніе: „въ ряды", и всѣ становились стройно по классамъ; во главѣ каждаго класса становился наставникъ этого класса. Ректора привѣтствовали громкимъ „salutamus"; иногда при этомъ произносились рѣчи и стихи на разныхъ языкахъ. Затѣмъ, встрѣтивъ ректора, ученики разсыпались по разнымъ мѣстамъ луговъ и рощи, и начиналось самое гулянье. Выборъ удовольствій и увеселеній былъ самый раз-

[1]) См., напр., арх. семин. 1805 г., май 6, № 481.

нообразный. Мелкіе промышленники и промышленницы обыкновенно съ нетерпѣніемъ ожидали семинарской рекреаціи, и вслѣдъ за учениками на мѣсто гуляній тянулся цѣлый обозъ съ палатками и лотками. Все это располагалось на лугу и предлагало свои блага желающимъ. Въ одномъ мѣстѣ дымились костры, и семинаристы угощались свѣжеиспеченными пышками; въ другомъ продавался сбитень, пряники и разнаго рода сласти. Не у всѣхъ, конечно, были средства воспользоваться этими благами семинарскаго міра. На помощь приходило семинарское начальство, отпуская ежегодно извѣстную сумму для реакреаціонныхъ угощеній семинаристовъ. Такъ, въ 1813 г. „за фрукты, употребленные на рекреаціяхъ для студентовъ и учениковъ Владимірской семинаріи", уплачено было 35 руб. [1]). Вмѣстѣ съ угощеніемъ шли разнаго рода игры въ лапту, маршалки и бабки, въ которыхъ принимали участіе и нѣкоторые изъ наставниковъ. У наставниковъ кромѣ того были свои угощенія, свои удовольствія; но это нисколько не обособляло ихъ отъ учениковъ. Оживленіе и веселіе было общее. И все это подъ звуки семинарскаго оркестра и любимыхъ семинарскихъ пѣсенъ!

Иногда рекреацію посѣщалъ и самъ преосв. Ксенофонтъ. Вообще, владыка любилъ близкое общеніе съ учениками, и разсказываютъ, что въ его загородной дачѣ въ Красномъ селѣ не разъ совершенно неожиданно для него выпрыгивалъ изъ-за куста ученикъ піитъ и говорилъ ему стихотворное привѣтствіе или просто подносилъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Присутствуя на рекреаціонныхъ гуляніяхъ, преосв. Ксенофонтъ награждалъ учениковъ сластями, деньгами и любовался ихъ оживленными играми.

Гулянье продолжалось до глубокой ночи. Назадъ возвращались всѣ вмѣстѣ: и ученики, и начальство. Случалось, что ректоръ Анатолій шелъ впереди учениковъ, какъ генералъ, украшенный семинаристами побѣдными знаками изъ цвѣтовъ и звѣздами изъ фольги. За нимъ слѣдовали ученики богословскаго класса, затѣмъ учитель философіи со своимъ классомъ и т. д. Шествіе двигалось съ пѣснями до самаго города. На другой день уроковъ не спрашивали.

Въ концѣ 1814 г. послѣдовало преобразованіе Владимірской семинаріи. Старыя формы семинарской жизни продолжали жить еще долго и послѣ этого. Но на ряду съ ними стали дѣйствовать новыя начала и новые порядки, въ виду чего не безъ основанія съ конца 1814 г. можно начать второй періодъ въ исторіи Владимірской семинаріи...

---

[1]) Арх. семин. 1813 г., № 536.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Стихотворенія, поднесенныя учениками Владимірской семинаріи еп. Платону въ 1754 г. въ день его ангела.

1.

Природа смертну жизнь, Платонъ, тебѣ дала;
Но вѣчную тебѣ даютъ твои дѣла.

2.

Считать коль жизни дни твоей дѣлами,—
Не можетъ Маѳусалъ сравниться съ ней лѣтами.

3.

Творецъ вселенныя опредѣлилъ отъ вѣку,
Что видѣть ангела не можно человѣку;
Но нынѣ тотъ законъ Онъ какъ-бы премѣнилъ:
Каковъ есть ангелъ нашъ—въ тебѣ, Платонъ, явилъ!

4.

Египетскихъ чудесъ, хотя ужъ нынѣ нѣтъ,
Однако, безъ чудесъ остался-ли сей свѣтъ?
Нѣтъ, лучшія и тѣхъ мы чудеса имѣемъ,
И объ египетскихъ ни мало не жалѣемъ;
За чудо въ свѣтѣ мы считаемъ мужъ тебя,
Ты обращаешь всѣхъ вниманье на себя.

5.

Различны времена и вѣки видитъ свѣтъ;
Какой же вѣкъ у насъ? Златой,—
Платонъ живетъ!

6.

Пріятенъ ли тебѣ сей даръ, того не знаемъ,
Пріятно только намъ—тебѣ что посвящаемъ;
Тебя мы славя, мужъ, себя лишь прославляемъ.
И что въ даръ ни несемъ—себя лишь награждаемъ.

Выдержки изъ Семинарскаго Вѣстника.

НА ПОБѢДУ ФРАНЦУЗОВЪ.

Ура!
Да будетъ вѣдомо Славяномъ,
Парижъ сталъ Русскихъ воевъ станомъ.
Торжествовать пора!
Ура!
Ура!.. Тотъ нами, кой владѣетъ,
Ни силъ, ни здравья ни жалѣетъ
Для общаго добра!
Ура!
Его цѣлебною рукою
Европа поднята къ покою
Отъ смертнаго одра!
Ура!
Уже нѣтъ страшнаго колосса
Отъ мѣдныхъ стопъ Велика Росса!
Прахъ гордости гора!
Ура!
О, скоро придутъ въ домы наши
Герои—Россы! Часъ дрожайшій
И злата и сребра!
Ура!
Дѣлите, други, восхищенье,
Благодарите Провидѣнье!
Мы Россы всѣ: ура!
Ура! [1])

Студентъ философіи *Алексѣй Соловьевъ.*

КАНТАТА.

Боже Всемогущій
Что это за чудо?
Что за перемѣна?

* * *

Можно-ли повѣрить,
Что въ прекрасномъ маѣ
Зимніе морозы?

* * *

Льзя-ли не дивиться,
Видя, какъ весною
Снѣгъ идетъ клочками?

* * *

Не весело солнце
Бѣгъ свой начинаетъ,
И заходитъ томно.

---

[1]) Подъ этимъ стихотвореніемъ въ рки. замѣтка: „Читано при семинарскомъ собраніи 1814 года на побѣду Французовъ.

***

Неба сводъ лазурный
Сѣтуетъ—одѣвшись
Ризою тумана.

***

Облеклась природа,
Какъ вдова печальна,
Въ трауръ бѣлоснѣжный.

***

Вьюги, непогоды
Не даютъ покою;
Некуда дѣваться.

***

Горы и долины
Не травой покрыты—,
Снѣжными коврами.

***

Пажити пустыя,
И стада безъ пищи,
Пріунывши ходятъ.

***

Дерева позябли,
И плодовъ исчезло
Всяко ожиданье.

***

Сладкая надежда
Мирныхъ земледѣльцевъ
Блекнетъ, увядаетъ.

***

Птички легкокрылы
Спрятались отъ стужи,
Мѣста не находятъ.

***

Мать земля родная
Сердцемъ замираетъ
Съ ужасомъ природы.

***

Будьте милосерды
Небеса благія!
Не сгубите гладомъ!

***

Боже Всемогущій,
Возврати къ намъ весну,
Возврати скорѣе!.. [1]).

Соч. Ст. Б. *А—ръ Т—скій.*

НОЧЬ НА КЛАДБИЩѢ.

Печальная луна!
Разсѣй туманъ, разсѣй сребристыми лучами,
Да будетъ мнѣ видна
Долина мирная, усыпана гробами.

***

Голосъ.

Что ты возносишь
Жалобны вопли къ слабой лунѣ?
Тщетнаго просишь,
Сладко во гракѣ спимъ мы однѣ.

---

[1]) Стихотворенiе принадлежитъ Александру Тумскому и написано, очевидно, по случаю выпаденія снѣга въ маѣ.

*
* *

Умолкни бурный ревъ
Тамъ, гдѣ покоятся сномъ вѣчнымъ, непробуднымъ,
И самый скрипъ деревъ,
Да не мѣшаетъ мнѣ внимать глаголамъ чуднымъ.

*
* *

Голосъ.

Чувственны уши
Мало тамъ слышатъ, гдѣ нѣтъ суеты,
Праведны души
Гдѣ позабыли житейски мечты.

*
* *

Прочь памятникъ отъ глазъ!
Дай зрѣть мнѣ гробовъ прохладны тихи сѣни;
Пусть предо мной сейчасъ
Возстанутъ томныя отцевъ усопшихъ тѣни!

*
* *

Голосъ.

Смертныя очи
Тѣней безсмертныхъ не узрятъ во вѣкъ;
Что ты средь ночи
Кости сухія тревожить притекъ?

*
* *

О, жители гробовъ!
Коль прервалъ я теперь вашъ сонъ, успокоенье,
Уйти отъ васъ готовъ!
Скажите что-нибудь живущимъ въ утѣшенье!

*
* *

Голосъ.

Кто согласится
Вѣрить усопшихъ строгимъ словамъ,
Пусть тотъ явится
Въ часъ полуночи къ нашимъ гробамъ.

*
* *

Шумящій вѣтръ свиститъ
Въ обломкахъ пирамидъ, не смѣя поднять праха;
Никто не посѣтитъ
Жилище ужаса и трепета, и страха.

***

Голосъ.

Зефиръ здѣсь вѣетъ,
Призраки чудны далеко бѣгутъ;
Кто-жъ оробѣетъ?
Всѣ посѣтить насъ къ могилѣ придутъ.

И..нъ Л..въ [1]).

СТАНСЪ НА ПОБѢДУ РУССКИХЪ.

Давно-ль стенали всѣ отъ лютаго бича,
Котораго самъ Богъ разгнѣванно воздвиже?
Давно-ль?.. но теперь паритъ молва звуча:
Россіяне въ Парижѣ!

Надменный великанъ, всѣхъ выше вознесясь,
Мнилъ всѣмъ возобладать: но судъ его постиже.
Судъ міру наступилъ,—низверженъ темный князь—
Россіяне въ Парижѣ!

О, сильные земли! внемлите сей урокъ!
Кто хочетъ выше быть, тотъ долженъ быть всѣхъ ниже.
Придите, видите—кто кротостью высокъ?
Россійскій царь въ Парижѣ.

Какихъ не зрѣли мы въ нашъ вѣкъ чудесъ?
Но равнаго сему не зрѣли николиже:
Благословенный Царь Отечества отецъ
Нашъ Александръ въ Парижѣ!

Что вожделѣннѣе для Отечества сыновъ?
Что лучше можетъ быть, пріятнѣй, къ сердцу ближе,
Какъ то, что побѣдилъ сердца своихъ враговъ
Нашъ добрый царь въ Парижѣ.

Престала литься кровь, умолкъ военный громъ.—
Миръ близокъ, кто-жъ даритъ насъ таковымъ добромъ?
Кто радости виной? вселенная внемли же:
Царь сѣвера въ Парижѣ!

О радость, о восторгъ! въ комъ будетъ столько силъ,
Кто-бъ славу торжества сего изобразилъ?
Лишь веселятся всѣ и радуются—мы же
Стократно возгласимъ: ура!
Нашъ Царь въ Парижѣ!!!

А—ръ Т—скій

---

[1]) Иванъ Лавровъ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ***.

Простите, мужъ достопочтенный!
Меня и мой проступокъ дерзновенный.
Грѣшонъ на небо предъ тобой,
И нѣсмь достоинъ быть другъ твой:
Простите грубость, вѣроломство;
Простите, я забылъ знакомство.
Грѣшонъ, что столько все молчалъ,
И не черты къ вамъ не писалъ.
Грѣшонъ, но ахъ! грѣха виною,
Не гордость. (я того не стою),
Не ненависть,—любя тебя,
Я счастливымъ лишь чту себя.
Не разъ я въ руки бралъ писало,
Не разъ желанье пылало
Предъ Вами чувствіе открыть,
По прежнему повеселить,
Но случай по рукамъ дубиной;
Увы! что дѣлать намъ съ судьбиной!

Ты жизнь ведешь уединенну,
Жизнь монастырскую смиренну,
Въ стѣнахъ, чертогахъ, въ высотѣ—
Какъ залетѣть къ вамъ суетѣ?
А я живу средь міру злаго,
Въ странѣ народу суроваго,
Гдѣ горести и тѣсноты,
Несчастій цѣлыя толпы
На каждомъ шагу ждутъ сразиться,
Успѣй лишь только борониться.
Хвала Творцу, что Пастырь я;
Но вѣстна паства вамъ моя....
Какъ лодка на морѣ волнами,
Какъ древо на горахъ вѣтвями,
Едва спасаюсь отъ враговъ—
Не агнцевъ я пасу, козловъ.
Не разъ я проклятъ отъ народа,
Не разъ, какъ птичій воевода
И самъ шугалъ другихъ людей.
Возсталъ ужасной мнѣ злодѣй,
Бурмистъ-раскольникъ самой главный,
При томъ лукавый и злонравный,
Хотѣлъ честь, имя, истребить....

Но не успѣлъ сего свершить.
Онъ строилъ разныя мнѣ штуки
И становилъ капканы, крюки.
То ядъ, какъ древній змій блевалъ,
То какъ Іуда лобызалъ:
Но самъ попалъ, какъ въ супъ ворона,
И нехотя слетѣлъ со трона...
Что дѣлать на такой народъ
И лисій хвостъ и волчій ротъ.
Теперь еще у насъ смятенье
Пришло второе повелѣнье:
Кто хочетъ—въ церковь не ходи,
Не знай поповъ, въ расколъ поди.
И ребятишки молодые,
Не только старики сѣдые,
Всѣ, всѣ, какъ Турки сулемой
Объѣвшись, бросились въ збродъ свой.
Прощай Д... и приходы,—
Прощай—хорошие доходы,
Пропало все, пропалъ кормокъ—
Остался горькій лукъ, чеснокъ...
О! если бы не послабленье,
Но хоть бы мало понужденье,
То вѣритель чрезъ десять лѣтъ
Въ Д...вѣ бъ былъ новый свѣтъ.

. . . .

. . . .

Но видно такъ и положить,—
Сему—Богъ попускаетъ быть.

МОЯ ПРОГУЛКА.

Въ лѣтню пору передъ вечеромъ,
При закатѣ солнца краснаго,
Съ сердцемъ полнымъ удовольствія
И съ растроганными чувствами
Любовался я природою.
Тамъ одинъ на берегу рѣки,
Той, которая въ стремленіи
Величавыхъ, быстрыхъ волнъ своихъ
Орошаетъ древній стольный градъ,
Я терялся въ размышленіяхъ...
Какъ все живо и все весело,
Какъ все дышетъ удовольствіемъ.

Восхищаясь красотой луговъ
И пріятностями вечера,
Говорилъ я самому себѣ:
Какъ натура некоснительно
Исполняетъ свои дѣйствія:
Въ ней все чинно, все размѣрено,
Все искусно принаровлено
Къ общей цѣли міра цѣлаго,
Все свою имѣетъ очередь.
День и ночь идутъ своей чредой,
Утромъ солнце на востокѣ зримъ,
Вечеромъ оно на западѣ.
Воды рѣкъ, озеръ, источниковъ
Быстро, быстро, въ океанъ текутъ.
Времена, лѣта мѣняются
Благочинно и порядочно.
Тожъ являютъ намъ и возрасты
Краткой жизни человѣческой.
Все въ порядкѣ; но мы бѣдные,
Твари слабыя, мгновенныя,
Мы одни порядокъ стройный сей
Нарушать не сомнѣваемся.
Мы одни не знаемъ времени,
Какъ же можемъ знать мы самихъ себя?
Гдѣ порядокъ въ нашихъ дѣйствіяхъ?
Мы живемъ не такъ, какъ долгъ велитъ,
Какъ законъ повелѣваетъ намъ.
Мы живемъ, какъ намъ захочется.
Мы враги—враги друзьямъ своимъ!
Нѣтъ—злодѣи мы самимъ себѣ!
Зло, коварство, зависть, ненависть—
Это слабости наши общія.
Да и льзя-ли говорить о всемъ?
Нѣтъ, довольно только чувствовать!
Тамо люди безъ религіи,—
Здѣсь стыдъ изгнанъ, совѣсть—по міру.
Какъ и міръ стоитъ,—диковинка.
Держитъ Богъ его до времени;
Онъ давно бы развалился весь.
А всему злу человѣкъ виной!...
Тамо съ ночи начинаютъ день,
День проходитъ въ сладкомъ, крѣпкомъ снѣ,
Ночь въ заботахъ шумной роскоши.
Молодые жить не учатся.

Отлагая то до времени,
Жизнь и счастье имъ въ будущемъ.
А старикъ, ногою въ гробъ ступя,
Зги не видя—прозорливствуетъ,
Строитъ замыслы огромныя.
Вотъ картина жизни нашея!
Этотъ хаосъ пуще перваго.
Гдѣ жъ порядокъ?.. его не было—
Прежде; нынѣ не видать его;—
А впередъ докажетъ время то.
Нѣтъ порядка—нѣтъ и счастья;
Все мечты, все басни, выдумки;
Голосу не слышно истины,
Все подъ солнцемъ суета суетъ.
Какъ же Богъ рекъ: „вся добра зѣло"?
Не про насъ то было сказано...

Стародумъ

LES ILLUSIONS

sur les Français et Napoleon.

1.

Французы истое подобіе кремня,—
Чѣмъ больше ихъ сѣкутъ, тѣмъ больше въ нихъ огня.

2.

Повадился Мусье людей, какъ мошекъ бить,
Завѣдомо ему тутъ голову сложить.
И скоро сломится его строптива выя,
Шутить не думаетъ Россія!..

3.

Не правду-ль говорятъ, что Корсъ весь свой courage и force
6-го Октября подъ Лейпцигомъ покинулъ?
Такъ точно;—тутъ такой былъ цѣлы сутки жаръ,
Такая копоть и угаръ,
Что онъ величіе съ себя на вѣки скинулъ.

А. Т—скій

ЭПИГРАММЫ.

1.

На лирѣ какъ Орфей игралъ,
Такъ камни оживотворялъ;
Когда же Пегасовскій на лирѣ заиграетъ,
Такъ и самыхъ людей онъ въ камни претворяетъ.

2.

Ахъ, все преходитъ въ мірѣ семъ
Необходимости закономъ.
И тожъ съ Наполеономъ;—
Онъ изъ царя сталъ... пустозвономъ.

3.

Богатство съ гордостью живутъ въ одной избѣ—
Ты говоришь мнѣ, другъ! но вѣрить-ли тебѣ?
Коль въ Сумазбродовѣ я зрю не тѣ примѣры.
Онъ голъ какъ иръ, почтожъ въ немъ гордость выше мѣры.

С—нъ.

4.

Французскій сатана велику дастъ награду
За то, что сдѣлали какъ ледъ дорогу къ аду.

С...скій.

ЭПИТАФІИ.

1.

Читатель! знай, что здѣсь лежитъ канцеляристъ,
Писецъ почтенный былъ, лишь на руку не чистъ.

Ст. См.

2.

Притиснулъ камень сей купеческаго сына,
Въ немъ доброй не было души ни полъ аршина.
Онъ жилъ безъ честности, не зналъ совсѣмъ стыда;
Обманывалъ онъ всѣхъ, вездѣ и завсегда,
Худой товаръ казалъ, въ добротѣ же божился,
И бравъ двойной барышъ, къ Плутону въ дно свалился.
Читатель! и съ тебя чтобъ не взялъ онъ чего,
За то, что ты прочелъ надгробную его.

Апопуте.

ВОЯЖЪ МОЙ НА ПЛОВУЧЕЕ ОЗЕРО.

(Продолженіе [1]).

Укрыться было некуда. Сквозь высокія сосны падали дождевыя перлы на насъ обильно. Громъ, молнія и дождикъ усиливались. Видѣлъ битву природы и не желаю видѣть сраженія искусственнаго. Подобно плѣннымъ мы стояли въ изумленіи, посматривая другъ на друга съ трепещущею улыбкою. Дай Богъ, говорилъ я своему товарищу, дай Богъ временныхъ и безвременныхъ испытаній, но не дай Богъ безвременной смерти! Терпѣть—философская стихія; ужели невозможно и намъ на сей случай по-

---

[1]) Начала этого произведенія и конца намъ не удалось найти.

философствовать? Ободренные сею мыслію, наконецъ дождались арріегарда арміи „Бури"... На насъ не осталось ни одной сухой нитки; впрочемъ, мы стали какъ-то свѣжѣе въ силахъ и бодрости передвигать ноги. Стыдъ, что въ шесть часовъ не нашли мы озера, не позволялъ намъ искать конца нашихъ мученій. Мы рѣшились до потухающей зари гоняться за мечтою. Потомъ разошлись мы по разнымъ тропинкамъ, предполагая, не лучше ли симъ способомъ достигнемъ нашей цѣли. Эхо соединяло наши сердца. Вдругъ сердце мое встрепенулось, когда услышалъ я лай собаки. Ужасенъ показался лай цербера, громко перекатывающійся и дробящійся въ лѣсныхъ галлереяхъ. Ободренный голосомъ друга я соединился съ нимъ опять и нашелъ его разговаривающаго съ поселяниномъ, который рубилъ дрова. Извѣстно ему было наше предложеніе. Онъ отвѣчалъ съ насмѣшкою, что ужъ озеро у насъ позади. Два часа посвятили мы на второе странствіе. Въ дни уже сдѣлался перевѣсъ. Пора бы думать о пенатахъ, которые, можетъ быть, мстятъ за нашу суетность. О, если бы не попался намъ третій крестьянинъ, который продирался сквозь вѣтки бѣліознина на телѣгѣ съ лошадью! О, если бы!... Крестьянинъ смѣялся отъ души, когда услышалъ, что мы цѣлый день ищемъ Пловучаго. Мы хорошенько пристали къ крестьянину, онъ подробнѣе намъ изъяснилъ объ озерѣ. Наконецъ рѣшились мы наудачу итти по одной дорогѣ, чтобы приблизиться къ домамъ. Правду говорятъ, что случай слѣпъ; мы и сами нашли его зажмурившись. Проходимъ версту и другую, не думая ни взоромъ, ни любопытствомъ искать Пловучаго озера. Вдругъ, о радость! сквозь сосны что-то мелькаетъ синее, подобное лазури неба. Ближе,—яснѣе! Увидѣли—сердце затрепетало. О восторгъ, вѣнецъ терпѣнію!

Стихи и рѣчи, поднесенныя Владимірской семинаріей 26 января 1809 года преосвященному Ксенофонту, „въ радостнѣйшій день его тезоименитства" [1].

ОДА.

Въ брега бросая яры волны,
Какъ быстрая рѣка течетъ—
Рветъ окрестъ лѣсъ, утесы, холмы,
И въ бездну зыбкую влечетъ:
Подобно мощною рукою,

[1]) Стихотворенія поднесены были въ особой тетрадкѣ, разрисованной и украшенной веньеткою. На первой страницѣ, гдѣ начинается приводимая ода: „Въ брега бросая яры волны...", изображенъ утесъ, обуреваемый волнами. Изъ стихотвореній, содержащихся въ тетради, поднесенной еп. Ксенофонту, мы приводимъ только нѣкоторыя.

Вращая скипетръ надъ землей,
Уноситъ время все съ собой;
Уноситъ, въ вѣчность погружаетъ.
Жизнь нашу близко выражаетъ
Цвѣтокъ минующей красой.

И что на первый взглядъ вселенна?
Пришельствуемъ мы въ сихъ странахъ!
Но жизнь живая совершенна,
Коль будетъ, будетъ въ небесахъ!
Такъ здѣсь не тотъ, кто старъ лѣтами,
Довольно жилъ; но кто дѣлами,
Дѣлами добрыми, какъ свѣтъ,
Блистаетъ мудростью святою,
Не портитъ сердца суетою,
Какъ Ангелъ на земли живетъ.

Творецъ конечно съ тѣмъ всесильный
Толь кратно бытіе намъ далъ,
Чтобъ всякій плодъ себѣ обильный
Съ минуты даже собиралъ.
Безъ добрыхъ дѣлъ, что было бъ время?
Для насъ самихъ тяжело бремя,
Всѣ виды щастья въ мечтахъ
Безъ дѣлъ и старцы посѣдѣлы,
Едва ль не отроки незрѣлы.
Чѣмъ далѣ жизнь, тѣмъ ближе страхъ.

Но дастъ ли тотъ сему свершиться,
Кто сердцемъ добродѣтель чтитъ?
И можетъ ли о томъ крушиться,
Что быстро вѣкъ его идетъ?
Съ улыбкой годы онъ срѣтая,
И случай новой обрѣтая,
Умножитъ славу громкихъ дѣлъ.
Вотъ съ тѣмъ-то мы на свѣтъ родимся!
Съ такою цѣлью здѣсь трудимся,
Вотъ точный званія предѣлъ!

О Пастырь, Ксенофонтъ! свершился
Годъ жизни для тебя—прошелъ—
Прошелъ, но онъ не отдѣлился
Твоихъ отъ славы добрыхъ дѣлъ.
Изъ щедрой вѣчнаго днесь длани
Въ новѣйшемъ свыше просіяны,
Торжественной направя ходъ

Какъ солнце юною весною
Во слѣдъ за утренней зарею,
Лице являетъ новый годъ.

Колику радость ощущаетъ,
Сего зря гостя, нашъ Парнасъ?
Ликуетъ, съ торжествомъ срѣтаетъ,
И къ небу общій высить гласъ:
„Великій Боже, всемогущій!
„Благоволи да годъ грядущій
„Наступитъ славенъ и блаженъ,
„Да паки въ немъ Отецъ священный,
„Щедроты множа вождѣленны,
„Тобой пребудетъ вознесенъ"!

Святую Пастырь жизнь пороки
Ея, бывъ чужды, не затмятъ.
Когда жъ въ душѣ Твоей высоки
Ко ближнимъ чувствія горятъ:
Благотворя не изнеможешь—
О коль удобно Ты возможешь
Людей почтенье стяжать.
Нѣтъ; но уже въ событьѣ зрѣломъ,
Глаголомъ мудрымъ, самымъ дѣломъ
Успѣлъ въ сердцахъ Ты обладать.

Ты жребій намъ во благо строишь
И въ томъ неутомимъ трудѣ.
Ты любишь насъ, какъ чадъ, покоишь,
Блюдешь Ты правду на судѣ.
Къ Тебѣ томимые отъ нужды
Текутъ подъ кровъ для нихъ не чуждый.
Исполненъ многимъ Ты утѣхъ.
Въ щедротахъ Богу подражаешь
И тѣмъ Творца изображаешь,
Кой благъ и щедръ всегда для всѣхъ.

Самъ Богъ сматрающій вселенну,
Тебѣ, премудрый нашъ Отецъ,
Да дастъ вѣкъ долгій, жизнь блаженну,
Знатнѣйшихъ почестей вѣнецъ.
Что жъ тщимся пѣть Тебя на лирѣ,
Хвалы достойныя въ семъ мірѣ
Тебѣ никто коль не сплететъ?

Такъ вмѣсто слабыхъ словъ, неполныхъ
Прими даръ чувствій сыновнихъ
Съ желаніемъ щастливыхъ лѣтъ!

Сочинилъ студентъ Богословіи **Василій Сапоровскій.**

ЭКЛОГА.

Однажды вечеромъ иду я подлѣ рѣчки,
Гдѣ кроткія паслись овечки;
Съ улыбкою гляжу я на струйки, берега
И на зелёные луга;
Иду тихонечко, ступаю—не ступаю—
Плѣняюсь—слышу тонъ—вниманье устремляю,
Смотрю—подъ ивою густою пастушокъ,
Облокотясь рукой на прочной посошокъ,
Свернувши дудочку съ сучка, на ней играетъ,
И тихимъ голосомъ сіе онъ выражаетъ:
Прекрасна жизнь моя—стократно я блаженъ!
Отъ вопля, горестей, унынья отдаленъ;
Трудовъ большихъ не ощущаю,
А скуки и совсѣмъ не знаю;
Отъ града шумнаго, отъ бури и дождей
Хранюсь подъ ивою густой, прекрасной сей!
Она то мнѣ всего нужнѣе,
Всего дороже и милѣе.
Сей посохъ—спутникъ мой, отрѣзанъ отъ нее,
И эта дудочка ее,
На коей нѣсколько я поиграть умѣю,
Да словомъ—нужное я все съ собою имѣю!
Теперь весна—какъ веселъ я!
А ивушка моя
Еще вѣтвистѣе и безопаснѣй будетъ,
Еще ее прибудетъ!
Взглянувъ, сказалъ я: Боже мой!
Какъ въ жизни сходствуетъ сей пастушокъ со мной!
Я также горестей не знаю,
И я спокойствіе вкушаю,
И мнѣ отъ бурь надежный кровъ—
Отецъ хранить меня готовъ.
Судите—Пастырь насъ покоитъ, утѣшаетъ;
Пути ко щастью открываетъ.
Его стараньемъ я наученъ владѣть
Сей слабой лирою и мало мальски пѣть.
Весь я, и жизнь—Его; что этого важнѣе?

Но чувствъ не изъяснить—что можетъ быть грустнѣе?
Онъ въ новый годъ вступилъ—а мнѣ теперь молчать?
Сердечны чувствія скрывать?
Пойду къ Нему теперь—скажу хоть что умѣю:
Желать лишь новыхъ силъ Тебѣ, Отецъ, я смѣю!

Ученикъ высшей Риторики **Василій Аедоницкій.**

МАДРИГАЛЪ.

Философы твердятъ—и весь согласенъ свѣтъ,
Что совершенно двухъ существъ подобныхъ нѣтъ.
Великіе умы велики—но неравны,
Не всѣ равно и славны.
Такъ Богъ опредѣлилъ, чтобъ люди межъ собой
Различны были всѣмъ—и тѣломъ и душой.
Да пусть кто и себя возметъ, какъ цифру, дважды,
Подобенъ самъ себѣ онъ будетъ лишь однажды.
Мы бъ истину сію сомнительной почли,
Когда бъ сравнивъ Тебя, Отецъ! съ седьмью мужами,
Что удивляли свѣтъ великими дѣлами,
Межъ ими и Тобой различья ни нашли.
Ты души ихъ—умы въ душѣ своей вмѣщаешь,
И равной славою сіяешь.
Да только тѣмъ тебя льзя отличить отъ нихъ,
Что мудростью своей Ты превосходишь ихъ.

Ученикъ Поэзіи **Матѳей Мавровскій.**

O D E [1]).

Jure nobis laetifera est haec
Omnibus felix aliis: colende
Noster antistes iterum secundos
Incipit annos.
Namque dementi bonitate summus
Illius pandit venientis anni
jam coleratas bifores, ut inde
Cuncta redundent
Non—ne laeta praecipue debent mox
Mente faustos ducere sese, quibus
Facilem semper reseret via ad coe—
Lestia dona?

---

[1]) Привѣтственныя стихотворенія на древнихъ и новыхъ языкахъ приведены нами со всѣми особенностями подлинника.

Vera cui virtus studioque fixa
Praesit aeternum monumentum ubique
At perennis gloria sanctitati
Ultra comes sit.
Quippe qui mortalia cuncta, celsa
Sint licet, sed qua peritura spernit
Et gerit vitae spatium salutis
Gratia nostrae.
Grande fulamenque decusque nostrum!
Ad ratas mox erigimur boni spes
Nos elientes,—praecipuum tuae sunt
Munera vitae.
Mente comprendi potius, quam modis
Colligi possunt. Adeo licebıt
Sic fateri: vita quidem Patris pars
Optima nostrae
Nam Tibi nixi modo non secus quam
Termes ac rami validae tenelli
Arboris vel semina sparsa in humo
Nos sumus ipsi.
Unde humentes capiunt liquores
Deinde frondescunt, decorantque uvis
Interest nil inter eos velut nos
Optime Praesul.
Sub Tuis faustis venerande! vires
Insıtas nobis studiis coluntur;
Usque nam nostros animos regis Tu
Ad probitatem.
Hinc tibi magnae Pater incumbant res
Oprimi nescis his tamen molestis
Immemor pacis propriae clientum
Commoda servas.
Plura cum nobis studiisque confers
Ergo nıl praeconia nostra pollent.
Jacta nam valde superant colenda
Verba modosque
Verba res nil glorificare possint;
Sed geni nostris animis tenellis
Erga Te! semper teneamus ista
Sincera vota.

Studiosus Theolog. Michaël Levitsky.

ACROSTICHON.

Grata dies suadet gratos expromere sensus—
Ratio stat, cur nunc in gaudia solvimus ora:

Attingis prosper vitae nova limina—nobis
Te saluo nihil optandum superesse putatur.
Incipias annum Tibi nomine et omine faustum—
Astra poli, Deus ipse eadem Tibi velle videntur.
Nec non immerito, cum vita salusque tuorum
Inter prima Tui sat grandia munera constant
Multa quidem dixisse juvat, sed pingere non est:
Ipsa, Pater, Tua facta manent clarissima per se—
Vota solum, nec magna quidem Tu respice nostra:
Ornet progenies coeli Te candida virtus,
Tamque diu hic, quam stant coeli, Tua fama virescat,
Ac meliora bonis veniant Tibi tempora vitae.

Stud. Philosoph. Nicetas Perelogoff.

AENIGMA.

Corpore sum vacuus: tamen haud sine corpore vivo,
  Officiisque carens munera summa gero.
Optima laus illi, qui me obtinet, et decus altum,
  Efferor obtento laudibus Ipse bonis.
Nec gemmas nitidas, nec purpura splendida gesto:
  Qui tamen illa cupit, sum auctor et ansa proba.
Me coeleste decet, cum sim divina propago;
  Me mundana juvat: me quia mundus amat.
Nemine sum visus: tamen omnibus appareo almus,
  Cum volo larga aliis dona referre mea.
Angelus haud dicor, coeli etsi nuntius exto,
  Aercaue clausa aliis, quae stat aperta Deo.
Ductor Christiadum, scripturaeque abdita pando:
  Attamen haud Christi nomine rite vocor.
Si quem ex me quaesisse juvat de nomine vero;
  Illustris Genius sum Xenophontis opum.

Studios. Theologiae Michael Alexinsky.

ΣΤΟΙΧΟΙ[1].

Μῆκος τῆς ζωῆς ἀνθρώπου καὶ τ' ἐνιαυτοῦ
Τοῦ ἑνὸς ἐν πολλαῖς περιστάσεσιν ἐστιν ὅμοιον.
'Ν μὲν ἔχει καὶ ὁ τοῦς ἀρχαῖους τέσσαρα καῖρους.
'Ν ζωὴ τὴν νηπιότην, νεοτῆτα κ'ανδρείαν,
Καὶ γήραν.—Ενιαύτος ἔαρ τὸ, θέρος καὶ ὀπώραν.
Καὶ χημῶνα. Διὰν γὰρ ἔαρ σύμφωνον ὑπάρχει
Σὺν τῇ νηπιότῃ.—Τῇ ἀπολυθείσῃ χιόνος.
Τὴν ἁπαλὴν βοτάνην τίκτει. Κ' ἄνθρωπος ὁμοίως,

[1]) Правописаніе сохраняется подлинника.

Ἀπολυθεὶς τοῦ τῆς μητρὸς γαστρὸς—μαλακάς—γε
Τὰς αἰσθίσεις καὶ τὸν νοῦν καὶ σώματος ἄρθρτα.
Ἀλλὰ θέρος σημαεῖ τῆς ζωῆς νεότητα.
Τοῦ δε θέρους βοτανῶν γένος οὖν καὶ δένδρια πάντα
Αὐξάνεται.—Καὶ ἀνθρώπου, ὁπόταν νεός ἐστι,
Δύναμις αὐξάνεται ψηχὴς καὶ σώματος ἅμα
Πᾶσα χλοὴ μὲν ὀπώρας καίρού ἐστι πεπεῖρα
Καὶ ἄνθρωπος, ἀνὴρ ὤν, ψυχῇ ἐστὶ τέλειος,
Καὶ τῷ σώματι.—Ὢν δ̓ γέρων ἐκλύετο αὐτὸς,
Ὡς ἐν φύσι πάντα νεκρεῖται χημῶνος ὥρα
Οὕτως καὶ βίον ἀποφέρει συχνὸς χρόνος ἡμῶν.
Ἀλλὰ μεταλλάτειν ἀρετὴν μηδὲν δυνάμενος
Σὺ Πάτερ ἀνδρείαν ἤδη ζᾷς; ἀλλὰ φιλῆσας
Τὴν ἀρετὴν ἀυτὴν οὖν Σὺ καὶ γέρων ἀγαπήσεις
Σὺ ποτίζεις ἱερῷ Θείῳ τε μαθήματι ἡμᾶς.
Οὐρανόθεν λήψεις Πάτερ εὐλαβέστω τε προῦργον.—
Ἐποίησεν ὁ τῆς θεολογία φιλομαθὴς Θεόδωρος Ξμπόεβ.

V E R S.

Où coulent en vrai sens les heureux nouveaux ans?
Dans quelle region, auprès de quelles gens?
Dans quel parti du monde, et auprès de quels princes?
Dans quelle capitale, et dans quelles provinces?
Ce qui cherchent toujours le coeur, et les yeux.
Où la vertu repand des pleurs sur les Cieux,
Là ne coulent point les nouvelles années,
Mais il fait des vieux plus tristes journèes.
Il n'y a nouveau an auprès cet souverain,
Qui meprise toujours du puissant Dieu la main,
Qui defend à jamais le plus infame vice,
Et qui des arts divines veut saper l'edifice.
Oui—de vieux devils c'est l'obscure sejour:
Il y a nouvels ans, où donne-t-on toujours
A la vraie vertu le secours et l'asile,
Très bon, très agréable, très doux et très tranquille;
Où vient Heros, qui font grands progrès des Mars;
Où triomphent toujours les plus belles les arts!
Net: où Dieu benit tout, Dieu, qui regne sur Maitres,
Qui est seul la racine et la rige des êtres,
Dont la main soutient le ciel, la terre, l'enfers,
Et tous les creations peut trop à modifier,
Dont la sagesse grande, ineffable, profonde.
Tout c-est auprès nous: et le voit tout le monde.
Par Toi Dieu benigne est à nous et bien faisant:

C—est, qu'il nous donna cet jour le plus éclatant.
Il daignoit gouter ces heures inexprimables,
Et voir Tes affaires, plus fortes, admirables.
Nous avec Toi sommes, voila prospèrité!
Que nous moins obligeant, c—est notre pauvrété!
Très Grand Prélat! Jouis de cette année nouvelle!
Ainsi notre vie sera plus charmante et plus belle.

Étudiant en Philos. Grégoire Waledinsky.

EPIGRAMM.

Der König Titus schrieb den Tag verloren an,
An dem er keinen Wohl gethan:—
Du pflegst noch diesen Tag für ein verloren halten,
Wo Deinige Wohlthaten
Nicht Allen, die sie seh'n (?) erweisen kontest,—
Die Du erweisen woltest.
Bewundern wir allzeit, o Vater! Deine Gaben—
Und schweigen still.
Warum? Wer Dich doch würdig preisen will,
Er muss auch Deine Stime haben.

Student in der Philosophie Prochorus Smirnoff.

במלהתיך לבבנו מלא ששון: תמים אתה בדרכיך
מיום הבראך ומה נקריב מה חן כשר חסדיך אחד
ניבל התחנן את־יהוה אלהינו וישמר את־חיתך
ברבי שנות מה רבים הסריך: [1])

Студентъ Богословія Степанъ Левашевъ.

Carmina si Xenophon leget haec nunc fronte serena:
Tum Musa accipiet plus, minus ipsa dedit.

РОНДО [2]).

Счастливы дни у насъ, днесь Ксенофонтъ священный
Премудръ дѣлами ты въ сей жизни и блаженный,
Тобой всегда цвѣтетъ и высится Парнасъ,
Ты честенъ, благъ, премудръ. счастливы дни у насъ!

[1]) Главная мысль еврейской рѣчи такова: „Въ день ангела твоего сердце наше полно радости. Совершенъ ты въ путяхъ своихъ отъ дней созданія твоего. Какое благожеланіе принесемъ тебѣ? Будемъ молить Бога да сохранитъ онъ жизнь твою на многія годы".

[2]) Это стихотвореніе взято изъ другого сборника.

***

Счастливы дни у насъ! Ты правишь нами,
Даришь науками и добрыми дѣлами;
Мы съ восхищеньемъ твой слышимъ нѣжный гласъ.
Мы дѣти, Ты отецъ! Счастливы дни у насъ!

***

Счастливы дни у насъ добротъ твоихъ лучами,
Питаешь души ты ученія плодами.
Простерлъ къ облакамъ верхи свои Кавказъ,
Такъ высишь Ты себя. Счастливы дни у насъ!

***

Счастливы дни у насъ, какъ Ты изъ устъ правдивыхъ
Громъ мещешь и разишь сердца людей строптивыхъ.
О пользѣ нашей Ты печешься всякій часъ;
Такъ истинно речемъ: счастливы дни у насъ!

Methodus studiorum

in

Seminario Episcopi Vladimersky et Susdalsky tractandorum [1].

METHODUS THEOLOGICA:

1. Cursum Theologiae auspicaturis; compendium totius Theologiae praelegatur necesse est. Cathechisis Petri Mogilae sub titulo: православное ученіе Восточныя церкви, lingua Latina et Germanica edita, pro compendio legi potest. 2. Deinde Theologia dogmatico—polemica legenda est. Talis est: compendium Theologicum in usum ac emolumentum studiosorum Kasaniensis Acad: adornatum. Item systema Theologicum studio et nomine Archimandritae Karpinsky editum. Potuissent explicari Theophanis Procopoviez tractatus Theologici cum continuatione eorum, quae per Metropolitam Samuelem 1784 an. edita. Et Theophilacti Episcopi Pereslausky dogmata Theologica, nisi brevitas temporis impediret. 3, Tandem incipienda, et sub anni exitum finienda est Theologia moralis, si prolixa Buddaei erit, Baumgartenii ita, ut ea, quae religioni nostrae non conveniunt, omittentur et immutentur. 4. In Biblica Theologia exerceri debent studiosi lectione

[1]) Русскій переводъ „метода" помѣщенъ мною во Влад. Епарх. Вѣд. за 1899 г., №№ 8—9

Bibliorum ita. ut a) textus dubii. item loca difficiliora, historica, topographica. geographica explicentur. 6) Versio Latina cum slavonica, et si fieri potest Graeca. Gallica, Germanica conferantur. 5. Non minori cura excolenda erit Theologia Homiletica, qua exercitari debent studiosi in concionibus componendis et publice praedicandis. Item in dissertationibus elaborandis et publice legendis. 6, Canones conciliorum et leges ad informandos futuros ecclesiae ministros necessariae. legantur ex Кормчая книга. такъ же и книга невсходимый индиктіонъ или пасхалія зрячая и книга о должностяхь пресвитеровь. 7, Finito tractatu Theologico. disputationes puclicae habendae. 8, Cursus Theologiae universae finiendus erit per biennium. 9. Assvescant studiosi ad singulos paragraphos obiectiones et responsiones faciendi. minoribus maioribusque dissertationibus se exercendi cet.

Studia privata studiosorum erunt 1, In lectione historiae Ecclesiasticae. 2, Quorundam patrum et Auctorum sacrorum ita. ut qui navant operam linguae Graecae. legant Graecos. qui Gallicae, Gallicos. et sic porro. 3. In lectione praedicationum Theophanis Procopovicz. Antistitum: Miniatii. Gedeonis, Platonis et Archimandrita Macarii Iverensis. 4. In subsidium studiorum ex professo tractandorum privatim legendae sunt item Theologiae dogmaticae Macarii. Platonis. et in primis orthodoxa confessio fidei per Illustr. Petrum Mogilam edita. 5. Utilis erit lectio librorum moralium et Theologicorum aliorum, si per tempus licebit. Tales sunt: бесѣди Василія Великаго. и Іоанна Златоуста, Блаженнаго Өеодорита о провидѣніи. Макарія Египетскаго. Хрисанөа. Геллерія нравоученія. разсужденіе о безбожіи, щитъ противу смерти. Юнговы нощи. Богословскія разсужденіи Троицкой Семинаріи, Посланія Святаго Апост. Павла къ Ефессомъ, Римляномъ проч. Священныя поемы: Авелева смертъ, мессія, способъ утѣшать въ болѣзни. наука благополучно умирать. Блаж. Августина многія книги перевеченныя. духъ Іоанна Златоуста, лѣтописи Св. Димитрія. его же записки. разныя сочиненія Пре осв. Тихона, о истинномь христіанствѣ и проч.

METHODUS PHILOSOPHICA:

1, Elementa Philosophiae Baumesteri, per Kamenskium in usum Rossicae juventutis edita. legantur ita. ut studiosi ad singulos paragraphos et capita obiectiones cum responsionibus. dissertationes et annotationes faciant. et mutuo solvant. 2, Физику и о должностяхъ человѣка для народныхъ училищъ изданныя изъяснять. 3. In primis historiam Philosophicam praelegant. 4. Finita qualibet parte Philosophica. publicae disputationes habendae. 5, Cursus Philosophiae universae per

biennium finiendus. 6, Studiosi Philosophiae, cum satis temporis habeant, studio linguarum incumbant.

Studia studiosorum privata erunt: a) In historia librisque Philosophicis patrio vel Latino sermone editis, qualis est: Bruckeri historia philosophica, Древняя Исторія и Римская Ролленова. Multae dissertationes Philosophicae. Physicae cet. In libris Петерб. ежемѣсячныя сочиненія, утренній свѣтъ. вечерняя заря, Евгеонятъ, неразрывный союзъ двухъ братьевъ cet. legendis. 6. In dissertationibus et concionibus, aliquando poëmatibus faciendis et recitandis. c) In studio linguarum. in libris, qui ad Theologiam ducunt legendis. Tales sunt: истинная религія, историческое сокращеніе жизни Іисуса Христа, способъ утѣшать въ болѣзни. Христіанская философія, Лактанція Фирміана, потерянный рай Мильтона и проч.

METHODUS RHETORICA:

1, Legatur ars rhetorica, ad Jullianam rationem auctore Gabriele Francisco exacta, cuius lectio sub finem anni finiri debet. 2, In subsidium adhibeantur Elementa Rhetorices Vratislaviensis per Kamenskium edita. 3. Discentes exercitabuntur in componendis periodis, chriis, carminibus, versionibus. ad stylum Latinae linguae. 4, Accedit interpraetatio Ciceronis, Mureti, Paulini, Gedeonis, Platonis, Macarii cet., orationum Lomonosovii cum resolutione Rhetorica per tropos et figuras cet. 5. In nonnulis necessaria erit explicatio Cellarii antiquitatum Romanarum. 6, Repetita Rhetorica exercentur discipuli in componendis concionibus, longioribus orationibus et imitationibus (hucusque neglectis), in vario eloquentiae usu, Ecclesiastico, politico, (in primis in epistolis componendis, nostro saeculo maxime necessariis). 7, Hisce adiungitur explicatio historiae et repetitio Geographiae по книгамъ для народныхъ училищъ изданнымъ. 8, Lectio Auctorum difficiliorum, qualis est Tacitus et Livius cet. 9. Interim diebus constitutis historia explicabitur Auctore Holbergio synopsis historiae. 10. Possunt etiam discentes quasdam exercitationes proprias vel alienas memoriae mandatas publice lègere.

Studia privata: a) In cultura linguarum. 6) In lectione librorum, in quibus variae materiae, prosa et ligata oratione sparsim occurrunt, quarum mentio est sub paragraphis et capitibus in elementis oratoriis. Tales interea sunt: многія славенскія церковныя книги и писанія отеческія съ греческаго языка переведенныя, какъ то, Св. Григорія Назіанзена, Іоанна Златоустаго и проч., а особливо прекрасные стихи и каноны Св. Іоанна Дамаскина и Андр я Критскаго: такъ же и прочія сочиненія: сво-

бодные часы, утренній свѣтъ, вечерняя заря, Мильтона потерянный и возвращенный рай, неподражаемое витійство Св. писанія, примѣры изъ Ролленова способа учиться, Златословъ и другихъ авкторовъ риторики, на Россійскомъ языкѣ изданныя.

METHODUS POËTICA:

1, Legantur прáвила пiитическiя in usum iuventutis Moskvensis Academiae edita, quantae editionis, unde regulae addiscendae, et genera carminum Rossicorum et Latinorum cognoscenda. 2, Prima pars oratoriae legatur. 3. Repetatur prosodia latina. 4. Studio praeceptoris discentes in carminibus Rossicis et latinis, item in imitationibus poëmatibus, et in vario poëmatum usu epigrammatico, Elegiaco, Drammatico cet. exercendi. 5, Diebus destinatis tractabitur Geographia ex libro для народныхъ училищъ. 6, Lectio auctorum classicorum in primis Virgilii carminum sub finem libri правилъ пiитическихъ additorum. Item distichorum Catonis, poëmatum Prudentii Ovidii tristium, Horatii odarum, Lomonosovii, Sumarocovii, Cherascovii aliorumque, quorum mentio sub capitibus правилъ пiитическихъ habenda cum resolutione oratoria per tropos et figuras. 7. In stylo Latinae linguae diligenter exercitari debent, eamque semper loqui. 8, Legatur liber Ciceronis de officiis, selecta colloquia Erasmi, Luciani, item Miscellanea Procopoviez, Hodegus Latini sermones, cet.

Studia privata erunt: in lectione librorum, Мильтона потерянный и возвращенный рай, поемы: Мессія, Россіада, Авелева смерть, избіеніе младенцовъ, свободные часы, ежемѣсячныя сочиненія, притчи Сумароковы и проч.

METHODUS CLASSIS SUPERIORIS GRAMMATICAE:

1, In classe superiori Latina post Grammaticae repetitionem, discentes exerceri debent in versionibus difficilioribus ei utraque lingua. 2, Mathei Syntaxis legatur. 3, Cornelius Nepos de vitis Imperatorum, item Castellionis dialogi sacri cum versione. 4, Prosodia explicetur cum exercitatione in carminibus pure fractis. 5, Usus linquae Latinae et mutuorum colloquiorum maxime praecipitur. 6, Краткую Грамматику Россійскую для народныхъ училищъ изданную толковать. 7, Addi potest versio epistolarum Plinii, Ciceronis, Mureti. 8, In hac etiam classe tractanda erit Geographia duce libello edito для народныхъ училищъ diebus destinatis. 9. Учить пространный катихизисъ для народныхъ училищъ изданный.

METHODUS CLASSIS INFERIORIS GRAMMATICAE:

1, Grammatica Lebedevii more sveto legenda. 2, Exercitabuntur discentes in Grammaticis occupationibus. 3, Brevis Cathechesis. 4, Arithmetica diebus constitutis tractabuntur ex libris для народныхъ училищъ editis. 5. Orbis pictus. 6, Избранныя двѣсти восемь Свящ. Исторій читать съ присовокупленіемъ правоученій, и нѣкоторые выучивать наизусть.

METHODUS SCHOLAE ELEMENTARIS LATINAE:

1, Elementa Grammaticae Latinae discant, et simpliciores occupationes faciant. 2. Imperiti scribere discant по руководству къ чистописанію, для народныхъ училищъ изданному. 3, Cathechesin. 4, Arithmeticam horis constitutis tractent ex libris для народныхъ училищъ. 5. Latina vocabula memoriae mandent. 6. Musicae Ecclesiasticae tempore destinato operam navent. 7. Краткую Свящ. Исторію по вопросамъ и отвѣтамъ назначать для изученія наизусть.

METHODUS LINGUAE GRAECAE:

1, Diebus constitutis explicetur Grammatica Barlaami per Kamenskium edita. 2, Resolvatur novum testamentum Graecum. 3, Posselii colloquia et selecta Luciani. 4. Deinde Chrisostomus, Grigoreus Nazianzenus, Basilus Magnus, Iohannes Damascenus cet. legantur. 5. Usus ex colloquia linguae Graecae praecipiuntur.

METHODUS GERMACINAE LINGUAE:

1, Legatur Grammatica Hielterhoffii cum explicatione absoluta. 2. Exercitabuntur studiosi in versionibus ex utraque lingua. 3 Resolvatur liber Hofmanii и избранныя мѣста изъ Нѣмецкихъ писателей. 4. Item liber Arndtii de vero christianismo cum versione. 5, Versio novi testamenti habeatur.

LEGES COMMUNES:

I.

Diebus solis omnes studiosi Theologiae nec non Philosophiae, sacro scripturae interpraetandae, coeteri autem Cathechesi adsint. His diebus explicabitur sacra siriptura iuxta regulas hermenevtices, item большой катихизисъ, Евангелія воскресныя для народныхъ училищъ изданныя.

II.

Omnes per ordinem eundo in Ecclesia legant.

III.

Omnes Musicae Ecclesiasticae sint periti, propter quam addiscendam destinetur tempus, et qui publice nequeunt, privatim discere debent.

IV.

Privata studentium studia, et lectionem variorum a variis Auctorum, praeceptor in sua classe publice examinare et approbare debet ita, ut ea, quae unus et alter privatim legerint, communicent omnibus.

V.

Esto signum (calculum) propter studiosos de moribus peccantes, hoc signum debet reddi iis, qui obscaena loquuntur, mentiuntur, audaces blaterant et semina vitiorum spargunt.—Aliud signum propter discipulos minorennes contra decorum peccantes. E. g. illota facie, impuris manibus, delacerato vestitu, non pexis capillis cet. procedentibus.

VI.

Poena corporalis prohibetur, sed potest imponi talis, quae infamia et pudore afficere, et errata emendare potest. In primis peccantibus destinabuntur pensa. Maioribus quidem textus Biblici, minoribus disticha Catonis, certus numerus vocabulorum, proverbiorum et cet.

LEGES PRAECEPTORIBUS NECESSARIAE:

I.

Praeceptores obediant institutis sine murmuratione, et methodum praescriptam in docendo servent.

II.

Notata diaria, ubi praesentia et absentia, iterum pensa notantur, habeant.

III.

Mores et vitam discipulorum diligenter inspiciant.

IV.

Tempus destinatum in classibus suis diligenter terant. Honeste vivant, praeter publica privata studia habeant. Exercitationes discentium quotidie legant et emendent. Sine venia extra domum non abeant. Si morbo impediti ad classes venire nequeunt, certiorem magistratum, antequam classes incipiantur, faciant. Discipulos domum ne dimittant.

V.

Post finem mensis rationem reddant per (report.) relationem

Rectori et praefecto eorum, quae in classe tractaverant cum exercitationibus correctis discentium, et mensibus duobus praetelapsis eandem rationem studiorum suorum Mihi per litteras reddant.

VI.

Diligenter fugientes notent, et sine mora referant.

VII.

Rectoris et Praefeti officium erit saepius classes visitandi, explicationem praeceptorum audiendi, discentes examinandi cet. quemadmodum въ духовномъ регламентѣ praescriptum est.

VIII.

Noscant vitam et profectus docentium et discentium et Mihi saepius testimonium, rationem et relationem reddant, et consilia Mea expetant, imprimis in iuvanda miseria multorum.

IX.

Disponant ordinem legentium in Ecclesia ita, ut E. g. die solis 50 vel 60 possint legere per sequentiam; quidam certos psalmos, et psalmorum divisiones per слава: nonnulli canones, epistolas Pauli cet. Item quales hymnos communiter canere debent in liturgia, in praecibus matutinis, vespertinis cet. Ista delineationem in primis Mihi monstrent, deinde discentibus declarare et praecipere debent.

Tempus

PRO STUDIIS DESTINATUM

Diebus	Pro Studio linquarum.
☉ Sacrae scripturae interpraetandae et Cathechisi adsint.	
1. Horis VIII. IX, X. mane.	XI. pro studio linguae Graecae.
Post prandium II. III. IV.	V. Pro historia. Geographia et Arithmetica.
2. horis VIII. IX, X. mane	VII. mane pro studio linguae Germanicae
— III. IV pro Musica	
3. horis VIII. IX, X mane	XI. Pro studio ling. Graecae.
— II. III. IV.	V. Pro hist. Georg. et Arithm.
4. horis VIII, IX, X mane	VII. Pro studio ling. Germanicae.
— III. IV pro Musica	
5. horis VIII. IX, X mane	XI. Pro studio ling. Graecae
— II. III. IV.	V. Pro hist. Georg. et Arithm.
6. horis VIII, IX, X mane	XI. Pro studio ling. Germanicae.
— III, IV. pro Musica	

Quia autem varia ratio est incipientium, deinde studia linguarum continuantium; item dies aliquando sunt breviores, aliquando longiores: potest haec delineatio mutari, si necessitas erit.

Episcopus Xenophon.

1800 an.
April. 23 Die.

Фигуры, сочиненныя изъ предложенія: „міръ сей непостояненъ“ [1]).

Отрицаніе. Когда мы разсуждаемъ о мірѣ, чего болѣе въ немъ кромѣ непостоянства и безчисленныхъ перемѣнъ (т. е. найти можемъ)?

Безсоюзіе. Міръ сей столько непостояненъ, что нѣтъ въ немъ ни одной вещи, которая бы не была подвержена перемѣнѣ, тлѣнію, разрушенію.

Пополненіе. Что всѣ видимыя нами въ свѣтѣ вещи непостоянны и перемѣнны, то всякъ изъ насъ собственными руками и ногами и всѣми тѣлесными членами осязать можетъ, всякъ своими ушами слышитъ и всѣми чувствами осязаетъ.

Многосоюзіе. И слава, и честь; и богатство, и высокія достоинства, и огромнѣйшія зданія, и прекрасныя одежды, и всѣ рѣдкія сокровища современемъ гніютъ, истлѣваютъ, падаютъ, разрушаются и въ прахъ обращаются.

Единозначеніе. Все видимое нами въ свѣтѣ подлежитъ перемѣнѣ и тлѣнію, и нѣтъ ни одной вещи, которая была бы постоянна, непремѣнна, негиблюща, вѣчна.

Исправленіе или совершеніе. Всѣ вещи въ мірѣ семъ подвержены перемѣнѣ: всѣ современемъ, и самыя прекрасныя, перемѣняютъ видъ свой: всѣ тлѣютъ, разрушаются и въ ничто обращаются; и нѣтъ ничего видимаго, что бы было постоянно и вѣчно.

Присоединеніе. Все, что мы ни видимъ, все въ мірѣ превратно, непостоянно, скорогиблюще, исчезающе.

Возношеніе. Не можно найти въ свѣтѣ, толико пространномъ, ни одной такой вещи, которая бы не подлежала перемѣнѣ: не можно ни на что изъ земныхъ благъ человѣку положить совершеннаго упованія: не можно ему ничѣмъ въ жизни удовольствоваться и успокоить духъ свой, стремящійся къ верхнему благу, въ единомъ Богѣ находящемуся: не можно посему почесть ни одного видимаго творенія нетлѣннымъ, когда всѣ оныя растлѣва-

---

1) **Сочиненіе это принадлежитъ перу Владимірскихъ семинаристовъ** 1790-хъ гг. Помѣщено оно въ одномъ рукописномъ сборникѣ, который, къ сожалѣнію, доставленъ былъ мнѣ слишкомъ поздно. Въ сборникѣ имѣются образы хрій и диссертаціи тогоже времени. Болѣе характерныя изъ нихъ будутъ **помѣщены во II выпускѣ.**

ются, согниваютъ, разсыпаются, съ землею сравниваются и въ ничто обращаются.

Нанесеніе. Куда не обратимся, вездѣ видимъ тлѣнность; на какія прелестныя вещи не усмотримъ вниманіе свое, во всѣхъ находимъ тлѣнность; откуда не будемъ ожидать постоянства и вѣчности, но всегда окружаетъ насъ тлѣнность: все суета, прахъ, ничтожество и, паки повторяю, скорогиблющая тлѣнность.

Совокупленіе. Гдѣ же мы будемъ искать такой вещи, которая бы совершенно удовольствовала желанія наши? Въ мірѣ нѣтъ. Гдѣ скрыто такое негиблющее сокровище, которое бы вѣчно пребыло съ душами нашими? Въ мірѣ нѣтъ.—Гдѣ пребываетъ оно неоцѣненное благо, которое бы усладило и успокоило духъ нашъ? Во всей подсолнечной нѣтъ.

Удвоеніе. На время и то самое короткое услаждаемся мы возможною пріятностью вещей, и вскорѣ оною скучаемъ, отвращаемся оныя, мѣняемъ на другую, и ту покидая стремимся къ третьей: и сею нѣсколько позабавившись простираемъ желаніе свое къ другимъ пріятнѣйшимъ предметамъ: и такъ продолжаемъ свою скучную, суетную и непостоянную жизнь, жизнь, которая часто бываетъ несноснѣй самой смерти.

Восхожденіе. Самыя огромнѣйшія зданія, самые твердѣйшіе и блистательнѣйшіе металлы, самые дрогоцѣнные камни и всѣ сокровища сперва перемѣнятъ прекрасный видъ свой: измѣнившись, начинаютъ тускнѣть, слабѣть и ветшать: обветшавши, тлѣютъ и разсыпаются; разсыпавшись, наконецъ въ прахъ обращаются.

Воспріятіе. Всуе, о смертной! смятешься, прельщаяся таковою тлѣнностью въ мірѣ, и оставляя истинное и негиблющее благо въ Богѣ, походящееся за тѣнью земною добра, гоняешься подлинно всуе.

Взаимновозвратность. И хотя всѣ въ мірѣ вещи даны человѣку для усовершенствованія его состоянія, однако онъ, хотя найти въ нихъ себѣ крайнее благо, могущее успокоить духъ его, обманывается и всуе тѣмъ безпокоится и мятется.

Многопадежіе. Въ безчисленномъ множествѣ вещей, наполняющихъ міръ сей, можно-ли найти хотя одну такую вещь, которая бы пребывала вѣчно, хотя бы окружена была премногими другими вещами, сохраняющими ее отъ поврежденія, тлѣнія?

Возвращеніе. Да и въ самомъ нравственномъ, естественномъ и политическомъ состояніи людей, сколь ежедневно видимъ мы перемѣнъ! Богатые внезапно приходятъ въ нищету; а нищіе скоро богатѣютъ; славные низвергаются въ безсловіе; а безславные напротивъ и низкіе прославляются; здоровые вдругъ впадаютъ въ болѣзнь; а больные сверхъ чаянія докторовъ, всесильною Божьею

десницею воздвигаются отъ смертнаго ложа, да и всѣ люди подвержены сему коловратному безпорядку.

Соплетеніе. Но ежели хочетъ онъ имѣть самъ съ собою міръ, то видимый міръ въ томъ ему вспомоществовать ни мало не можетъ, едина добродѣтель сильна въ немъ сіе содѣлать.

Происхожденіе. Міръ сей столько непостояненъ: тысяща вещей ежедневно доказываютъ его непостоянство.

Пріименованіе. Не ложно утверждать можно, что нѣтъ такой въ свѣтѣ видимой вещи, на которую бы могъ положиться совершенно человѣкъ и во весь оный вѣкъ имѣть отъ того спокойный духъ и свободный отъ суетъ безконечныхъ попеченій и заботъ.

Сходнопадежіе. Никто въ томъ не сомнѣвается, ничто не наводитъ нерѣшимости, что міръ сей коловратенъ и нѣтъ въ немъ ничего видимаго, что было бы вѣчно: но все тлѣнно, скоротечно и изчезающе.

Конечнопадежіе. На что ни посмотримъ, все изображаетъ намъ временное на землѣ пребываніе и тлѣнность: вѣковые кедры упадаютъ; крѣпкіе дубы подсыхаютъ; великіе слоны издыхаютъ; ужасныя морскія чудовища умираютъ; цари другъ друга попираютъ; безчисленныя войска погубляютъ себя, блаженство себѣ на земли обрѣсти чаютъ; но всуе мятутся: понеже таковою суетою и истинное благо, то есть, спокойствіе душевное погубляютъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

От автора . . . . 1— IV

Владимірская семинарія при епископѣ Платонѣ (Петрункевичѣ) (1750—57) . . . . 1— 63

Глава I . . . . 1— 9

Глава II . . . . 9— 24

Глава III . . . . 24— 49

Глава IV . . . . 49— 63

Владимірская семинарія при архіеп. Антоніи (царевичѣ Карталинском) (1757—62) . . . . 64—101

Глава I . . . . 64— 66

Глава II . . . . 66— 78

Глава III . . . . 79— 88

Глава IV . . . . 88—181

Владимірская семинарія при епископѣ Павлѣ. (1763—1769). . . 102—113

Владимірская семинарія при епископѣ Іеронимѣ (Фармаковском). (1771—83) . . . . 114—123

Владимірская семинарія при еп. Викторѣ (Онисимовѣ). (1783—1800). 124—187

Глава I . . . . 124—127

Глава II . . . . 127—140

Глава III . . . . 140—160

Глава IV . . . . 160—180

Глава V . . . . 180—187

Владимірская семинарія при епископѣ Ксенофонтѣ (Троепольском). (1800—1814) . . . . 188—294

Глава I . . . . 188—189

Глава II . . . . 189—197

Глава III . . . . 197—213

Глава IV . . . . 213—238

Глава V . . . . 238— 51

Глава VI . . . . 251—261

Приложенія . . . . 262—294